

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

ИСТОРИЯ РОССИИ И УКРАИНЫ

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
для студентов специальностей
1-21 03 01 «История»,
1-02 01 02-04 «История. Английский язык»

В двух частях

Часть 1

С древнейших времен до конца XVII века

В двух книгах

Книга вторая

2-е издание

Новополоцк
ПГУ
2009

УДК 94(470+477)(075.8)
ББК 63.3я73
И90

Рекомендовано к изданию методической комиссией
историко-филологического факультета
в качестве учебно-методического комплекса
(выписка из протокола № 13 от 27.06.2007)

Составление и общая редакция В. Ф. Ильюхина

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

канд. ист. наук, доц., зав. каф. истории и права УО «ВГТУ» Т. И. БАТАЛКО;
ст. преп. каф. отечественной и всеобщей истории УО «ПГУ» В. С. ФИЛИПЕНКО

История России и Украины : учеб.-метод. комплекс. В 2 ч. Ч. 1.
И90 С древнейших времен до конца XVII века. В 2 кн. Кн. 2 / сост. и общ. ред. В. Ф. Ильюхина.
– 2-е изд. – Новополоцк : ПГУ, 2009. – 292 с.
ISBN 978-985-418-904-8 (Ч. 1, кн. 2).

Материал изложен с учетом стандарта специальности и учебного плана.
Содержит продолжение опорного конспекта лекций, вопросы для самоконтроля,
рекомендуемую литературу.

Первое издание вышло в 2008 г.

Предназначен для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей
высших и средних учебных заведений.

УДК 94(470+477)(075.8)
ББК 63.3я73

ISBN 978-985-418-904-8 (Ч. 1, кн. 2)
ISBN 978-985-418-902-4

© УО «Полоцкий государственный университет», 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Тема 10	
Российское государство в конце XV – XVI вв.	4
Тема 11	
Украинские земли в XIV – первой половине XVI вв.	23
Тема 12	
Россия в XVI в.	47
Тема 13	
Россия в конце XVI – начале XVII вв.	74
Тема 14	
Украина в составе Речи Посполитой (вторая половина XVI – первая половина XVII вв.)	91
Тема 15	
Социально-экономическое и политическое развитие России в XVII в.	120
Тема 16	
Международное положение и внешняя политика России в XVII в.	156
Тема 17	
Освободительная война украинского народа под предводительством Богдана Хмельницкого. Включение Левобережной Украины в состав Российской державы	171
Тема 18	
Культура России в XVII в.	187
Хронологический список правителей Руси	206
Основные даты	207
Приложение 7	208
Приложение 8	212
Приложение 9	244
Приложение 10	276

Тема 10

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО в конце XV – начале XVI вв.

1. Завершение объединения русских земель. Освобождение Руси от ордынской зависимости
2. Государственно-политический строй и система управления.
3. Церковь и великокняжеская власть. Еретические движения.

10.1. Завершение объединения русских земель. Освобождение Руси от ордынской зависимости

Как уже отмечалось, особенностью объединительного процесса в XIV – XV вв. было то, что последствия монголо-татарского нашествия задерживали экономическое развитие русских земель, содействовали консервации феодальной раздробленности. Политическая централизация значительно опередила начало преодоления экономической разобщенности и была ускорена борьбой за национальную независимость. Одной из предпосылок централизации была примерная синхронность в развитии всех княжеств.

К середине XV в. после завершения династической войны имелись уже все предпосылки объединения русских земель в единое государство (схема 10.1).

Эти предпосылки можно разделить на три большие группы: социально-экономические, политические и духовные (В.В. Кириллов).

Социально-экономические – сводятся к развитию феодального землевладения. В свое время возникновение крупных боярских вотчин послужило одной из основных причин распада Киевской Руси. К XV в. ситуация коренным образом изменилась. Представителям сформировавшегося и окрепшего к тому времени боярства становится выгодным приобретение земель за пределами своего княжества.

К числу *политических предпосылок* можно отнести укрепление на русских землях власти и лидерства московских князей. Эту тенденцию ярко демонстрирует династическая война второй трети XV в. В ней сражались не правители отдельных земель за политическое лидерство своего княжества, а ближайшие потомки Дмитрия Донского за обладание московским престолом. Немаловажную роль сыграл и фактор борьбы с внешним противником. Освобождение от многовекового ордынского владычества требовало сильной централизованной власти.

Наконец, к числу *духовных предпосылок* следует отнести наличие во всех русских землях общей религии – православия и осознание единства Руси и культурном отношении. Все эти указанные причины привели к образованию единого Московского государства.

Схема 10.1

Ведущую роль в политическом объединении Руси сыграл сын Василия Темного *Иван III Васильевич* (1462 –1505) (схема 10.2). Основными задачами его правления было расширение территории княжества, борьба с Ордой и формирование нового, централизованного аппарата управления.

В правлении Ивана III условно можно выделить *два периода*, каждый из которых имеет свои особенности. Во время *первого* (1462 – 1480) ему удалось присоединить к Москве громадные территории Великого Новгорода, вторую половину Ростовского княжества и Дмитровский удел. Дело создания единого государства тем самым было обеспечено. Подчинение этих территорий происходило по-разному. Ярославские и ростовские князья присягнули Ивану III добровольно. Города Дмитров, Вологду и Углич он получил в наследство.

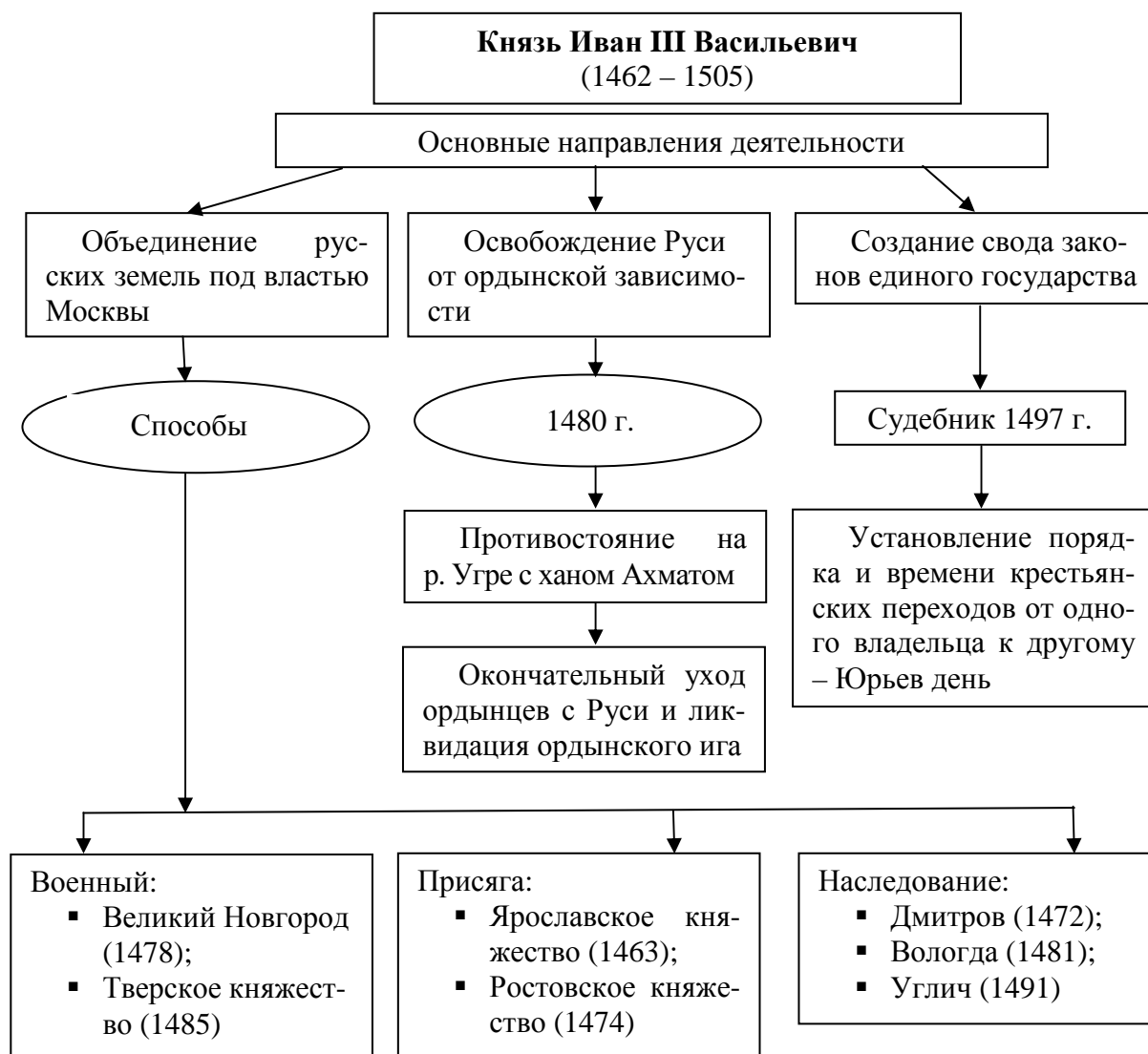

Схема 10.2

Наиболее сложной задачей оказалась ликвидация самостоятельности Великого Новгорода. Новгородская верхушка во главе с посадником Дмитрием Борецким, его матерью Марфой, боясь лишиться своих привилегий, оказывало упорное сопротивление. Бояре заключили договор с литовским князем, согласившись перевести Новгород в вассальную зависимость от Литвы. Обвинив новгородцев в отступлении от православия, Иван III организовал в 1471 г. поход на Новгород. На реке Шелонь произошла битва, которая принесла победу московскому князю. Новгород подписал договор, по которому отказался переходить под власть Литвы и признал власть Москвы. Иван III казнил Дмитрия Борецкого, а нескольких его бояр посадил в тюрьму.

Но борьба на этом не прекратилась, местные бояре уже во главе с Марфой Борецкой продолжали «таить крамолу». Великий князь решил

осуществить второй поход на Новгород. В 1478 г. войска вошли в Новгород без сражения. Тогда и прозвучали ставшие крылатыми слова великого князя: «...вечю колоколу не бити, посаднику не быти, а государство все нам держати» (прил. 7).

Марфу с внуком Василием, архиепископа Феофила и их сторонников заковали в цепи и выслали из Новгорода в Москву. По распоряжению Ивана III был снят знаменитый вечевой колокол, символ новгородской независимости, и перевезен в Москву. Затем его повесили на колокольню Успенского собора в Кремле. Новгородский вопрос был решен окончательно, и все земли Новгорода вошли в состав Московского государства. Военным путем было присоединено и Тверское княжество (1485).

Важным достижением внешней политики Ивана III была ликвидация ордынского ига. К этому времени Золотая Орда ослабла и почти распалась. Из ее состава выделились Крымское (1443), Казанское (1438), Астраханское (1459), Сибирское (конец XV в.) ханства. В 1476 г. московский князь отказался подчиняться ордынскому хану. Готовясь к неизбежному столкновению с Ордой, Иван III заключил союз с крымским ханом Менгли-Гиреем. Летом 1480 г. ордынский хан Ахмат выступил в поход против Руси. Союзником Ахмата был литовский князь Казимир IV. Ордынское войско встретилось с основными силами русских на р. Угра (приток Оки). Внутренние усобицы в Литовском княжестве помешали Казимиру IV прийти на помощь Ахмату. К тому же на его владения напал союзник Ивана III хан Менгли-Гирей. Попытки ордынцев форсировать Угру окончились неудачей, ханские войска были отброшены. Не решившись дать большое сражение, Ахмат увел свои войска за Волгу, где его нагнали конники Шибанской и Ногайской Орды, враждебно относившиеся к золотоордынскому хану. (Ногайская Орда – кочевники, отделившиеся от Золотой Орды в конце XIV – начале XV вв. и кочевавшие к северу от Каспийского и Аральского морей, от Волги до Иртыша.) Сам Ахмат был схвачен и ему отрубили голову. В самом начале XVI в. Золотая Орда окончательно перестала существовать. Ее последние остатки были разгромлены Менгли-Гиреем.

Таким образом, Русь была избавлена от длившегося 240 лет монголо-татарского владычества. Поскольку иноземное иго было устранено без крупного сражения или воинского похода, события осени 1480 г. вошли в историю как «стояние на Угре».

Во *второй период* (1481 – 1505) завершилось объединение русских земель, началось строительство единого государственного аппарата, формировались основные направления внешней политики России.

Сложно складывались отношения Московской Руси с Литовским княжеством. Серия незначительных военных столкновений на границе привела к заключению в 1494 г. договора, согласно которому московский князь получил ряд владений по верхнему течению Оки, а Литва отказывалась от своих претензий на Новгород. По этому же договору за Иваном III признавался титул «государь всея Руси». Литовский князь Александр женился на дочери Ивана III Елене. Однако в 1500 – 1503 гг. между Москвой и Литвой вновь произошел военный конфликт, в ходе которого Ивану III удалось отвоевать ряд западно-русских земель (всего 19 городов и 70 волостей). Было заключено перемирие, по которому все эти отвоеванные территории признавались за Московским государством.

В целом Иван III территориально расширил Русь: когда в 1462 г. он принял престол, то государство составляло 400 тыс. кв. км, а после его смерти, в 1505 г., оно составило более 2 млн кв. км. На рубеже XV – XVI вв. вокруг Московского княжества сложилась мощная держава, ставшая самой крупной в Европе. «Изумленная Европа, – писал К. Маркс, – в начале царствования Ивана даже не подозревавшая о Московии, затиснутой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на ее восточных границах, и сам султан Баязет, перед которым она трепетала, услышал впервые от москвитов надменные речи».

Москва стала центром большого русского государства. Ее объявили преемницей Византии, центром православия. Византийский герб – двуглавый орел – стал гербом России на несколько столетий. Иван III имел печать, на одной стороне которой был изображен двуглавый орел, на другой – всадник, дерущийся с драконом, и надпись вокруг: «Иоанн, божьего милостию государь всея Руси и великий князь владимирский, и московский, и новгородский, и псковский, и тверской, и угорский, и вятский, и пермский, и болгарский и иных». В поведении с другими царями он был гордым, величавым в приеме их послов, любил при этом пышность и торжественность, установил обряд целования монаршей руки в знак лестной милости.

В 1492 г. он принял решение: Новый год исчислять не с 1 марта, а с 1 сентября, т.к. это гораздо удобнее для народного хозяйства: подводились итоги урожая, готовились к зиме, играли свадьбы. В этом же году по указанию Ивана III была построена каменная крепость против Нарвы (к великому беспокойству ливонских немцев) и названа в честь великого князя – Ивангород.

Перед смертью Иван III Васильевич (умер в 1505 г.) поделил волости между пятью сыновьями: Василием, Юрием, Дмитрием, Семеном, Андреем. Однако старшему он дал все старшинство и 66 городов, в т.ч. Москву, Новгород, Псков, Тверь, Владимир, Коломну, Переяславль, Ростов, Суздаль, Муром, Нижний и др. В завещании указывалось: «Приказываю детей своих меньших, Юрия с братьею, сыну своему Василию, а их брату старшему: вы, дети мои, Юрий, Дмитрий, Семен, Андрей, держите моего сына Василия, а своего брата старшего вместо меня, своего отца, и слушайте его во всем; а ты, сын мой Василий, держи своих братьев в чести, без обиды» (Ю.Ф. Козлов).

Так преемником «государя всея Руси» стал его старший сын Василий (1505 – 1533) (схема 10.3).

Схема 10.3

Н.М. Карамзин писал, что правление *Василия III* (1505 – 1533) являлось прямым продолжением политики его отца. «Будучи подобно отцу ревнителем самодержавия, твердым, непреклонным, хотя и менее строгим, – говорил историк, – он следовал тем же правилам в политике внешней и внутренней; решал важные дела в совете бояр, учеников и сподвижников»

Иоанновых; их мнением утверждая собственное, являл скромность в действиях монархической власти, но умел повелевать; любил выгоды мира, не страшась войны и не упуская случая к приобретениям важным для государственного могущества; менее славился воинским счастьем, более опасной для врагов хитростью; не унижил России, даже возвеличил оную, и после смерти Иоанна еще казался достойным самодержцем» (Н.М. Карамзин).

Василия III Ивановича называли «последним собирателем Русской земли», поскольку, продолжая политику своего отца, он настойчиво и неуклонно подчинял российские земли своей власти. Так, в 1510 г. к московскому княжеству не без проблем был присоединен Псков. Его вече уничтожено, а вечевой колокол снят и увезен из города. В 1513 г. перестало существовать удельное княжество Волоцкое, в 1518 году – Калужское, в 1521-м – Угличское. В итоге была окончательно ликвидирована система удельных княжеств.

В 1520 г. полностью и окончательно к Москве была присоединена Рязань. Рязанский князь Иван, все еще надеясь освободиться от власти Москвы, обратился было за помощью к крымскому хану. Василий III, узнав об этом, приказал Ивану явиться в Москву, и тот, как ни странно, явился. В Москве его тотчас взяли под стражу, а Рязань, теперь уже навсегда, стала частью Московского государства. Очень похожим способом в 1523 г. Василий III присоединил к Москве княжество Северское.

Почти в самом начале своего правления, в 1512 – 1514 гг., Василий III вел войну с Литвой, во время которой войска Великого князя осадили и взяли Смоленск. Первого августа 1514 г. Василий III торжественно въехал в этот исконно русский город, когда-то захваченный литовцами и более ста лет входивший в состав Литовского государства.

Таким образом, объединение русских земель было завершено, пережитки удельной раздробленности уходили в прошлое. В составе государства оставался лишь один крупный удел, принадлежащий младшей ветви великокняжеской семьи – князьям Старицким.

Возникло огромное Российское государство, раскинувшееся на тысячах кв. км, а население Руси в это время было примерно 10 млн человек. В 1523 г. Василий III построил на реке Сура город Васильсурск. В 1508 г. он заключил на 60 лет мирный договор со Швецией и подтверждал его в 1513, 1524 гг. Были заключены перемирия с Ливонией в 1509, 1521, 1531 гг. Россия стала иметь связи и отношения с зарубежными государствами, продолжала развиваться дипломатия.

Василий III, помимо отношений с Литвой и с собственными удельными князьями, столкнулся с еще одной проблемой, а именно – с набегами на Русь крымских татар. Неприятны были уже периодические разорения южнорусских земель, но летом 1521 г. хан Мухаммед-Гирей совершил набег на саму Москву. Взять Москву ему не удалось, да он и не очень-то и пытался: город был хорошо укреплен. И, кроме того, Василий III не постыдился выдать Мухаммед-Гирею грамоту с обязательством платить хану дань, которую тот требовал. Великий князь хорошо понимал, что грамота так и останется простым клочком бумаги. Тем не менее, хотя сама Москва не пострадала, ее окрестности и соседние с ней земли были сильно разорены. Это, пожалуй, самый печальный эпизод его правления.

При Василии III иностранцы отмечали следующие черты народного быта: девушки часто собирались в праздничные дни на луга и играли; черныи народ был умерен в еде, но не ограничивался в питье; богатые люди вели сидячую жизнь, ходить пешком считалось неприличным; перед смертью господ рабов отпускали на волю; казнить смертью мог только великий князь; употреблялись пытки: битье по пяткам, обливание холодной водой, вколачивание деревянных гвоздей под ногти (пятки); организовывались кулачки, толпа на толпу, на площади; рабочему люду запрещалось пить вино после обедни, за исключением больших праздников: святого воскресенья, рождества Христова, Троицына дня.

Титул Василия III был следующий: «Великий государь Василий, божеею милостию государь всея Руси и великий князь владимирский, московский, новгородский, псковский, смоленский, тверской, югорский, пермский, вятский, болгарский, и иных, государь и великий князь Новгорода Низовской земли и черниговский, и рязанский, и волоцкий, и ржевский, и бельский, и ростовский, и ярославский, и белозерский, и удорский, и обдорский, и кондинский, и иных» (Ю.Ф. Козлов).

10.2. Государственно-политический строй и система управления

К началу XVI в. в большинстве стран Европы сложился политический строй, который принято называть сословно-представительной монархией. Монарх делил власть с сословно-представительными органами, которые, как правило, формировались из представителей господствующих и политически активных сословий, в первую очередь, из дворянства и духовенства. Близок к сословно-представительной монархии в XV – XVI вв. был и политический строй Московского государства (схема 10.4).

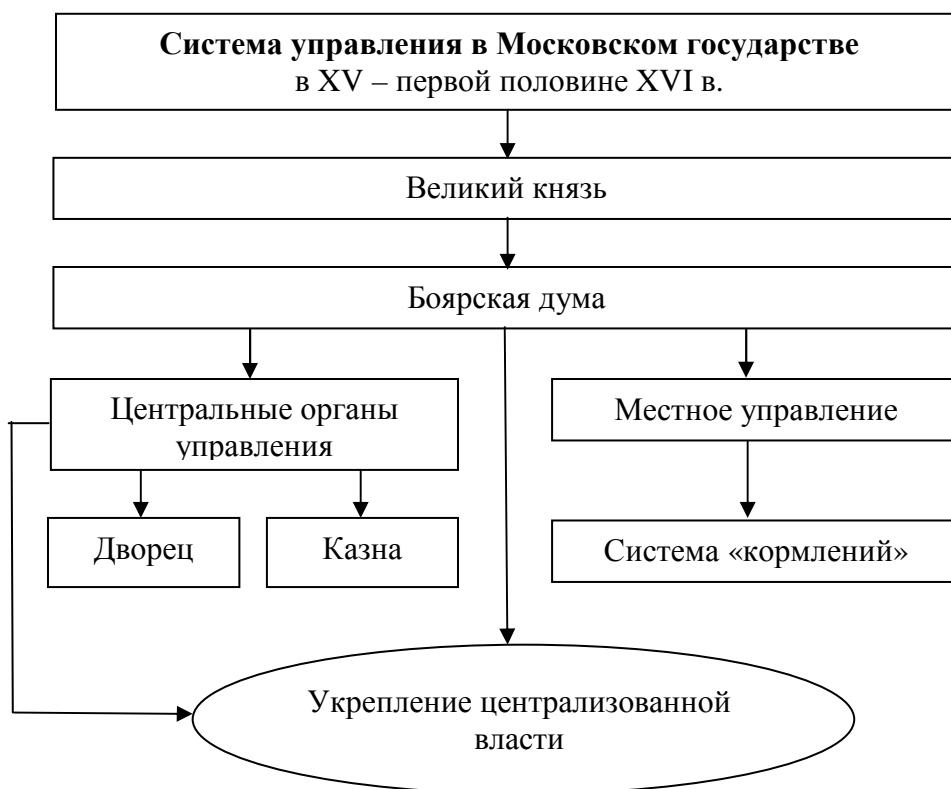

Схема 10.4

Во главе государства стоял великий князь. Свои полномочия он разделял с Боярской думой (в правовых документах эпохи определялась как «дума», «государев верх», «палата», «бояре, окольные и думные люди» и т.п.), которая при Иване III, в конце XV в., превратилась в постоянный совещательный орган при верховной власти. В состав ее входили должностные лица: бояре, думные дьяки, окольный, думные дворяне.

По мере сокращения числа удельных княжеств бывшие удельные князья пополняли ряды московского боярства. В компетенцию Думы входило участие в формировании законодательства, участие в управлении и судебной деятельности. Решение этих вопросов основывалось не на правовой основе, а осуществлялось по почину верховной власти.

В указанный период существовало два думных чина: *боярин* и *окольный*. *Бояре* – высшие служилые чины по отечеству, первые члены Боярской думы, занимали главные административные, судебные и военные должности, были воеводами.

Окольный – придворный чин и должность в Русском государстве, впервые упомянут в 1284 г. Первоначальными функциями его были, по-видимому, устройство и обеспечение путешествий князя и участие в приеме и переговорах с иностранными послами. В XIV – XV вв. окольный

входил в состав Думы великих князей; был вторым по значению (после боярина) думным чином.

Позже Дума стала пополняться людьми менее знатного происхождения: дворянами и дьяками (чиновниками). *Думные дворяне* – в Русском государстве в XVI – XVII вв. третий по «чести» думный чин после бояр и окольных чин. *Думные дьяки* – в это же время низший думный чин. Думные дьяки составляли и правили проекты решений Боярской думы и царских указов, ведали делопроизводством Боярской думы, нередко из их среды выдвигались видные государственные деятели и дипломаты.

Формирование государственного аппарата осуществлялось по принципу местничества, в значительной мере воспринятому из польско-литовской государственной традиции (И.А. Исаев). Местничество, основанное на критериях знатности происхождения (чем выше происхождение претендента, тем более высокий пост в государственной иерархии он может занять), превращало боярство в замкнутую корпорацию, снижало качество государственных руководителей и подменяло общегосударственные интересы сословными.

Основу этого аппарата составляли дворец и казна. Высшими чиновниками были казначеи и печатники (хранители печати). По мере централизации изменялась и организация управления государством. Постепенно выросла целая система дворцовых учреждений, ведавших великокняжеским хозяйством, дворцовыми землями (Новгородский, Тверской и другие «дворцы»).

В конце XV – первой половине XVI в. началось формирование приказной системы центрального управления. Основой для её возникновения явилась великокняжеская Казна, выполнявшая функции личной канцелярии государя. Дьяки, служившие в Казне, вербовались из среды служилого дворянства. Уже в конце XV в. в круг их ведения входили государственные финансы, внешняя политика (переговоры с иностранными державами), служба связи («ямская гоньба»), вопросы дворянского землевладения и др. В этот период отдельные функции государственного управления ещё не выделились из состава великокняжеской Казны и не обособились друг от друга. Лишь к концу первой половины XVI в. возникло несколько «изб» с дьяками во главе, ведавшими различными отраслями управления. Во главе изб обычно стояли бояре, но основную работу выполняли дьяки, из числа служилых дворян – управляющие канцелярией и их помощники.

В административном отношении основная территория государства делилась на уезды, а последние – на волости и станы. До середины XVI в. местное управление основывалось на системе кормлений («кормление» –

на Руси система натуральной оплаты, содержания за счет местного населения некоторых категорий должностных лиц, несущих службу в пользу князя). В присоединенные к Москве уезды и княжества направлялись наместники (в города) и волостели (в волости), обладавшие полным набором полномочий. (Одним из первых документов, дающих представление о роли, правах и обязанностях «волостелей»-наместников, является дошедшая до нас «Белозерская уставная грамота» 1488 г.). Назначение на эти должности называлось княжеским пожалованием даже в том случае, если эти должности были наследственными. В своей деятельности наместники и волостели опирались на штат чиновников (тиунов и доводчиков).

Они ведали административными, финансовыми и судебными органами, отчисляя часть сборов с местного населения себе. Срок пребывания в должности не был ограничен. Слишком независимые кормленщики к концу XV в. становятся неприемлемыми для центральной власти, постепенно сокращаются сроки их деятельности (от 1 до 3 лет), регламентируются штаты и нормы податей, ограничиваются судебные полномочия (в состав их суда вводятся местные «лучшие люди», земские дьяки протоколируют процесс, судебные документы подписывают целовальники и дворские).

В уставных грамотах каждого уезда определялись размеры кормов. До XVI в. издавались *тарханные грамоты*, освобождавшие от власти наместников и волостелей церковные учреждения, дворцовые вотчины и земли служилых людей. Власть наместников-кормленщиков распространялась на тяглое население и приводилась в исполнение на местах выборными старостами и сотскими.

К правлению Ивана III относится становление поместной системы. После присоединения Новгорода великий князь конфисковал земли новгородских бояр, разделил их на поместья в 100 – 300 десятин и раздал их своим воинам-всадникам («помещикам»). Помещики не имели власти над крестьянами своих поместий, они лишь собирали с них подати, размеры которых были зафиксированы в переписных листах. Владение поместьем было обусловлено службой; помещики регулярно вызывались на смотры, и если воин вызывал недовольство командиров, то поместье могло быть отнято; если помещик проявил себя в бою, то «поместную дачу» увеличивали. Поместья могли наследоваться, но сыну, поступающему в службу вместо отца, давали не весь отцовский надел, а лишь то, что полагалось молодому воину, «новику».

Поместная система положила начало выделению военно-служилого сословия – дворянства. Главным юридическим признаком этого сословия стало право владения землей при условии несения государственной службы.

Юридически централизация выразилась в появлении первого общерусского «Судебника» (1497) (единого для всей страны кодекса феодального права, служившего руководством для суда). Судебник 1497 г. установил единую систему суда и администрации на всей территории Русского государства. Он отразил изменения в феодальных отношениях, способствуя дальнейшему их развитию, положил начало юридическому оформлению крепостного права в общегосударственном масштабе. Ст. 57 Судебника, в частности, узаконила поместную систему, ограничила крестьянам сроки ухода от помещика неделями до и неделями после Юрьева дня (26 ноября) с обязательной выплатой феодалу так называемого «пожилого» (плата за проживание во дворе на земле феодала). Судебник отразил также развивавшуюся тенденцию к ограничению холопства и к замене труда холопов более производительным трудом крепостных крестьян. По Судебнику были ограничены источники холопства. Человек, поступавший на службу к феодалу в качестве ключника в его городском хозяйстве, не становился холопом («по городскому ключу не холоп»).

10.3. Церковь и великокняжеская власть. Еретические движения

В рассматриваемый период русская православная церковь выступала не только как господствующая идеологическая сила. Она также активно участвовала в экономической и общественно-политической жизни страны. Под управлением митрополита «всея Руси» находилось обширное общество церковных людей. Монастыри были не только местом для духовных подвигов, но и школой подготовки церковных иерархов. Здесь «творили большое дело благотворения, твердо помнили о нуждах и бедах народа, но в монастырях же, и именно в них, слагалась национальная идеология, развивалась церковная культура, центром которой они были. В монастырях развивалось и крепло иконописание; там же был центр исторических записей; при монастырях просвещались русские люди, и все идеологические споры в России XV – XVII вв., прямо или косвенно, связаны с монастырями» (В. В. Зеньковский).

В XIV в. монастыри приобрели также важное народнохозяйственное значение. «Люди, проникнутые сильным религиозным чувством и стремящиеся уйти из мира, который «во зле лежит», уходили далеко в лесные дебри русского Севера и там основывали новые обители. Первоначально монахи составляли своего рода хозяйственные артели, своими руками

строили обитель, своими руками расчищали окрестный лес под огороды и пашню, заводили рыболовное и пчеловодное хозяйство. Впоследствии вокруг возникшей обители, как религиозной и хозяйственной своей опоры, селились крестьяне-«новоприходцы», ставили здесь свои деревеньки и «починки» и расчищали лес под пашню» (С.Г. Пушкарев).

Зачинщиком «монастырской колонизации» и «монастырского пустынножительства» стал выходец из боярского ростовского рода Сергей Радонежский (1315/19 – 1392). В 1337 г. он основал пустынь около г. Радонеж, превратившуюся вскоре в Троице-Сергиев монастырь.

Подвижническая деятельность преподобного Сергия пришлась именно на то время, когда подросло поколение, не пережившее на собственном опыте чувства страха перед ордынцами, а московские князья приступили к созданию Русского государства. В стремлении возродить и укрепить нравственную основу общества он начал с себя, с наглядного претворения в жизнь нравственных начал, доступных и понятных его современникам. «Сергий, начав править собиравшейся к нему братией, был для нее поваром, пекарем, мельником, древоколом, портным, плотником, каким угодно трудником служил ей, как раб купленный ... потом, став настоятелем обители и продолжая ту же черную хозяйственную работу, он принимал искавших у него пострижения, не спускал глаз с каждого новика, возводя его со степени на степень иноческого искусства, указывал дело всякому по силам, ночью дозором ходил мимо келий, легким стуком в дверь или окно напоминал празднословившим, что у монаха есть лучшие способы проводить досужее время, а поутру осторожными намеками, не обличая прямо, не заставляя краснеть, «тихой и кроткой речью вызывал в них раскаяние без досады... По последующей самостоятельной деятельности учеников преподобного Сергия видно, что под его воспитательным руководством лица не обезличивались, личные свойства не стирались, каждый оставался сам собой и, становясь на свое место, входил в состав сложного и стройного целого» (В. О. Ключевский).

Так воспиталось дружное монастырское братство, производившее глубокое назидательное впечатление на мирян. «Украдкой западая в массы, это влияние вызывало брожение и незаметно изменяло направление умов, перестраивало весь нравственный строй души русского человека XIV в.» (В. О. Ключевский), готовило его к победе на Куликовом поле (в 1380 г.).

Всего же за 1340 – 1440 гг. в стране было основано до 150 новых монастырей. Большинство из них возникло вдали от городов, на обширной

территории, простиравшейся до берегов Белого моря и Северного Ледовитого океана. Вокруг некоторых монастырей возникали села, деревни и даже целые посады с ремесленным и торговым населением.

В XV в. в церковной (монастырской) жизни произошло изменение, сильно исказившее первоначальный дух и характер монастырского подвижничества. Оно «было вызвано ростом монастырского землевладения (согласно общежитийному уставу, введенному во второй половине XIV в. по инициативе Сергия Радонежского, монахи не могли обзаводиться личной собственностью; одновременно монастырь становился общиной, правомочной приобретать земли и другие имущества в коллективную собственность; первоначальным его источником были пожалования монастырям окрестных диколесных пространств, которые трудами иноков и крестьян-«новоприходцев» вводились в народнохозяйственный оборот. Но затем главным и весьма обильным источником земельного обогащения монастырей явились земельные вклады «по душе» (или «на помин души»), которые землевладельцы давали монастырям (этот средневековый обычай создал огромные земельные богатства церкви на Руси так же, как и в Западной и в Средней Европе). Благодаря этому к XVI в. многие монастыри из трудовых общин превратились в крупных землевладельцев, распоряжавшихся трудом сотен и тысяч крестьянских рук» (С. Г. Пушкарев).

Излишества церкви и порочная жизнь немалого числа ее служителей давали обильный материал для сектантской агитации. Миряне и рядовые церковнослужители, не желавшие терпеть корыстолюбивую архиерейскую иерархию, становились приверженцами различных ересей – течений в христианстве, отклонявшихся от официальной церковной доктрины в области догматики и культа.

Так, во второй половине XIV в. в Новгороде и Пскове возникло течение *стригольников*, уклонявшихся от таинств исповеди и причащения, отвергавших ряд церковных догматов и обвинявших «весь вселенский собор – патриархов, митрополитов, епископов, игуменов, попов и весь священный чин» за то, что «не по достоянию поставляются, ибо духопродавчествуют» (А. В. Карташев).

Формально сектантское общество *стригольников* прекратило свое существование в 20-е годы XV в., однако последователи ереси несмотря на преследования выявлялись и в последующие десятилетия.

На той же социальной почве в 70-е годы XV в. возникла другая ересь – *жидовствующих*, доктринально отличавшаяся пестротой и неопределенностью (приверженность букве Ветхого завета, трактование Библии с по-

зиций иудаизма, допущение магии и чернокнижья и т.д.). Жидовствующие принимали какие-то обряды иудаизма (второстепенные), отрицали церковную иерархию, иконы и обряды.

Первоначально это течение возникло в Новгороде в среде высшего духовенства, пытавшегося отстоять новгородскую самобытность от Москвы. Затем возникло его московское отделение под началом главы внешнеполитического ведомства России, дьяка Посольского приказа Ф. В. Курицына, человека светского, увлеченного эмансипацией от церковной ортодоксии вообще.

Долгие годы секта существовала тайно. Даже после разоблачения новгородским архиепископом Геннадием в 1487 г. и осуждения церковным собором 1490 г. она продолжала существовать еще свыше 10 лет. Дело в том, что покровителями секретного салона Федора Курицына являлись Елена Стефановна, вдова рано умершего сына Ивана III и сам великий князь. «При московском дворе, как и подобало тогдашним интеллигентам высшей марки, в моде были астрология и магия, вместе с соблазнами псевдо-научной ревизии всего старого, средневекового мировоззрения» (А. В. Карташев). Лишь в начале XVI в., после смерти Курицына и приближения к великому князю Иосифа Волоцкого, Иван III определился в своем отношении к еретикам, санкционировав против них самые жесткие меры. Собор 1504 г. осудил жидовствующих на смерть.

Полного единства не было и среди самих церковных иерархов. Ведущую религиозно-политическую тенденцию отстаивали типичный представитель русской средневековой образованности и благочестия, основатель Волоколамского монастыря Иосиф Волоцкий (1439/40 – 1515) и его сторонники – *иосифляне*. «На монастырь Иосиф смотрел как на своего рода государственное учреждение, имеющее целью готовить иерархов для государственной церкви. Сообразно этому взгляду, в свой монастырь он принимал с разбором и не всякого. Он предпочитал постригать у себя людей богатых и знатных, имевших возможность давать за себя в монастырь значительные вклады деньгами и именьями. Монастырь должен быть богат, чтобы в него шли выдающиеся люди; и необходимо привлекать в монастырь выдающихся людей, чтобы иметь достойных заместителей на высших ступенях церковного управления» (П. Н. Милюков).

Иной точки зрения придерживался Нил Сорский (1433 – 1508), вдохновитель религиозно-политического течения *нестяжателей*. Он проповедовал строгое уединение и проживание в скитах. Для его последователей Землей обетованной стала местность в Заволжье, вокруг Кириллова мона-

стыря – Сорская Пустынь, где образовалось немало скитов, населенных «пустынниками», последователями Нила или, как их стали называть, «заволжскими старцами». «При таком складе жизни им легко было осуществлять свой «нестяжательский» идеал монашеского существования и критиковать монашеское и монастырское владение собственностью: землями, селами и крестьянами. Цель их была при этом, несомненно, – уйти от мира» (П. Н. Милюков), жить на свой счет, питаться трудами рук своих.

Этим различие иосифлян и нестяжателей не ограничивалось. Первые ратовали за сохранение старины и проповедовали усердную начетническую преданность форме, букве, обряду. Заволжские же старцы скептически относились к начетничеству своих оппонентов-иосифлян, одинаково чтивших и Библию, и поучения отцов церкви, осуждали всякую церковную роскошь, парчовые облачения и т.п.

«В Волоколамском монастыре проходила строгая школа внешней дисциплины и внешнего благочестия. Монахи, обязанные не иметь ничего своего, находились под самым мелочным контролем устава, игумена и друг друга. Монастырская дисциплина смиряла энергию характера, сглаживала личные особенности, приучала к гибкости и податливости и вырабатывала людей, готовых поддерживать и распространять идеи основателя монастыря» (П. Н. Милюков). В Сорской же Пустыне сущность благочестия усматривали не в уставном богослужении, не в стройном церковном пении и церковном благолепии, а во внутреннем устройении души, «духовном делании».

В историческом споре стяжателей и нестяжателей у последних было немного шансов взять верх. На неуспех их обрекало уже то, что русская традиция противилась идее критического отношения ко всему писаному. Главной же причиной поражения нестяжателей стало неприятие ими фактически складывавшегося двуединства церкви и государства. Предписывая церкви исключительно деятельность убеждением и молитвой, они требовали разделения и взаимной независимости церкви и государства; Нил был противником церковного суда.

Напротив, стяжатели всеми силами поддерживали государственную власть, добиваясь при этом взаимности. «Иосиф теоретически поставил русского князя на то место, которое занимал в восточной церкви император византийский. Даниил (русский митрополит в 1521 – 1539 гг.) практически подчинил церковь и ее представителей воле светской власти» (П. Н. Милюков). Более того, в поисках священного смысла верховной политической власти иосифлянами в XVI в. было выдвинуто учение о «свя-

той Руси», ее универсальном, всемирном значении. Выражением этого мистического понимания истории стала теократическая доктрина освящения власти великих князей и царей Московских. «В царе утверждается «таинственное», т.е. недоступное рациональному сознанию сочетание начала божественного и человеческого, в нем освящается историческое бытие» (В. В. Зеньковский).

Признавая верховенство светской власти, церковь под влиянием иосифлян все сильнее входила в рамки правительственных учреждений. Постепенно она становилась государственной. Государственное же здравие и процветание мыслилось иосифлянам «как идеал и норма, в неразрывном единении с просвещенным самосознанием руководящей церковной иерархии» (А. В. Карташев).

Первоначально нестяжатели имели поддержку в великокняжеском окружении. Их взгляды разделял и сам Иван III, конфисковавший в 1478 г. у новгородского духовенства и монастырей половину их земель. Еще в начале XVI в. великий князь замышлял осуществить полную секуляризацию монастырских имуществ. Лишь вняв доводам Иосифа Волоцкого в пользу исторической древности и юридической справедливости вотчинного монастырского землевладения, он отказался от секуляризаторских поползновений.

Такая перемена в позиции верховной власти повлияла на решения церковного собора 1503 г. Несмотря на все усилия Нила Сорского убедить присутствовавших в том, «чтобы у монастырей сел не было, а жили бы чернецы по пустыням, а кормили бы ся рукоделием», т.е. чтобы у них не было земельных имений с рабочим народонаселением, а чтобы монахи свои небольшие приусадебные участки земли обрабатывали своими собственными руками» (А. В. Карташев), собор не пошел на осуждение монастырского землевладения, ограничившись постановкой вопроса как спорного. Во всех остальных случаях победу одержали нестяжатели, которые продолжали пользоваться поддержкой центральной власти. По их настоянию были запрещены поборы при поставлении епископов и нижестоящих чинов клира, осуждались порочная жизнь вдовых священников, сожительство монахов и монахинь, другие большие стороны церковного быта, служившие для еретиков поводом для нареканий на церковь.

Впрочем, разногласия иосифлян и нестяжателей в конце XV – начале XVI вв. не следует преувеличивать. Даже в богословствовании на тему о церковных имуществях Иосиф и Нил не так уж радикально критиковали друг друга. И. Волоцкий, к примеру, не отрицал пустынножительской задачи личного спасения. Он лишь «считал ее стоящей ниже по сравнению с

идеальной нормой устава общежительного» и не мог примириться «с церковью раскультуренной, одичавшей, неграмотной, невежественной в деле государственном» (А. В. Карташев).

Вассиан Патрикеев-Косой, будущий глава нестяжателей (в 1508 – 1531 гг.), не отрицая за монастырями права владения землей вообще, критиковал их лишь за душевладельчество. В свою очередь, стяжатели допускали за светской властью право контроля монастырских имуществ. Иосифляне и нестяжатели «единым фронтом» боролись против живодствующих. Различие их подходов в этом вопросе сводилось в основном к тому, что Нил и Вассиан, в отличие от иосифлян, выступали противниками физической расправы над еретиками.

Исторический спор между стяжателями и нестяжателями продолжался и в последующие десятилетия. В ходе его стороны прибегали не только к полемическим формам борьбы. В числе пострадавших оказались самые крупные деятели лагеря нестяжателей: большой боярин Берсень-Беклемишев (в 1525 г.), богослов Максим Грек (в 1525 и 1531 гг.). Вассиан Косой, бывший князь и родственник Ивана III, был обвинен на церковном соборе 1531 г. в ереси и сослан в Волоколамский монастырь.

Контрольные вопросы

1. Когда завершился процесс политического объединения русских земель?
2. Когда и как была ликвидирована зависимость от Золотой Орды?
3. Какие земли были присоединены в годы правления Ивана III?
4. Как можно охарактеризовать политический строй Московского государства в XV – XVI вв.?
5. Какой была социальная структура Московского государства?

Литература

1. Алексеев, Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига / Ю. Г. Алексеев. – Л., 1989.
2. Алексеев, Ю. Г. Государь всея Руси / Ю. Г. Алексеев. – Новосибирск, 1991.
3. Борисов, Н. С. Русские полководцы XIII – XVI веков / Н. С. Борисов. – М., 1993.
4. Борисов, Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV – XV веков / Н. С. Борисов. – М., 1986.
5. Борисов, Н. С. Иван Калита / Н. С. Борисов. – М., 1995.
6. Бушуев, С. В. История государства Российского: Историко-библиогр. очерки: в 2 кн. / С. В. Бушуев, Г. Е. Миронов. – М., 1991. – Кн. 1: IX - XVI вв.
7. Вернадский, Г. В. Московское царство / Г. В. Вернадский. – М., 1997. – Ч. 1, 2.
8. Гумилёв, Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь / Л. Н. Гумилев. – М., 1992.
9. Гумилев, Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории / Л. Н. Гумилев. – М., 1994.

10. Данилевский, И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII – XVI вв.): курс лекций / И. Н. Данилевский. – М., 2001.
11. Зимин, А. А. Россия на рубеже XV – XVI ст. / А. А. Зимин. – М., 1982.
12. Карташев, Л. В. Очерки по истории русской церкви / Л. В. Карташев. – М, 1993. – Т. 1.
13. Кирпичников, А. Н. Военное дело на Руси в XIII – XIV вв. / А. Н. Кирпичников. – Л., 1976.
14. Кобрин, В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV – XVI вв.) / В. Б. Кобрин. – М., 1984.
15. Кучкин, В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV веках / В. А. Кучкин. – М., 1984.
16. Кривошеев, Ю. В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII – XIV вв. / Ю. В. Кривошеев. – СПб., 1999.
17. Русское православие. Вехи истории. – М., 1986.
18. Свердлов, М. Б. Генезис и структура феодального общества Древней Руси / М. Б. Свердлов. – Л., 1983.
19. Сахаров, А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV – XVII вв. / А. М. Сахаров. – М., 1969.
20. Тихомиров, М. П. Российское государство в XV – XVII вв. / М. П. Тихомиров. – М., 1973.
21. Черепнин, Л. В. Образование Русского централизованного государства / Л. В. Черепнин. – М., 1976.

Тема 11

УКРАИНСКИЕ ЗЕМЛИ в XIV – первой половине XVI вв.

1. Включение украинских земель в состав Великого княжества Литовского.
2. Борьба за галицко-волынские земли и их раздел.
3. Возникновение и эволюция казачества в Украине.

11.1. Включение украинских земель в состав Великого княжества Литовского

В середине XIII в. западнорусские земли, некогда входившие в состав древнерусского государства (княжества Полоцкое, Турово-Пинское, Волынское, Галицкое, Смоленское, Черниговское, Киевское), оказались в совершенно новой внешнеполитической ситуации. Это было связано не только с установлением над Русью монголо-татарского владычества, но и с тем, что здесь начинает складываться новое государство – Великое княжество Литовское и Русское (далее также ВКЛ). Процесс его становления и развития подробно изучается в курсе истории Беларуси, поэтому мы остановимся более подробно на тех событиях, которые непосредственно связаны с украинскими землями.

Следует отметить, что термины «Украина» и «украинский» применительно к территории и восточнославянскому населению Юго-Западной Руси в рассматриваемое время являются хотя и вполне корректными, но все же довольно условными, так как само оно на протяжении веков осознавало себя как «русское» (С.В. Позняк).

В первой четверти XIV в., когда значительная часть белорусских земель уже находилась в составе ВКЛ, её князья предприняли попытки захватить и соседние украинские земли. По мнению М.С. Грушевского «при последних Даниловичах галицких или непосредственно после их смерти литовские князья захватили Берестейско-Дорогичинскую землю (Побужье). Еще перед тем, вероятно, они завладели Припятскими и Турово-Пинскими землями... При князе Гедимине в 1320 году уже и Киев стоял в сфере литовского влияния» (М.С. Грушевский).

Некоторые украинские историки, не разделяют эту точку зрения, считая, что первый этап экспансии литовских князей на украинские земли начался после 1321 года, однако подчинить Приднепровье, а тем более взять под контроль всю Южную Русь тогда не удалось. «Здесь возникло нечто сходное со структурой двоевластия: действовали монгольские бас-

каки, опиравшиеся на вооруженные отряды из местных жителей, и администрация, подчинявшаяся литовскому князю» (В.И. Семенешко).

Бесспорное начало вхождению украинских земель в состав Великого княжества Литовского было положено сыном Гедемина Любартом. Источники сообщают, что «в 1340 году князь Любарт Гедиминович занял галицко-волынский стол» (был избран галицкими и волыньскими боярами вместо Юрия - Болеслава) и «...считался галицким князем до 1349 года, до похода Казимира, а Волынью правил долго, до самой своей смерти, более сорока лет». Хан Золотой Орды Узбек признавал его права на волыньский стол и поддерживал в борьбе с Польшей и Венгрией. (С.В. Позняк).

В конце 50-х годов XIV в. великий князь литовский Ольгерд (1345 – 1377) воспользовался усобицами в Золотой Орде и овладел Черниговом и Новгород-Северским. В главных городах – Чернигове, Новгород-Северске, Стародубе – были посажены князья из литовской династии, на меньших волостях остались князья из прежней династии, но под властью литовского князя.

В 1362 г. Ольгерд взял под свою власть Киевскую землю, «свергнув последнего князя киевского, по имени Федор, и посадив на его место сына своего Владимира. Земля пришла в упадок и сильно опустела под татарским владычеством, но составляла важное приобретение по своим размерам, так как Киеву принадлежало и все Заднепровье, составлявшее прежде Переяславское княжество» (М.С. Грушевский).

Вместе с тем, монголо-татары, считавшие Поднепровье подвластной землей, решили показать свою силу и наказать литовского князя. Был объявлен «великий поход». Однако Ольгерд двинулся с войском на юг Киевской земли, разгромил татарское войско и взял под свою власть не только Киевскую землю, но и Подолье, находившееся под властью Орды. Племянники Ольгерда, сыновья Кориата Гедиминовича, основались в подольских городах, начали строить крепости для защиты от татар и привлекать на свою сторону местное население.

Вот как рассказывает об этом летописная повесть, составленная во второй четверти XV в.: «Когда господарем Литовской земли был великий князь Ольгерд, он отправился с литовским войском «в поле» (степь) и разбил на Синей воде татар, трех братьев: князя Качибя, Кутлубугу и Дмитрия. А эти три брата, князья татарские – отчичи и дедичи Подольской земли, и от них заведывали атаманы, а баскаки, приезжая от тех атаманов, брали дань с Подольской земли. А был брат у Ольгерда, князь Кориат, владевший Новгородом Литовским, и было у него четыре сына: князь Юрий, князь Александр, князь Константин, князь Федор. И вот эти

княжичи Кориатовичи, трое братьев: князь Юрий, князь Александр и князь Константин, с соизволения великого князя Ольгерда и с помощью Литовской земли пошли в Подольскую землю. А в Подольской земле не было тогда ни одного города (крепости) ни из дерева рубленного, ни из камня построенного. Тогда эти княжичи Кориатовичи, придя в Подольскую землю, вошли в дружбу с атаманами, начали защищать Подольскую землю от татар и не стали баскакам «выхода» (дани) давать. И, прежде всего, нашли себе твердыню на реке Смотриче и поставили здесь город Смотрич. А в другом месте жили монахи в горе, и на том месте основали они город Бакоту. А однажды на охоте им случилось загнать много оленей на тот остров, где теперь стоит город Каменецкий, и, вырубив лес, поставили они город Каменец. И так все города подольские построили и всю землю Подольскую засели» (М.С. Грушевский).

Победа на Синих Водах стала важной вехой в освобождении южно-русских земель от татарского ига и создала благоприятные условия для наступления войск ВКЛ на Подолье. Следует уточнить, что в свое время эта территория называлась Понизьем и подчинялась Галицкому княжеству. Однако после нашествия Батыя население Понизья предпочло власти галицкого князя зависимость Орде. «Можно предположить, – пишет С.В. Позняк, – что установление власти ВКЛ в этом крае проходило сложнее, чем в остальной части Южной Руси. Данническая зависимость Подолья от Орды сохранилась и после получения тут уделов племянниками Ольгерда Юрием, Александром, Константином и Федором Кориатовичами. Но и Киевское удельное княжество в составе ВКЛ долгое время оставалось зависимым от татар, о чем, в частности, свидетельствуют монеты Владимира Ольгердовича с ордынским гербом. Поскольку походы Ольгерда объективно носили характер освобождения Южной Руси от ордынского ига, местное население не смотрело на великого князя и его воинов как на полных чужеземцев. Поэтому многие историки совершенно отказываются характеризовать его действия как «завоевание» или «нашествие», а для описания и характеристики этих событий используют такие слова, как «проникновение», «включение», «присоединение». Если даже учитывать, что кое-где в славянском мире еще сохранились островки так называемых «татарских людей», которые с середины XIII в. ориентировались, в первую очередь, на заступничество золотоордынских ханов, то и они, видимо, в условиях «великой замяти» 1360 – 1370-х гг. в Орде должны были выбирать меньшее зло» (С.В. Позняк).

Таким образом, в результате походов Ольгерда границы Великого княжества Литовского продвинулись к устьям Днепра и Днестра. В его со-

став вошли Киевское, Чернигово-Северское, Волынское удельные княжества и Подолье. Поскольку собственно литовские этнические земли составляли только десятую часть ВКЛ, «создавалась иллюзия возрождения древнерусской государственности. Литовские князья в этих условиях могли рассматривать свою политику на востоке и юге, собственно говоря, как миссию «собирая земель Руси» и, таким образом, пользовались этим предлогом задолго до того, как его одолжила в борьбе за древнерусское наследство Москва» (С.В. Позняк).

Сохранение удельных княжеств позволяло найти место в политической системе государства для многочисленных представителей династии Гедиминовичей и, главное, не ущемляло интересов местных феодалов, гарантировало им неприкосновенность «старины». Договор, «ряд», заключенный с наиболее влиятельной частью населения присоединенных земель, определял ее отношение к верховной власти на протяжении длительного времени. Теснейшим политическим сотрудничеством с местным боярством характеризовалось княжение в Киеве Владимира Ольгердовича.

Большинство удельных княжений в южнорусских землях заняли православные Гедиминовичи, которые очень быстро приспособились к местным обычаям и по поведению часто напоминали своих предшественников – Рюриковичей. Причем многие из них пустили настолько глубокие корни в своих землях, что начали проявлять явно сепаратистские настроения. Стала реальной угроза возвращения к порядкам удельной Руси. Но, начиная со второй половины XIV в. в ВКЛ наметились тенденции к централизации.

11.2. Борьба за галицко-волынские земли и их раздел

Великому княжеству Литовскому, обуздавшему амбиции золотоордынских ханов, одновременно пришлось выдержать упорную борьбу с Польшей и Венгрией и за западно-украинские земли. Как справедливо подметил белорусский историк С.В. Позняк, именно «Галичина стала своеобразным полигоном, на котором испытывались формы и методы тотального наступления Польского королевства на русские земли. Целенаправленное и последовательное продвижение на восток было провозглашено крестовым походом против язычников-литовцев и «схизматиков», т. е. православного населения».

Первые нападения поляков на Галичину были отражены местным боярством под предводительством знаменитого Дедька, «начальника Русской земли», и только западное пограничье, Санокскую землю, Казимиру

III Великому (1333 – 1370), королю Польши, удалось удержать за собою. До 1349 г. Галиция оставалась под властью литовских князей. Однако в этом же году Казимир, заручившись поддержкой татар, неожиданно напал и захватил всю Галицкую Русь, а также и соседнее волынское пограничье. Согласно условиям перемирия 1352 г. Литва сохранила за собой Волынскую и Брестскую земли, а «Галицкая, Холмская и Белзская земли» остались за Польшей.

Следует заметить, что, захватив галицкие земли, Казимир III всячески старался ослабить все, что могло составить оппозицию Польши: отбирал поместья и должности у бояр, стоявших на стороне ВКЛ, раздавал земли полякам и различным пришельцам, готовым поддерживать польское господство, призывал в города немцев, предоставляя им различные льготы и т.д. Это вызывало недовольство и открытое сопротивление местных жителей, которые неоднократно изгоняли пришельцев.

Стремясь, во что бы то ни стало, сохранить за собой завоеванные земли, Казимир заключил союз с крестоносцами и напал на Литву с двух сторон: сам двинулся в 1366 г. на Волынь, в то время как крестоносцы ударили на Литву. Ему удалось захватить и удерживать до самой своей смерти Владимир-Волынский, но Белз и Холм снова отошли к ВКЛ.

После смерти Казимира Галичину в 1370 г. в соответствии с договоренностью оккупировали венгры (поскольку Людовик Венгерский, женатый на сестре Казимира, также заявлял о своих претензиях на Галичину, в 1352 г. между королями Польши и Венгрии было заключено соглашение, согласно которому польская корона переходила к Людовику в случае, если Казимир умрет, не оставив наследников по мужской линии, и таким образом династия Пястов прекратится).

Галицкая земля находилась в подчинении то непосредственно самого Людовика Венгерского, то его племянника, силезского князя Владислава Опольского. Однако то, что было утрачено из-за династической сделки, поляки вернули с помощью тех же самых династических соглашений.

В конце XIV в. ряд внешних и внутренних обстоятельств вынудили литовских и польских феодалов начать процесс объединения. Усилившаяся опасность со стороны Тевтонского ордена привела к заключению союза Польши с ВКЛ. Результатом польско-литовских переговоров стали уния, заключенная в 1385 г. в замке Крево (сейчас Сморгонский район Гродненской обл.), и брак Ядвиги с Великим князем Литовским Ягайло, который в 1386 г. становится королем Польши под именем Владислава II. Уже в 1387 г. Галичина была окончательно присоединена к Короне.

Какое-то время Польша вынуждена была считаться с традициями присоединенного края. Львову, например, вплоть до 1414 г. разрешалось чеканить собственную монету. Одновременно власть раздавала галицкие земли иностранцам за обязательство служить в войске короля, содействовала немецкой колонизации Галичины, поддерживала польских купцов и католических миссионеров, просила у папы римского помощи для борьбы с «неверными русинами».

Особенно тяжело приходилось православному духовенству в украинских землях, присоединенных непосредственно к Польше (в Галиции, Холмской и Белзской земле). Как пишет М.С. Грушевский, «в Галиции Ягайло, проезжая в 1412 году через Перемышль, чтобы похвалиться перед католическим духовенством своей католической ревностью, велел отобрать у православных местную кафедральную церковь, выкинуть из гробницы погребенные здесь останки старых перемышльских князей и обратить церковь в костел; православное духовенство и все население горько плакали при виде такого поругания, но распоряжения Ягайла тем не менее были исполнены. В другом случае Ягайло запретил крестить детей от смешанных браков (православного с католичкой) по обряду православной веры, а окрещенных уже велел насильно перекрещивать в католичество и т.п. В Великом княжестве Литовском ни он, ни Витовт не решались употреблять таких суровых мер, но различные ограничения по отношению к православным следовали одно за другим и здесь» (М.С. Грушевский).

И, наконец, незадолго до своей смерти «в 1434 г. король Владислав II Ягелло (Ягайло) окончательно ликвидировал остатки автономных прав Галичины в составе Польского королевства, распространил на нее польское право, суд и администрацию. Было создано Русское воеводство с центром во Львове в составе пяти земель – Львовской, Перемышльской, Галицкой, Санокской и Холмской. Земли, в свою очередь, делились на поветы, которые в основном совпадали с границами бывших удельных княжеств и волостей.

Воеводская система последовательно распространялась Короной на другие вновь присоединенные земли. Так, на протяжении 1434 – 1447 гг. было образовано Подольское воеводство с центром в Каменце, а в 1462 г. – Белзское воеводство с центром в Белзе.

С превращением Польши в крупного экспортера сельскохозяйственной продукции усиливались домогательства Короны на другие плодородные южнорусские земли, которые находились под юрисдикцией Великого княжества Литовского» (С.В. Позняк).

Вместе с тем, Кревская уния 1385 г. и привилеи Владислава II (Ягайло) 1387 г., ущемлявшие интересы православных феодалов, вызвали недовольство последних. Оппозицию политике нового польского короля возглавил Витовт Кейстутович. В 1392 г. по Островскому соглашению он получил титул Великого князя Литовского, но признавал главенство Владислава.

Многие же правители южнорусских княжеств не желали признавать верховенство не только польского короля, но и великого князя. В этих условиях Витовт, стремившийся достигнуть максимальной централизации управления, начал переводить князей из одних владений в другие, лишая их, таким образом, поддержки со стороны местного населения. Тех князей, которые отказывались подчиниться его воле, Витовт или принуждал силой оружия, или изгонял за границы княжества. Такая судьба, например, была у Федора Кориатовича Подольского, вынужденного искать убежище в Венгрии.

Некоторые историки считают, что именно Витовт полностью уничтожил удельную систему на юге Великого княжества Литовского. Другие – что он только сильно ограничил автономию крупных земель Южной Руси и сохранил второстепенные уделы. Известно, что в конце своей жизни Витовт отдал Чернигов с Новгород-Северской и Брянской землями Свидригайло Ольгердовичу, а в Подольской земле выделил удел для Дмитрия-Корибута Ольгердовича. Это дает основания считать, что традиции удельного периода были еще довольно сильными.

Мечтая об объединении в рамках литовской государственности всей Восточной Европы, Витовт решил поддержать в борьбе за власть в Золотой Орде хана Тохтамыша, соперником которого выступал хан Тимур. Подразумевалось, что в будущем Тохтамыш станет союзником Литвы при столкновении с Москвой. Летом 1399 г. войска Великого княжества Литовского, 1600 германских воинов, 400 польских рыцарей, отряды Тохтамыша, господаря Валахии Стефана двинулись против сотысячной армии Тимура-Кутлука. Битва в устье реки Ворскла 12 августа 1399 г. закончилась полным поражением союзных войск; из пятидесяти князей было убито двадцать, погиб цвет войска ВКЛ. Ордынцы опустошили Переяславщину, Киевщину, Подолье и Волынь.

Поражение от татар оживило оппозицию великокняжеской власти. Во время «бескровной войны» ВКЛ с Московским княжеством за Псковскую землю (1406 – 1408) наблюдался массовый отъезд православных князей и бояр, особенно чернигово-северских, в Москву. Этот процесс усилился после того, как в 1413 году на сейме в Городле Польша и Литва под-

писали новую унию, по условиям которой украинско-белорусская элита еще больше отстранялась от высших административных постов и источников обогащения. Только католики могли заседать в княжеском совете, занимать высшие государственные должности, допускаться к важнейшим государственными делам.

Таким образом, православные князья и бояре, «обжившиеся в украинских землях и ассимилировавшиеся со здешним населением, отныне устранились от участия в политической жизни, если не хотели отречься от православной веры. В важнейших городах основались католические епископства: им жаловались поместья, и при этом в состав последних попадали иногда и имения православной церкви, и вообще православная церковь, привыкшая жить под покровительством и опекою правительства, почувствовала теперь себя совсем заброшенной, самое большее – только терпимой» (М.С. Грушевский).

Поляки рассчитывали по смерти Витовта присоединить к Польше все земли Великого княжества Литовского, но не будучи уверенными, что это им удастся, хотели отторгнуть от ВКЛ хотя бы Галицко-Волинские земли, что не удалось сделать в свое время при Казимире Великом. На первом плане стояла Подольская земля, которую Владислав уже присоединил было к Галиции, но затем должен был вернуть Витовту.

В 1430 г. Великим князем Литовским стал младший брат Владислава Свидригайло Ольгердович Северский, который вопреки своему католическому вероисповеданию поддерживал тесные связи с православной аристократией. При нем белорусская и украинская знать занимала высшие государственные посты, заседала в великокняжеской раде.

Как считают многие историки, Свидригайло намеревался ограничить и даже порвать связи с Польшей. И вскоре между ним и польским королем начались военные действия. Яблоком раздора стало Западное Подолье, но борьба, в которой самое активное участие приняло местное православное население, велась также и на Волини, и даже в Галичине. Так, летом 1431 г. Ягайло с большим польским войском перешел Буг, взял Владимир, затем приступил к Луцку и осадил Луцкий замок. Однако в замке находился сильный гарнизон под предводительством Юрши, одного из наиболее выдающихся воевод Свидригайло. Поляки попробовали взять замок приступом, но это им не удалось. Польский король вынужден был заключить перемирие.

По договору о перемирии захваченная поляками Западное Подолье (Каменец, Смотрич, Баката, Скала, Червоногород) осталась за Польшей, а восточная его часть – по реке Южный Буг с городами Брацлав и Винница (так называемая потом Брацлавщина) – была оставлена за Свидригайло.

Такое соотношение осталось и позже: западная часть, носившая имя Подолии, принадлежала Польше, а Брацлавские земли – Великому княжеству Литовскому. Волынь осталась за Литвой.

Однако ориентация великого князя преимущественно на православную славянскую знать встретила противодействие со стороны литовских феодалов-католиков. Против Свидригайло сложился заговор, и осенью 1432 г. он бежал. Заговорщики посадили на виленский стол младшего брата Витовта – Сигизмунда Кейстutowича (1432 – 1440). Поскольку Свидригайло не прекратил борьбы и даже принял титул «великого князя русского», началась гражданская война, которая в результате битвы на реке Святая под Вилькомиром (1435) закончилась победой Сигизмунда: «почти все войско крестоносцев было уничтожено, из войск Свидригайла одних князей попало в плен 42 человека, много было убито; Свидригайло сам едва спасся» (М.С. Грушевский).

Но и положение Сигизмунда оставалось далеко не простым. Волынь и Киевская земля по-прежнему не признавали его власть. Он вызывал недовольство даже у литовской католической знати. И в Вербное воскресенье 1440 г. Сигизмунд был убит в собственном замке в Троках (ныне г. Тракай в Литве) в результате заговора, ведущую роль в организации которого сыграли волынский князь Александр Чарторыйский и киевский боярин Скобейко.

Новый великий князь Литовский Казимир Ягеллончик (1440 – 1492) согласился с существованием Киевского и Волынского удельных княжеств в составе ВКЛ. Киевским князем стал сын Владимира Ольгердовича Олелько (1440 – 1455). До этого он пять лет провел в заключении по воле Сигизмунда, который не без оснований заподозрил его в намерении занять великокняжеский стол.

На Волыни с согласия верховной власти княжил Свидригайло Ольгердович. Только после его смерти в 1452 г. Волынь на польский манер была превращена в обычную провинцию под управлением наместника.

Феодальная знать пограничных с Киевским княжеством волынских и подольских земель отказалась подчиняться власти наместников и перешла под верховенство Олельки Владимировича. Кроме того, под властью киевского князя были Переяславщина и часть Черниговщины. Олелько продолжил курс своего отца по обеспечению интересов местного боярства, дал ряд привилегий киевским мещанам. Он всячески поддерживал православную церковь и предотвратил первую попытку введения церковной унии.

С 1455 г. в Киеве княжил сын Олельки Семен. По мнению многих историков, «он был реальным претендентом на великокняжеский стол, его считали равным себе могущественные европейские правители. Об этом говорят и династические связи князя: его дочь была замужем за тверским князем Михаилом, а сестра – за молдавским господарем Стефаном Великим. В своей политике Семен Олелькович умело использовал также автономистские устремления юго-западных улусов Золотой Орды и образование Крымского ханства» (С.В. Позняк).

Казимир, который с 1447 г. стал еще и польским королем, не желал мириться со своевољством удельных киевских князей. Он воспользовался смертью в 1470 г. Семена Олельковича и прислал в Киев католика-литовца Мартина Гаштольда, брата жены умершего князя. Однако Семен имел прямых наследников – сына Василия и брата Михаила, который в то время находился в Новгороде. Кандидатура Михаила наиболее импонировала киевлянам, которые решительно отказались признавать Гаштольда как лицо не княжеского происхождения и католика. Они дважды не пустили великокняжеского наместника в Киев, и только в третий раз, в 1471 г., воевода силой захватил город. Как пишет М.С. Грушевский, «этот факт произвел сильное впечатление на Украине и на Белой Руси. С горечью вспоминали, как Литва «когда-то платила дань киевским князьям лыком и венниками по своей бедности, потому что ничего более ценного не имела, а теперь приходится покоряться ей во всем» (М.С. Грушевский).

Как считает С.В. Позняк, «окончательная утрата южнорусскими землями автономного положения в составе ВКЛ почти совпала во времени с образованием и подъемом Российского централизованного государства, условием существования которого было территориальное расширение. Если великие князья литовские не очень заботились о том, чтобы обеспечить лояльность своих славянских подданных православного вероисповедания, то московские правители, которые начали активное наступление на запад, наоборот, стремились заполучить себе среди них преданных сторонников. Иван III (1462 – 1505), опираясь на факт непрерывной династической связи между московскими и великими киевскими князьями, взял себе титул «государя всея Руси» и как бы заявил, что все земли бывшей Киевской Руси отныне должны принадлежать Москве. В этой связи он не только поддерживал оппозиционные настроения в Великом княжестве Литовском, но и охотно принимал оттуда беглецов-аристократов».

Источники в этой связи упоминают о заговоре, раскрытом в 1481 г., сведения о котором дают больше оснований для предположений и рассуждений, чем о его конкретных планах и участниках. По некоторым дан-

ным целью заговора было возведение на великокняжеский престол Михаила Олельковича. Существует также недостоверная летописная версия, согласно которой заговорщики планировали отделение от ВКЛ земель вдоль р. Березины и присоединение их к Московскому государству. Но заговор был раскрыт и организаторы его, Михаил Олелькович и Иван Гольшанский, были казнены. Третьему главному участнику – Федору Вельскому (двоюродному брату Михаила) – удалось бежать в Москву.

Есть основания предполагать, что после смерти Казимира IV персональная уния между Польшей и Литвой была разорвана. Великим князем стал Александр Казимирович, а польским королем – его брат Ян-Альбрехт. В это время на сторону Москвы перешли потомки древних чернигово-северских князей Воротыньских, Одоевских и др. Договором 1494 г. их владения были закреплены за Московским государством: «...чтобы впредь их с волостями не принимать: кто хочет, может перейти на службу другому государю лично, но поместья его остаются за прежним» (М.С. Грушевский). В этом же договоре Великое княжество Литовское впервые признало за Иваном III титул «государя всея Руси». Кроме того, великий князь литовский Александр Казимирович женился на дочери Ивана III Елене. Этим шагом он рассчитывал избежать в дальнейшем конфронтации с Москвой. Но московский князь не только не собирался отказываться от своих претензий на западные русские земли, но и рассчитывал через собственную дочь оказывать влияние на политику зятя и получать необходимую информацию из соседнего государства.

В итоге добрососедские отношения между Иваном III и князем Александром так и не сложились. Московский князь обвинил зятя в том, что тот принуждает Елену принять католичество. Но в это время в Великом княжестве Литовском и на самом деле усилилась католическая конфессиональная экспансия, что вызвало новый массовый переход крупных феодалов вместе со своими православными подданными под власть князя московского.

Красочно и эмоционально описывает эти события М.С. Грушевский: «И вот среди слухов о том, что православных в Литве принуждают к латинству, пограничные князья с 1500 года снова начинают переходить под власть Москвы. Как причину выставляют притеснения их религии — их силой принуждают к латинству; московское правительство тогда заявляет, что, принимая во внимание такой святой мотив, оно не считает возможным придерживаться договора 1494 года и будет принимать всех переходящих с их землями. В Литве жаловались, что московское правительство само побудило к этому князей, и во всяком случае очень вероятно что

оно внушило им мысль сослаться на притеснения в вере, как на мотив, ввиду которого теряет силу всякий договор. Так или иначе, но лишь только Москва начала принимать князей с их землями, они снова двинулись массой в черниговских землях – не только мелкие, а и более крупные владельцы: князь Семен можайский перешел под власть московского государя с Черниговом, Стародубом и с прочими волостями, князь Василий Шемячич с Новгородом-Северским и Рыльском с волостями и др. Вся Черниговская земля переходила под власть Москвы. Великий князь московский объявил Литве войну на защиту православной веры и заявил, что будет «стоять за христианство, сколько Бог поможет». Высланные им войска довершили присоединение Северной земли к Московскому государству, а великий князь московский начал уже поговаривать о прочих «русских землях», находившихся еще под властью Литвы. Литовское правительство поспешно прекратило свои начинания относительно унии православных с Римом и поскорее заключило перемирие, оставив Северскую землю за Москвой, в надежде возвратить ее потом себе».

Таким образом, в начале XVI в. практически вся Черниговщина добровольно признала верховенство Москвы, а в результате войны 1500 – 1503 гг. к Московскому государству уже официально были присоединены Чернигов, Стародуб, Новгород-Северский и другие города. Только небольшая приднепровская полоса Черниговщины возле Остра осталась под властью ВКЛ.

Через несколько лет в ВКЛ вспыхнуло восстание. Поднял его князь Михаил Глинский. «Его род имел поместья в тогдашней Киевской земле (от г. Глинска на Ворскле пошло и имя этого рода). Это был человек больших способностей, смелый, энергичный, умевший влиять на людей и руководить ими. В молодости он был в Западной Европе, жил долго при дворе императора Максимилиана, затем служил у саксонского курфюрста Альбрехта и с его войсками участвовал в разных походах, побывал во Фризии (Голландии), в Италии и Испании и, приобрев, таким образом, славу знатока военного дела и вообще образованного европейца, в последних годах XV в. явился ко двору великого князя литовского Александра, понравился ему и вскоре сделался у него самым близким человеком» (М.С. Грушевский). У великого же князя литовского Сигизмунда I Старого он попал в немилость и лишился своего особого положения при дворе.

Глинский «мог только производить набеги, разорять поместья своих врагов, опустошать земли великого князя литовского». Когда же из Польши двинулся Сигизмунд с польским войском и литовское войско под началом гетмана литовского князя Константина Острожского также присоединилось

к нему, – Глинский не решился выступить против этих сил, отступил со своими приверженцами за границу под защиту московского войска и искал приюта в Москве вместе со своими сторонниками. Этим восстание и окончилось. «В этой связи, – как справедливо отмечает С.В. Позняк, – и часто встречающееся в историографии сравнение выступления в 1508 г. князя Михаила Глинского с движением «московской партии» или, тем более, с народным восстанием является не более чем мифом. Никакой этнической или религиозной подоплеки данное событие не имело. Тем более, что католик Глинский вел себя в Великом княжестве как во враждебной стране, а местное население только пострадало от его авантюры. Это был мятеж, поднятый Глинским из-за нежелания смириться с утратой высокого положения при великокняжеском дворе». И далее ... «при Василии III (1505 – 1533) теоретическое обоснование прав московских князей-Рюриковичей на белорусские и украинские земли нашло законченное выражение в теории «Москва – третий Рим». Но именно в это время промосковские симпатии западнорусской знати начинают исчезать под впечатлением самодержавной политики московского князя, которая невыгодно контрастировала с гибким и толерантным правлением великого князя литовского Сигизмунда I Старого. Окончательный удар по былым симпатиям нанес период кровавого террора, развернутого в Московском царстве Иваном IV (1533 – 1584) при введении опричнины».

Закарпатье и Северная Буковина. В силу своего географического положения и конкретно-исторических условий наиболее изолированным от своих восточнославянских соплеменников было население Закарпатья и Северной Буковины.

Закарпатье в период расцвета Киевской Руси было ее юго-западным рубежом. С XI в. начался постепенный его захват Венгерским королевством. Известно, что среди первых были завоеваны Ужгород, Мукачево (Мункач) и Хуст. Правда, в конце XIII в. галицкому князю Льву Даниловичу удалось на некоторое время присоединить Закарпатье к своим владениям, а в конце XIV в. власть в районе Мункача принадлежала князю Федору Кориатовичу, который пришел сюда со значительным войском из Подолья.

Присоединенное к Венгрии Закарпатье было поделено на комитаты, которые, в основном, соответствовали древнему славянскому территориально-общинному делению. Возглавляли комитаты назначенные королем и наделенные административной, военной и судебной властью жупаны. После поражения венгерско-чешской армии в битве с турками под Мохачем в 1526 г. Ужанский комитат перешел к Австрии. Остальная часть Закарпатья

(с городами Мукачево, Хуст, Севлюш) вскоре вошла в состав Семиградья, которое выделилось из Венгрии.

Территория Буковины в X – XI вв. входила в состав Киевской Руси, в XII – XIII вв. – в состав Галицкого и Галицко-Волынского княжеств. После монгольского нашествия тут образовалась отдельная Шипинская земля, которая признавала верховенство золотоордынских ханов. Однако уже в конце 40-х годов XIV в. она была захвачена Венгрией, а с 1359 г. надолго попала в зависимость от молдавских господарей. Почти столетие Буковина сохраняла автономию в составе Молдавского княжества и только в середине XV в. Шипинская земля как административно-территориальная единица была ликвидирована. Само же Молдавское княжество сначала находилось под протекторатом Польши, а с начала XVI в. – Османской империи. Население Северной Буковины было преимущественно православным. Условия украинской жизни были здесь действительно чрезвычайно тяжелы (прил. 8).

В конце XV и в начале XVI вв. здесь возникают политические движения, рассчитанные на помощь Молдавии. «Молдавские господа, владея украинскими землями по реке Пруту (Буковина), стремились захватить соседнее галицкое Покутье, пробовали оторвать его от Польши, и в связи с этим мы видим в южной Галиции среди украинского населения тяготение в сторону Молдавии, подобно тому как в Восточной Украине проявлялось тяготение в московскую сторону» (М.С. Грушевский).

Наиболее известное движение произошло здесь в 1490 г. под предводительством Мухи. У М.С. Грушевского читаем, что «какой-то Муха из Молдавии» взбунтовал Покутье, поднял крестьян, так что имел с собой девять тысяч вооруженного войска из тамошних крестьян, и с ними разорял поместья польской шляхты. Не только крестьяне присоединились к нему, а и местная украинская шляхта, как это видно из одного сохранившегося документа, где упоминаются поместья, конфискованные правительством у украинских шляхтичей за участие в восстании Мухи. Он овладел всей юго-восточной Галицией до самого Галича и двинулся за Днестр на Рогатин. Польская шляхта была в большом переполохе, король созвал поголовное ополчение, просил помощи у прусских крестоносцев. Но местной польской шляхте совсем неожиданно, «больше божьей помощью, чём человеческой», как выражается один современный бискуп, удалось внезапным нападением захватить войско Мухи, когда он переходил Днестр; в его войске произошло смятение, оно начало разбегаться, одни топили других в Днестре, и вышел такой переполох, что и сам Муха бросился бежать. Один позднейший писатель рассказывает, что после этой

неудачи Муха готовился к новому восстанию, но поляки схватили его: подкупили женщину, у которой он бывал, и она выдала им его.

Есть еще глухое известие о каком-то претенденте на украинские земли, высланном воеводою Стефаном: этот претендент будто бы называл себя законным государем Руси и пытался поднять восстание в Галиции, чтобы при помощи султана освободить ее от Польши, но поляки схватили его. Позже, во время похода молдавского воеводы Богдана на Галицию в 1509 г. «много украинской шляхты в Галиции присоединилось к нему, как прежде к Мухе; они удалились затем вместе с молдавским войском в Молдавию, когда этот поход не удался, а поместья их были конфискованы». Эти случайно сохранившиеся известия ясно показывают, что в Галиции, также были определенные круги, стремившиеся освободиться от польского владычества при помощи близкой по вере и культуре Молдавии. Но эти попытки не удались, «так как Молдавия была слишком слаба, чтобы поддержать украинский элемент Галиции, а этот последний был здесь еще гораздо более задавлен, чем в Великом княжестве Литовском».

Усиление притязаний Крымского ханства и Турции. Как известно, в начале 40-х годов XV в. на территории Крымского полуострова образовалось новое татарское военно-монархическое государство – Крымское ханство, – которое просуществовало до 1783 г., и которому подчинялись фактически все кочевые орды Северного Причерноморья. Столицей государства с начала XVI в. стал Бахчисарай.

С.В. Позняк отмечает, что «крымско-татарская государственность не была прочной ни в политическом, ни в экономическом плане. Бесперывная борьба между претендентами на крымский престол, а также борьба татарской знати с централизмом, воплощением которого был хан, существенно дестабилизировали обстановку в стране. Примитивное кочевое скотоводство не обеспечивало прожиточного минимума населения. Поэтому крымские ханы решали свои внутренние проблемы путем внешней экспансии. Недостача продуктов питания компенсировалась добычей во время военных походов. Важным источником доходов был захват пленных («ясир»).

Большинство населения Крыма все время находилось в военных походах на Персию, в Европу и, в первую очередь, на южнорусские земли. Но родоначальник Гиреев Хаджи-Гирей, который пришел к власти благодаря поддержке литовских князей, на протяжении всей своей жизни поддерживал дружеские отношения с Казимиром IV. Это, правда, не мешало его соперникам из числа знати вместе с ханами кочевых орд Северного Причерноморья совершать набеги на Подолье, Волынь и Галичину.

Сын Хаджи-Гирея – Менгли-Гирей – в связи с наследственной враждебностью к ханам Золотой Орды в 1474 г. пошел на сближение с великим князем московским. В 1480 г. сложился прямой военный союз двух государств, направленный против Великого княжества Литовского. Поскольку Казимир IV, в свою очередь, заключил союз с Ордой, под удар ставились ближайшие к Крыму южнорусские земли.

В борьбе с генуэзскими торговыми городами на крымском побережье татары искали помощи у османских турок, завоевателей Константинополя (1453). В 1475 г. турецкие ударные силы захватили Кафу и большинство других богатых прибрежных городов полуострова. Менгли-Гирей вынужден был признать вассальную зависимость от Турции. Крымский хан обязывался по первому требованию султана идти с войском ему на помощь. В определенной степени сохранялась его самостоятельность в решении вопросов внутренней жизни и организации внешних сношений. В дальнейшем крымские ханы должны были назначаться султаном, правда, обязательно из рода Гиреев. Вскоре сложилась практика, когда султан постоянно держал возле себя братьев или сыновей хана – кандидатов на крымский престол – и таким образом вынуждал его безоговорочно выполнять свою волю (С.В. Позняк).

Турция придавала большое значение строительству и захвату крепостей на побережье Черного моря. Наиболее мощные из них строились и укреплялись в устьях рек: Днепр (Кинбурн), Днестр (Аккерман), Дунай (Измаил), Дон (Азов). С помощью турок крымские ханы превратили Перекоп в неприступную твердыню, которая надежно перекрывала путь в Крым. Турецкие гарнизоны размещались в самом Крыму, а в Кафе, кроме того, находилась и резиденция наместника султана.

За короткое время Крымское ханство превратилось в авангард агрессии против славянских народов. В 1479 г. крымчаки опустошили Брацлавщину. В 1482 г. Менгли-Гирей, подстрекаемый Иваном III, захватил Киев, сжег Печерский монастырь, разграбил Софийский собор. В плен попали не только тысячи простых киевлян, но и сам киевский воевода Иван Ходкевич. В этой связи Никоновская летопись сообщает, что Менгли-Гирей «землю Киевскую учиниша пусту» (С.В. Позняк).

После Киевского погрома татары чуть ли не ежегодно повторяли свои набеги на южнорусские земли. Подсчитано, что с 1450 по 1556 г. они осуществили 86 крупных походов на Украину. Кроме того, были еще набеги небольших отрядов, а главное, с конца XV в. начались вторжения турецких войск в Галичину и на Подолье. Крымчаки и турки жгли города и села, грабили и насиловали жителей. Тут же они захватывали пленных, ко-

торых потом продавали на невольничьих рынках Кафы, Аккермана, Константинополя. Чтобы умиловить Менгли-Гирея великий князь литовский и король польский Александр Казимирович начал платить ему дань под названием «упоминков» в размере 15 тыс. злотых ежегодно. Но и это не остановило экспансии. Границы заселенных русским населением земель были вновь отодвинуты до укреплений, которые тянулись вдоль северного рубежа степи и включали Каменец, Винницу, Белую Церковь, Черкассы, Канев, Киев. На юг от этой линии лежало «Дикое поле» (С.В.Позняк).

«Население чувствовало себя вполне незащищенным. – отмечает М.С. Грушевский, – Литовское правительство, вместо того чтобы позаботиться о защите, предпочитало откупаться подарками, согласно было даже платить хану от каждого человека ежегодную дань, чего не было здесь и при татарском владычестве; уговаривало татар опустошать московские земли вместо литовских и в конце концов добилось только того, что орда одинаково начала опустошать и московские земли и литовские. Киевские земли по обе стороны Днепра почти совсем опустели от этих нападений. На Полесье, около Овруча и Чернобыля, были еще села, но начиная от Киева далее на юг держались только некоторые замки, и население, какое еще не убежало отсюда подальше на север и запад, в более безопасные края, жило только при этих замках и отсюда выходило на охоту или сельскохозяйственные работы. Запустение было горшее, нежели во времена Батыея, условия жизни несравненно тяжелее».

Таким образом, в результате экспансии Крымского ханства и Турции древние южнорусские земли обезлюдели, а черноморско-азовское побережье вплоть до 70-х годов XVIII в. стало турецко-татарским. «Не только Украина, – подчеркивает М. С. Грушевский, – но вся Восточная Европа, все соседние земли жили под тяжелым впечатлением турецких завоеваний, которых никто не мог остановить, и татарских опустошений, превративших всю Восточную Европу в сплошной невольничий загон, из которого татарские отряды свободно и невозбранно гнали табуны пленников на крымские рынки и наполняли невольниками Турцию, Италию, Францию, Испанию, африканское побережье, почти весь мир того времени».

«Торгуют невольниками по всем городам Крыма, больше всего в Кафе, – пишет литовский писатель XVI в. – Случается, что целые толпы несчастных, проданных в неволю, гонят прямо с рынка на корабли, так как город лежит при удобной морской пристани, а поэтому Кафу можно назвать не городом, а ненасытной, отвратительной бездной, пожирающей нашу кровь».

11.3. Возникновение и эволюция казачества в Украине. Запорожская Сечь

Слово «казак» – тюркского происхождения, существовало, по мнению Е. Прицака, с XII века, зафиксировано впервые в арабо-половецком словаре 1245 г., половецком словаре 1303 г. Сначала оно носило бытовой оттенок и означало: одинокий человек, холостой мужчина. В Крыму в начале XIV столетия им называли тюрок, служивших стражниками или разбойничавших в степях Причерноморья. В течение 200 лет на границе степи с оседлым населением, т.е. по линии Каменец-Подольск – Бар – Винница – Белая Церковь – Черкассы – Киев – Путивль – Рыльск – Тула – Рязань – Муром – Нижний Новгород, казаками считались также курьеры, эскорт, а с 1452 г. – чингизиды и их потомки (В.И. Семенешко).

В применении к христианскому восточнославянскому населению это слово впервые встречается в источниках только с конца XV в.

О времени возникновения и генетических корнях казачества единого взгляда в исторической литературе нет. По мнению М.С. Грушевского, казачество первоначально пережило зародышевую, «бытовую», стадию развития. Вслед за ним многие украинские историки относят к бытовому казачеству берладников и бродников. Утверждается, что после Батыева нашествия бродники появились в летописях под другим именем. Так, историк Н.Ф. Котляр считает, что термин «казак» возник именно в это время.

Остаются по-прежнему актуальными «уходническая» и «беженская» концепции возникновения казачества. Последняя версия особенно активно разрабатывалась советскими исследователями, которые с классовых позиций объясняли появление казаков усилением феодального гнета. Пополнение казачества действительно происходило в значительной степени за счет крестьян-беглецов. Но пионерами казачества крестьяне могли быть наравне с другими социальными группами населения, так как казацкие ватаги на пограничье начали формироваться еще до массового закрепощения крестьянства (С.В. Позняк).

В 1994 г. историк Н.М. Яковенко попытался подвести итоги длительной дискуссии о происхождении казачества на территории Украины. Он полагает, что в конце XV столетия казаки-тюрки и славянские казаки слились, и данное понятие приобрело несколько иное значение – человек вне подданства.

Первое письменное известие об украинской разновидности казачества помещено во «Всемирной хронике» польского историка XVI в.

М. Вельского и касается событий 1489 г., когда казаки помогли польскому коронному войску в борьбе с татарами на Брацлавщине.

В 1492 г. казаки напали на турецкий корабль в устье Днепра. Известно также, что в 1499 г. казаки вынуждены были отдать киевскому воеводе десятую часть своей добычи, взятой под Черкассами. В 1502 – 1504 гг. крымский хан обвинял киевских и черниговских казаков в нападении на его купцов и послов. В этой связи черкасский староста сообщал в Крым, что многих «лихих людей» поймал и казнил.

Во второй половине XVI столетия понятие «казак» все еще обозначало скорее способ жизнедеятельности, нежели социальный статус. В 1578 г. посланник польского короля, посетив остров Хортицу, где проживали казаки, отметил царившую среди них двуязычную украинско-татарскую речь. Не случайно в Оттоманской Порте казаков именовали «смешанным народом» (В.И. Семенешко).

Таким образом, на рубеже XV – XVI вв. ареал распространения казачества находился в Среднем Поднепровье. Здесь, в пограничье, начинает формироваться новое сословие. «Можно предположить, – отмечает С.В. Позняк, – что первоначально основную массу казачества составляли мещане городов, расположенных на границе с Диким полем. Среди них были смельчаки, которые весной шли в южную степь на промыслы. До осени они занимались охотой, рыболовством и бортничеством, а потом возвращались домой, платя старостам десятую часть своей добычи. Другим социальным источником казачества, а в более позднее время и основным, было крестьянство. Казаками становились также лишенные сана священники, искатели приключений из обедневшей знати и т.п.

По мере продвижения вниз по Днепру в Дикое поле у казаков появлялись первые элементы организации. Это диктовалось как хозяйственными вопросами, так и необходимостью вооруженной защиты тех земель, куда они ходили на промыслы, так называемых «уходов». Для взаимодействия на промыслах и обороны от татар казаки группировались в тесно объединенные отряды – «ватаги», – вожаками которых становились наиболее образованные, сильные, смелые и находчивые – «атаманы» (С.В. Позняк).

Все попытки литовских и польских официальных лиц остановить процесс количественного роста казачества, усиления его политико-социальной роли к успеху не привели. Более того, усиливавшимся татарским набегам центральные власти практически ничего не могли противопоставить. Небольшие пограничные замки, где окрестное население могло переждать очередной набег степняков, не отвечали потребностям мас-

штабной обороны. Необходимых средств на содержание здесь регулярного войска в казне Великого княжества Литовского не было.

Не намного лучше выглядела и оборона подольских границ Польши. Коронное правительство стремилось привлечь наемные конные отряды, но их численность была незначительной. Не помогали и попытки созыва шляхетского ополчения, так как его сбор требовал времени. Поэтому, именно казачество явилось тем бастионом, который стал на пути мусульманской экспансии в Европу. Кроме того, казаки своими частыми набегами зачастую «нарушали стабильность в Турции и Крыму». Так, в 1516 г. староста Хмельника П. Лянцкоронский во главе казачьего отряда штурмовал турецкую крепость Очаков. Староста Бара Б. Претвич провел 70 боев с татарами. Ядром его войск тоже были казаки.

Постепенно главная ответственность за оборону южных рубежей перекладывалась на инициативу и личную находчивость приграничных администраторов. В ВКЛ это были киевский воевода, каневский, черкасский и винницкий старосты. В польской части Украины такие функции выполняли каменецкий, хмельникский и барский старосты, каменецкий каштелян и так называемый коронный стражник, в обязанности которого входила организация сторожевой службы и разведки на татарских путях, а также оповещение местного населения о приближении опасности.

Источники свидетельствуют, что местная шляхта неоднократно призывала правительство и сейм организовать казаков как полувоенную касту для защиты восточных и юго-восточных границ. Такое предложение, в частности, было внесено на сейме еще в 1533 г. Е. Дашкевичем, наместником каневским и черкасским.

Отдельные представители местной администрации сумели найти общий язык с казаками и активно использовали их в борьбе с крымчаками и турками. Среди старост, которые «казаковали вместе с казаками», источники называют Предслава Лянцкоронского, Евстафия Дашкевича, Бернарда Претвича, Дмитрия Вишневецкого: То, что они не только занимались защитой края, но и осуществляли вместе с казаками походы против татар, дало основание части современников тех событий и отдельным историкам называть их гетманами. Однако, С.В. Позняк считает, что «употребление гетманского звания в отношении этих временных казацких предводителей в значительной степени является искусственным, не типичным для данного исторического периода».

Князь Дмитрий Вишневецкий воспет в украинском эпосе под именем Байды. В его богатой приключениями, овеянной славой жизни часто трудно отделить правду от вымысла. Известно точно, что родился он в Виш-

невцах на Волыни, родовом гнезде Вишневецких, которые были ответвлением рода Дмитрия-Корибута Новгород-Северского. В начале 50-х годов XVI в. Вишневецкий становится черкасским и каневским старостой. Именно в это время он организовал казацкие отряды и построил за днепровскими порогами на острове Малая Хортица площадью около 500 га крепость, которая должна была служить заслоном от татар. Она защищалась валами и редутами, высота которых даже через 400 лет составляла 12 м. Многие историки (Ю.А. Мицик, В.Я. Сергейчук, Н.М. Яковенко и др.) считают, что это и было основанием Запорожской Сечи – колыбели украинского казачества.

Примерно в 1553 г. ухудшились отношения Д. Вишневецкого с польским королем, после чего князь некоторое время находился в Стамбуле. Тогда король пошел на примирение с Вишневецким и с этой целью даже удостоил его титула «стражника на Хортице» (видимо, по аналогии с коронными стражниками). Но если князь смотрел на Хортицкую Сечь как на плацдарм для дальнейшего наступления на Степь, то Сигизмунд II Август не желал начинать широкомасштабную войну с Крымским ханством, за спиной которого стояла могущественная Порта. Зато планы Вишневецкого нашли поддержку у Ивана Грозного, и уже в 1556 г. украинские казаки и российские ратники осуществили два совместных похода в низовья Днепра. Они сожгли крепость Аслам-Кермен, а ее орудия вывезли на Хортицу. Почти одновременно по Крыму нанесли удар донские казаки и пятигорские черкесы, с которыми Вишневецкий согласовал свои действия.

Если попытку крымского хана Девлет-Гирея захватить Хортицу осенью 1556 г. казаки успешно отбили, то устоять против повторного наступления татар, турок и валахов осенью 1557 г. они не смогли и покинули Хортицу. Нежелание Сигизмунда II Августа оказать казакам действенную помощь и настойчивые требования турецкого султана выдать Вишневецкого вынудили князя в конце 1557 г. перейти на службу к Ивану Грозному. В Москве он был хорошо принят, получил в дар от царя г. Белев и ряд сел в Подмосковье, а также 10 тыс. рублей – огромную по тем временам сумму. В качестве московского воеводы Вишневецкий осуществил ряд походов на татар, в частности, только в 1559 г. трижды нападал на турецкую крепость Азов. Однако, когда российский царь, завязнув в войне на западе, отказался от активных действий на юге, Вишневецкий в 1561 г. вновь вернулся на Днепр. Существует предположение, что он приступил тут к строительству новой крепости на о. Монастырском перед днепровскими порогами.

Трагически закончилось для Д. Вишневецкого участие в очередной аванюре – династической войне за молдавский престол в 1563 г. В одном

из боев он был захвачен в плен и передан туркам, которые казнили его в Стамбуле после жестоких истязаний (С.В. Позняк).

Но не все исследователи связывают основание первой Сечи с именем Д. Вишневецкого. Н.Ф. Котляр и Г.Я. Сергиенко, например, ссылаясь на современника событий польского хрониста М. Вельского, считают, что первая Запорожская Сечь была основана на рубеже 40 – 50-х годов XVI в. на о. Томаковка, а в дальнейшем она неоднократно меняла свое место, переносилась казаками на другие днепровские острова: Малую Хортицу, Базавлук и т.д.

С точки зрения В.И. Семенешко и Л.А. Радченко первая Сечь была построена на острове Хортица, недалеко от Крайской переправы (Кискача), служившей татарам при их нападениях на Украину. Жилые помещения разместили на скале, с юга и запада их защищал ров глубиной более 20 м. Эта Сечь, названная Совутиной, существовала с середины XV до первой половины XVI вв. Строительными работами здесь руководили В. Свентольдович и П. Лянцкоронский.

По другим данным, первая Сечь под названием Комаровская, сформировалась еще в XIV веке на среднем Приднепровье — на территории нынешнего Переяслав-Хмельницкого района.

Всего зафиксировано восемь Запорожских Сечей, в том числе пять — на территории Никопольского района нынешней Днепропетровской области.

На острове Большая Хортица длиной 12 и шириной 2,5 км сохранились до нашего времени остатки Сечи П. Сагайдачного, О. Голуба и М. Жмайла (1617 – 1626).

Таким образом, проблема датировки возникновения Запорожской Сечи и ее первоначального местонахождения остается открытой. Время ее основания в силу слабой источниковой базы отделяется историками полярных взглядов значительным промежутком времени. Однако ни у кого не вызывает сомнения, то что выбор места для создания военно-политического центра казачества обуславливался как природными условиями, необходимостью его успешной обороны, так и привязкой к Днепру — главному пути морских походов против Турции и Крымского ханства. Все исследователи единодушны и в том, что с возникновением Запорожской Сечи казачество однозначно превратилось в субъект исторического процесса. Для населения Украины Запорожская Сечь, в целом казачество стали олицетворением свободы и равенства, защитником православной веры, бастионом против внешних и внутренних врагов, «политическим народом».

Контрольные вопросы

1. Что способствовало укреплению и расширению границ Великого княжества Литовского? Определите основные этапы включения украинских земель в его состав. Каковы их особенности?
2. Какой главный принцип был положен в основу политики литовских князей в этих землях?
3. Какие основные внешнеполитические противники были у ВКЛ на протяжении XIV – первой половины XVI вв. в отношении украинских земель? Как разворачивались отношения между ними?
4. Выделите главные причины обострения борьбы между Польшей, ВКЛ и Москвой за галицко-волыньские земли.
5. Используя дополнительный материал (прил. 8), выделите отличия в социально-экономическом, политическом и культурном развитии южно-, западно- и восточноукраинских земель в указанный период. Чем они были обусловлены?
6. Что лежит в основе различных подходов по вопросу о времени возникновения и генетических корней казачества? Чем объясняется возрастание внимания к казакам со стороны правительств Польши, ВКЛ, Московского государства и др. в XV – XVI вв.?
7. Какой смысл вкладывают исследователи, называя казачество Запорожской Сечи «политическим народом»? Что способствовало повышению роли казачества в политических процессах на Украине в конце XV – XVI вв.?
8. Каковы особенности военной организации и тактики казачьего войска до середины XVI в.? Опираясь на источники приведите примеры удачных походов казаков против Турции и Крымского ханства.

Литература

1. Беляева, С.А. Южнорусские земли во второй половине XIII – XIV вв. / С.А. Беляева. – К., 1982.
2. Бойко, О. Історія України / О. Бойко. – К., 2007.
3. Голобуцкий, В.А. Запорожское казачество / В.А. Голобуцкий. – К., 1957.
4. Грушевский, М.С. Иллюстрированная история Украины / М.С. Грушевский. – Донецк, 2002.
5. Грушевский, М.С. Очерк истории украинского народа / М.С. Грушевский. – К, 1990.
6. Дорошенко, Д. Історія України / Д. Дорошенко. – К., 1993.
7. Дорошенко, Д. Огляд української історіографії / Д. Дорошенко. – К., 1996.
8. Ефименко, А.Я. История украинского народа / А.Я. Ефименко. – К., 1990.
9. Историография истории Украинской ССР. – К., 1987.
10. История Украинской ССР: в 10 т. – К., 1981 – 82. – Т. 1 – 2.
11. Конончук, І.М. Історія України від стародавніх часів до помаранчевої революції / І.М. Конончук. – Ніжин, 2005.
12. Крикун, Н. Административно-территориальное устройство Правобережной Украины в XV – XVIII вв. / Н. Крикун. – К, 1992.
13. Майоров, А.В. Галицко-Волыньская Русь / А.В. Майоров. – СПб., 2001.
14. Плохий, С.Н. Папство и Украина: Политика римской курии на украинских землях в XV – XVII вв. / С.Н. Плохий. – К., 1989.
15. Позняк, С.В. История Украины (IX – первая половина XVII в.): курс лекций / С.В. Позняк. – Минск, 2002.

16. Семенешко, В.И. История Украины с древнейших времен до наших дней / В.И. Семенешко, Л.А. Радченко. – 2-е изд., испр. и доп. – Харьков, 1999.
17. Полоньска-Васіленко, Н. Історія України / Н. Полоньска-Васіленко. – К., 1995. – Т. 1 – 2.
18. Толочко, П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории / П.П. Толочко. – К, 1987.
19. Толочко, П.П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII – XIII вв. / П.П. Толочко. – К, 1980.
20. Федорасова, В.Г. История Украины с древнейших времен до середины XVIII в.: практикум / В.Г. Федорасова. – Минск, 2006.
21. Фроянов, И.Я. Города-государства Древней Руси / И.Я. Фроянов, А.Ю. Дворниченко. – Л., 1988.
22. Фроянов, И.Я. Древняя Русь / И.Я. Фроянов. – СПб., 1995.
23. Шабульдо, Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского / Ф.М. Шабулдо. – К., 1987.
24. Шумов, С.А. История Запорожской Сечи: сборник / С.А. Шумов. – К; М, 2003.
25. Яковенко, Н.М. Українська шляхта з кінця XIV да середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна) / Н.М. Яковенко. – К., 1993.
26. Яворницький, Д.И. История запорожских казаков: в 3-х т. – Т.2. – К., 1990. // <http://www.tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/JA/JavornitskijDI/izk2/>

Тема 12

РОССИЯ в XVI в.

1. Начало правления Ивана IV.
2. Реформы Избранной рады.
3. Опричнина: причины и последствия.
4. Внешняя политика Ивана Грозного.

12.1. Начало правления Ивана IV

Наследником скончавшегося в 1533 г. Василия III стал его малолетний сын Иван. Митрополит Даниил благословил его на престол: «Бог благословляет тебя, государь, князь великий Иван Васильевич, владимирский, московский, новгородский, псковский, тверской, югорский, пермский, болгарский, смоленский, и иных земель многих, и царь государь всея Руси. Добр здоров будь на великом княжении, на столе отца своего» (Ю.Ф. Козлов).

Ивану было всего три года, и государством стала управлять его мать княгиня Елена Глинская с братьями, которые проводили политику укрепления государственной центральной власти. В свое время В.И. Сергеевич, опираясь на летописный рассказ о последних днях жизни Василия III, высказал предположение, что государь назначил правителями «десять советников, приглашенных к составлению духовной и к выслушиванию последних приказаний великого князя». Подробнее эту версию развил А.Е. Пресняков в статье о судьбе не дошедшего до нас завещания Василия III. В основе этой работы, не утратившей значения и до сих пор, лежит анализ летописных текстов о кончине великого князя. Вопреки утверждениям Никоновской летописи, считает исследователь, Василий III не возложил на свою жену «все правление великого государства»; предсмертные распоряжения великого князя носили, по мнению А.Е. Преснякова, двойственный характер: одной группе душеприказчиков во главе с князьями Шуйскими великий князь «приказал» о своем сыне Иване и «о устроенье земском», а второй группе из трех особо доверенных лиц – М.Ю. Захарьина, кн. М.Л. Глинского и И.Ю. Шигоны Поджегина – поручил опеку над великой княгиней. О двойной опеке писал и С.Ф. Платонов, выделив «коллегию душеприказчиков», к которой он отнес князей Бельских, Шуйских, Б.И. Горбатого, М.С. Воронцова и др. (т.е. по существу все боярство!) и особую тройку опекунов, призванных охранять великую княгиню.

Иную версию предложил А.А. Зимин: по его мнению, Василий III поручил ведение государственных дел всей Боярской думе, а при малолетнем наследнике назначил двух опекунов – князей М.Л. Глинского и Д.Ф. Бельского.

Изучив все списки и редакции летописного рассказа о предсмертной болезни великого князя, С.А. Морозов, пришел к выводу, что «опекунов было трое: М. Захарьин, М. Глинский и И. Шигона» (М.М. Кром).

Столь разные мнения ученых о составе и компетенции регентского совета при Иване IV, основаны на одном и том же источнике – летописной «Повести о смерти Василия III», первоначальная редакция которой дошла до нас в составе Новгородской IV летописи по списку Дубровского, Софийской II летописи и Постниковского летописца. Основываясь только на летописных текстах (никаких актов, связанных с переходом престола к Ивану IV, не сохранилось), едва ли возможно сделать обоснованный выбор.

Дискуссия по данной проблеме – справедливо подметил М.М. Кром, – плодотворна лишь при условии введения в научный оборот всего комплекса источников, в которых содержатся сведения о событиях в России 1533 – 1534 гг.: дипломатической переписки, хроник, показаний пленных и перебежчиков, документов из Радзивилловского архива, хранящихся в собраниях Санкт-Петербурга и Варшавы. Такой подход, на наш взгляд, является наиболее приемлемым.

Тщательный и всесторонний анализ всех сохранившихся свидетельств дает нам сегодня все основания считать, что наиболее вероятной версией, имеющей серьезную опору в русских и зарубежных источниках, является версия о своего рода «триумvirате» – комиссии в составе Михаила Юрьевича Захарьина, кн. Михаила Львовича Глинского и Ивана Юрьевича Шигоны Поджегина, которой и была поручена опека над великокняжеской семьей (М.М. Кром).

Управление государством шло совместно с боярской верховной думой, в состав которой, кроме вышеназванных лиц, входили князья Бельские, Шуйские, Оболенские, Одоевские, Горбатый, Пеньков, Кубенский, Барбашин, Микулинский, Ростовский, Бутурлин, Воронцов, Морозов и др. Особым расположением Елены Глинской пользовался князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский, который вскоре сделался ее фаворитом.

Малолетство законного правителя делало положение регентши неустойчивым. Вскоре после похорон Василия III был раскрыт заговор, возглавляемый его братом Юрием Дмитриевским. Затем по обвинению в заговоре был казнен родной дядя Елены Михаил Львович Глинский (считают, что действительной причиной опалы было то, что он посмел читать нраво-

учения своей племяннице о чрезмерной близости с князем Овчина-Телепнев-Оболенским). Спустя несколько лет против княгини-регентши восстал еще один брат Василия III – Андрей Старицкий. Мятежный родственник искал поддержку среди населения Великого Новгорода. Однако верные Елене вооруженные силы перекрыли князю дорогу на Новгород. Андрей Старицкий сдался, был арестован и умер в тюрьме.

Короткое правление Елены Глинской ознаменовано не только борьбой с многочисленными заговорщиками и мятежниками, но и реформаторской деятельностью (схема 12.1).

Схема 12.1

Проведенная денежная реформа унифицировала систему денежного обращения. По всей стране были введены единые денежные знаки – копейки, определен стандарт веса монет. Унифицированы были также меры веса и длины. Началась реформа местного управления. С целью ограничения власти наместников в стране вводился институт губных старост. Эту выборную должность мог занимать только дворянин. В помощь ему избирались представители из верхних слоев городского и сельского населения. Такие люди получали право занимать должность земского старосты. Важ-

нейшие уголовные дела стали изыматься из ведения наместников с последующей передачей выборным губным старостам и «излюбленным головам», деятельность которых контролировалась непосредственно Боярской думой. Правительство Елены Глинской уделяло большое внимание укреплению обороны страны. Для защиты московского посада к востоку от Кремля в 1534 г. было сооружено полуземляное-полудеревянное укрепление, получившее название Китай-город. Вскоре после этого была построена надежная Китайгородская стена из красного кирпича с несколькими воротами. Однако социально-политическая обстановка в стране продолжала оставаться напряженной.

В 1538 г. Елена внезапно скончалась. Многие считали, что княгиня была отравлена. Следующие несколько лет прошли в борьбе за власть боярских группировок, которые не признавали власти, грабили казну, вели себя как «лютые звери свирепые, аки львы». Первоначально власть захватили противники централизации князя Шуйские, затем Бельские, Воронцовы, потом снова Шуйские, и, наконец, вернулись Глинские во главе с бабкой Ивана IV Анной. Дорого стоили стране боярские самоуправства: «города Гомель и Любеч пришлось отдать Литве, на южные и восточные рубежи Руси то и дело нападали татары». Каждая смена власти сопровождалась кровавой расправой с противниками и оставляла болезненный след в сознании малолетнего Ивана. «Он даже азартно, со злостью вмешивался в дворцовые интриги. Еще будучи мальчишкой, но уже чувствуя себя государем, он отдал распоряжение бросить на растерзание собакам Андрея Шуйского и приказал казнить Воронцовых» (Ю. Ф. Козлов).

Политическая ситуация в государстве изменилась в год, когда наследнику исполнилось 17 лет. В январе 1547 г. Иван Васильевич принял титул царя и великого князя «всея Руси». Политический смысл этого события заключался в укреплении власти московского государя, его авторитет исключал с этого момента любые притязания на верховную власть потомков аристократических родов. Новый титул уравнивал главу Русского государства с ханами Золотой Орды и императорами Византии. Вслед за венчанием на царство в жизни юного монарха произошло еще одно важное событие – женитьба. Выбор Ивана пал на Анастасию, происходившую из старинной семьи Захарьиных-Юрьевых. Отец Анастасии Роман (к тому времени умерший) был верным слугой еще князя Василия III. По его имени Захарьины и получают свою новую фамилию Романовы. В соответствии с устоявшейся на Руси традицией и правовыми нормами того времени брак делал молодого царя совершеннолетним и правомочным правителем.

Летом того же года русскую столицу постиг небывалый пожар. На беду погода стояла сухая, дул сильный ветер, превративший Москву в один огромный костер. Дотла выгорел весь посад: «от Кулижских (Покровских) ворот до Чертолья» (ул. Пречистенка). Проник огонь и в Кремль. Огненная стихия унесла жизни 1700 жителей. Виновниками случившегося народ считал царских родственников Глинских (по стечению обстоятельств дворы Глинских не пострадали). По городу разошелся слух, что «бабка царя Анна по ночам оборачивалась птицей, летала над Москвой, кропила город кровью, взятой из сердец мертвецов, отчего и случился пожар» (В.В. Кириллов).

В Москве вспыхнуло восстание. Горожане разгромили дворы Глинских и убили царского дядю Юрия. Остальных членов «ненавистой семьи», в том числе «ведьму» Анну и ее сына Михаила, нигде не могли найти. Они, к счастью для себя, успели бежать и укрылись в Ржеве. Между тем, сам царь Иван Васильевич уехал с молодой женой в подмосковное село Воробьево. Туда и явились вооруженные участники восстания. Люди требовали выдачи царских родственников. С большим трудом Иван убедил собравшихся, что Глинских в его палатах нет. Это восстание запомнилось царю на всю жизнь. «Вниде страх в душу мою и трепет в кости моя», – скажет он через много лет. Он приказал разыскать и казнить всех, «кто звал в эти дни народ к восстанию». Вместе с тем он отстранил от государственных дел Глинских и других бояр, которые злоупотребляли властью.

12.2. Реформы Избранной рады

По мнению некоторых историков именно события 40-х годов XVI в. и предопределили во многом характер последующей политики царя. У него появилось недоверие к княжеско-боярской аристократии, и он стал опираться на дворянство, которое было заинтересовано в укреплении царской власти. Иван IV сформировал неофициальное правительство из преданных ему людей, которое стало называться Избранной радой (схема 12.2). «Это не была ни „ближняя дума“, ни дума вообще, а особая компания бояр, объединившихся в одной цели овладеть московской политикой и направить ее по-своему» (С.Ф. Платонов).

Фактическим руководителем его стал незнатный по происхождению костромской дворянин Алексей Адашев. Большое влияние на царя оказывали глава церкви митрополит Макарий и священник Благовещенского собора Сильвестр. В работе Избранной рады принимали участие князь Дмитрий Курлятьев, Андрей Курбский, Михаил Воротынский, дьяк Иван Висковатый. Избранная рада осуществила ряд важных преобразований в

жизни страны, направленных на укрепление централизованного государства; «стремилась примирить интересы и бояр, и дворян, и духовенства» (Ю.Ф. Козлов).

Схема 12.2

Именно при правлении Избранной рады в 1549 г. был сделан важный шаг в становлении сословно-представительной монархии – собрался первый в русской истории Земский собор. Так стали называться периодически собираемые царем совещания для решения и обсуждения важнейших вопросов внутренней и внешней политики государства. (Л.В. Черепнин за период с 1549 г. по 1684 г. насчитал 57 Земских соборов (из них при Иване Грозном – 6, при Федоре Ивановиче – 3), но предполагает, что в действительности их было больше). Земский собор 1549 г. рассматривал проблемы отмены кормлений и пресечения злоупотреблений наместников, поэтому он получил название Собора примирения.

В середине 50-х годов завершается реорганизация центральных органов управления («изб»), за которыми позднее закрепилось название приказов. Если раньше текущее управление в стране осуществлял Большой (центральный) и областной дворцы, причем каждый из них на определенной территории, то теперь управление начинает строиться не по территориальному, а по ведомственному принципу. В каждом приказе сосредоточивалась какая-либо одна отрасль управления: Разрядный приказ – центральное ведомство по делам дворянского войска, Поместный приказ ведал поместным землевладением, Большой приход – сбором главных общегосударственных налогов и т.д. Особое значение имел Челобитный приказ, возглавлявшийся самим А. Адашевым. Этот приказ, разбиравший «челобития» (прошения, жалобы), контролировал деятельность центральных ведомств. В связи с присоединением к России новых территорий сложились некоторые областные приказы (Казанский, Сибирский). Во главе важнейших приказов находились бояре и окольничие. Всем делопроизводством ведали дьяки и подьячие.

Создание приказов представляло собой только начальный этап централизации государственного аппарата. Порой отсутствовало четкое разграничение функций между отдельными учреждениями. Для многих приказов было характерно совмещение судебных, административных и финансовых функций, а также соединение функционального управления с территориальным. Но в целом разветвленная приказная система с ее бюрократическим аппаратом явилась сильным орудием укрепления централизованного государства (В.Г. Игнатов).

В 1550 г. был принят новый Судебник Русского государства. Сама структура этого важнейшего документа говорит о быстрых темпах развития государственной и правовой системы в XV – XVI вв. Статьи Судебника 1550 г. более четко отделены одна от другой, чем статьи Судебника 1497 г. К первым статьям предыдущего Судебника были добавлены право-

вые нормы, определяющие наказания должностных лиц за несправедный суд и взяточничество. Судебные полномочия царских наместников ограничивались. Судебник подтвердил обязательство назначаемых царем наместников и волостелей «без старосты и без целовальников (так называли присяжных из местного населения, целовавших крест) суда не судити», потребовал повсеместного распространения этой практики, запретил наместникам и их тиунам произвольно арестовывать кого-либо из местных жителей, «не явя старосте и целовальникам», которым следовало объяснить причину ареста. Устанавливалась неподсудность служилых людей суду наместников, дела о разбойниках передавались в ведение губных старост. В Судебнике были указания о деятельности приказов. Ряд его статей касался социальной сферы. Здесь было подтверждено право крестьянского перехода в Юрьев день. Судебник 1550 г. ввел существенное ограничение по порабощению детей холопов. Ребенок, рожденный до того, как его родители оказались в холопстве, признавался свободным.

Значительные изменения произошли в системе местных органов власти. В 1556 г. система «кормлений» отменялась во всем государстве. К этому результату привели следующие шаги. В ходе губной реформы 1539 – 1541 гг. важнейшие уголовные дела (в то время – это борьба с разбойниками и антифеодальными выступлениями) были изъяты из ведения наместников и волостелей и переданы в руки губных старост, выборных из дворян. Но реформа проводилась не повсеместно, а в отдельных округах, по челобитью местного дворянства и верхушки посада. В 1549 г. из компетенции наместнического суда исключены были дворяне. По Судебнику 1550 г. суд наместников вообще ограничен участием на нем выборных представителей местного населения. В 1555 – 1556 гг. происходит широкое осуществление губной реформы. Наконец, в начале 50-х годов в отдельных посадах, волостях и уездах началась, а в 1556 г. приняла широкий размах Земская реформа. Суть ее состояла в том, что власть наместников заменялась земскими старостами, выборными из зажиточных посадских людей и черносошных крестьян, которых стали называть «излюбленными» старостами, судьями или «головами». Губная реформа проводилась на территории, где было развито феодальное землевладение. Земская реформа осуществлялась в районах, где вотчинное и поместное землевладение, как правило, отсутствовало. Вводимое в городах выборное самоуправление не распространялось на Москву (столица), Псков и Новгород (исконные вольности которых традиционно внушали царю опасения), Казань (в только что завоеванном крае было еще спокойно) и пограничные города-крепости. В перечисленных городах власть находилась в руках назначаемых государ-

ством воевод. Одновременно расширились полномочия института городских приказчиков, созданного на рубеже XV – XVI вв. Избираемые только служилыми людьми уездов, они все больше выступали в роли предводителей уездного дворянства как сословной корпорации, обязанной оборонять свои города. Постепенно в их руках сосредоточивались не только военно-административные, но также административно-хозяйственные и финансовые дела.

В связи с рассматриваемым вопросом необходимо обратить внимание на одно принципиальное разногласие, встречающееся в исторической литературе. Так, оценивая в целом реформу местного управления, С.Ф. Платонов считал, что «Иван IV дал широкое самоуправление земщине». И.Я. Фроянов по существу проводит тот же взгляд на реформу, отождествляя появление институтов городских приказчиков и губных старост с «ударами» по центральной власти и формированием «снизу» сословно-представительного государства, развитием местного самоуправления.

В.О. Ключевский же заметил в реформе местного управления, в первую очередь, заботу о казенном интересе, ради которого правительство воспользовалось «наличными зачатками земского самоуправления». Действительно, поскольку управленческая работа старост не оплачивалась, у них не было в ней заинтересованности. Более того, за нерадивое её исполнение они подвергались наказаниям, вплоть до смертной казни. Неудивительно, что потенциальные кандидаты в губные старосты стремились всячески избежать этой «почетной» обязанности. Их приходилось ловить, сажать в тюрьму, принуждать к крестоцелованию, без чего было нельзя ввести в должность.

Перед центральным правительством отвечать приходилось не только старостам, но и самим мирам, которые наделялись отныне новой ответственностью – мирской порукой за своих выборных управителей (старост и судей). Скреплялся круговой порукой уездного дворянства и выбор городских приказчиков, ведавших своими уездными городами в качестве комендантов и полицмейстеров. Это тоже свидетельствовало о введении в местное управление начал государственной ответственности. Таким образом, заменив служилых кормленщиков с их гражданской ответственностью по искам управляемых миров «мирскими органами правительства» с политической ответственностью перед ним, Избранная рада, несомненно, сделала большой шаг вперед по пути усиления государственной централизации (М.М. Шумилов).

Отменой кормлений разрешалась еще одна задача: военно-служилые люди избавлялись от обязанностей по управлению государством, сосредото-

точиваясь целиком на его военной функции. Средства, ранее поступавшие к ним как кормленщикам, теперь изымались правительственной властью в казну в виде особого оброка («кормленного окупа») и затем перераспределялись между ними же (через центральный фонд) сообразно их родовитости и служебной годности.

В первую очередь, от этой перемены выиграли те 1000 «детей боярских и лучших слуг» (так называемая «избранная тысяча»), которые еще в 1550 г. получили поместья в Москве и ближайших уездах (в радиусе 70 верст от Москвы). Составляя вместе с лучшими провинциальными служилыми дворянами особый корпус царской гвардии и ежегодно доказывая свою мобилизационную готовность, они же ежегодно получали и казенное жалование. Выигрывало от этой перемены и само государство, повышавшее свой военно-мобилизационный потенциал. Отмена кормлений также с неизбежностью вела к расширению поместного землевладения, превращавшегося для многих дворян в главный, если не единственный, источник их доходов.

В Московском государстве был заведен такой порядок, что всякий, кто владел землей, должен был нести ратную службу в меру своего землевладения (как вотчинного, так и поместного). «Уложением о службе» 1556 г. эта мера была официально определена и узаконена: со 100 четвертей (150 десятин) пахотной земли должен был выходить «человек на коне и в полном доспехе». Владелец 200 четвертей обязан был выступать в поход с одним вооруженным холопом; владелец 300 четвертей – с двумя и т.д. Таким образом, вотчинники должны были нести государству воинскую службу на тех же основаниях, что и помещики.

Московские дворяне (общей численностью в несколько тысяч человек) выступали в поход с десятками, а то и сотнями своих вооруженных холопов и командовали ими. Несколько тысяч столичных же дворян были рассеяны по полкам провинциального дворянства (как правило, дворяне одного уезда составляли особый военный отряд), где они занимали должности полковников и «голов», то есть батальонных и ротных командиров. Эта служба не была для них в тягость, так как получив в 1550 г. подмосковные поместья, они не утратили своих вотчин и поместий в уездах, а значит, и прежних связей и привязанностей. «Словом, был внесен известный порядок в жизнь, службу и хозяйство служилого класса, представлявшего собой до тех пор малодисциплинированную массу» (С.Ф. Платонов).

Одновременно утверждалось и другое правило, согласно которому всякий, кто нес ратную службу, должен был владеть землей сообразно чину и заслугам. В соответствии с ним поместьями наделялись безвотчинные

или маловотчинные люди. Поскольку же в XVI в. Россия вела бесконечные войны с Польшей и Швецией на Западе и татарами (казанскими, крымскими и ногайскими) на Юге и Востоке и имела постоянную потребность в «расширенном воспроизводстве» военно-служилого класса, то в связи с этим развивалась и поместная система (М.М. Шумилов).

Серьезным новшеством в военном деле стало создание в 1550 г. постоянного стрелецкого войска. Стрельцами стали называть пехотинцев, вооруженных огнестрельным оружием. Усилена была и артиллерия. В том же году был принят специальный указ, ограничивший местничество при назначении на командные должности в полках. В результате проведенных преобразований к концу XVI в. вооруженные силы России состояли из ста тысяч конных ратников, дворян и детей боярских, составлявших дворянское ополчение (служилые люди «по отечеству»), а также 25 000 пехотинцев стрелецких и казачьих полков и иноземных наемников (служилых людей «по прибору»), получавших денежное и хлебное жалованье и освобождавшихся от государственных налогов и повинностей.

Проведение преобразований не могло быть осуществлено при сохранении прежней системы феодальных иммунитетов – системы исключительных прав тех или иных светских и церковных феодалов, освобождавшей их от подчинения общим нормам закона, прежде всего, от уплаты налогов. Несмотря на колебания в этом вопросе общая политика государства в первой половине и, особенно, в середине XVI в. была направлена на уничтожение феодального иммунитета. Налоговую политику определило введение единой системы поземельного налогообложения – «большой московской сохи». Размер налоговых выплат стал зависеть от характера землевладения и качества используемой земли. Светские феодалы, помещики и вотчинники получили большие льготы по сравнению с духовенством и государственными крестьянами.

Процесс централизации власти неизбежно выдвигал вопрос о положении церкви в государстве. Стоглавый собор 1551 г. подвел черту под историческим спором иосифлян с нестяжателями (подробнее об этом речь пойдет далее). Еще до его созыва в сентябре 1550 г. между царем и митрополитом Макарием (1542 – 1568) было достигнуто соглашение, по которому монастырям запрещалось основывать в городах новые слободы, а в старых – ставить новые дворы. Из монастырских слобод выдворялись посадские люди, скрывавшиеся там от тяглового бремени.

От собора царь добивался той или иной уступки церковно-монастырской недвижимости или доходов от нее. В этом его поддерживали нестяжатели, а также ближайшие сподвижники-реформаторы, особен-

но, А. Адашев и Сильвестр, которые идеологически обосновали необходимость ликвидации земельных богатств церкви. Однако большинство высших иерархов церкви во главе с митрополитом оказали решительное противодействие этим посягательствам. Они даже не допустили обсуждения правительственной программы секуляризации церковных земель, единственно уступив верховной власти право контроля за денежными средствами монастырей: последним запрещалось ссужать деньги в «рост» и выпрашивать у царя без нужды новые угодья и льготные грамоты.

Уже после завершения работы Стоглавого собора, 11 мая 1551 г. Ивану IV удалось провести ряд дополнительных постановлений, также направленных на ограничение роста монастырского землевладения: монастырям запрещалось покупать вотчинные владения «без доклада» царю, на царя отписывались поместные и черные земли, которые были захвачены монастырями у дворян и крестьян «насильством» за долги, а также все владения бояр, переданные монастырям в малолетство Ивана IV (с 1533 г.).

Ответы собора на сто царских вопросов составили «Стоглав» – кодекс правовых норм внутренней жизни русского духовенства и его взаимоотношений с обществом и государством. (Название произошло от сборника принятых соборных решений, который содержит 100 глав, написанных в виде ответов на вопросы царя о церковном «строении».) «Стоглав» утвердил ранее принятые решения по канонизации местных угодников и признанию их всероссийскими святыми; запретил новаторство в иконописании; унифицировал порядок исполнения церковных обрядов; наметил открытие в Москве и других городах специальных школ для подготовки священников; осудил пороки в светской и церковной жизни; запретил приглашать на свадьбы скоморохов и т.д. В этой связи, «... собор 1551 г. действительно достиг своей универсальной цели: он подверг пересмотру все стороны русской церковной жизни, чтобы очистить ее по возможности от всех ее недостатков» (А.В. Карташев).

Реформаторская деятельность Избранной рады продолжалась около 10 лет. Вполне можно согласиться с тем, что «за это время было проведено столько реформ, сколько еще не знало никакое другое десятилетие в истории средневековой России. События более поздних лет уничтожили многие результаты этих преобразований. Отчасти их недолговечность, отчасти настойчивое очернение деятельности правительства Адашева, начатое Иваном Грозным, привели к недооценке их глубины и масштаба. Предпринятые в 50-е годы меры, с одной стороны, значительно усилили власть царя – создание постоянного войска, центральных органов управления (приказов), отмена кормлений, ограничение феодальных иммунитетов, с другой стороны,

способствовали формированию условий для ограничения власти царя – укрепление местного самоуправления, развитие законодательства (Судебник 1550 г.), появление зачатков представительных органов власти (Земские соборы). Таким образом, путь развития общества, который был намечен реформами Избранной рады, в перспективе мог привести к укреплению сословно-представительной монархии» (М.М. Шумилов).

Вместе с тем, уже с 1553 г. начинаются разногласия царя со своим «ближайшим окружением». В этот год из-за опасной болезни Ивана возник вопрос о престолонаследии. Не надеясь выжить, царь завещал престол своему недавно родившемуся сыну Дмитрию. Многие из придворных отказались присягнуть младенцу. В качестве кандидатуры на престол выдвигался двоюродный брат Ивана князь Владимир Андреевич Старицкий. Сильвестр и многие другие члены Избранной рады в решающий момент изменили царю и перешли на сторону его противников. Вопреки всеобщему ожиданию, царь Иван выздоровел. Он объявил о прощении своего родственника и приближенных.

Поводом для возобновления конфликта послужила смерть в 1560 г. царицы Анастасии. Члены Избранной рады были обвинены в том, что они «злым колдовством умертвили любимую царскую жену» (В.В. Кириллов). Недавние «советники и друзья верные» попали в опалу. Избранная рада прекратила свое существование, и проведение реформ было приостановлено (схема 12.3).

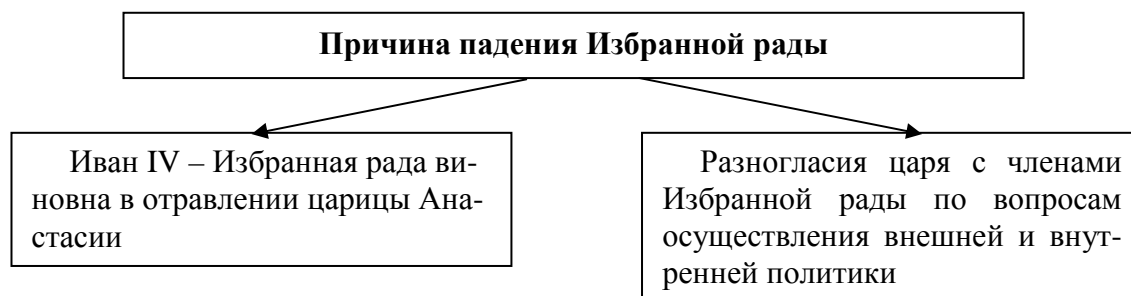

Схема 12.3

12.3. Опричнина

3 декабря 1564 г. Иван IV с семьей и приближенными внезапно выехал из Москвы. Поселившись в Александровской слободе (около 100 км от Москвы), примерно через месяц царь прислал в столицу две грамоты. В одной, обращенной к боярам, духовенству, служилым и приказным людям, он повторял свои прежние обвинения их в разных злоупотреблениях, изменах

и заговорах. Во второй, адресованной купцам и «ко всему православному крестьянству града Москвы», содержалось демагогическое заверение, чтобы «они себе некоторого сумления не держали, гневу на них и опалы некоторые нет». Этим шагом Иван рассчитывал внести смятение в «умы» и приобрести союзников в лице населения Москвы. И такой политический расчет полностью оправдался, и вскоре многолюдная депутация Боярской думы и высшего духовенства била ему челом, упрашивая, чтобы он «своими государствы владел и правил, как ему, государю, годно» (М.М. Шумилов).

В качестве условия возвращения на престол Иван назвал учреждение *опричнины* (схема 12.4).

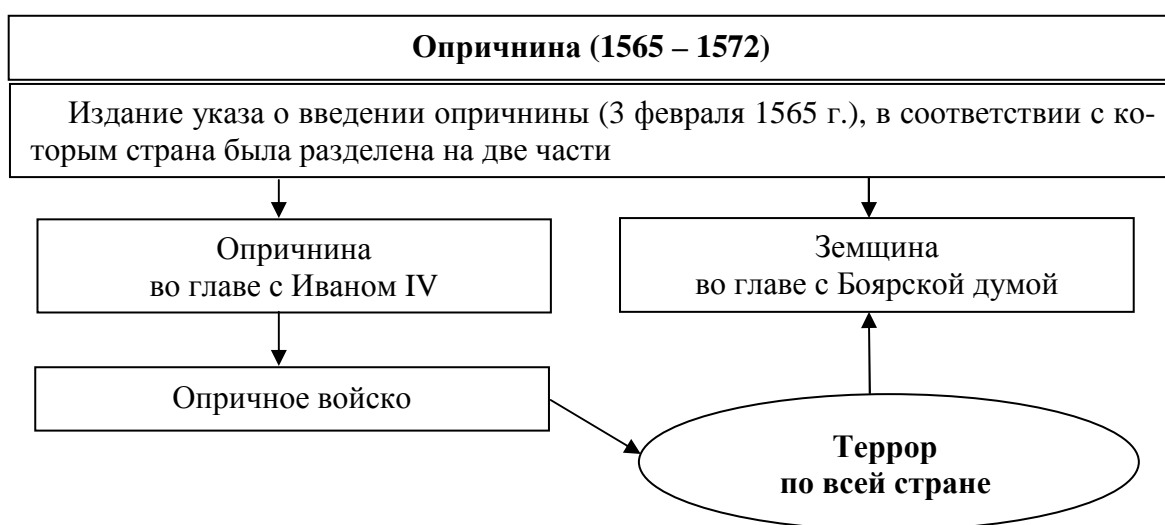

Схема 12.4

Это понятие, происходящее от слова «опричь» (кроме), существовало в феодальном праве и до Ивана Грозного. Когда-то так именовали земельный удел, выделяемый княжеской вдове. Царь Иван по-своему истолковал значение этого слова. Опричниной стали называть и специально выделенный царю земельный удел, и штат царских приближенных, и особое войско.

С возвращением его в Москву учреждался особый двор – «опричнина». Новые слуги, выбранные для нее, были обязаны повиноваться исключительно царю. Одетые в черное, опричники, корпус которых первоначально насчитывал тысячу человек, призывались «грызть» царских недругов и «выметать» из страны «крамолу» (к шеям своих вороных коней они привязывали собачьи головы, а у колчанов со стрелами – метлы).

Уже первые месяцы существования опричнины ознаменовались чудовищными по своей жестокости казнями неугодных царю людей. Жерт-

вами кровавых расправ оказывались заподозренные в измене бояре и государственные деятели, члены их семей и слуги. По обвинению в заговоре были казнены двоюродный брат царя Андрей Старицкий, его жена, дочь и мать. Одним из самых страшных преступлений Ивана Грозного была карательная экспедиция в Новгород зимой 1570 г. Ложный донос об измене новгородских бояр и духовенства послужил поводом для убийства тысяч ни в чем не повинных жителей города. Опричники не жалели ни женщин, ни детей. Людей подвергали всевозможным истязаниям, топили в реке, обливали каким-то огненным составом. По словам летописца, несчастные погибали на глазах царя «в лютых и неисповедимых муках». Следующим должен был стать Псков. По преданию, его спасителем оказался юродивый Никола. «Долго ли тебе лить неповинную кровь христианскую, царь-кровопийца?» – устыдил он «самодержца московского и всея Руси» и тот приказал повернуть назад (В.В. Кириллов).

На содержание своего нового двора, или личного удела, Иван IV забрал свыше ряд городов и уездов в центре страны (Суздаль, Можайск, Вязьму), богатые земли русского Севера, некоторые уезды на южных рубежах государства, отдельные волости, несколько подмосковных слобод и даже несколько улиц в самой Москве. К слову сказать, царь жаловал своих верных слуг землей, не останавливаясь перед выселением прежних вотчинников и помещиков (часть из них просто перешла в опричнину) в «земские» уезды. Одновременно с увеличением численности опричного войска (до 6 тысяч человек) происходило расширение опричных владений и зоны особого (опричного) управления. Остальная территория государства, составляя «земщину», оставалась в ведении «земских» бояр, управлявших согласно воле царя Ивана «по прежнему обычаю».

Нельзя не согласиться с мнением многих историков, которые считают, что введению опричнины (1565 – 1572) предшествовал целый ряд событий, оказавших несомненное воздействие на душевное состояние Ивана IV. Так, в 1554 г. ему стало известно о боярских симпатиях к князю Владимиру Андреевичу Старицкому, проявившихся во время его тяжелой болезни в 1553 г. Именно тогда у него впервые зародилось недоверие к Алексею Адашеву и Сильвестру, о чем говорилось выше. В 1557 – 1558 гг. царь столкнулся с боярской оппозицией курсу на развязывание Ливонской войны. Не нашел он поддержки в этом вопросе и у Избранной рады. В 1560 г. Иван IV остро переживал кончину любимой жены Анастасии Романовны. Тогда же произошел его окончательный разрыв с Сильвестром и Адашевым. Заподозренные в неверности, ближайшие советники царя были удалены от двора, а затем направлены в ссылку. Вскоре начались преследования и

казни бояр, заподозренных в измене (отъезды в Литву). Настоящий взрыв эмоций вызвал у царя побег воеводы князя Андрея Курбского в Литву (1564). После этого гонения на боярство еще более ужесточились.

Несомненно, что каждое из этих событий могло каким-то образом повлиять на перемену политического курса в 1565 г. В тоже время нельзя не согласиться с теми исследователями, которые предполагают, что «переход к опричнине был обусловлен не столько личными мотивами царя Ивана, сколько объективными противоречиями (политическим и социальным) внутреннего устройства Московского государства:

1) отношения монарха и боярской аристократии оставались неупорядоченными и неурегулированными;

2) активная военная политика и необходимость в постоянном увеличении численности войска заставляли государство систематически подчинять интересы производителей (крестьян, ремесленников и торговых людей) интересам служилого класса» (М.М. Шумилов). «Оба противоречия в своем развитии во второй половине XVI в. создали государственный кризис» (С.Ф. Платонов).

«Действительно, – отмечает М.М. Шумилов – титулованное боярство занимало в это время все высшие должности в центральном и местном управлении, командовало московскими полками (очень часто бывший удельный князь продолжал править своим уделом в качестве московского наместника). Потомки князей удельных и великих (новые титулованные московские бояре) усвоили взгляд на себя, какого не имели старинные нетитулованные московские бояре. Среди первых в XVI веке «утвердился взгляд на свое правительственное значение не как на пожалование московского государя, а как на свое наследственное право, полученное от предков независимо от этого государя» (В.О. Ключевский). Первенство в администрации и правительстве было «обеспечено ему его происхождением, “отечеством”» (С.Ф. Платонов). В то же время боярство было недовольно обременительностью ратной службы и других повинностей, возложенных на него верховной властью, и горько сожалело об утраченных выгодах былой удельной самостоятельности. Московские же государи далеко не всегда считались с его мнением и советами». Еще князь Василий III обзывал бояр «смердами», а Грозный говорил им, что «под повелительми и приставники нам быти не пригоже». «Отчего же государь и самодержец называется, как не от того, что сам строит», – спрашивал Иван IV у своего противника Андрея Курбского.

Всевластие, которым пользовалась титулованная знать в годы юности Ивана Грозного, должно было усилить ее недовольство упрочением положения их повзрослевшего государя, ставшего «царем» (А.Л. Хорош-

кевич). Часть бояр сомневалась в его праве единолично распоряжаться государственной властью и передавать ее по наследству, вмешивалась в прерогативу царя быть единственным представителем своего государства за его пределами, не останавливалась перед ущемлением царского величия в поисках замирения с Литвой и Польшей. При этом боярство не стремилось к изменению общественного строя. «В свою очередь, и власть до середины XVI в. не противопоставляла ничего определенного боярским притязаниям, не подавляла их систематично и круто... ни та, ни другая сторона не думала о коренной реформе отношений. Первая мысль об этом, как кажется, возникла только при Грозном» (С.Ф. Платонов).

Попытки Избранной рады смягчить противоречия боярства с царем и дворянством закончились неудачей. Возможно, что в проведении структурных преобразований она проявила больше потворства боярским интересам, чем того хотелось царю. Нельзя исключить и то, что «вводя моральный принцип в сферу управления не только внутренней жизнью страны, но и ее внешней политикой, Сильвестр вторгнулся в ту область, в которой царь хотел и имел полное право в соответствии со средневековыми представлениями о монархии господствовать один» (А.Л. Хорошкевич). Видимо, Избранная рада «должна была рано или поздно прийти в острое столкновение с государем» (С.Ф. Платонов), все политические идеалы которого, по словам В.О. Ключевского, сводились к одному: «к мысли о самодержавной власти». Заслуживает внимания и точка зрения В.Б. Кобрин, согласно которой, «у царя и его советников были разные концепции централизации», и что их соперничество закончилось победой концепции Ивана Грозного.

В то же время не следует переоценивать антибоярскую направленность опричной политики. Тезисы С.Ф. Платонова об антагонизме боярства, якобы стремившегося к децентрализации и сепаратизму, и царя Ивана, жаждавшего «самовластья», о широкой раздаче царем земель опальных вотчинников верным, но худородным дворянам-опричникам не получили соответствующего документального подтверждения. По мнению противников этой концепции (С.Б. Веселовский, С.М. Каштанов, А.А. Зимин, В.Б. Кобрин), крупное землевладение благополучно пережило опричнину. Подсчитано, в частности, что в начале XVII в. княжеская вотчина в среднем вдвое превосходила по площади дворянское поместье.

Утверждение об антибоярской направленности опричнины сомнительно не только по той причине, что русское боярство в целом стояло за государственную централизацию, а не сепаратизм, но и потому, что к середине XVI в. различные социальные группы феодалов уже успели консолидироваться в единое феодально-служилое сословие. Действительно, в

социальном отношении помещики и вотчинники не имели существенных различий. Размеры отдельных поместий не уступали средним вотчинам, среди же последних встречались и мельчайшие. Как правило, поместья передавались по наследству, вотчины же нередко и отбирались за служебную нерадивость или за «политические преступления» (М.М. Шумилов).

Одновременно не следует преувеличивать и «худородности» опричного воинства. В его состав входили не только плебейские, но и аристократические элементы. Впрочем, как показал Р.Г. Скрынников, при учреждении опричнины с ней еще не были связаны отпрыски не только княжеских, но даже знатных и старинных боярских родов. Отходя от рассуждений и придерживаясь только фактов, можно согласиться с тем его мнением, что опричнина, представляя собой систему внутривластных мер преимущественно репрессивного характера, «не была чем-то единым на протяжении семи лет»: 1) в самом начале опричного правления (в 1565 г.) в казанскую ссылку было отправлено около 100 из 282 княжат с одновременной конфискацией их родовых вотчин; 2) затем наступил черед бояр и земских дворян (только по «делу» боярина И.П. Федорова в 1568 г. было казнено около 500 человек); 3) в 1569 г. была уничтожена вся семья Старицких; 4) в самом конце 1569 г. Малютой Скуратовым был задушен Филипп Колычев, лишенный в 1568 г. митрополичьего сана за публичное осуждение опричнины и царского произвола; 5) в начале 1570 г. Иван Грозный учинил Новгородский погром (число его жертв по некоторым подсчетам достигло 10 – 15 тыс. человек); 6) вслед за этим страшные расправы ожидали Москву, где летом 1570 г. были казнены десятки незнатных чиновников земских приказов (дьяков и подьячих) и лиц других званий, в том числе думный дьяк И.М. Висковатый, более 20 лет руководивший внешней политикой России. Замыкали кровавый список непосредственные создатели опричнины – отец и сын Басмановы, князь Афанасий Вяземский, Михаил Черкасский и др. (М.М. Шумилов).

Большинство историков полагает, что осенью 1572 г. царь отменил опричнину. Под угрозой наказания царь запретил своим подданным даже произносить это слово. Многие бывшие опричники из палачей превратились в жертвы. Их обвинили в государственных преступлениях и казнили. Нельзя не отметить, что после упразднения опричнины, царь создал так называемый «двор» и вновь поделил страну на земскую и дворовую части. Но большой роли в политической и экономической жизни страны это уже не играло. С отказом от опричных порядков прекратился или, вернее, сократился массовый террор. Однако казни «заговорщиков» не прекратились. В 1573 г. от пыток умер воевода князь М.И. Воротынский, победивший крымчаков в Молодинской битве 1572 г. Поскольку беззакония, «пе-

реборы людишек» продолжались до самой смерти Ивана Грозного, некоторые ученые (С.М. Соловьев, С.Ф. Платонов, П.А. Садиков) рассматривали опричнину в хронологических рамках 1565 – 1584 гг. (М.М. Шумилов).

В 1575 г. Иван Грозный по не вполне понятным причинам совершил странный поступок: имея двух сыновей-наследников, он неожиданно объявил главой государства крещеного татарского князя Симеона Бекбулатовича, правнука хана Золотой Орды Ахмата, а себя – лишь скромным удельным князем, «Иванцом Московским», подданным Симеона. Игра в отречение продлилась всего лишь год. В 1576 г. татарский князь был смещен, «получив Тверь и Торжок», и все встало на свои места.

Какие цели преследовала опричнина? Зачем Ивану Васильевичу понадобились массовые убийства и казни? Ответы на эти и другие вопросы пытались дать не одно поколение исследователей (схема 12.5).

Схема 12.5

Историки XVIII – XIX вв., объясняя внутреннюю политику Ивана IV, часто выдвигали на первый план личные качества царя. Н.М. Карамзин писал о психическом расстройстве Ивана IV. Но еще С.М. Соловьев понял, что опричнина не объясняется одной лишь царской жестокостью. В действиях Грозного он увидел борьбу за утверждение новых государственных начал против старых родовых. С.Ф. Платонов полагал, что опричнина задумывалась как целенаправленная государственная реформа, призванная сокращать политическое и экономическое могущество бояр-вотчинников и потомков удельных князей.

В 1930 – 1940-е гг. советская историография восхваляла чуть ли не каждое деяние Ивана IV. Этот царь, с легкой подачи И.В. Сталина, провозглашался выдающимся государственным деятелем и борцом с сепаратизмом реакционных бояр. Даже в постановлении ЦК ВКП(б) он назывался человеком «с сильной волей и характером» (В.В. Кириллов).

Историк А.А. Зимин усмотрел в действиях царя противоречия: борясь с пережитками удельной старины, он создал в своем государстве новый удел – опричнину. По мнению А.А. Зимина, опричный террор был направлен не только против удельной системы, но и против самостоятельности церкви и некогда независимого Новгорода, против остатков свобод крестьянского населения России.

Р.Г. Скрынников, считает, что опричнина была призвана ликвидировать экономическое могущество боярско-княжеской знати. С этим категорически не соглашался известный специалист по истории русского средневековья В.Б. Кобрин. Развивая положения работ А.А. Зимина, В.Б. Кобрин пришел к выводу, что опричнина не изменила характер и структуру феодальной земельной собственности. Боярское и княжеское землевладение пережило опричнину. По мнению В.Б. Кобрина, никакого противостояния боярства и дворянства не было. Главной целью опричнины являлось укрепление личной власти царя.

Исследователь А.Л. Хорошкевич полагает, что опричнина была средством для подавления недовольства затянувшейся и непопулярной Ливонской войной. Очень интересную, хотя и нуждающуюся в доказательствах, гипотезу высказал А.Л. Юрганов. Он предполагает, что главными в политике Ивана Грозного были не политические или социальные, а религиозные мотивы. Опричный террор был для религиозного фанатика прообразом «страшного суда» на земле (В.В. Кириллов).

Опричнина имела далеко идущие политические последствия (схема 12.6).

Некоторые специалисты в области истории государства и права России считают, что «главным результатом опричнины стал новый механизм власти, с помощью которого стало возможным управлять огромной стра-

ной, не поощряя, а наоборот – гася ростки демократии. На смену сословно-представительной монархии в результате опричного переворота пришло самодержавие как форма политической и государственной организации господствующего класса. Никаких реальных возможностей ограничения власти Ивана Грозного ни Боярская дума, ни изредка созываемые в этот период Земские соборы не имели» (В.Г. Игнатов).

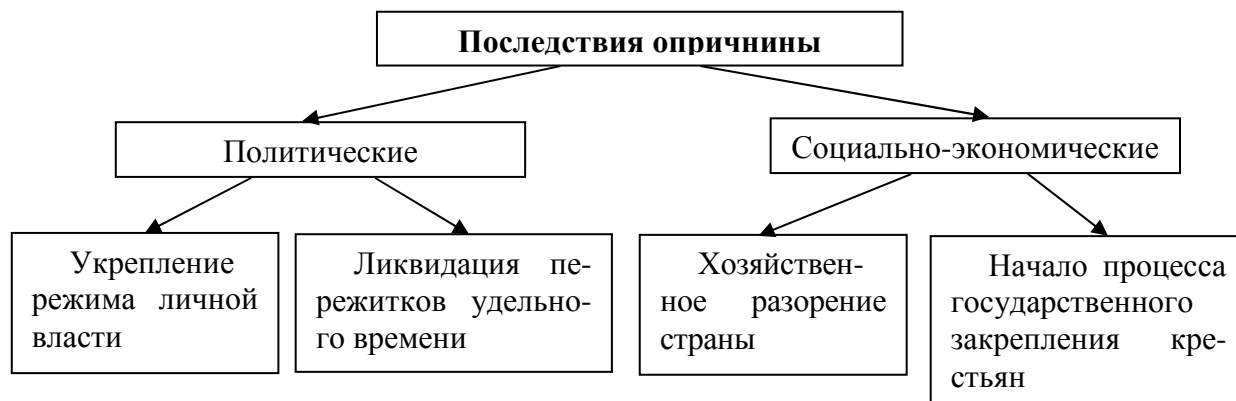

Схема 12.6

По мнению М.М. Шумилова, за годы опричного правления российское государство «значительно продвинулось вперед по пути централизации: ослабло влияние титулованного московского боярства; со смертью Владимира Старицкого исчезло последнее удельное княжество; с низложением митрополита Филиппа Колычева нарушались прежние отношения государства и церкви; с разгромом Новгорода окончательно подрывалась общественная самодеятельность «третьего сословия».

При этом следует иметь в виду, что опричная политика, проводившаяся при отсутствии достаточных социально-экономических предпосылок централизации (в XVI в. государство еще не располагало необходимыми средствами для содержания многочисленной бюрократии, регулярного войска, развитых карательных органов, отделенных от сословия землевладельцев), с неизбежностью порождала такие рецидивы децентрализации, как, например, разделение страны на опричнину и земщину (А.А. Зимин) или «видимость всевластия московского самодержца», оказавшегося «игрушкой в руках авантюристов типа Малюты Скуратова» (Р.Г. Скрынников). Может быть, поэтому «вызванная столкновением, причиной которого был порядок (самодержавная монархия, но с аристократическим управлением Боярской думы), а не лица, она (опричнина) была направлена против лиц, а не против порядка» (В.О. Ключевский).

В конечном счете, опричнина с неизбежностью выродилась в бессмысленную войну Ивана Грозного со своим народом. «Современники по-

няли, что опричнина, выводя крамолу, вводила анархию, оберегая государя, колебала самые основы государства. Направленная против воображаемой крамолы, она подготавливала действительную» (В.О. Ключевский). Можно, наверное, согласиться и с тем мнением (Р.Г. Скрынникова), что опричнина, расколов дворянское сословие, способствовала вызреванию предпосылок первой гражданской войны (смуты) в России в конце XVI – начале XVII вв.» (М.М. Шумилов).

Влияние опричной политики этим не исчерпывалось. Опричнина придала новые импульсы процессу закрепощения. Имея продворянскую направленность, она помогла многим служилым людям обзавестись землей и крестьянами, причем в тех местностях, где не только не преобладало крупное боярское землевладение, но где вообще феодально-крепостнические отношения отличались сравнительной незрелостью. Опричнина, с точки зрения С.М. Каштанова, «появилась именно в тот момент, когда в силу развития крепостнического процесса в разных районах страны еще имелась реальная перспектива, не нарушая коренных экономических интересов всего класса феодалов в целом, обеспечить помещиков землей и крестьянами, т.е. довести до конца осуществление одного из главных пунктов социальной программы укреплявшегося централизованного государства».

Когда же эта политика стала распространяться на «развитые» в феодально-крепостническом отношении центральные области Московского государства, порождая при этом серьезные столкновения внутри самого служилого сословия, последовало её свертывание. Вот еще одно объяснение отмены опричнины.

Опричнина вела к обострению экономического кризиса: значительная земельная площадь не обрабатывалась, «тяглое население», спасаясь от бремени все новых государственных повинностей, помещичьего закабаления, голода и болезней, особенно в конце 60-х – начале 70-х годов XVI в., бежало на южные и восточные окраины государства. Этот поток, продолжаясь до конца XVI в., привел к тому, что обширные области центральных и северо-западных уездов наполовину опустели. Деревни в 70 – 80-е годы зарастали лесом, пахотные угодья превращались в заросшие пустыри. Неслучайно многие современники называли сложившуюся в экономике России ситуацию этого периода «порухой». «Мелкий служилый люд, дети боярские, дворовые и городовые, сидевшие на обезлюдевших поместьях и вотчинах, были прямо в ужасном положении. На них лежали всей тяжестью война Ливонская и охрана границ от Литвы и татар. Военные повинности не давали им и короткого отдыха, а в то же время последние средства для отбывания этих повинностей

иссякали, благодаря крестьянскому выходу и перевозу и постоянному передвижению самих служилых людей» (С.Ф. Платонов).

Одновременно с этим, опережающий (в сравнении с крестьянством) рост численности служилого сословия за счет привлечения на военную службу все новых выходцев из плебейских слоев, измельчание земельной собственности вели к повышению степени феодальной эксплуатации. Помещики проявляли все большую нетерпимость к сохранявшимся правам крестьян и, в первую очередь, к праву перехода. Они все решительнее требовали введения крепостнического законодательства.

Государство шло до известного предела навстречу пожеланиям помещиков, проявляя, вместе с тем, и определенную сдержанность, опасаясь превращения задолжавших крестьян из «тяглых людей» в кабальных холопов, которые не были обязаны государству. Первые указы, запрещающие крестьянам уходить от прежних хозяев появились именно в начале 80-х годов. В частности, в 1581 г. были установлены так называемые «заповедные лета», впредь до отмены которых крестьянам запрещалось покидать своих владельцев. На деле это означало, что крестьян лишили древнего права перехода в Юрьев день к другому хозяину, хотя формально закона о его полной отмене, вероятно, не было.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно согласиться с тем, что опричина, как и в целом политика Ивана VI Грозного второй половины 60-х – начало 80-х годов XVI в., имела в большей степени негативные последствия:

- 1) разорение значительной территории страны и тяжелейший экономический кризис в 70 – 80-е годы XVI в.;
- 2) поражение в Ливонской войне, катастрофическое падение международного престижа России, национальное унижение;
- 3) формирование режима личной власти;
- 4) превращение русских дворян «в холопов самодержавия»;
- 5) закрепощение крестьян;
- 6) подготовка условий для «Смутного времени» в России на рубеже XVI – XVII вв.

В заключение уместно, на наш взгляд, привести слова В.О. Ключевского: «Жизнь Московского государства и без Ивана устроилась бы так же, как она устроилась до него и после него, но без него это устройство пошло бы легче и ровнее, чем оно шло при нем и после него: важнейшие политические вопросы были бы разрешены без тех потрясений, какие были им подготовлены...».

12.4. Внешняя политика Ивана Грозного*

Во внешней политике Ивана Грозного выделяют три основных направления: южное, западное и восточное (схема 12.7).

На южном направлении необходимо было защищать русские границы от набегов крымских татар. С этой целью была построена новая оборонительная линия – Тульская засечная черта. Поход русских войск на Крым в 1559 г. окончился неудачей. Как уже отмечалось выше, в 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей совершил поход на Москву. Следующий набег крымчаков летом 1572 г. удалось остановить. Ханское войско было разбито М.И. Воротынским у села Молоди (в 60-ти км к югу от Москвы).

Правление Избранной рады отмечено значительными успехами во внешней политике государства на восточном направлении. В начале 1550-х гг. к русскому государству были присоединены два крупных татарских государства, образовавшиеся после распада Золотой Орды. В 1551 г. началась подготовка к походу на Казанское ханство. Решающую роль в его стратегическом и техническом обеспечении сыграл талантливый дьяк И.Г. Выродков. В августе 1552 г. 150-тысячное войско подошло к хорошо укрепленным стенам Казани. При взятии города применялась передвижная осадная башня — «гуляй-город». По замыслу И.Г. Выродкова под казанский кремль были сделаны подкопы, куда закладывались бочки с порохом. Взрывы разрушили часть стены, и через ее проломы русские войска вошли в город. 2 октября 1552 г. Казань пала. В 1556 г. было завоевано Астраханское ханство.

Таким образом, границы Московского царства перешагнули за Волгу и приблизились к границам Азии. Этот рубеж был преодолен в начале 1580-х гг. Вооруженная на средства богатых купцов Строгановых экспедиция казаков во главе с Ермаком Тимофеевичем совершила поход в Сибирь, разбила войска сибирского хана Кучума и присоединила его земли к Русскому государству. С этого момента началось освоение Сибири русскими людьми.

После присоединения Поволжья приоритетным во внешней политике стало западное направление. Главной целью начавшейся в 1558 г. Ливонской войны стало завоевание Россией выхода к Балтийскому морю. В 1558 – 1560 гг. военные действия велись против рыцарского Ливонского ордена, которому принадлежала территория Прибалтики.

* Материал лекции с небольшими изменениями взят из книги: Кириллов, В.В. История России: учеб. пособие / В.В. Кириллов. – М., 2006. – С. 116 – 120.

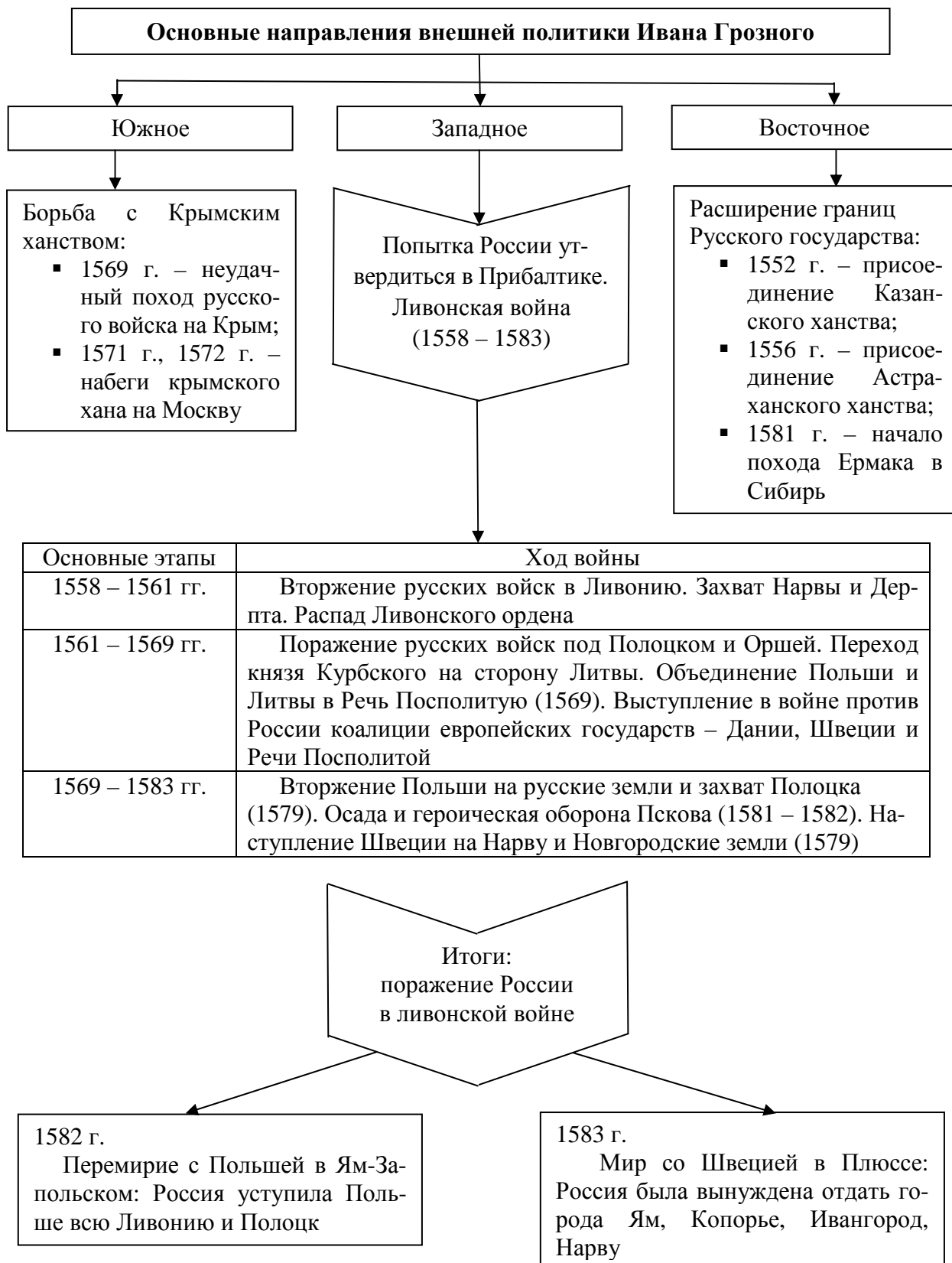

Схема 12.7

Начало войны оказалось удачным: войска Ивана IV прошли почти всю Ливонию, взяли 20 городов, Орден был фактически разгромлен, а сам магистр взят в плен. В 1561 г. Ливонский орден распался.

Однако победы русских шли вразрез с интересами Польши, Дании и Швеции, к которым перешли бывшие владения Ордена, поэтому России пришлось сражаться уже с тремя сильными противниками. Взятие в феврале 1563 г. Полоцка оказалось одним из последних крупных успехов русских войск. В 1563 – 1564 гг. они потерпели ряд серьезных поражений.

В начале 1570-х гг. русскому царю на время удалось достичь ряда дипломатических и военных успехов. Чтобы нейтрализовать Данию, Иван IV создал в Прибалтике подчиненное себе королевство, во главе которого стоял брат датского монарха Магнус, женатый на племяннице Ивана Грозного. Выгодной для России оказалась и ситуация в образованной в результате объединения в 1569 г. Польши и Литвы Речи Посполитой. Управлял этим государством избираемый шляхтой король. В 1572 – 1575 гг. в Речи Посполитой наступил характерный для истории этой страны период бескоролья и анархии. За эти годы России удалось одержать несколько новых побед, занять многие города Прибалтики.

Ситуация изменилась с приходом на польско-литовский престол нового короля Стефана Батория. В 1577 г. Магнус изменил Ивану Грозному и перешел на сторону Польши. В 1579 г. Стефан Баторий начал наступление, в результате которого были заняты Полоцк, Великие Луки и другие города. В 1581 г. его войска осадили Псков. Только героическое сопротивление защитников города помогло остановить наступление. Пять месяцев польский король осаждал город, но взять его не смог. В 1582 г. в Ям-Запольском было заключено перемирие, согласно которому между Россией и Польшей сохранялась старая государственная граница. Перемирие со Швецией было заключено в 1583 г. в Плюссе. Россия не только не приобрела желанного выхода к морю, но и вынуждена была уступить города Ям, Копорье, Ивангород и прилегающее к ним южное побережье Финского залива. Таким образом, растянувшаяся на четверть века Ливонская война окончилась поражением России.

Контрольные вопросы

1. Какие факторы оказали влияние на обострение внутривосточной ситуации в Московском государстве после смерти Василия III?
2. Какие реформы проводило правительство Избранной рады? В чем их сущность и каковы результаты?

3. Чем можно объяснить обострение отношений между церковью и властью в период правления Ивана IV?
4. Что такое опричнина? Как объясняют историки ее появление, цели и задачи? Какие последствия она принесла Российскому государству и его населению?
5. Каковы были основные направления внешней политики Ивана Грозного? В чем причина успехов и неудач России в ходе военных кампаний?
6. Чем можно объяснить затяжной характер Ливонской войны? Каковы ее основные этапы и итоги?

Литература

1. Зимин, А.А. Опричнина Ивана Грозного / А.А. Зимин. – М., 1992.
2. История государства Российского: Хрестоматия. Свидетельства. Источники. Мнения. XV– XVI вв. – Кн. 1. – М., 1998.
3. История государственного управления в России: учеб. / отв. ред. В.Г. Игнатов. – Ростов на Дону, 1999.
4. История России IX – XX вв.: пособие по отечественной истории / отв. ред. М.М. Шумило. – 4-е изд., перераб. и доп. – Спб., 1996.
5. История России с древнейших времен до 1917 года: учеб. / С.П. Боброва [и др.]. – Иваново: Кафедра отечественной и всемирной истории ИГЭУ // «Хронос – всемирная история в Интернете // <http://www.hronos.km.ru/>»
6. Карташев, А.В. Очерки по истории русской церкви / А.В. Карташев. – М., 1993. – Т. 1.
7. Кобрин, В.Б. Иван Грозный / В.Б. Грозный. – М., 1989.
8. Козлов, Ю.Ф. Страницы правления государством российским / Ю.Ф. Козлов. – Йошкар-Ола. 1990.
9. Кириллов, В.В. История России: учеб. пособие / В.В. Кириллов. – М., 2006.
10. Кузьмин, А.Г. История России с древнейших времен до 1618 г.: учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 кн. / А.Г. Кузьмин. – Кн. 2. – М., 2004.
11. Кром, М.М. Политический кризис 30 – 40-х годов XVI века (Постановка проблемы) / М.М. Кром. – режим доступа: // <http://www.auditorium.ru>.
12. Пушкарев, С.Г. Обзор русской истории / С.Г. Пушкарев. – Ставрополь, 1993.
13. Скрынников, Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный: в 2 т. / Р.Г. Скрынников. – Смоленск, 1996.
14. Скрынников, Р.Г. Иван Грозный / Р.Г. Скрынников. – М., 1983.
15. Скрынников, Р.Г. Царство террора / Р.Г. Скрынников. – СПб., 1992.
16. Черепнин, Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI – XVII вв. / Л.В. Черепнин. – М., 1978.
17. Флоря, Б.Н. Иван Грозный / Б.Н. Флоря. – М, 1999.
18. Шмидт, С.О. У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного / С.О. Шмидт. – М., 1996.

Тема 13

РОССИЯ в конце XVI – начале XVII вв.*

1. Причины и сущность Смуты.
2. Характеристика основных этапов Смуты.
3. Воцарение династии Романовых и завершение Смуты.

13.1. Причины и сущность Смуты

После смерти царя Ивана Грозного в 1584 г. на русский престол взошел его сын Федор, который был болезненным и неспособным к управлению государством человеком (схема 13.1).

Очень скоро фактическим правителем страны становится царский шурин Борис Годунов.

Вместе с тем внутренняя и внешняя политика второй половины 1580-х – начала 1590-х гг. отмечена рядом значительных успехов. Короткая, но удачная война со Швецией позволила вернуть ряд территорий, утраченных в результате Ливонской войны. В 1591 г. русские войска успешно отразили набег крымских татар. Со многими странами Запада и Востока были установлены стабильные дипломатические отношения. Продолжалось освоение новых земель.

В Западной Сибири были построены первые русские города и остроги: Тюмень, Тобольск, Березов, Сургут. Новые крепости возникли и на южных рубежах государства. Большое значение для международного престижа России и внутренней жизни государства имело введение в 1589 г. патриаршества. Во главе Русской православной церкви встал независимый от греческих патриархов предстоятель Иов.

В 1591 г. в удельном городе Угличе при невыясненных обстоятельствах погиб девятилетний царевич Дмитрий, младший сын Ивана Грозного. Народная молва обвинила в убийстве ребенка людей, якобы подосланных Борисом Годуновым. В Угличе вспыхнуло восстание, и все, кого считали виновниками трагедии, были растерзаны толпой. Приехавшая в город комиссия во главе с боярином В.И. Шуйским пришла к выводу, что страдавший эпилепсией ребенок во время припадка нечаянно «сам себя поколол ножом». Спустя несколько лет после случившегося убийцей царевича вновь станут считать Бориса Годунова. В его виновность будут верить и великий историк Н.М. Карамзин, и великий поэт А.С. Пушкин.

* Материал лекции с небольшими изменениями взят из книги: Кириллов, В.В. История России: учеб. пособие / В.В. Кириллов. – М., 2006. – С. 126 – 142.

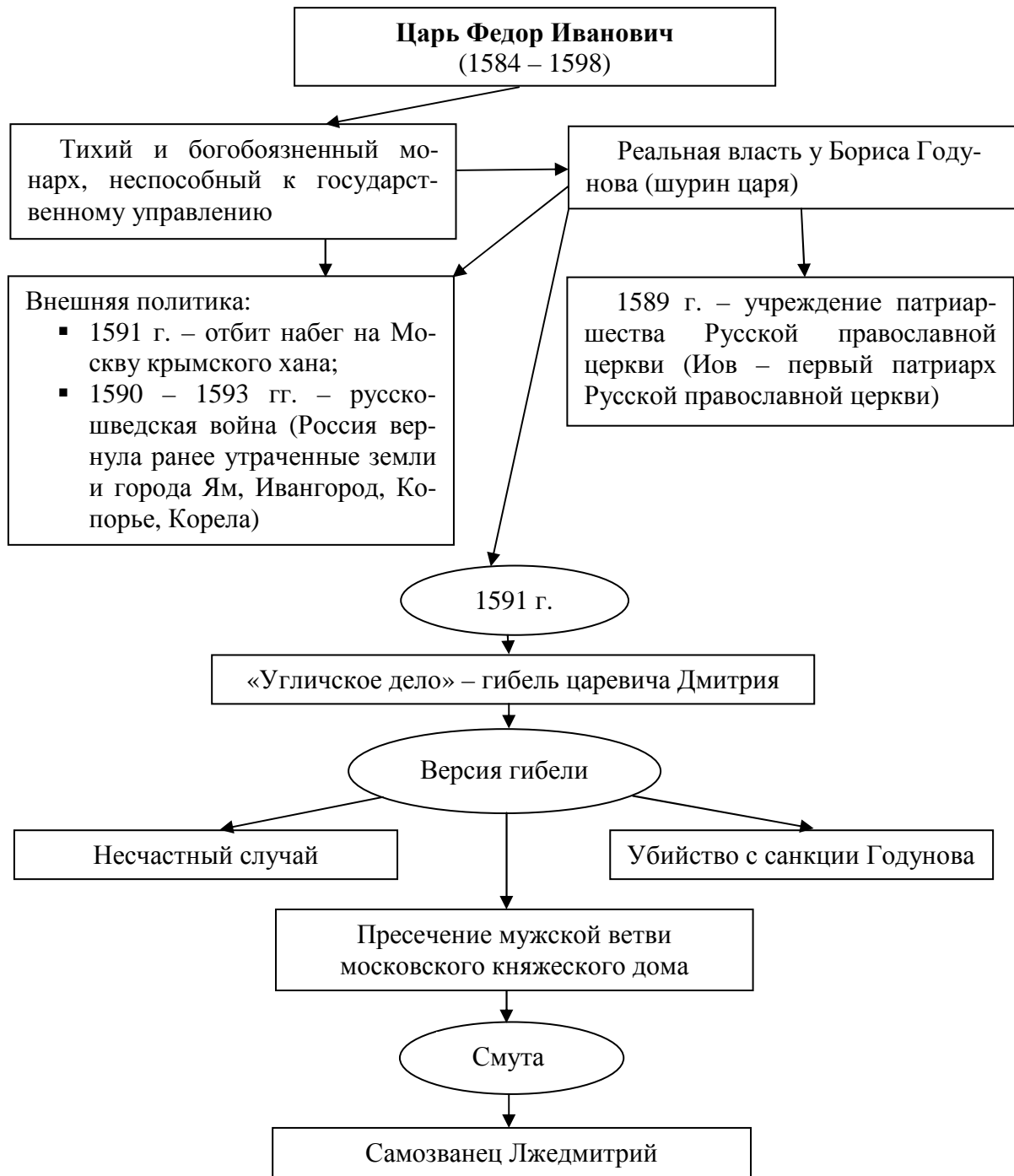

Схема 13.1

В настоящее время единого мнения о том, что же послужило причиной гибели Дмитрия, у историков нет. А.А. Зимин не исключал возможность как убийства, так и несчастного случая. Р.Г. Скрынников убежден, что никакого заговора и преднамеренного убийства не было. Вероятно, угличская трагедия 1591 г. навсегда останется для нас тайной. В 1598 г. не

стало и бездетного царя Федора. Династия Ивана Калиты прервалась. В том же году Земский собор избирает на царство Бориса Годунова.

События, произошедшие в Московском государстве на рубеже XVI – XVII вв., вошли в историю под кратким и выразительным названием «Смутное время» (схема 13.2).

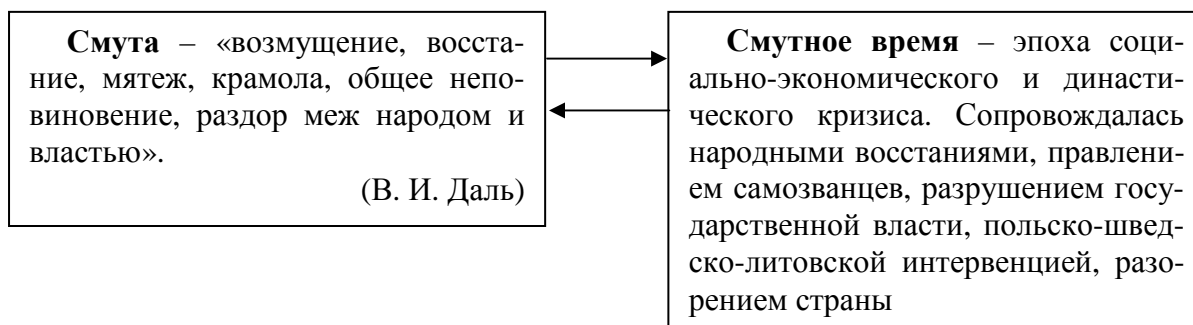

Схема 13.2

Причины и сущность событий начала XVII в. по-разному оценены отечественными историками (схема 13.3).

Н.М. Карамзин называл Смуту разворотом всех сфер русского общества. С.М. Соловьев говорил о его нравственном и моральном разложении. В.О. Ключевский и С.Ф. Платонов характеризовали Смуту как социальное движение, зародившееся в верхах русского общества и постепенно втянувшее в свою орбиту широкие слои русского общества. Советские историки сочли определение «Смута» ненаучным и дали событиям начала XVII в. свое название, звучащее куда более громоздко: период крестьянской войны и польско-шведской интервенции. Акцент делался на классовую сущность происходивших событий, которые рассматривались как высшая форма борьбы против эксплуататоров. Многие современные исследователи считают, что социальные потрясения, пережитые Россией 400 лет назад, были настоящей гражданской войной.

Гражданская война в России была обусловлена очень сложной ситуацией внутри страны. К началу XVII в. еще сильно сказывались последствия опричнины. В результате внутренней политики Ивана Грозного произошло закрепощение русского крестьянства. Его положение ухудшилось еще больше после принятия в 1597 г. правительством Бориса Годунова указа о пятилетнем сыске беглых крестьян и закона о кабальных холопах, запрещавшего людям, попавшим в кабалу, освобождаться путем уплаты долга. Отныне они должны были оставаться холопами вплоть до смерти своего господина. Крепостническая политика встретила сопротивление уг-

нетенных слоев населения. Неоднократно вспыхивали городские восстания и волнения среди крестьян.

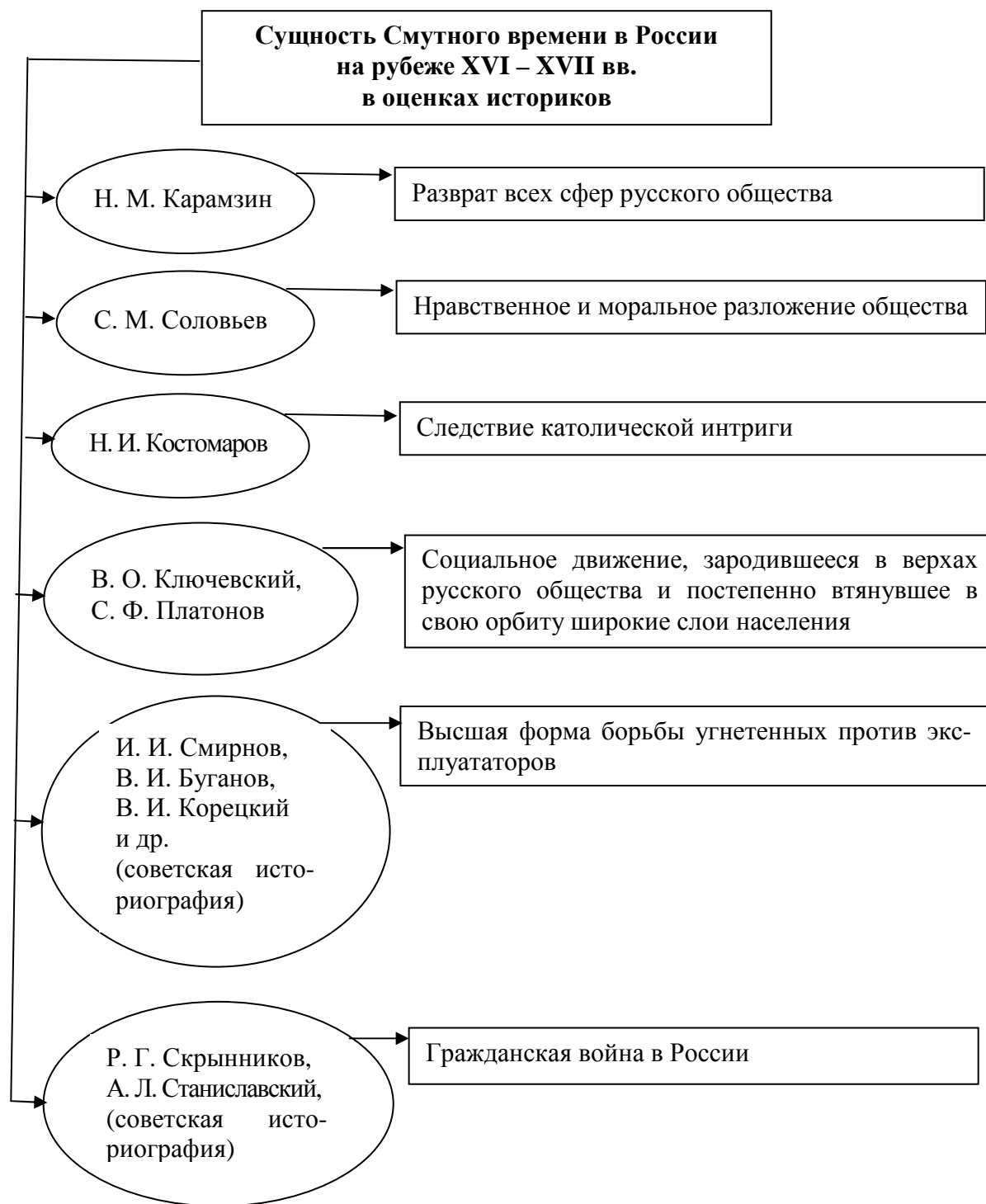

Схема 13.3

На развитие политической ситуации повлиял династический кризис, вызванный загадочной гибелью царевича Дмитрия и смертью бездетного

Федора, после которого мужская ветвь царской семьи прервалась. Династический кризис привел к кризису власти: усилилась политическая борьба между знатными боярскими фамилиями. В числе недоброжелателей Бориса Годунова оказались, в частности, бояре Романовы, отправленные царем в ссылку в 1600 г. Немалую роль в возникновении Смуты сыграли захватнические планы польских магнатов, претендовавших на русские земли и русский престол. Непосредственным катализатором событий стал грандиозный природный катаклизм (схема 13.4).

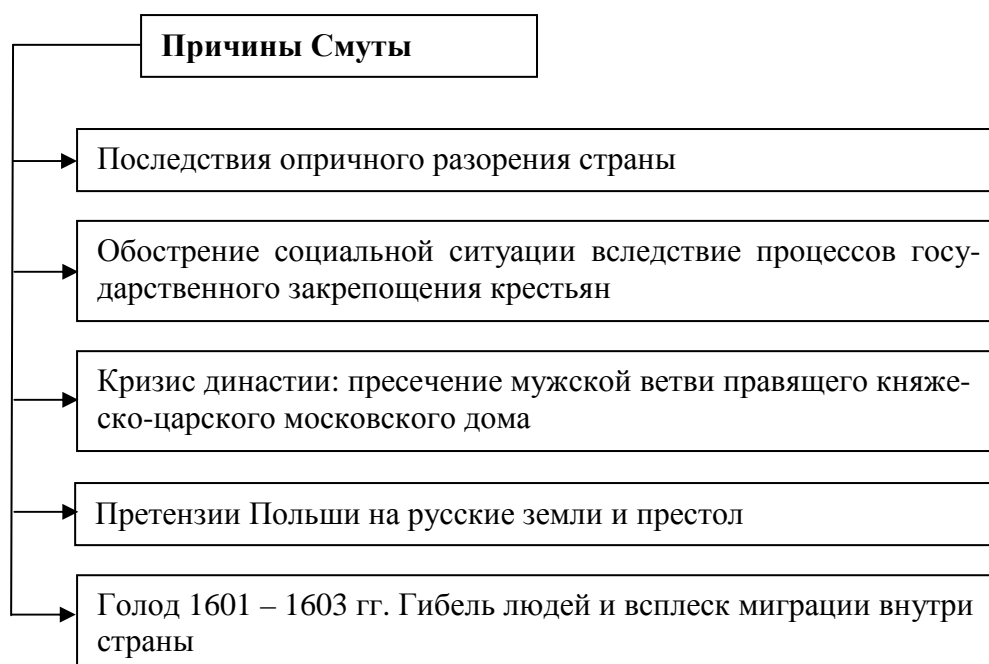

Схема 13.4

13.2. Характеристика основных этапов Смуты

В 1601 г. на Восточную Европу обрушилось сильное похолодание. Три неурожайных года вызвали в России страшный голод. Стихийное бедствие унесло жизни сотен тысяч русских людей. По свидетельствам современников, только в одной Москве власти погребли в общих могилах не менее 120 тыс. умерших. Предполагают, что голод уничтожил около одной трети населения страны. Впервые в русской истории на помощь голодающим пришло государство. Борясь с народным бедствием, Борис Годунов распорядился выдавать нуждающимся хлеб и небольшие денежные пособия. По приказу царя были организованы общественные работы, призванные обеспечить населению стабильный заработок. Правительство Бориса Годунова пошло даже на временное ослабление крепостного гнета. Царские

указы разрешили крестьянам покидать своих владельцев. Предпринимались и попытки ограничить цены на хлеб. Все эти меры не принесли должного результата. Голод усилил социальные противоречия и поставил страну на грань тяжелого политического кризиса. Начались массовые народные волнения, часто носившие стихийный характер. Одно из таких восстаний под руководством атамана Хлопко вспыхнуло в 1603 г. под Москвой. С большим трудом царскому правительству удалось его подавить (схема 13.5).

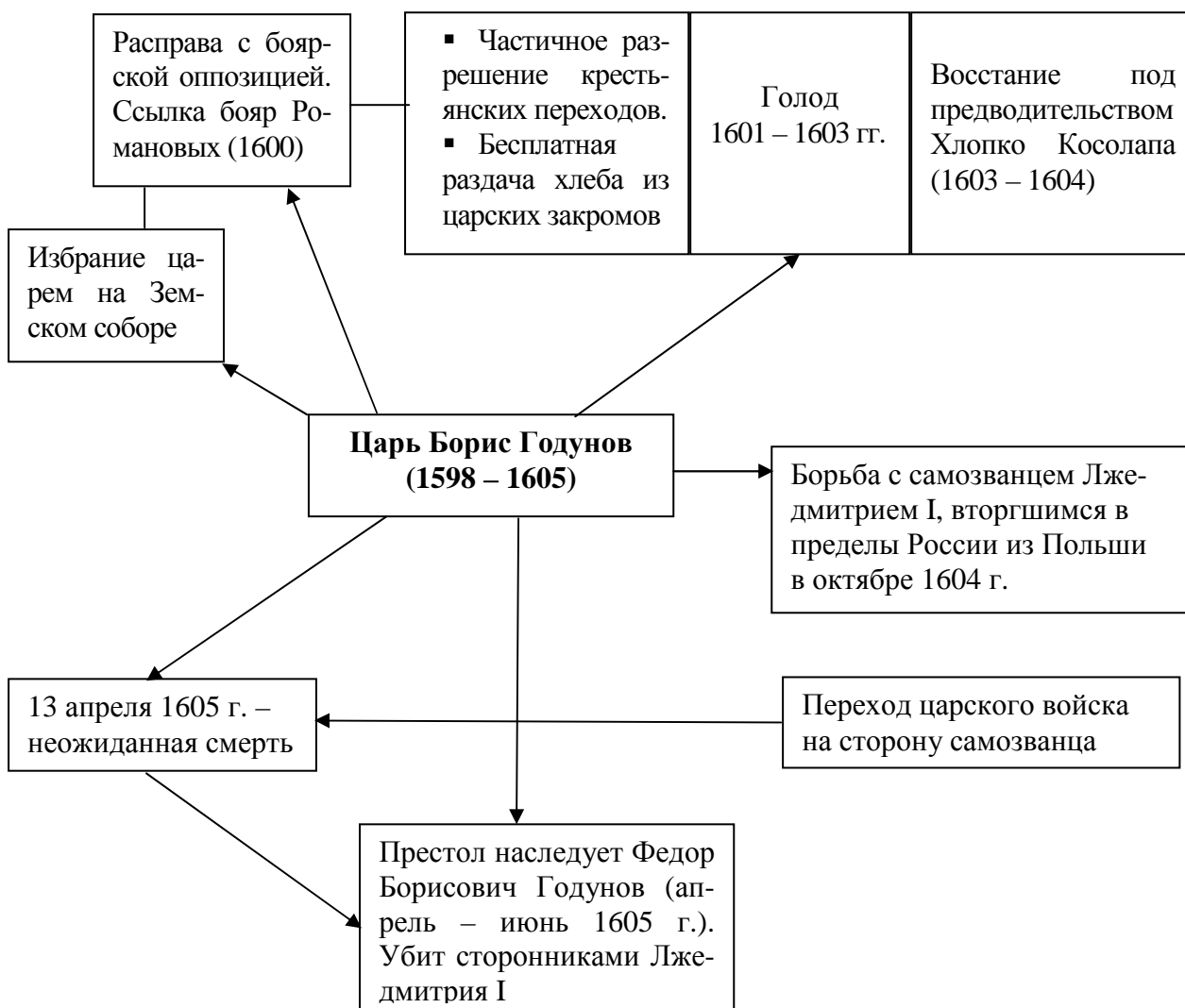

Схема 13.5

Тяжелым положением России воспользовались феодалы соседней Речи Посполитой. Там в 1601 г. объявился человек, называвший себя спасенным царевичем Дмитрием. Предположительно это был беглый монах Григорий Отрепьев. Историки называют этого самозванца Лжедмитрием I (схема 13.6).

Схема 13.6

Королевское правительство сочло авантюриста удобным орудием для осуществления захватнических целей. Самозванец согласился уступить Речи Посполитой некоторые территории на западе России. Чтобы привлечь на свою сторону польское духовенство, он втайне принял католичество и обязался содействовать распространению этой веры среди русских людей. В свою очередь, польский король Сигизмунд III обещал ему тайную поддержку.

Лжедмитрий сформировал отряд из польских дворян и в октябре 1604 г. пересек русско-польскую границу. Слухи о «спасенном царевиче» быстро распространялись среди крестьян, холопов и городского населения. С именем Дмитрия простые люди связывали надежды на освобождение от крепостного гнета. Начало похода оказалось для самозванца успешным, но в январе 1605 г. его отряд потерпел под Добрыничами поражение от цар-

ских войск. Тем не менее ситуация складывалась в пользу Лжедмитрия. Спустя несколько месяцев его признали в ряде российских городов, в том числе в Курске, Туле, Рязани. Самозванец получил и поддержку казачества. В событиях гражданской войны начала XVII в. казаки сыграют далеко не последнюю роль.

В апреле 1605 г. умер Борис Годунов. Московская знать приняла сторону самозванца. Даже мать настоящего Дмитрия, бывшая царица (в монашестве Марфа), признала, что ее сын жив. Сам боярин Василий Шуйский, опровергнув выводы собственной комиссии, объявил, что царевич не погиб в Угличе, а был спасен от подосланных Борисом людей. Заявление Шуйского вызвало взрыв негодования против Годуновых. Возведенный на престол сын Бориса Федор и его мать Мария были арестованы, а затем убиты. Путь самозванцу на Москву был открыт. 20 июня 1605 г. он во главе польского отряда торжественно въехал в столицу.

Царствование Лжедмитрия I оказалось недолгим. Ознаменовано оно лишь пожалованиями земель и денег служилым людям и освобождением от зависимости некоторых категорий крестьян и холопов. Из ссылки были возвращены попавшие при Борисе Годунове в опалу Романовы. Отношения самозванца с польским правительством постепенно осложнялись, так как Лжедмитрий не спешил и просто не мог выполнить данные полякам обещания. Очень скоро москвичи разочаровались в «царевиче». Его политика не отменяла крепостнические порядки. Сложившаяся обстановка сделала самозванца ненужным и верхам общества. Бояре считали, что Лжедмитрий уже выполнил свою главную задачу: династия Годуновых была устранена. Недовольство горожан спровоцировало поведение мнимого царевича, открыто пренебрегавшего православными обычаями. Прибывшие с ним поляки вели себя в Москве, как в завоеванном городе. Их наглое поведение возмущало москвичей. Чашу народного терпения переполнили бесчинства иноземцев, приехавших на свадьбу Лжедмитрия с Мариной Мнишек. Настроением горожан решили воспользоваться бояре. В мае 1606 г. был организован заговор против Лжедмитрия. Самозванца свергли и убили. Спешно созванный Земский собор провозгласил царем В.И. Шуйского (схема 13.7).

Мастер дворцовых интриг, прозванный «боярским царем», Василий Шуйский не имел ни опыта управления государством, ни поддержки широких слоев населения. Его приход к власти не прекратил Смуты. В 1606 г. против него вспыхнуло восстание под руководством Ивана Болотникова (схема 13.8).

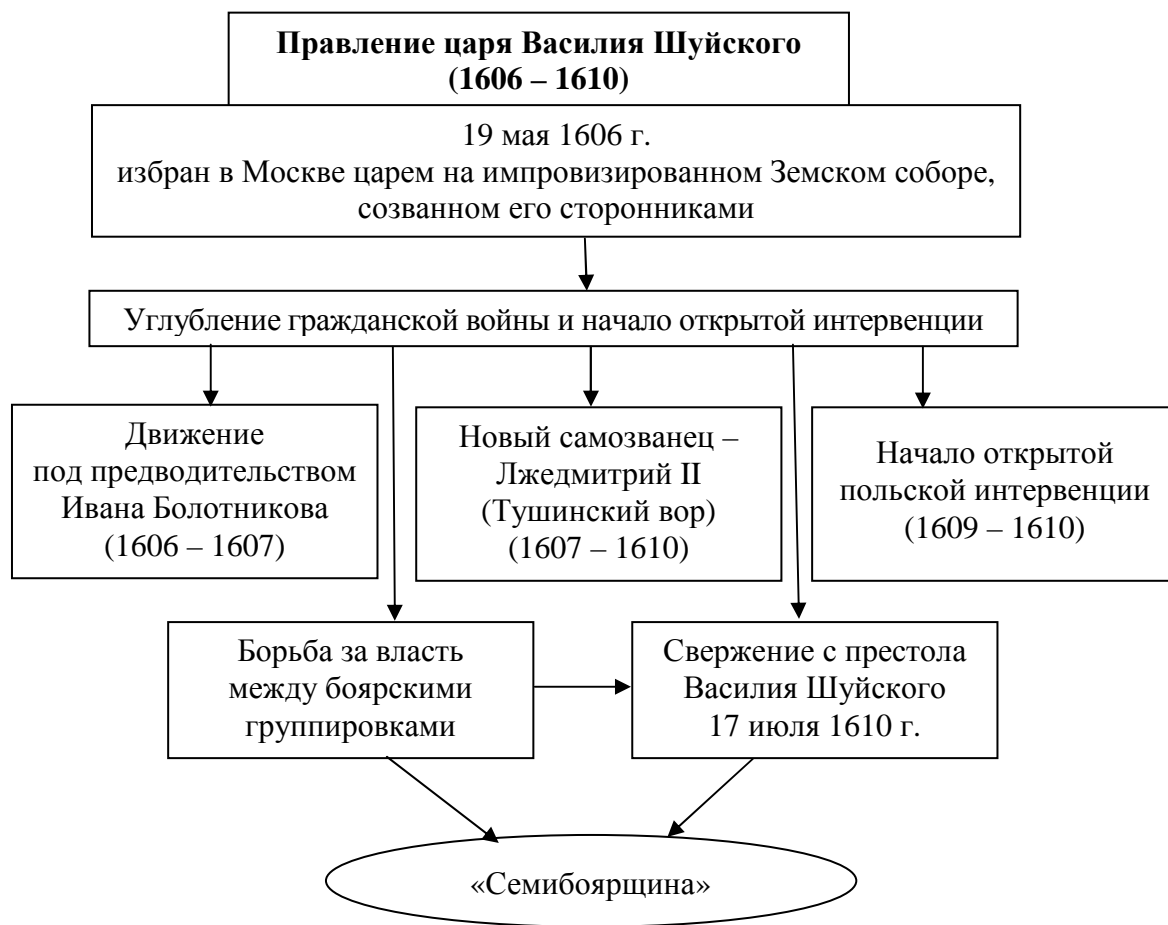

Схема 13.7

Советская историография традиционно называла это событие крестьянской войной. Многие современные историки (В.Б. Кобрин, А.Л. Станиславский) считают этот взгляд односторонним. Вероятно, движение Болотникова соединило в себе представителей различных социальных групп: вольных казаков, беглых крестьян и холопов, дворян. Все эти люди объединились под знаменем «царевича Дмитрия». Иван Болотников провозгласил себя воеводой царевича. В августе – декабре 1606 г. повстанцы одержали ряд побед, захватили Тулу, Калугу, Елец и Каширу. Затем они двинулись на Москву, но были разбиты и вынуждены отступить к Калуге, а потом к Туле. В октябре 1607 г. восстание было подавлено, а его руководитель взят в плен, сослан в Каргополь и убит. Правительство Шуйского жестоко расправилось с восставшими, казнив 6 тыс. человек.

В июле того же 1607 г. появился и «царевич», от чьего имени действовал И. Болотников. В течение зимы – лета 1607 – 1608 гг. вокруг нового самозванца собрались значительные польские и русские отряды. Успеху Лжедмитрия II содействовала Марина Мнишек, согласившаяся признать в

нем своего мужа. 1 июня 1608 г. войска Лжедмитрия II подошли к столице и разбили лагерь в подмосковном селе Тушино. Именно по названию села самозванец получил у москвичей прозвище Тушинский вор (схема 13.9).

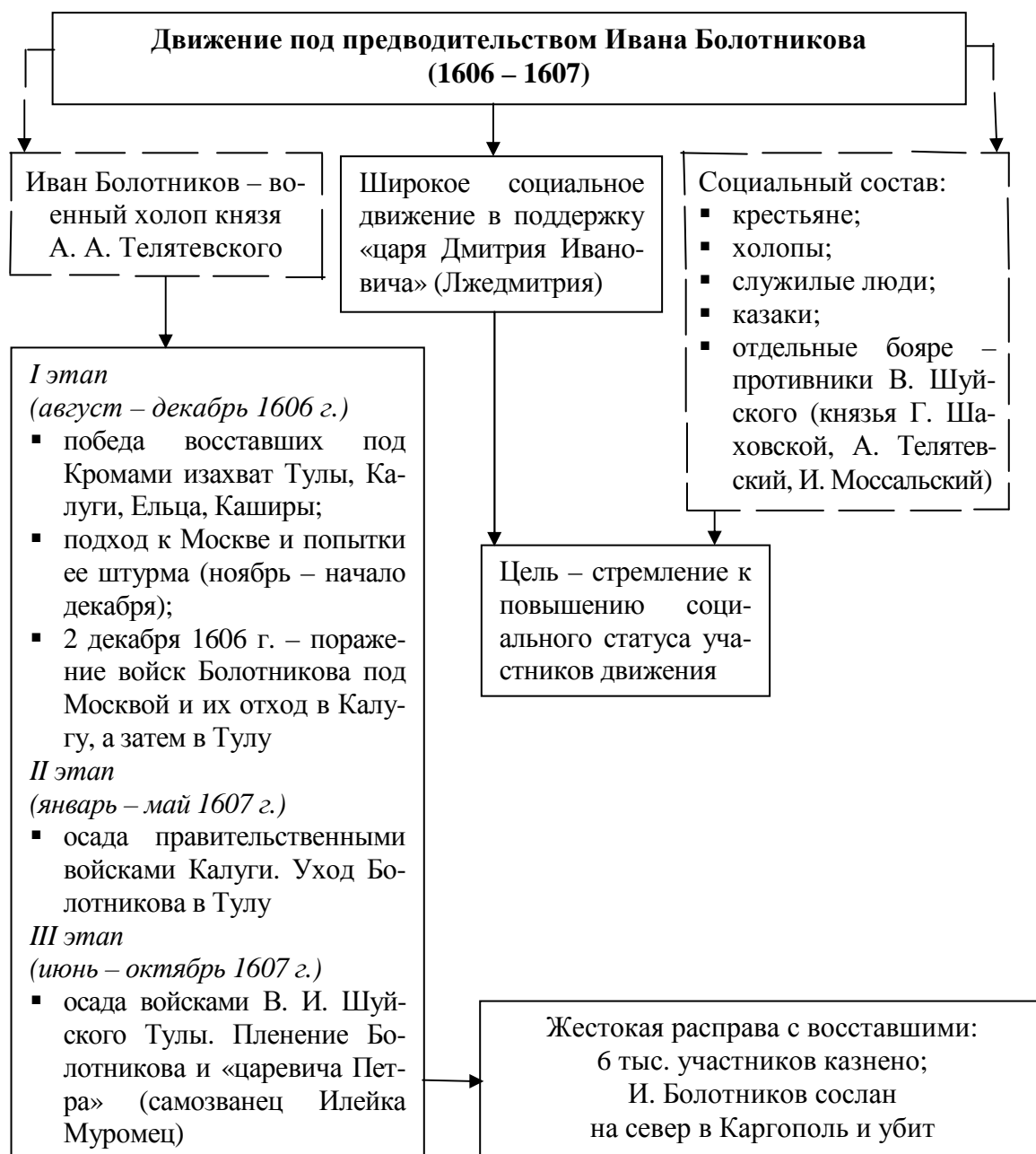

Схема 13.8

В стане Лжедмитрия действовали свой царский двор и своя Боярская дума, куда переходили недовольные Шуйским бояре. Тушинцы грабили окрестные города и села. В сентябре 1608 г. польский гетман Сапега начал осаду Троице-Сергиева монастыря. Героическая оборона православной святыни продолжалась 16 месяцев.

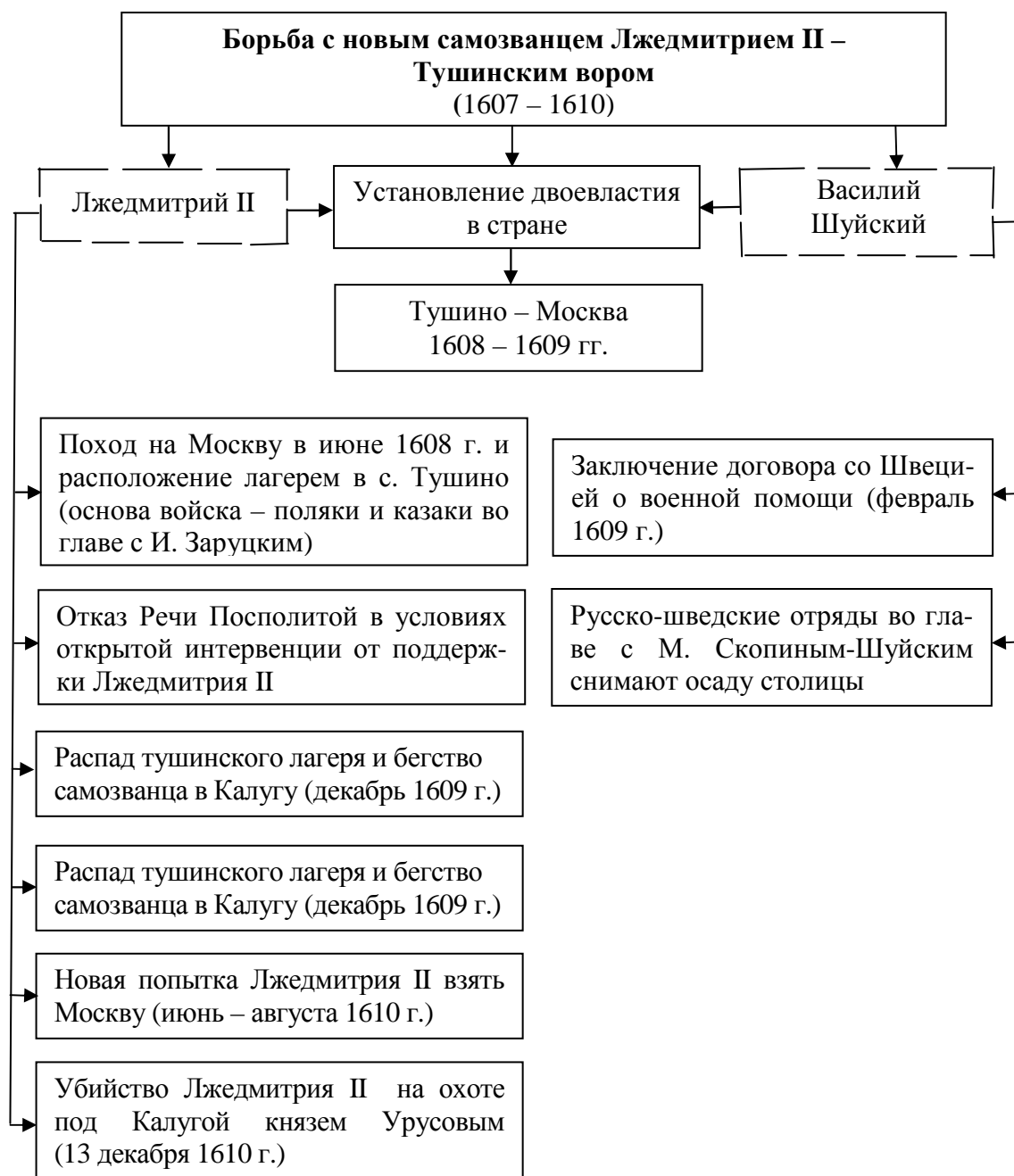

Схема 13.9

Противостояние правительства Шуйского и Тушинского вора затянулось на два года. Для выхода из сложившегося положения царь Василий решил обратиться за помощью к шведскому королю. Согласно условиям договора к Швеции переходил уезд Корела, в обмен на который шведское правительство выделяло Шуйскому 15-тысячный отряд войск. Русско-шведское войско, возглавляемое Михаилом Скопиным-Шуйским, провело ряд успешных операций против отрядов самозванца. Вмешательство шведов дало польскому королю Сигизмунду III повод к началу открытой интервенции. В сентябре 1609 г. польские войска перешли русскую границу

и осадили Смоленск. Защитники города сопротивлялись героически. Смоленск пал только через 21 месяц. Ставленник поляков оказался ненужным своим прежним покровителям. К концу года тушинский лагерь распался, а Лжедмитрий II отступил от столицы. Спустя несколько месяцев он вновь пытался приблизиться к Москве, но потерпел неудачу, бежал в Калугу, где в конце 1610 г. был убит одним из своих сообщников.

Летом 1610 г. к Москве подошло польское войско во главе с гетманом Жолкевским. В июне оно разбило войска Василия Шуйского под Можайском. Перед лицом новой опасности в столице начались волнения. Люди открыто высказывали недовольство В. Шуйским и требовали его низложения. В июле этого года группа дворян во главе с Захаром Ляпуновым осуществила государственный переворот. Василий Шуйский был свергнут с престола. Власть перешла в руки Семибоярщины – правительства во главе с князем Ф. Мстиславским (схема 13.10).

Семибоярщина заключила с польским королем договор, согласно которому русским царем признавался сын Сигизмунда III королевич Владислав. Боярское правительство согласилось также впустить в столицу польские войска, поэтому в сентябре 1610 г. Москва была занята польским гарнизоном под командованием Гонсевского. Иноземцы бесчинствовали по всей русской земле. Они грабили мирное население, творили насилие. Север страны был оккупирован шведами. России угрожала полная потеря национальной независимости.

В этих тяжелых условиях среди русских людей созревала идея дать организованный отпор иноземным захватчикам. Глава Русской православной церкви патриарх Гермоген обратился к народу с призывом «дерзать на кровь» и освободить Москву. Грамоты патриарха рассылались в Нижний Новгород, Рязань и другие города. В начале 1611 г. в Рязани сформировалось первое ополчение во главе с Прокопием Ляпуновым. В отряды ополченцев влились служилые люди, дворяне, служившие до этого В. Шуйскому, остатки казаков из тушинского лагеря во главе с И. Заруцким. В марте передовые части ополчения подошли к Москве, где накануне произошло восстание против польских интервентов. Ополчение осадило столицу и расположилось лагерем вдоль стен Белого города. Ополченцы создали Совет всей земли, призванный управлять страной. Освободить Москву мешали разногласия между участниками похода. Руководитель ополчения Прокопий Ляпунов был убит казаками, а само оно фактически распалось. Входившие в ополчение казаки, возглавляемые И. Заруцким, присягнули сыну Лжедмитрия II и Марине Мнишек, прозванному «воренком». Положение государства осложнилось еще больше. В июле 1611 г. шведы захватили Великий Новгород. После двухлетней осады пал Смоленск. Ситуация казалась критической.

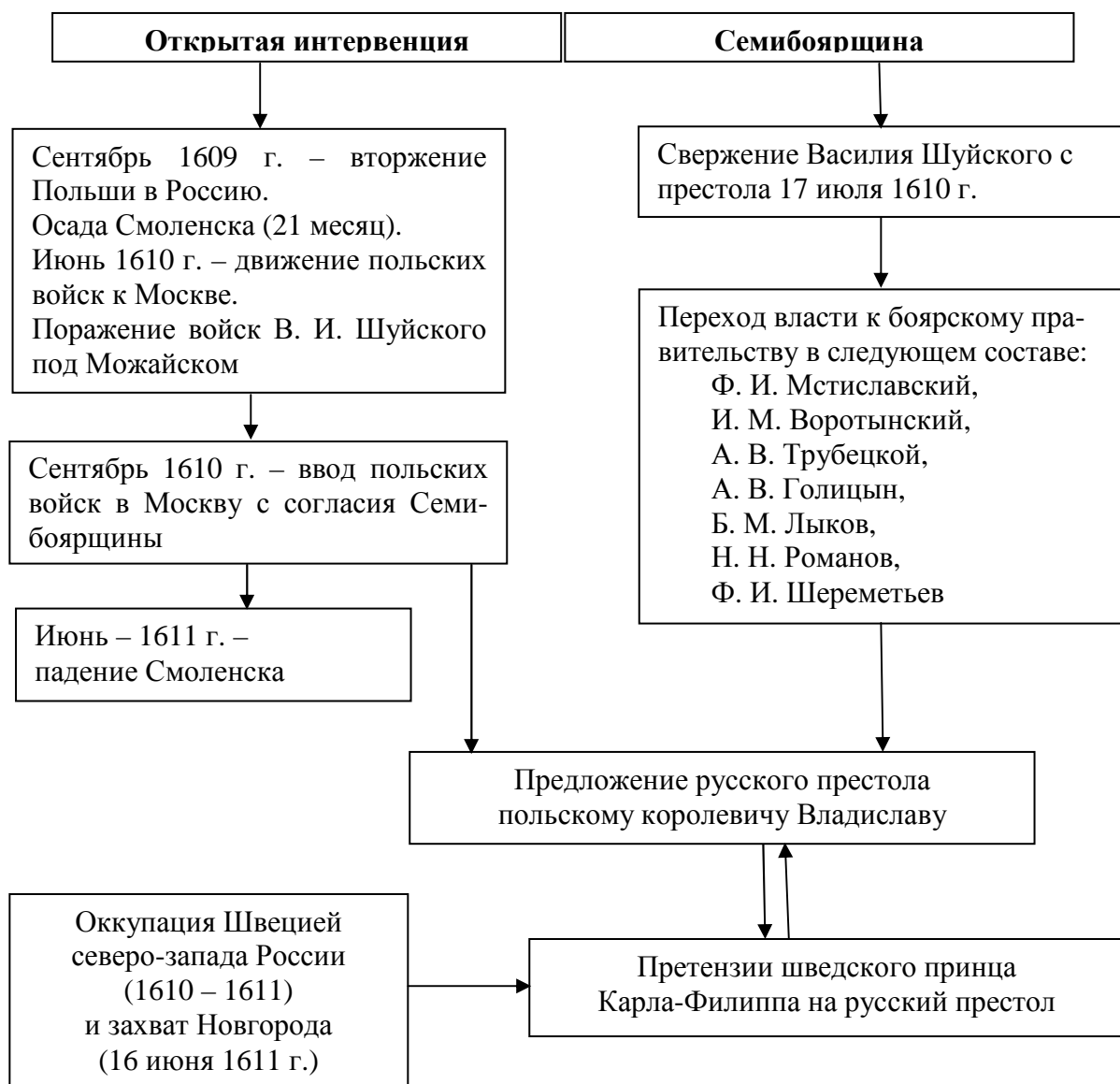

Схема 13.10

Осенью 1611 г. в Нижнем Новгороде формируется второе ополчение (табл. 13.1).

Таблица 13.1

Народное ополчение против иноземных захватчиков

Состав и руководители	События
<i>Первое ополчение (январь – июль 1611 г.)</i>	
Бывшие отряды тушинского лагеря во главе с П. Ляпуновым, Д. Т. Трубецким, а также казаки И. Заруцкого. Создание временного органа власти – Совета вся земли	Начало формирования ополчения на рязанской земле. Март 1611 г. – осада ополчением Москвы и освобождение части города, но изгнание поляков не удалось. Возникновение внутри ополчения противоречий между дворянами и казаками. В результате 22 июля 1611 г. убийство казаками руководителя ополчения П. Ляпунова. Распад первого ополчения

<i>Второе ополчение (сентябрь 1611 г. – октябрь 1612 г.)</i>	
Земское народное ополчение во главе с Д. М. Пожарским и К. М. Мининым.	<i>Инициатор создания ополчения – земский староста Нижнего Новгорода К. М. Минин.</i>
Создание нового Совета всея земли	Март 1612 г. – выступление ополчения из Нижнего Новгорода в Ярославль. Июль 1612 г. – начало похода на Москву. 22 – 24 августа 1612 г. – разгром ополчением поляков гетмана Ходкевича у стен Москвы. 22 – 26 октября 1612 г. – штурм Китай-города и Кремля объединенными силами ополченцев и присоединившихся к ним казаков Д. Т. Трубецкого. Капитуляция польского гарнизона и полное освобождение Москвы

Его организаторами стали посадский староста Минин и князь Пожарский. Из Нижнего Новгорода ополченцы двинулись в Ярославль, где провели апрель – август 1612 г. Длительная остановка позволила ополчению собрать необходимые для продвижения к Москве силы и средства. В Ярославле же было сформировано земское правительство, которое вскоре уже контролировало половину территории страны. За четыре месяца Пожарский взял под контроль все Северное Поволжье. Летом 1612 г. ополченцы получили тревожное известие. На помощь оккупировавшему Москву польскому гарнизону король Сигизмунд III направлял подкрепление во главе с гетманом Ходкевичем. Необходимо было срочно выступать. В июле 1612 г. к столице подошли первые отряды ополчения. В августе на южных и западных подступах к Москве ополченцы отразили наступление Ходкевича. Гетман вынужден был отступить от города. Польский гарнизон, занимавший Кремль, оказался в осаде без продовольствия. В октябре ополчение штурмовало Китай-город, и поляки капитулировали окончательно. Москва была освобождена.

13.3. Воцарение династии Романовых и завершение Смуты

В январе 1613 г. собрался Земский собор, главная задача которого заключалась в избрании нового царя. Дворяне и казаки выдвинули кандидатом на русский престол 16-летнего Михаила Романова. Представитель старомосковского боярского рода устраивал и высшую аристократию. К власти в России пришла династия, связанная родственными узами с прежними царями (схема 13.11).

Избрание Михаила Романова еще не означало окончание Смуты (схема 13.12).

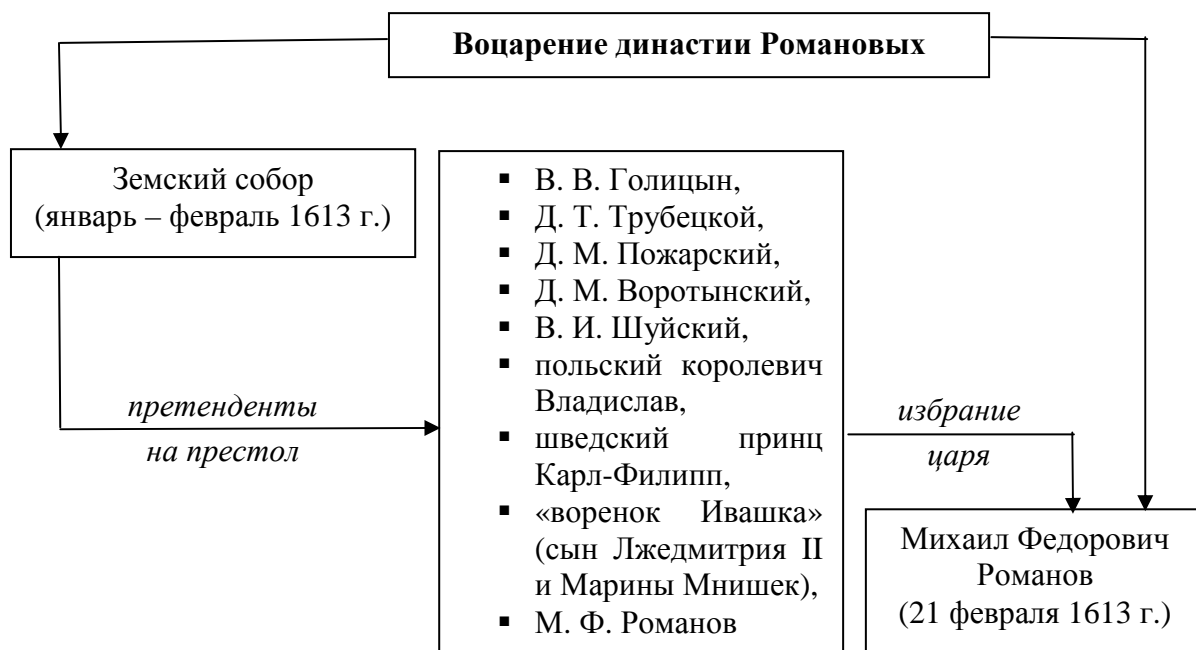

Схема 13.11

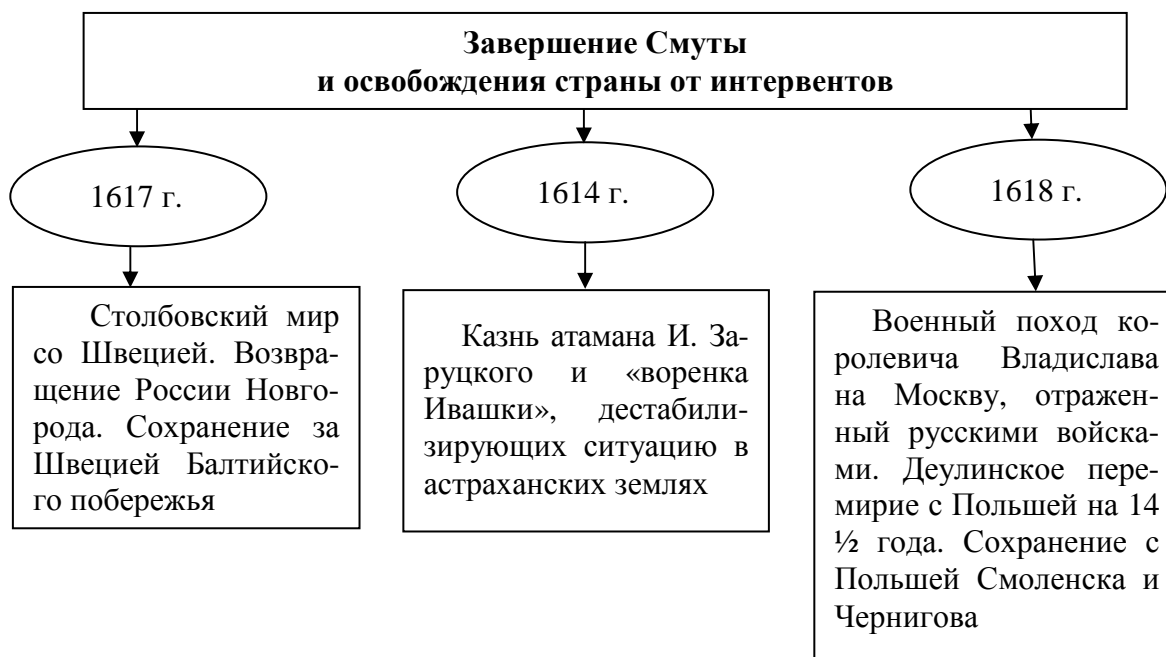

Схема 13.12

На несколько лет затянулось освобождение страны от интервентов. В 1617 г. был подписан мирный договор со Швецией, согласно которому России пришлось уступить территорию Карелии. В 1618 г. Россия заключила Деулинское перемирие с Польшей, к которой отходили смоленские, черниговские и Новгород-северские земли. Сложной задачей оказалось и подавление внутренней оппозиции и, прежде всего, отрядов вольных каза-

ков. Большую опасность представляли отряды Заруцкого, действовавшие на южных рубежах государства. В 1614 г. Заруцкий и Марина Мнишек были взяты в плен. И. Заруцкий и ни в чем неповинный «воренок» были казнены, а Марина умерла в тюрьме.

Смутное время имело значительные последствия для дальнейшего развития истории России. Долгие годы хаоса укрепили в народе идею необходимости сильной государственной власти, что в немалой степени способствовало становлению русского самодержавия. Но именно в годы Смуты укрепилось национальное самосознание русских людей, возросла роль Православной церкви в духовной жизни народа. В результате потрясений в России воцарилась новая династия, которой предстояло править страной следующие три столетия.

Контрольные вопросы

1. Как происходило закрепощение крестьян в Московском государстве? Назовите основные этапы юридического оформления крепостного права в России?
2. Каковы были предпосылки гражданской войны начала XVII в.? В чем сущность разногласий представителей различных исторических школ по вопросу о причинах и сущности «смутного времени»?
3. Чьим ставленником был Лжедмитрий I?
4. Какие события произошли во время правления Василия Шуйского?
5. Где и когда сформировались народные ополчения?
6. Каковы основные последствия Смуты?

Литература

1. Забелин, И. Минин и Пожарский / И. Забелин. – М., 1999.
2. История государства Российского: Хрестоматия. Свидетельства. Источники. Мнения. XV– XVI вв. – Кн. 1. – М., 1998.
3. История государственного управления в России: учеб. / отв. ред. В.Г. Игнатов. – Ростов на Дону, 1999.
4. История России IX – XX вв.: пособие по отечественной истории / отв. ред. М.М. Шумило. – 4-е изд., перераб. и доп. – Спб., 1996.
5. История России с древнейших времен до 1917 года: учеб. / С.П. Боброва [и др.]. – Иваново: Кафедра отечественной и всемирной истории ИГЭУ // «Хронос – всемирная история в Интернете // <http://www.hronos.km.ru/>»
6. Кириллов, В.В. История России: учеб. пособие / В.В. Кириллов. – М., 2006.
7. Карташев, А.В. Очерки по истории русской церкви / А.В. Карташев. – М., 1993. – Т. 1.
8. Кобрин, В.Б. Иван Грозный / В.Б. Грозный. – М., 1989.
9. Козлов, Ю.Ф. Страницы правления государством российским / Ю.Ф. Козлов. – Йошкар-Ола. 1990.

10. Кузьмин, А.Г. История России с древнейших времен до 1618 г.: учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 кн. / А.Г. Кузьмин. – Кн. 2. – М., 2004.
11. Морозова, Л.Е. Два царя: Федор и Борис / Л.Е. Морозова. – М., 2001.
12. Павлов, А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584 – 1605) / А.П. Павлов. – СПб., 1992.
13. Платонов, С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. / С.Ф. Платонов. – М., 2000.
14. Скрынников, Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. / Р.Г. Скрынников. – Л., 1985.
15. Скрынников, Р.Г. Царство террора / Р.Г. Скрынников. – СПб., 1992.
16. Станиславский, А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории / А.Л. Станиславский. – М., 1990.
17. Тихомиров, М.Н. Российское государство XV – XVII вв. / М.Н. Тихомиров. – М., 1973.

Тема 14

УКРАИНА В СОСТАВЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (вторая половина XVI – первая половина XVII вв.)

1. Люблинская уния 1569 г. и Украина.
2. Брестская церковная уния и ее последствия.
3. Казачество и королевская власть Речи Посполитой.

14.1. Люблинская уния 1569 г. и Украина

Подписанный 1 июля 1569 года акт Люблинской унии был определенным компромиссом между устремлениями и интересами Польши и Великого княжества Литовского (подробно тема изучается в курсе «История Беларуси»). «С этого времени оба государства представляют собой одно нераздельное целое, а также одну общую Речь Посполитую, в которой оба хозяина и оба народа объединились в единый народ и единое государство», – декларировала статья этого документа. Высшим органом власти становился общий сейм, собиравшийся только на территории Польши. Отдельных сеймов как для Короны, так и для Великого Княжества не предусматривалось. Монарх виделся общим: «... новый правитель при избрании и коронации должен объявляться королем Польским, Великим Князем Литовским, Русским, Прусским, Мазовецким, Жмудским, Киевским, Волынским, Подляшским и Инфлянтским... Избрание и возведение князя на престол Великого Княжества Литовского, проводившееся отдельно, должно прекратиться». Исключительно к компетенции Речи Посполитой стала относиться внешняя политика. Все прежние законы и договоры, направленные против интересов одной из частей новой федерации, необходимо было отменить. В частности, «в дальнейшем... разрешается приобретать поместья и владеть ими поляку в Литве, а литвину – в Польше».

Петиции с требованием реального союза Литвы и Польши поступали постоянно к Великому князю литовскому от верхушки литовского и украинско-белорусского населения. Но на сейме 1551 г. литовские и украинские магнаты высказали несогласие с идеей объединения. Тогда, в 1558 г. шляхта Волыни и Подляшья (здесь, как уже отмечалось выше, польское влияние проявлялось наиболее отчетливо) обратились к польскому королю с просьбой взять их под защиту в связи с «неспособностью Великого княжества Литовского обеспечить безопасность своих подданных от нападений татар и войск московского царя». «Литовские, белорусские и украинские шляхтичи, – отмечает С.В. Позняк, – с завистью смотрели на превра-

шение Польши в шляхетскую республику с выборным королем, мечтали об избавлении от «наездов» магнатов, распространении подобного «шляхетского равенства» на себя и поэтому были потенциальными сторонниками реальной унии двух государств. Если шляхта ВКЛ должна была платить подати на содержание войска и отбывать военную службу в общешляхетском ополчении («посполитом рушении»), то в Польше преобладало наемное («квартяное») войско, содержание которого оплачивал король за счет четверти («кварты») доходов от королевских имений. Позиции сторонников объединения с Польшей усилились в результате ряда неудач в Ливонской войне (1558 – 1583), которая поставила ВКЛ на грань военной катастрофы и государственного существования».

В оппозиции к реальной унии с Польшей находились литовско-русские магнаты. Большинство из них имело княжеское достоинство, а польское законодательство, начиная с Кошицкого привилея 1374 г., запрещало раздавать лицам княжеского происхождения города и замки не только в собственность, но и во временное владение. Были и еще некоторые особенности польского государственного права, неприемлемые для литовско-русских, в частности, украинских, магнатов. Сеймовая организация Великого княжества Литовского давала им двойное право участия в сеймах: во-первых, через земских послов, которых они выбирали совместно со шляхтой на поветовых сеймиках; во-вторых, на основе именных приглашений на сейм от великого князя. Объединение с Польшей могло лишить их личного участия в сеймах, т.к. в состав польского сейма входили только выборные земские послы. Наконец, объединение с Польшей разрушало политическую роль магнатов как советников великого князя, т.к. польский сенат складывался только из лиц, занимавших служебные должности. Таким образом, магнаты ВКЛ выступали против реальной унии с Польшей постольку, поскольку боялись ограничения своих прав, привилегий и земельных владений. Однако их оппозиционность оказалась не настолько мощной, чтобы не допустить осуществления унии (С.В. Позняк).

После фактического срыва переговоров в Люблине (литовские и часть украинско-белорусских магнатов покинули заседания сейма) Сигизмунд II Август, опираясь на поддержку менее состоятельной шляхты, издал универсал о присоединении непосредственно к Короне Подляшья и Волыни, а затем – Киевщины и Брацлавщины. Чтобы задобрить шляхту этих земель, ее уравнивали в правах и привилегиях с польской шляхтой. Характерно, что в сеймовых дебатах шляхта Волыни поддержала включение в состав Польши не только собственной земли, но и Киевщины, не желая, видимо, порывать извечных связей. В этих условиях перепуганные укра-

инские магнаты вынуждены были вернуться на сейм. Киевский воевода князь Василий-Константин Острожский, волынский воевода князь Александр Чарторыйский, винницкий староста Богуш Корецкий присягнули на верность Короне, но в специальном заявлении оговорили лояльность королевской власти сохранением своих прав, земельных владений и защитой православной церкви.

Таким образом, после подписания Люблинской унии в составе Короны оказалась большая часть украинских земель. Они образовывали Русское (с центром во Львове), Волынское (с центром в Луцке), Подольское (в Каменце-Подольском), Брацлавское и Киевское воеводства. Кроме того, часть украинских земель входила в состав Белзского воеводства. Вне границ Речи Посполитой оставались: Северная Буковина – под властью Молдавии (с 1514 г. – Турции); Закарпатская Украина – в составе Венгрии, (восточная часть Карпатской Украины после 1526 г. оказалась в руках Австрии, западную заняла Трансильвания); Чернигово-Северская земля контролировалась Российским государством. Последнюю, тем не менее, коронная власть также считала исконно польской (позже, в 1618 г., она перешла к Речи Посполитой).

Говоря о позитивных и негативных итогах Люблинской унии, многие исследователи не склонны считать их абсолютными. «На первых порах, – отмечает С.В. Позняк, – в них объединялись элементы созидания и разрушения. Положительным моментом было воссоединение большей части украинских земель. Позитивным результатом унии стал и выход Украины на орбиту западноевропейской культуры, в частности, в сфере просвещения. Моделью практического компромисса между латинской школой и греко-славянскими образовательными канонами стала Острожская коллегия, основанная в 1576 г. Именно здесь впервые в учебную практику украинской школы были введены семь вольных искусств (грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, музыка, астрономия).

По мере того, как новый польский режим проникал вглубь украинских земель, усиливалось разрушительное наступление католической церкви, происходили ощутимые национальные и религиозные изменения. Высшие слои общества стремительно полонизировались. Одновременно усиливалось социальное, национальное, религиозное и культурное угнетение народных масс.

Присоединение Волынского, Брацлавского и Киевского воеводств к Польше снесло таможенные заставы на всей длинной пограничной линии, которая отделяла до сих пор эти территории. В земледелии утверждалась трехпольная система. На вновь присоединенные земли начала распростра-

няться фольварочно-барщинная система ведения хозяйства. Одновременно увеличение спроса на товарное сырье приводило к хищнической эксплуатации природных богатств. Еще ранее леса были в значительной степени уничтожены в Галичине и на Волини. Теперь шляхта добиралась до лесных массивов Приднепровья.

Люблинский акт ликвидировал запрет на получение жителями Коронной Польши земель в Центральной Украине. Это вызвало колониционную волну активного крестьянского элемента, а также мелкой польской и «заграничной» до этого галицкой шляхты, которая была наделена всей полнотой прав, но имела мало ресурсов для их осуществления.

Плодороднейшие, но малонаселенные земли Киевщины и Брацлавщины, к тому же предоставленные вольному захвату («займанщине»), который совершенно игнорировал государственное тягло, поставили коронную власть перед необходимостью их раздачи магнатам, располагающим достаточными средствами, чтобы организовать здесь оборону и возродить хозяйство. В Киевском воеводстве обосновывались, в первую очередь, волинские князья, которые проникали сюда и до унии, – Острожские, Збаражские, Корецкие, Чарторыйские. Так, князья Вишневецкие, например, принудив наследников князей Глинских продать им свои права на земли по р. Сула, выпросили у короля подтверждение на «пустыню», которая тянулась от московской границы до Днепра. В Брацлавское воеводство устремились польские магнаты Потоцкие, Конецпольские и др. С начала XVII в. собственниками «пустыни Умань» стали магнаты Калиновские.

Таким образом, беглые крестьяне, хуторяне, вольные владельцы паек, рыбных и звериных уходов вдруг оказывались на господской земле. Правда, магнаты, захватывая новые земли, не стремились сразу же начинать наступление на права местного населения. Наоборот, первоначально с целью привлечения в свои владения потенциальной рабочей силы они приступали к организации слобод – поселений, – жители которых на десятки лет освобождались от повинностей» (С.В. Позняк).

Правовой режим Польши после Люблинской унии постепенно распространялся и на земли, где проживало украинское и белорусское население. В западных украинских землях, ранее присоединенных к Польше: в Галиции и на Подолии, в земле Холмской и Белзской, – по мнению М.С. Грушевского, – «этот процесс развился и завершился раньше. Польское право и польский строй формально были введены там в 1434 году, но еще раньше польская шляхта, нахлынув сюда, коренным образом перестроила все на польский лад. В украинских землях, входивших в состав Великого княжества Литовского, право, общественный строй, все стороны

жизни литовское правительство, начиная с унии 1385 года, также приближало и сознательно принаровляло к польским образцам. Литовский статут – сборник законов Великого княжества Литовского, впервые отредактированный в 1529 году, в этой первой редакции оставил много из старого права украинских и белорусских земель, сохранившегося еще со времен Киевского государства. Но уже в другой редакции Литовского статута, 1566 года, оно уже сильно видоизменено на польский лад, и в государственном устройстве и управлении Великого княжества Литовского произведены важные изменения по образцу Польши. Однако и после этого в строе украинских земель, входящих в состав Великого княжества Литовского, оставалось еще много отличий, которые были уничтожены или сглажены лишь с присоединением этих земель к Польше».

После Люблинской унии 1569 г. польские феодалы стали добиваться пересмотра Литовского Статута 1566 г., чтобы согласовать его с польским законодательством. Но комиссия во главе со Львом Сапегой подготовила новую редакцию Статута вопреки Люблинской унии. Так, в нее были внесены статьи, обязывавшие великого князя не нарушать территориального единства ВКЛ и снова присоединить к нему отрезанные земли. Поэтому новая редакция Статута не рассматривалась единым польско-литовским сеймом, а была утверждена в 1588 г. польским королем Сигизмундом III, который таким образом стремился обеспечить себе поддержку феодалов ВКЛ. Статут 1588 г. был опубликован в Вильно в типографии Мамоничей на русском (старобелорусском) языке. Этот акт стал действующим правом не только на землях Великого княжества Литовского, но и в украинских провинциях, отошедших к Польше. Он, в частности, гарантировал украинскому народу возможность судиться по обычному праву в копных судах, требовал, чтобы судьи владели русским письмом.

Третий Литовский статут 1588 г. юридически оформил феодально-крепостнические отношения на Брацлавщине и в Поднепровье. В течение 10 лет пребывания под властью феодала «похожий» крестьянин вообще не имел права выхода, а через 10 лет это право обставлялось такими условиями, которые делали его практически неосуществимым. Срок сыска беглых крестьян увеличивался с 10 до 20 лет. Лицо, которое оказывало содействие бегству крестьянина, подлежало наказанию как преступное, а то, которое принимало беглеца, платило большой штраф. Однако, несмотря на все усилия властей, значительная часть крестьянства Украины, особенно приднепровских земель, продолжала сохранять личную свободу и в начале XVII в. (С.В. Позняк).

С XVI столетия крестьяне были лишены права продавать землю или сдавать ее под залог, а в случае перехода в другую местность следовало уплатить шляхтичу за прежние привилегии и получить от него документ о предоставлении личной свободы.

Еще в 1557 г. в Галиции, на Волыни и Подолии была проведена аграрная реформа под названием «волочная помера». Пригодные к пахоте земли разделялись на волоки (1 волока = 21,36 га). Владелец такого участка должен был два дня в неделю работать в фольварке шляхтича, платить денежный и продуктовый налог стоимостью 30 грошей, выполнять различные повинности.

Расширение фольварочной системы хозяйствования означало зарождение рыночных отношений. Кроме того, введение волоки разрушало, хотя и не полностью, сельскую громаду и общинную форму землепользования. К тому же в течение 10 – 20 лет крестьяне, проживавшие на земле новых владельцев, оставались юридически свободными. И хотя процесс ограничения миграции крестьянства ускорился после 1588 г., на Переяславщине, Брацлавщине барщины почти не наблюдалось даже в начале XVII в. Если в Галиции работа на шляхтича составляла 4 – 5 дней в неделю, то на Киевщине – 2 – 3 дня. По мнению Ю.И. Терещенко, к середине XVII в. на территории этнической Украины была закрепощена лишь четвертая часть крестьян. Цитаделью барщины с XVI столетия оставались Западная Украина и Волынь (В.И. Семенешко).

Развивались на землях Украины и ремесла: если в середине XVI столетия в Киеве, например, насчитывалось 20 ремесленных специальностей, то к 1650 году – около 100, а в целом по Украине – до 300. Создавались цехи, зарождалось мануфактурное производство. Основная масса ремесленной продукции вырабатывалась в городах, большинство которых насчитывало всего по 2 – 3 тысячи человек. Лишь в таких населенных пунктах, как Киев, Львов, Белая Церковь и др. насчитывалось от 10 до 18 тысяч жителей. Кроме городов с королевским, частновладельческим и церковным статусом, существовали и города, обладавшие магдебургским правом. Данная система самоуправления предполагала налоговый иммунитет, судебную независимость, льготы в торговле и ремесле. Первыми получили магдебургское право такие города, как Новый Сонг – в 1294 году, Хуст, Тячев, Вышковец – в 1329, Львов – в 1356, Киев – в течение 1494 – 1499 гг. и другие. На территории Галиции его имели не менее 400 населенных пунктов, а в Восточной и Центральной Украине – более 20.

Но лишь немногие города Украины могли использовать преимущества магдебургского права в полном объеме. Чаще всего оно оказывалось

ограниченным: в состав городского управления не имели права входить православные горожане, отсутствовала собственность жителей на землю, они слишком зависели от частных и королевской власти, за мещанами сохранялось много натуральных и иных повинностей. Эти ограничения хорошо видны на примере Киева, чье магдебургское право было подтверждено в начале XVI в. Здесь им обладал фактически только 110-гектарный Подол – торгово-ремесленный анклав, городообразующее ядро. Не обладая правом собственности на землю, магистрат В 1602 г. лишился западного предместья Подола, где был создан католический епископат – так называемое Бискупское местечко. Часть Старокиевской горы передали магистрату только в 1645 г. В целом из 7000 жителей Подола в первой четверти XVII столетия пользовались магдебургским правом менее половины горожан (В.И. Семенешко).

И все же в начале XVII в. Киев славился как крупный торговый центр, куда прибывали купцы из многих государств. Изобилию товаров здесь способствовало введение беспошлинной торговли для местных торговцев в приграничных городах Московского царства. В 1624 г. король Сигизмунд III Ваза объявил субботу днем свободной торговли (без взимания пошлин со всех купцов), что еще более интенсифицировало рыночные процессы.

Речь Посполитая в начале 30-х годов XVII в. раскинулась на территории в 990 тысяч кв. км, переживая свой «серебряный век». Славилась не только польская конница, но и театр, опера, музыка, ходили легенды о пышности посольств – К. Збаражского в Константинополе, Е. Оссолинского в Риме, К. Опалинского в Париже...

Однако Украине приобщение к новоевропейской цивилизации принесло не только интенсификацию производства, выход на западные рынки, но и рост социальной напряженности, который привел к ряду восстаний. Это подрывало могущество Речи Посполитой, но и Украины – не в меньшей степени. Кризис восточнохристианской цивилизации и невозможность восприятия достижений западнохристианской, новоевропейской системы ценностей превращали Украину в периферийный регион Европы. Ситуация усугублялась противоположной цивилизационно-геополитической ориентацией господствующих и угнетенных слоев украинского общества.

14.2. Брестская церковная уния и ее последствия

На протяжении XVI – XVII вв. в Европе окончательно сформировались основные национально-религиозные идеологии. В результате: като-

лицизм победил в Испании, Италии, Польше, Франции; протестантизм – в Голландии; англиканство – в Британии; православие – в России. Противоположные процессы разворачивались в украинских землях. «После упадка Византии с 1453 года Киевская митрополия осталась «без присмотра» патриархов Константинополя, скитавшихся по Европе. Украинство утратило религиозный флаг – среди священников воцарились бездуховность, моральная нечистоплотность, безграмотность, а церковные должности зачастую раздавались за деньги. Из девяти митрополитов XVI века, от Ионы П (1502 – 1507) до М. Рогозы (1539 – 1599), ни один не избирался на церковном соборе, все они назначались королем и благословлялись после этого патриархом. Доходило до абсурда: девять лет митрополитом являлся Онисифер Петрович (за двоеженство прозванный Девочкой), разрешавший епископам даже троеженство» (В.И. Семенешко).

Конфессиональная обстановка в украинских землях во второй половине XVI в. оставалась чрезвычайно сложной. Идеи Реформации стали распространяться здесь уже тогда, когда в Западной Европе после решения Тридентского собора в Ватикане 1545 – 1563 гг. развернулось наступление контрреформации. Лютеранство и кальвинизм проникали в Галицкую Русь из Польши, а на Волынь – в значительной степени из Беларуси. Поскольку кальвинизм выступал за дешевую церковь и ликвидацию церковного землевладения, многие украинские магнаты его активно поддерживали. Кальвинистская доктрина об абсолютном предопределении служила обоснованию «богоизбранности» магнатов и шляхты.

Относительно широкое распространение на Украине получило социанство – радикальное течение в протестантизме, отрицавшее догмат о Троице и требовавшее веротерпимости. Социане придавали большое значение делу просвещения. Протестантские школы открывались во многих имениях волынских, киевских и подольских шляхтичей. По свидетельству бежавшего из России князя А. Курбского, отрицанием догмата Троицы заразилась «мало не вся Волынь». Однако социане игнорировали народные массы, употребляли только польский и латинский языки. У крестьянства протестантские идеи в целом отклика не нашли.

По неполным данным, в Русском и Белзском воеводствах действовало 63 реформационные общины, на Волыни – 27 (преимущественно социанские), на Киевщине и Брацлавщине – 7, на Западном Подолье – 6. Их появление и относительно продолжительное существование было в значительной степени связано с общим упадком православия и недовольством шляхты своим духовенством. Но и протестантский этап в жизни представителей известных фамилий закончился переходом большинства из них в

лоно католической церкви. К середине XVII в. протестантских общин на Украине практически не осталось (С.В. Позняк).

После Люблинской унии в конфессиональную борьбу на украинских землях активно включился орден иезуитов, официально утвержденный Ватиканом еще в 1540 г. Поскольку орден объединил вокруг себя мощные интеллектуальные силы, пропаганда католицизма поднялась на качественно новый уровень. Иезуиты проникали в высшие сферы общества, становились учителями, опекунами. При этом в своей миссионерской деятельности ради «вящей славы божьей» они не останавливались даже перед аморальными поступками, руководствуясь принципом: «цель оправдывает средства». Широкий размах приобрел захват имущества православной церкви. Королевским универсалом 1584 г. все захваченное ранее передавалось иезуитам в вечное пользование. Так же, как перед этим в Польше, в Беларуси и на Украине иезуиты начали свою деятельность с «чистки» книгохранилищ и целенаправленного предания огню протестантских и православных книг.

В своих многочисленных проповедях члены ордена иезуитов критиковали как реформационные идеи, так и «схизму» восточной церкви, защищая папство и католическую веру. В популярных в то время диспутах с протестантами, проходивших, как правило, при большом скоплении верующих, иезуиты неизменно одерживали победу и своей эрудицией завоевывали уважение слушателей. Со временем почти вся Украина покрылась сетью иезуитских школ, обучение в которых вели высококвалифицированные преподаватели. Эти учебные заведения, наилучшие на то время, пополнялись детьми православной верхушки украинского общества. Но и для низших сословий двери иезуитских учебных заведений были открыты, ибо эти школы были бесплатными.

Иезуиты выгодно противопоставляли себя служителям православной церкви и своей добродетельностью в повседневной жизни. Известно, что во время смертоносных эпидемий они самоотверженно входили в дома заболевших бедных людей не только для духовного утешения, но и для оказания медицинской помощи (С.В. Позняк).

Киевская же митрополия практически не уделяла внимания ни повышению образовательного уровня православной молодежи, ни подготовке кадров православной церкви. «Складывалась, – отмечает С.В. Позняк, – парадоксальная ситуация: в народном сознании православная вера оставалась синонимом народности, но стать профессиональным служителем этой веры желали единицы, причем не самые достойные. Современники с сожалением констатировали, что в православные священники идет настоящий

«людской мусор», голодный и необразованный, что их скорей увидишь в корчме, чем в церкви. Образованная элита в лице представителей древнейших родов стремительно окатоличивалась, отдавала своих детей в латинско-польские школы».

Ситуация еще более обострилась в начале 80-х гг. XVI в. Дело в том, что в 1582 г. буллой папы Григория XIII в западном мире вводился новый (григорианский) календарь с пропуском 10 дней. Стефан Баторий (1576 – 1586) своим универсалом распространил календарную реформу на Речь Посполитую, что вызвало недовольство православного населения. В свою очередь, константинопольский патриарх Иеремия II ответил разъяснительным посланием, в котором прокомментировал введение нового стиля как «новую схизму папы» и призвал православных придерживаться в праздниках и обрядах старого (юлианского) календаря.

Реформа существенно развела во времени религиозные праздники католиков и православных. Попытки представителей светской власти на местах и католических иерархов ввести новый календарь силовыми методами углубляли раскол общества. Особенно напряженная ситуация сложилась во Львове. Накануне православного Рождества 1583 г. львовский католический архиепископ Я. Суликовский отдал распоряжение опечатать все православные церкви в городе, что и было сделано прямо во время богослужения. Инцидент во Львове, волнения православных в других городах вынудили Стефана Батория отменить свое распоряжение о необходимости принятия нового стиля православной церковью. В январе 1584 г. король издал универсал, в котором разъяснял, что календарная реформа касается только светских дел.

На защиту «своей» веры становились православные мещане, которые до этого играли незначительную роль в жизни общества, а теперь приступили к организации религиозно-национальных объединений – братств. Особую известность получило Львовское братство, основанное при церкви Успения Богородицы. В 1586 г. оно получило от антиохийского патриарха Иоакима право ставропигии (самоуправления), подтвержденное в 1589 г. константинопольским патриархом Иеремией II.

Львовское Успенское братство стало независимым от местного владыки. Одновременно оно получило исключительные полномочия: осуществление контроля над епископским судом, наблюдение за «благочестием и моральностью» духовенства и светских людей. Братство могло отлучать от церкви любого православного человека, причем даже патриарх не мог отменить этого решения.

Стремление мирян к активному участию в общественной и культурной жизни было одним из проявлений Реформации. Вместе с тем нарушение традиционного церковного уклада (контроль братства над духовенством, уменьшение власти епископа) имело и негативные последствия. Начались постоянные конфликты между братчиками и львовским епископом Гедеоном Балабаном. Причем вмешательство Успенского братства в дела владыки зачастую принимало абсурдные формы (прил. 9).

Устав Львовского братства использовался в качестве образца для других братств. Правда, в их деятельности, несмотря на теснейшие связи, оставались и некоторые различия, связанные с местными условиями. Духовенство Львова оставалось практически вне братства. Но, поскольку братства подразумевались как всесословные объединения, в дальнейшем в их организации и деятельности в других городах принимали участие представители шляхты, духовенства, казачества. Деятельность братств, в которые стали принимать и женщин (как «сестер»), становилась все более разноплановой. Они выступали против патроната (если он их не устраивал), католической пропаганды, религиозных ограничений, стремились влиять на посвящение в церковный сан достойных с их точки зрения людей. Важным направлением просветительской деятельности братств была организация типографий и братских школ. В 1592 г. Львовская братская школа благодаря хлопотам князя В.-К. Острожского получила королевский привилей на преподавание семи вольных наук.

Вопрос об унии, т.е. объединении христианских церквей, возник не позднее XIII в. Важно отметить, что Русь и после раскола 1054 г. эпизодически поддерживала связи с римской курией: так, в 1091 г. к папе был направлен посланник от киевского митрополита, доставивший оттуда святыне мощи; в 1106 г. в Новгороде создал монастырь Антоний Римский, позже причисленный к лику святых православной церковью. И все же предложение легата папы Александра III в 1160-х годах о религиозном диспуте в Киеве митрополит Иоанн IV не поддержал, сославшись на целесообразность его проведения в Константинополе.

Известно, что в 1439 г. на Флорентийском соборе идея унии была формально реализована, но в нем не участвовали представители московского православия и польской католической церкви. Активными пропагандистами унии были иезуиты, а также та часть православного духовенства, которая очень болезненно переживала упадок православия и желала путем объединения с Римом избавиться от диктата польского католицизма и влияния Московской митрополии. В этот период папская власть приобрела четкую и эффективную централизацию, упорядоченность, добилась высо-

кого уровня образования у ксендзов и кардиналов. Высший клир Украины надеялся с помощью унии получить равные права с польским, знать – возможность занимать высшие посты в структурах управления Речи Посполитой, мещанство – места в цехах, магистратах, судах.

По инициативе львовского епископа Гедеона Балабана с 1590 г. в глубокой тайне шли переговоры епископов о подготовке религиозного союза православной церкви Украины и Белоруссии с Римом. Их участники осознавали, что массы отрицательно относились к этой идее, а братства и казачество были настроены враждебно, непримиримо. Тем не менее в декабре 1594 г. епископы К. Терлецкий из Луцка и И. Потий (Поцей) из Владимира на Волыни разработали план и детали перехода православных парафий Украины под власть папы Римского. Их поддержали еще три епископа — из Полоцка, Холма, Пинска, а также митрополит Михаил Рагоза. Мотивы их решений, по мнению исследователей, могли быть самыми разными – от желания защитить ценности православия до стремления обеспечить для себя более выгодные материальные условия жизни, отмежеваться от созданного в 1589 г. московского патриархата.

О своем видении условий объединения церковей епископы сообщили польскому королю Сигизмунду III (1587 – 1632), который после учреждения в 1589 г. Московской патриархии был убежденным сторонником унии. К соглашению с Римом некоторое время склонялся даже могущественный защитник православия князь В.-К. Острожский. Однако он соглашался на объединение церковей только как равноправных субъектов, а обязательным условием соглашения считал участие в нем всех восточных патриархов. Такая постановка вопроса переводила проблему заключения унии с практической плоскости к умозрительным проектам ее решения в далеком будущем.

Скрытное, келейное составление условий унии православными иерархами, отказ Сигизмунда III обсуждать эти условия на соборе с участием шляхты вызвали негодование князя Острожского. Летом 1595 г. он обратился к духовенству и мирянам с призывом стать на защиту «благочестия». Серьезность собственных намерений князь подтвердил заявлением о готовности выставить в случае необходимости 15 – 20-ти тысячное войско для борьбы против тех, кто, «прикрывая свою волчью сущность», хочет оторвать православный народ от вселенских патриархов.

Угроза вооруженной борьбы вызвала серьезное беспокойство власти. На специальных заседаниях сената дебатировалась своевременность унии. Характерно, что ее противниками были многие католические иерархи, недовольные перспективой подчинения православного населения непосред-

ственно Риму. Однако события приняли необратимый характер: в сентябре 1595 г. король своим универсалом поддержал унию, а сенат санкционировал поездку епископов Ипатия Потия и Кирилла Терлецкого в Италию.

23 декабря 1595 г. в Риме папа Климент VIII утвердил поданные ему «Статьи унии» и дал официальное согласие на принятие украинской православной церкви под свой протекторат. Окончательное юридическое оформление унии должно было произойти на соборе в Бресте в октябре 1596 г. Однако собор сразу же раскололся на две части – униатскую и православную. Униатская сторона, собравшаяся в церкви св. Николая, была представлена митрополитом М. Рагозой, пятью епископами, католическим духовенством, представителями польского короля. В работе православного собора приняли участие представители константинопольского и александрийского патриархов, отступившие от унии епископы Г. Балабан и М. Копыстенский, девять архимандритов, большое количество (около 200) протоиереев и монахов. В Брест приехали также князь Острожский с вооруженным отрядом, несколько сотен православных шляхтичей и братчиков.

Униатский собор утвердил акт объединения церквей и образования греко-католической церкви, которая подчинялась Ватикану. Были признаны основные догматы католической церкви, но церковные обряды оставались православными, а церковно-славянский язык – языком богослужения. Униатским епископам были обещаны места в сенате. Греко-католическое духовенство, как и католическое, освобождалось от уплаты податей, а шляхтичи-униаты могли претендовать на занятие государственных должностей.

Униатские владыки лишили сана львовского и перемышльского епископов и всех других духовных лиц, принявших вопреки воле митрополита участие в православном соборе. Православный собор, в свою очередь, объявил неправомочными действия сторонников унии и лишил их духовного сана. Обе стороны прокляли друг друга.

В.-К. Острожский в обращении к Сигизмунду III квалифицировал происшедшее как нарушение прав и привилегий русского народа. Ответом короля, который решительно занял сторону униатов, стал универсал от 15 декабря 1596 г. Решения Брестского (униатского) собора были признаны обязательными. Однако из-за противодействия польской аристократии королевская власть не могла обеспечить всех данных греко-католикам гарантий. Универсал Сигизмунда III не гарантировал места в сенате униатским митрополитам.

Брестская уния предопределила обострение религиозной борьбы в Речи Посполитой, раскол внутреннего единства белорусского и украинско-

го народов, их конфронтацию с польским народом. В конечном итоге все, что довелось сполна пережить, вытерпеть православным, в не меньшей мере выстрадали, почувствовали на себе и греко-католики. (Термин «греко-католики» был введен в обиход с середины XVIII столетия австрийскими чиновниками, а в 1767 г. группа католических епископов под давлением России и Радомской конфедерации заменила оскорбительное для православных прозвище «схизматик» (раскольник) на «несоединенный», для униатов же использовали понятие «соединенные».) Разлом общества по конфессиональному признаку стал одной из существенных причин того, что и сегодня Украина принадлежит к числу внутренне расколотых в цивилизационном отношении стран.

Уния насаждалась силой. Православные иерархи заменялись униатскими. Имущество православной церкви передавалось униатам. Православные купцы, ремесленники и шляхта всячески ограничивались в правах. Вследствие тождественности православия и «русскости» делалось все, «чтобы Руси не было на Руси» (С.В. Позняк).

Пока теологи и публицисты обменивались словесными залпами, шляхта и мещане нашли собственную тактику действий в виде сеймовой оппозиции и корпоративных методов отпора. Тон выступлениям православной шляхты, до 1596 г. практически молча голосовавшей на сеймах, задал в речи на сейме 1597 г. князь В.-К. Острожский. В 1599 г. в Вильно была сформирована специальная посольская группа из православных и протестантов для солидарных действий в сейме. Стороны договорились вместе защищать от посягательств свободу богослужения и церковное имущество. На сейме 1601 г. они совместно выступили за то, чтобы высшие церковные посты давались «русским людям действительно греческой религии». Когда король под влиянием прокатолически настроенной части шляхты отклонил данный проект сеймового постановления, православно-протестантская фракция в знак протеста покинула зал заседаний.

Первые, пусть скромные, успехи противникам унии принес сейм 1603 г. Силы оппозиции были подкреплены и военным аргументом – младший сын престарелого В.-К. Острожского Александр прибыл на сейм в Краков с двухтысячным войском. По решению сейма Киево-Печерский монастырь, хотя и с определенными оговорками, сохранялся за православными и не подчинялся униатскому митрополиту. В соответствии с древним обычаем его архимандрита должны были избирать киевская шляхта и духовенство.

Кульминация легальной шляхетско-мещанской оппозиционности православных приходится на время внутреннего и внешнеполитического

кризиса Речи Посполитой, связанного со шляхетской вооруженной оппозицией («рокошем») 1606 – 1607 гг. Характерно, что киевская, волынская и брацлавская шляхта составляла умеренную часть рокоша, стремилась к лояльным (сеймовым) формам решения конфессионального вопроса.

Постановление сейма 1607 г. и подтверждающий его королевский привилей провозглашали право греческой религии на свободное богослужение и в перспективе замещение должностей, занятых в данное время униатскими владыками, в соответствии с древними обычаями. Общий характер этих документов, их двусмысленность предопределили дальнейшую остроту дебатов по вопросу, кого считать представителями «настоящей» греческой религии. Не считался ни с какими претензиями православных и Ватикан. В 1613 г., после смерти И. Потия, римский папа утвердил в сане митрополита униата И. Рутского.

И все же законодательные акты 1607 г., а также определенные уступки оппозиции на сейме 1609 г. надолго стали для православных правовой основой в решении вопросов восстановления и легализации церковной иерархии, в отстаивании юридических прав церкви в целом.

Несмотря на сопротивление части украинской знати, братства и казачества, к 1623 году более 1,8 миллиона украинцев и белорусов стали униатами. Только Львовская и Перемышльская епархии долго оставались православными – до 1700 и 1691 гг. соответственно. В то же время, к примеру, на Волыни благодаря позиции княжеских родов Острожских и Корецких униаты закрепились только во Владимирском уезде. Но к 1630 г. клан Острожских распался, а его наследники – Александр и Владислав Заславские, стали приверженцами униатов. Поэтому в начале 30-х годов XVII столетия центрами греко-католической церкви являлись не только Луцк, Лубно, Кременец, но и Владимир. Все же среди крестьян Волыни, в целом относившихся к религиозному расколу индифферентно, только 30 % являлись униатами, а среди мешан их было еще меньше – до 25 %. Лишь собор в Замостье 1720 г ликвидировал украинский иконостас, православные поминания и посты уравнивал с католическими, богослужение стало проводиться в боковых алтарях.

Не дали результатов и попытки митрополитов И. Рутского, П. Могилы, воеводы А. Киселя объединить греко-католиков и православных в единую церковь под главенством Киевской митрополии. В ноябре 1632-го на выборном, а в марте 1633-го на коронационном сеймах Польши Владиславу IV удалось добиться формального признания равенства прав православной и католической церквей, униаты получили возможность переходить в ряды православных. К тому же Ватикан запрещал католическим священ-

нослужителям принуждать верующих становиться греко-католиками. Но эти решения существенно затормозили процесс сближения двух украинских церквей. С другой стороны, в начале XVII столетия среди православного духовенства Украины и Белоруссии большое влияние получила ориентация на Московскую митрополию. Не случайно в 1626 г. И. Борецкий по поручению казачества обращался к царю с просьбой принять их под свое покровительство, однако без обладания территорией такая идея являлась нежизнеспособной для российского самодержавия.

Подлинного равенства между католиками и униатами в Речи Посполитой так и не было достигнуто. Даже место в сенате митрополит-униат получил только в 1790 г. – всего за пять лет до ликвидации польской государственности.

14.3. Казачество и королевская власть Речи Посполитой*

В конце XVI – начале XVII вв. на Украине существовали три основные группы казачества: во-первых, запорожцы, жившие, по сути, за границами Речи Посполитой; во-вторых, казачество пограничных городов, которое не имело официального, признанного правительством, статуса и в значительной степени игнорировало государственную власть; в-третьих, зажиточные реестровые казаки, которые пошли на службу Короне.

Понимая бесплодность каких-либо попыток подчинить далекую и непокорную Сечь, коронное правительство в то же время стремилось привлечь на свою сторону часть городского казачества и противопоставить его остальному как официальное воинство. Таким способом планировалось не только увеличить собственную военную мощь в пограничье, но и урегулировать отношения с татарами и турками, которые постоянно жаловались на казаков. Однако практическое решение этого вопроса упиралось в «извечную» проблему коронной власти – отсутствие необходимых средств.

В 1572 г. Сигизмунд II Август издал универсал о формировании наемного отряда из 300 казаков, которые должны были находиться на государственном содержании. Привлеченные на службу казаки заносились в специальные списки («реестры»). «Старшим реестра» король назначил шляхтича Яна Бадовского, дав ему одновременно и судебную власть над

* Материал лекции с небольшими изменениями и дополнениями взят из книги: Позняк, С.В. История Украины (IX – первая половина XVII вв.): курс лекций / С.В. Позняк. – Минск, 2002. – С. 130 – 142.

отрядом. Так было положено начало реестровому казачеству, которое получало за службу деньги и определенные привилегии.

Задание реестровых казаков заключалось не только в охране границ, но и, что не менее важно, в контроле над нереестровыми казаками. Организация казаков в отдельное подразделение, подчиненное непосредственно главнокомандующему и собственному военачальнику, создала первый прецедент юридического признания казачества как новой социальной группы.

Отряд Я. Бадовского распался с его смертью в 1575 г. Но неудачи в Ливонской войне и разгул казачьей вольницы вынудили правительство вернуться к идее реестрового казацкого войска. В 1578 г. король Стефан Баторий взял на государственную службу 500 казаков. Они подчинялись черкасскому и каневскому старосте князю М. Вишневецкому. «Старшим реестра» (названным в королевском привилее «гетманом») стал брацлавский шляхтич Ян Оришовский. Король вручил реестровым казакам символы власти («клейноды»), в том числе булаву, бунчук, хоругвь и печать. На розовом поле хоругви был изображен белый орел – герб Польши, а на печати – казак с самопалом на плече и саблей на боку.

«Войско Запорожское реестровое» располагалось на территории с центром в Трахтемирове (теперь село на Киевщине), выше по течению Днепра от Запорожской Сечи. Здесь реестровики имели исключительное право на землевладение. В полное распоряжение казаков передавался Трахтемировский монастырь с его госпиталем, приютом для престарелых и арсеналом.

Со временем численность реестровых казаков возрастала (в 1590 г., например, она составляла 1 тыс. человек), но стабильной она не была и колебалась в зависимости от обстоятельств. Если Короне необходима была помощь во время войны, она увеличивала реестр до нескольких тысяч, а потом сокращала его.

Реестровое войско находилось в сложном положении. С одной стороны, оно должно было подчиняться коронной власти и выполнять ее приказания, с другой, не могло стоять в стороне от тех проблем, которые касались как непризнанной властями остальной части казачества, так и вообще всего населения края. Это предопределило непоследовательность поведения реестровцев в дальнейшем. Вычеркнутые из реестра казаки («выписчики») пополняли ряды недовольных, уходили в Сечь и впоследствии играли значительную роль в казацко-крестьянских восстаниях против польского гнета.

Формирование Запорожской Сечи как своеобразной формы казацкой государственности после Люблинской унии вступило в новую фазу. Столица днепровской вольницы в разное время располагалась в разных, но хорошо защищенных природой местах. Так, после Хортицы она находилась на острове Томаковка (60-е гг. XVI в. – 1593 г.), затем – на р. Базавлук (1593 – 1638 гг.). Собственно Сечь или то укрепленное место, где размещалось казацкое управление, называли еще «Кошем». Но власть сечевого товарищества распространялась не только на «Кош Запорожский», но и на значительную территорию, которая называлась «землями Войска Запорожского» или «Запорожскими Вольностями».

Н.И. Костомаров называл Сечь «христианской казацкой республикой». Такое определение сохранило свое значение и в наши дни. Верховным органом управления Запорожской Сечи была сечевая рада, которая решала важнейшие вопросы внутренней жизни и внешних сношений. Рада ежегодно избирала войсковую старшину (судью, писаря, есаула и др.) во главе с кошевым атаманом, которого иногда называли гетманом. Низшую ступень командного аппарата возглавляли куренные атаманы, избравшиеся казаками соответствующего куреня (прил. 9).

Все казаки, считавшиеся свободными и равноправными, несли службу за свой счет. В Сечь не допускались женщины, хотя вне ее территории казаки имели семьи. Самоуправление Запорожья регулировалось обычным правом. Сечь стала оплотом православия на Украине. Вступление в запорожское товарищество начиналось с вопроса: «В Бога веруешь?». А прибывали сюда, наряду с украинцами, белорусы, татары, поляки, евреи, грузины, турки, молдаване и др. Причем многие из них были образованными людьми и у себя на родине занимали высокое социальное положение.

Численность сечевого товарищества не была стабильной. Зимой в Запорожье находился небольшой гарнизон, который нес сторожевую службу. Но с наступлением весны Сечь превращалась в людской муравейник. В мирное время главным занятием запорожцев были промыслы и скотоводство.

Со второй половины XVI в. казачество уже выступает как влиятельная сила на международной арене, способная противостоять турецко-татарской экспансии. Народная память сохранила имя легендарного казацкого предводителя князя Богдана Ружинского, который в 60-70-х годах XVI в. не раз отбивал нападения татарских отрядов на Волынь и Подолье. В 1575 г. во главе запорожцев он прорвался за Перекоп и овладел Кафой, освободив сотни пленных. В следующем, 1576 г., запорожцы разрушили

крепость Аслам-Кермен в низовье Днепра, но во время взрыва в сделанном ими подкопе погиб Б. Ружинский.

Запорожцы принимали активное участие в борьбе за освобождение от турецкого ига Молдавии. Успешно действовал запорожский атаман, молдаванин по происхождению, Иван Подкова. В 1577 г. вместе с отрядом запорожцев он захватил Яссы и объявил себя молдавским господарем. Однако в 1578 г. Подкова под натиском турецких войск был вынужден отойти на Украину, где попал в руки польской шляхты и по требованию турецкого султана был публично казнен во Львове.

В 80-х годах XVI в. самовольные походы казаков на владения Крымского ханства и Турции повторялись один за другим. Используя свои маневренные челны («чайки»), запорожцы выработали эффективную тактику ведения морских боев с турецкими галерами. Но казацкие вылазки вызвали ответный удар: в 1589 г. татары осуществили мощное вторжение на Украину. Татарские отряды («чамбулы») дошли до Львова, и только объединенными усилиями шляхты и казаков их удалось отбить. Турецкий султан пригрозил выслать на Украину 200-тысячное войско, если Речь Посполитая не сможет сама укротить казаков.

В 1590 г. сейм принял постановление «Порядок касательно низовцев и Украины», которое должно было стать гарантией взятых Коронай перед султаном обязательств. Внесенные в реестр казаки присягали, что самовольно не будут переходить границ Речи Посполитой. Одновременно местная администрация должна была не пускать своевольных людей на Низ и в степи, вылавливать и казнить нереестровых казаков, осмелившихся нарушать постановление сейма и переходить границы с целью грабежа и войн с соседними государствами. Результатом подобной политики стала адекватная реакция со стороны казачества.

Восстания под предводительством К. Косинского и С. Наливайко

Первое крупное казацко-крестьянское движение на Украине началось в 1591 г. Именно тогда мелкий украинский шляхтич, один из казацких старшин Криштоф Косинский получил от Короны землю за службу. Но не успел он ее занять, как Януш Острожский, наследник известного рода и белоцерковский староста, присвоил эту «пустыню». Понимая бесперспективность судебной тяжбы с влиятельным вельможей, Косинский напал со своими казаками на земли Острожского и захватил Белую Церковь. Это выступление, поддержанное мещанами и крестьянами, по существу, и дало толчок распространению антифеодального движения на Киевское, Волынское, Брацлавское и Подольское воеводства.

Поскольку в придворных кругах историю с Косинским считали частным делом Острожских, в карательной экспедиции против восставших принимали участие преимущественно надворные отряды Я. Острожского и черкасского старосты Александра Вишневецкого. В начале 1593 г. в битве под Пяткой на Волыни казаки потерпели сокрушительное поражение. Однако наказали повстанцев довольно легко: реестровых казаков обязали дать клятву на верность королю, а Косинского – трижды поклониться членам рода Острожских и попросить у них прощения.

Уйдя на Запорожье, Косинский собрал двухтысячное войско и начал новое наступление. На этот раз объектом казацких претензий стал князь А. Вишневецкий, которому казацкий предводитель не мог простить участия в битве под Пяткой. Но в мае 1593 г. Косинский погиб во время осады Черкас. Восстание продолжалось еще некоторое время, что вынудило А. Вишневецкого пойти на уступки. Участникам войны 1591 – 1593 гг. гарантировалась амнистия, князь не стал оспаривать право запорожцев на свободный выход на Низ и возвращение обратно.

Принято считать, что восстание 1591 – 1593 гг. открыло эпоху вооруженной национально-освободительной борьбы украинского народа против польского владычества.

Не успели погаснуть отблески одного, как вспыхнуло новое восстание, на этот раз еще более крупное. Возглавил его Северин Наливайко, который служил до этого сотником надворной хоругви (отряда) князя В.-К. Острожского. В 1594 г. он возглавил отряд нереестровых казаков на Брацлавщине и заключил соглашение с запорожским атаманом Григорием Лободой о совместной борьбе против магнатов. Вскоре повстанцы под руководством Наливайко овладели Брацлавом, Баром и Винницей. Одновременно взяли за оружие крестьяне. В 1595 г. восстание распространилось на Беларусь, куда пришли казацкие отряды. Запорожцы Лободы в это время захватили Канев, Черкассы и на короткий период Киев.

Когда ситуация приняла угрожающий для Короны характер, против повстанцев было брошено многочисленное вышколенное войско под командованием коронного гетмана С. Жолкевского. Наливайко вынужден был отступить для соединения с Лободой. Весной 1596 г. гетман С. Жолкевский навязал повстанцам бой под Белой Церковью. Казаки понесли большие потери и отступили в Заднепровье, надеясь найти защиту у Москвы. Они устроили свой лагерь под Лубнами и мужественно отбивали штурм коронного войска. Тем временем Г. Лободу, который склонялся к переговорам с Короной, обвинили в тайных сношениях с противником и

убили. Но вскоре его сторонники из числа зажиточных казаков выдали Наливайко полякам, а повстанцев уговорили сложить оружие. Жолкевский потребовал, чтобы каждому шляхтичу было предоставлено беспрепятственно «забрать своих подданных, какие окажутся среди казаков. На это казаки согласиться не могли, так как они чуть не все поголовно отдавались в таком случае на произвол своих помещиков. Тогда польское войско напало на них, безоружных, неприготовленных, вопреки заключенному уже перемирию, и устроило возмутительную резню. «Так их немилосердно рубили, что на мило или более лежал труп на трупе» (М.С. Грушевский).

С. Наливайко привезли в Варшаву и после тяжелых истязаний казнили.

Гетман П. Сагайдачный и восстановление православной иерархии

После поражения восстания под предводительством С. Наливайко на Украине на протяжении 30 лет не было крупных народных выступлений. Зажиточные казаки склонялись к сотрудничеству с Коронай, надеясь законными средствами расширить свои права и вольности. В свою очередь, Польша, вступившая в начале XVII в. в полосу активной внешнеполитической деятельности, ощущая острую необходимость в военной силе казачества, умело использовала противоречия в казацкой среде в своих интересах.

Ярким представителем умеренной части казачества, склонной к компромиссам, был гетман реестровых казаков Петр Конашевич-Сагайдачный, происходивший из галицкой шляхты. Не будучи еще гетманом, он появился на Запорожье, прославился во время ряда удачных походов на Крым и Турцию и занял заметное место среди казацкой старшины. С его именем часто связывают превращение казацкой «ватаги» в регулярное дисциплинированное войско.

Но в характере действий Сагайдачного проявлялся внутренний разлад среди казачества. Шляхтич по происхождению, он переносил и на казачество свои шляхетские понятия, хотел резко отделить реестровых казаков как привилегированное воинство от простых посполитых крестьян, пополнявших казацкие ряды. Поэтому, по словам В.О. Ключевского, на него жаловались, что «при нем посполству было тяжело».

В 1618 г. Сагайдачный во главе 20-тысячного казацкого войска принимал участие в походе королевича Владислава на Москву. Но в 1620 г. он уже посылал посольство в ту же Москву с просьбой принять его на российскую службу. Поскольку Россия в то время жила в согласии с Крымом, а под службой казаки понимали, в первую очередь, войну с татарами, то казацким послам дипломатично отказали.

В 1620 г. произошло событие, которое окончательно определило союз казачества и православной церкви как факт общественно-политической и культурной жизни православной общности Речи Посполитой. Иерусалимский патриарх Феофан, имея соответствующие полномочия от константинопольского патриарха, под защитой казаков П. Сагайдачного возвел в сан нового киевского православного митрополита, а также полоцкого архиепископа и пять епископов. Митрополитом стал ректор Киевской братской школы Иов Борецкий. Посвящение стало возможным отчасти и благодаря тому, что польское правительство, готовясь к войне с Турцией, остро нуждалось в казацком войске. Сагайдачный же вместе со всем своим воинством вступил в Киевское братство.

Таким образом, в Киеве стали действовать одновременно две митрополии – униатская и православная. Правда, епископы православной церкви жили полулегально в разных монастырях, преимущественно на Киевщине, то есть в «казачьем царстве», и руководили делами своих епархий издали, секретно.

В 1621 г. 40-тысячное казацкое войско Сагайдачного пришло на помощь великому гетману литовскому Яну Ходкевичу в битве с турками под Хотинном. Умирая от раны, полученной в этом сражении, П. Сагайдачный завещал две трети своего имущества Киевскому братству и Львовской братской школе.

Мятежное казачество и коронная власть в 1620 – 1630-х гг.

После смерти П. Сагайдачного конфликты вновь стали основной чертой польско-украинских отношений. Сначала казалось, что их можно устранить, так как ближайшие преемники умершего гетмана разделяли его принцип примирения. Но после битвы под Хотинном среди казачества, особенно нереестрового, возрастало недовольство, поскольку закаленное в боях 40-тысячное казацкое войско возвращалось на Украину без всякого намерения превратиться в крепостное сословие, чего так добивалось польское правительство. Часть казачества собиралась в Запорожской Сечи, а большинство возвращалось в свои города и села.

Польские же власти очень раздражало то, что казаки считали себя чем-то вроде государства в государстве. Сильное беспокойство у Короны вызвало вмешательство казачества во внутренние дела Крымского ханства, где оно поддержало антитурецкую партию, а также несколько дерзких походов запорожцев на Константинополь. В 1625 г. коронное войско двинулось на Днепр. Гетман С. Конецпольский нанес несколько поражений запорожцам во главе с М. Жмайло. В осажденном казацком лагере у озера Курукова (близ Кременчуга) начались разногласия, и атаманская булава была пе-

редана полковнику реестрового казачества Михаилу Дорошенко, который заключил с поляками Куруковский договор 1625 г. В результате компромисса реестр был увеличен до 6 тысяч, но абсолютное большинство рядового казачества вынуждено было вновь возвратиться под власть панов.

По завершении составления реестра М. Дорошенко взялся за усовершенствование организационной структуры «законного» казачества. Реестровики были поделены на 6 полков с центрами в Киеве, Каневе, Корсуне, Белой Церкви, Переяславле и Черкассах. Каждый полк делился на сотни с центрами в меньших населенных пунктах. Гражданская власть над всеми казаками соответствующей территории принадлежала казацким старшинам, в то время как общее руководство осуществлял гетман со своей канцелярией. Он избирался казаками и утверждался королем. Реестровые казаки совершенствовали свое самоуправление под бдительным надзором поляков. В отличие от них Запорожская Сечь – этот бастион воинственных и «незаконных» казаков – хотя формально и подчинялась гетману, де-факто сохраняла автономию.

Дав согласие на увеличение реестра, коронная власть надеялась, что реестровые казаки будут контролировать всех остальных. Когда после гибели в 1628 г. М. Дорошенко гетманом стал пропольски настроенный Г. Черный, Корона, казалось, нашла вообще идеального исполнителя своих замыслов. Однако именно стремление Г. Черного во всем угодить правительству переполнило чашу терпения казачества.

В 1630 г. отряд запорожцев во главе с Т. Федоровичем (Трясило) выступил из Сечи «на волость» (государственную территорию Речи Посполитой). Федорович впервые в казацкой практике обратился с универсалами ко всем, кто был когда-либо казаком или желал им стать, призывая бороться за веру и вольности. В ответ к нему стали стекаться «выписчики» и жители слобод, в которых завершался срок льгот. К повстанцам присоединилась и значительная часть реестровых казаков. Все Среднее Поднепровье поднялось на «ляхов». При этом крестьяне нападали на панские имения, убивали их хозяев, а также управителей, арендаторов и шинкарей.

Повстанцы захватили в плен и казнили Г. Черного, заняли Черкассы, Корсунь, Канев. Решающие бои казаков с войском польного гетмана С. Конецпольского произошли под Переяславлем в мае 1630 г. Крупнейшим успехом повстанцев, по легендарной традиции, было уничтожение «золотой роты» (150 польских юношей из знатнейших родов) в так называемую «Тарасову ночь», воспетую Т. Шевченко, но не подтвержденную историческими источниками. С. Конецпольский вынужден был пойти на переговоры с казацкой старшиной. Несогласный с тактикой компромисса, Федо-

рович с частью казаков покинул казацкий лагерь и отступил на Запорожье. По Переяславскому договору верхушки казачества с Коронай подтвердились условия Куруковского договора, а реестр увеличивался до 8 тысяч человек. Участники восстания амнистировались, но нереестровые казаки возвращались под власть шляхты.

Когда в 1632 г. умер Сигизмунд III, делегация казаков попыталась заявить о своих правах и даже потребовала участия в выборах нового короля. Однако сейм отверг эти домогательства, заявив, что казаки действительно составляют «часть Польского государства, но такую, как волосы или ногти на теле человека: когда они слишком вырастут – их стригут» (М.С. Грушевский).

Необходимо отметить, что одним из казацких требований было возвращение прав и имущества православной церкви. Новый король Владислав IV (1632 – 1648), начиная войну с Россией, чтобы склонить на свою сторону казацкую верхушку и православное духовенство, издал «Статьи для успокоения русского народа», утвержденные сеймом в 1633 г. Этим актом было легализовано существование православной церкви в Речи Посполитой и возвращена часть отнятого у нее имущества. Одновременно православным митрополитом был избран выдающийся церковно-политический деятель Петр Могила.

Но и после издания «Статей» религиозное наступление Ватикана на украинский народ не прекратилось, так же, как продолжал усиливаться и крепостнический гнет. Кроме того, легализация православной церкви предопределила курс ее иерархов на лояльность к варшавскому правительству, их некоторое отчуждение по отношению к бывшим радикальным союзникам – казакам. Известно, что П. Могила и другие иерархи негативно относились к казацко-крестьянским выступлениям 1630-х гг.

По условиям Переяславского соглашения 1630 г. в Запорожье должен был постоянно находиться двухтысячный отряд реестровых казаков. Однако в деле борьбы с «казацким своеволием» власти на него не очень рассчитывали. Поэтому в 1635 г. Корона прибегла к новому методу воздействия на запорожских казаков. На Днепре, выше Сечи возле первого Кодакского порога, под руководством французского инженера Боплана в кратчайший срок (с марта по июль) была сооружена крепость Кодак. Крепость, с одной стороны, отрезала Запорожье от волости, становилась препятствием бегству в Сечь, затрудняла доставку туда хлеба и боеприпасов, с другой – ограничивала возможности выхода запорожцев в Среднее Поднепровье. Но уже в том же году запорожские казаки во главе с кошевым атаманом И. Сулимой разрушили крепость и уничтожили ее гарнизон. Это

событие не переросло в новое восстание, так как реестровые казаки выдали предводителя запорожцев властям. Сулима и его ближайшие сподвижники были казнены в Варшаве. И все же один из активных участников разрушения Кодака – П. Бут (Павлюк) – по ходатайству коронного канцлера П. Замойского был помилован прямо на эшафоте.

Летом 1637 г. началось новое восстание, которое охватило Левобережную и Правобережную Украину. Его возглавил избранный запорожцами гетманом П. Бут. Повстанцы захватили и казнили часть старшины реестрового казачества. Одновременно они призывали к войне с «ляхами» всех, кто исповедует православие. Понятно, что их универсалы способствовали массовому «оказачиванию» крестьянства, разорению панских имений. Однако в декабре 1638 г., после поражений казаков от польской армии под Кумейками (возле Черкасс) и Боровицей (недалеко от Чигирина), начались переговоры, посредником в которых выступал православный магнат А. Кисель. Казацко-крестьянское войско капитулировало. Рассчитывая на прощение, реестровцы, принявшие участие в восстании, выдали часть казацких предводителей властям. П. Бут был схвачен и казнен. Сподвижникам гетмана Д. Гуне и К. Скидану удалось пробиться на Запорожье и начать подготовку к новым боям.

Польский польный гетман Н. Потоцкий заменил все командование реестрового войска, поставив во главе него И. Караимовича. Казацкий реестр сокращался до 5 тыс. человек.

Несмотря на обещание Караимовича покорить Запорожскую Сечь, сделать это ему не удалось. Долее того, уже весной 1638 г. запорожцы вновь активизировали свою борьбу. Сначала их возглавил самовольно избранный казаками гетманом Я. Острянин (Остряница), потом – Д. Гуня. Огонь восстания вновь охватил Киевщину и Полтавщину. Но силы были неравными, особенно после прихода на помощь коронному войску отрядов магната И. Вишневецкого. Плохо вооруженные казацко-крестьянские загоны (отряды) были по частям, хотя и с большим трудом, разбиты гетманом Н. Потоцким. Я. Острянин с несколькими сотнями казаков ушел в пределы России, поселившись в Чугуевом городище. Казаки во главе с Д. Гуней некоторое время еще продолжали борьбу, укрепившись на р. Сула, а затем подались на Дон. Поляки в этих условиях занялись восстановлением крепости Кодак. Силы казачества, казалось, были сломлены.

Казацкий вопрос неоднократно поднимался на польских сеймах, которые создавали специальные комиссии для выработки соглашений с казаками. Однако принятые решения не удовлетворяли ни одну из сторон. Только после казни П. Бута в Польше решили, что могут окончательно на-

вязать казачеству свои условия сосуществования. Весной 1638 г. польский сейм утвердил «Ординацию Войска Запорожского реестрового, которое пребывает на службе Речи Посполитой». Новый закон ликвидировал «на вечные времена» казацкие привилегии, судопроизводство и выборность старшины. На королевской службе оставалось 6 тысяч казаков. Казаки, не внесенные в реестр, провозглашались крепостными. Упраздняялась должность старшего реестра (гетмана). Вместо него королем назначался старший комиссар из шляхтичей, который подчинялся непосредственно коронному гетману. Должности полковников и есаулов также замещались исключительно шляхтой.

После поражения восстания Я. Острянина в урочище Маслов Став в Каневском повете состоялась «заключительная комиссия с казаками», которая навязала реестровикам сеймовое постановление. Центр казацкого управления переносился в Корсунь, так как Трахтемиров к этому времени оказался в руках коронного стражника С. Лаща как награда за его «труды» по усмирению восстаний. Казакам разрешалось проживание только в приграничных городах (Черкассах, Каневе, Чигирине и др.). Запорожцы были объявлены вне закона. Крестьянам и мещанам под угрозой конфискации имущества запрещалось выдавать своих дочерей замуж за казаков. Тайной инструкцией предусматривалась организация при комиссаре и полковниках «особой гвардии», в задачу которой входило предупреждение своеволия и обезвреживание любых бунтов в их зародыше.

Казацко-крестьянские восстания 20 – 30-х годов XVII в. потерпели неудачу вследствие неорганизованного и разрозненного характера действий повстанцев, их слабого вооружения и малочисленности. Сыграли свою роль и разногласия между отдельными группами казачества, своекорыстное поведения части старшины и ее склонность к компромиссу с Коронай, стихийность крестьянских выступлений и нежелание крестьянства воевать за границами своей местности или во время сельскохозяйственных работ, а также достаточно гибкая политика польского правительства, направленная на раскол повстанческих рядов.

Последующие десять лет польские шляхтичи называли периодом «золотого покоя». Впрочем, покоем эти годы были только по сравнению с бурным предыдущим десятилетием и последующим периодом народной борьбы.

Подавив восстания, польское правительство, магнаты, шляхта развернули террор на украинских землях. После 1638 г. особенно жестоко притрунивалось казачество, которое традиционно притягивало наиболее недовольные элементы. Летом 1639 г. был восстановлен Кодак. В самой

Сечи для контроля над действиями запорожцев разместился гарнизон правительственных войск.

Поскольку Польша в это время не вела ни одной войны, у Короны не было необходимости в казацких саблях. Часть участников восстаний 1637 – 1638 гг., «выписчиков» и другого люда, которому грозило возвращение в подданство панам, эмигрировала в заднепровские степи российского пограничья. Энергичный казацкий элемент искал выхода своей воинственной энергии в наемных войсках за рубежом. В Тридцатилетней войне 1618 – 1648 гг., охватившей европейские страны, казаки принимали участие как на стороне габсбургского блока, так и антигабсбургской коалиции. Запорожцы участвовали, например, в военных действиях Франции во Фландрии, отличившись при осаде Дюнкерка в 1646 г.

Под вуалью внешнего покоя и замирения накапливался целый ряд факторов, которые, с одной стороны, подталкивали украинский народ к проявлению в дальнейшем невиданной активности, а с другой – создавали почву для перерастания этой активности в широкомасштабную национально-освободительную войну. Интенсивно осваиваемые Киевщина и Брацлавщина, ставшие вскоре главной ареной восстания, были уникальными не только в Речи Посполитой, но и во всей Европе. Во-первых, эти земли принадлежали могущественнейшим и богатейшим магнатам, во-вторых, их заселял вольнолюбивый люд, готовый решительно бороться за свои интересы.

Хотя магнаты в значительной степени приняли участие в хозяйственном освоении Южной Украины, они были здесь источником нестабильности и в конфликтных ситуациях всегда прибегали к насилию. Установив первоначально в своих землях слободы, они все больше распространяли на привлеченное свободой от повинностей крестьянство характерные для Польши формы аграрных отношений. Крестьяне, еще недавно свободные, работали на своих панов по три – четыре дня в неделю, выполняли в пользу феодалов различные дополнительные повинности. Между тем, крестьяне Среднего Поднепровья в отличие от крестьян в других частях Речи Посполитой до сих пор не знали всей тяжести крепостничества и не желали его принимать. Независимо от того, как квалифицировали их магнаты, многие из них считали себя вольными. И не имело значения, насколько такие взгляды согласовывались с правом.

Страдали крестьяне и от сдачи феодалами своих имений в аренду. Арендаторы, в большинстве случаев еврейские предприниматели, стремясь за короткий срок вернуть с прибылью вложенные ими средства, нещадно эксплуатировали крестьян, совершенно не думая о последствиях. Одной из

форм аренды было дарование временной монополии на производство и продажу водки и табака. Высокая плата за эти продукты также вызывала неприязнь украинского населения к евреям-арендаторам.

Недовольство накапливалось и в других слоях украинского общества. Объектом насилия и эксплуатации со стороны магнатов была даже мелкая украинская шляхта. Специфика приграничья обусловила и слабую защищенность от магнатских притязаний городов, особенно недавно основанных. Хотя отдельные города Киевщины и Брацлавщины имели магдебургское право, большинство из них представляло лишь крепости, сооруженные для защиты населения от татар. Полуаграрная природа этих поселений и то, что размещались они во владениях крупных землевладельцев, давали магнатам основание ставить под сомнение независимый статус мещан, требовать от них исполнения повинностей и выплаты податей.

Целенаправленная национально-религиозная политика Короны на землях Украины к середине XVII в. привела к денационализации украинской элиты (князей, магнатов, шляхты), которая все больше консолидировалась с польской на платформе польской государственной идеи. В этих условиях большинство украинского населения в борьбе с национальным гнетом автоматически ориентировалось на казачество как основного претендента на роль национальной политической элиты и носителя идеи украинской государственности.

Уже казацко-крестьянские восстания 20 – 30-х годов XVII в. продемонстрировали стремление украинского народа к социальному освобождению и самостоятельному, независимому существованию. Хотя эти выступления и сменились десятилетним затишьем, они подготовили почву и кадры для развертывания в середине столетия подлинной национально-освободительной войны, ставшей рубежной во взаимоотношениях украинцев и поляков.

Контрольные вопросы

1. Каковы причины Люблинской унии? Чем объясняется стремление части украинской шляхты присоединиться к Польше? Какие экономические, политические и социальные последствия она принесла на украинские земли?

2. Чем объясняется обострение конфессиональной обстановки на Украине в конце XVI в.? Что толкало церковных иерархов на заключение унии? Каковы особенности униатской (греко-католической) церкви? Что принесла она на Украину?

3. Как строились отношения коронной власти и казачества после заключения Люблинской и Брестской церковных уний? В чем причина усиления разногласий между казачьей верхушкой и руководством Речи Посполитой? Какие требования предъявляли казаки и в какой степени они удовлетворялись властью? Каковы основные причины и итоги казацко-крестьянских выступлений 20 – 30-х годов XVII в.?

Литература

1. Бойко О. Історія України / О. Бойко. – Київ, 2007.
2. Голобуцкий, В.А. Запорожское казачество / В.А. Голобуцкий. – Київ, 1957.
3. Гордеев, А.А. История казачества / А.А. Гордеев. – М., 2006.
4. Грушевский, М.С. Иллюстрированная история Украины / М.С. Грушевский. – Донецк, 2002.
5. Дорошенко, Д. Історія України / Д. Дорошенко. – Київ, 1993.
6. Дорошенко, Д. Огляд української історіографії / Д. Дорошенко. – Київ, 1996.
7. Конончук, І.М. Історія України від стародавніх часів до помаранчевої революції / І.М. Конончук. – Ніжин, 2005.
8. Плохий, С.Н. Папство и Украина: Политика римской курии на украинских землях в XV – XVII вв. / С.Н. Плохий. – Київ, 1989.
9. Позняк, С.В. История Украины (IX – первая половина XVII в.): курс лекций / С.В. Позняк. – Минск, 2002.
10. Семенешко, В.И. История Украины с древнейших времен до наших дней / В.И. Семенешко, Л.А. Радченко. – 2-е изд., испр. и доп. – Харьков, 1999.
11. Полонська-Васіленко, Н. Історія України / Н. Полонська-Васіленко. – Т. 1 – 2. – К., 1995.
12. Федорасова, В.Г. История Украины с древнейших времен до середины XVIII в.: практикум / В.Г. Федорасова. – Минск, 2006.
13. Шумов, С.А. История Запорожской Сечи: сборник / С.А. Шумов. – Київ; М., 2003.
14. Яворницький, Д.И. История запорожских казаков: в 3 т. / Д.И. Яворницький. – Т. 2. – Київ., 1990. – режим доступа: // <http://www.tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/JA/JavornitskijDI/izk2/>

Тема 15

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ в XVII в.

1. Особенности экономического развития России в XVII в.
2. Социальная структура русского общества XVII в.
3. Политический строй и органы управления.
4. Церковный раскол и его последствия.
5. Народные восстания.

15.1. Особенности экономического развития России в XVII в.

В XVII в. начался новый период русской истории. В результате присоединения Украины, освоения Восточной Сибири границы России раздвинулись до берегов Тихого океана и Приамурья. К концу века население европейской части страны возросло до 10 – 12 млн. человек, азиатской – до полумиллиона (в том числе русских – около 300 тыс. человек, местных народностей – около 200 тыс. человек) (П.П. Елифанов).

Подъём производительных сил в области сельского хозяйства был достигнут, прежде всего, за счёт освоения обширных новых территорий. Колонизация особенно усилилась во второй половине XVII в. В 40 – 50-х годах XVII в. она достигла Белгородской оборонительной черты и, перейдя её, слилась здесь с колонизацией, направлявшейся с Украины. Шло продвижение населения и в юго-восточном направлении, в междуречье Дона и Воронежа, в области Хопра и Медведицы. В 90-х годах приток населения сюда принял массовый характер.

В конце 50-х и в 60-х годах обнаружился сильный прилив населения в Поволжье и далее в пределы Башкирии. В Предуралье во второй половине XVII в. был очень быстро заселён Кунгурский уезд. Выходцы из европейской части России, главным образом, из Поморья, переходили за Урал и заселяли Сибирь. По официальным данным, к концу столетия здесь насчитывалось до 25 тыс. русских семей (М.В. Нечкина).

Движение крестьянского населения на окраины находилось в прямой связи с усилением закрепощения и феодальной эксплуатации внутри страны. Царское правительство и землевладельцы пытались задержать уход населения, преследовали и жестоко наказывали беглецов. Вместе с тем хозяйственное освоение новых территорий имело столь большое народнохозяйственное значение, а также было столь важно для укрепления обороны государства, что государство старалось использовать его в своих интересах

и в известной мере содействовало ему, строя новые города и мощные оборонительные линии по границам государства.

Были созданы крупные очаги пашенного земледелия в Сибири: Тобольском, Томско-Кузнецком, Енисейско-Красноярском, Ленско-Ангарском районах.

Господствующей системой земледелия было трёхполье. Однако применялись и другие системы. На севере и в других местах, где было много лесов, существовала подсека. В степных районах применялся передел. В Сибири трёхполье стало внедряться со второй половины XVII в.

Преобладающими видами хлебов, как и раньше, повсюду были рожь и овёс. В южных уездах в течение столетия постепенно увеличивались посевы пшеницы. Технические культуры – лён и конопля, как и раньше, были распространены во многих уездах, причём особенно широко в Новгородском, Псковском и Смоленском. Обычными земледельческими орудиями по-прежнему были соха и борона. Упоминается и плуг, но сравнительно редко. Удобрение пашни навозом, особенно на севере и в центре, стало правилом. Накапливались навыки в использовании разных почв и в приспособлении хозяйства к различным климатическим условиям.

Урожайность отличалась большой пестротой. Для ржи наиболее часто наблюдался урожай «сам-2» или «сам-3», т.е. 24 – 36 пудов с десятины казённой меры (2400 кв. сажень). Бывали урожаи и выше. На новых землях, на подсеках и в Сибири они доходили до 100 пудов с десятины. Но эти сравнительно высокие урожаи имели неустойчивый характер. Документы XVII в. пестрят сведениями о неурожаях, недородах и голодовках.

Тем не менее, в XVII в. товарное обращение и товарное производство продуктов сельского хозяйства в целом росли. Причины этого заключались в распространении земледелия на новые, более плодородные земли, в росте потребляющих центров – городов и ряда промысловых районов, не производивших хлеба.

Южные уезды государства, заселённые преимущественно служилыми людьми «приборных чинов», лучше наделёнными землёй, производили избыток хлеба, поступавшего в центральные области, в частности в Москву и в область донского казачества. В последней четверти XVII в. в Рязанском, Тульском, Орловском и других южных уездах растёт хлебопашество в феодальных хозяйствах. Избыток хлеба давали уезды Поволжья.

Следует отметить новое и важное явление в развитии сельского хозяйства в XVII в. – его связь с промышленным и торговым предпринимательством. Некоторые крупные феодалы одновременно с сельским хозяйством занимались производством поташа, винокурением, кожевенным де-

лом, скупкой и продажей пеньки и т.п. В частности, боярин Б.И. Морозов, один из крупнейших землевладельцев, был одновременно предпринимателем-заводчиком, купцом и ростовщиком. Кроме него можно назвать бояр И. Д. Милославского, князя Я. К. Черкасского, князя Н. И. Одоевского и др. Сам царь Алексей Михайлович развернул в дворцовых владениях широкую и разностороннюю хозяйственную деятельность подобного же рода.

Таким образом, в области сельского хозяйства наблюдаются новые черты, отражающие общий экономический сдвиг в Русском государстве.

В целом экономическое развитие России в XVII в. характеризуется рядом новых явлений в хозяйственной жизни (схема 15.1).

Схема 15.1

Ремесло постепенно перерастало в мелкотоварное производство, т.е. мелкие производители стали работать не на индивидуальный заказ, а на рынок. Это изменение вызывалось, прежде всего, ростом спроса в резуль-

тате углубления общественного разделения труда. Происходило развитие ряда значительных центров, где сосредоточивались определённые отрасли ремесленного производства. Крупными районами металлодобычи и металлообработки были Тульско-Серпуховский, Устюжна Железопольская, Занежье, Устюг Великий и др. Москва являлась центром обработки благородных металлов. Производство металлоизделий в этих и некоторых других районах достигло такого размера, что оно уже не могло быть поглощено на месте и требовало более широкого рынка для своего сбыта.

Такое же превращение ремесла в мелкотоварное производство наблюдалось и в других отраслях. Обработка технических культур – льна и конопли – была распространена в северозападных и западных районах Русского государства (Псков, Новгород, Старая Русса, Смоленск), а также в Ярославле, Вологде, Нижнем Новгороде и других центрах. Продукция этих районов получила широкое распространение в стране и шла за границу. Крупнейшим центром кожевенной промышленности являлся Ярославль.

Росту мелкого товарного производства способствовало также усовершенствование ремесленной техники. Продукция русских ремесленников ввиду своих достоинств находила сбыт за границей. Так, пользовались большой славой изделия русских кожевников и меховщиков. До нашего времени сохранились предметы русского художественного ремесла XVII в., представляющие собой настоящие шедевры искусства. Начали возникать центры художественного промысла (Хохлома, Палех и др.).

Развитие товарного производства привело к появлению мануфактур. Мануфактуры представляют собой форму крупного производства, в котором участвует значительное число работников, существует разделение труда между различными категориями работников, применяются водяные двигатели и простейшие машины. Они разделялись на казенные, т.е. принадлежащие государству и частновладельческие.

Мануфактурой казенного типа был возникший ещё в конце XV в. Пушечный двор. В XVII в. на Пушечном дворе стали применять водяную энергию для приведения в действие молотов. Такой же централизованной казённой мануфактурой был Денежный двор, где чеканились серебряные и медные деньги. Денежные дворы особенно выросли в 50 – 60-х годах XVII в., когда в огромном количестве стала производиться чеканка медных денег. Количество мастеров на новом Денежном дворе достигало 500 человек. Процесс чеканки был детально расчленён и обеспечен всей необходимой техникой.

В Оружейной палате работы производились лишь частично в специальных мастерских, большая часть мастеров работала на дому. Таким образом, это была казенная мануфактура рассеянного типа.

Частновладельческие мануфактуры возникали, в основном в металлургии. Такие предприятия находились в Туле, Кашире и на Урале. В течение XVII в. производились интенсивные поиски железных, медных, золотых и серебряных руд. В 30-х годах XVII в. был построен Пыскорский медеплавильный завод, закрывшийся в конце 40-х годов. В 1632 г. голландский купец А.Д. Виниус основал в районе Тулы три вододействующих железоделательных завода. Затем эти заводы перешли к датчанину П.Г. Марселису и голландцу Ф. Акеме. Эти владельцы расширили тульские заводы и построили в Каширском уезде ещё четыре завода. На тульско-каширских заводах работало несколько десятков иноземцев и русских вольнонаёмных мастеров. Но для выполнения подсобных работ – добычи руды, заготовки угля и подвозки их к заводам – правительство приписало к ним дворцовую волость, в которой было 250 крестьянских дворов.

Вскоре возникли заводы в Оболенском, Малоярославецком и Боровском уездах и под Москвой – в Звенигородском уезде. Владельцами этих заводов были упоминавшиеся выше бояре Б.И. Морозов и И.Д. Милославский, применявшие на них труд своих крепостных крестьян. В конце века металлургические заводы появились в Олонецком крае и в районе города Романова. Чугуноплавильные и железоделательные заводы стали возникать для удовлетворения, в первую очередь, потребностей казны, а также и рынка.

Существовали мануфактуры и в текстильной промышленности – Хамовный двор в Москве, находившийся в ведении дворцового управления. Под Москвой возникли стекольные заводы – в селе Измайлове и в Черноголовской волости.

Значительные размеры приняла в XVII в. добыча соли. Соль добывалась в Поморье («морянка»). Крупнейшим центром солеварения являлась Соль Камская. В конце XVII в. здесь было свыше 200 варниц и вываривалось ежегодно до 7 млн пудов соли. Добыча и выварка соли производились при помощи довольно высокой и сложной техники. На солеваренных промыслах работало по найму более 2 тыс. человек, в основном из посадских людей и черносозных крестьян. Владельцами предприятий по добыче соли нередко являлись крупные торговые люди, накопившие средства в сфере торговли. В этих явлениях обнаруживались черты процесса первоначального накопления (М.В. Нечкина).

Однако, мануфактур в XVII в. было ещё немного (всего до 30), и они не могли оказать сколько-нибудь существенного влияния на общий строй промышленного производства в России. Некоторые из них существовали лишь короткий срок и быстро закрывались (суконная, шёлковая, бумажная и др.). В то же время, появление всё новых и новых мануфактур свидетельствует о наличии назревших потребностей в более крупном производстве.

Рост производительных сил способствовал развитию торговли и зарождению общероссийского рынка. До середины XVII в. значение основного хлебного рынка на севере удерживала за собой Вологда. Сюда стягивался товарный хлеб из Вологодского уезда, галичских и костромских пригородов (Соль Галицкая, Парфеньев и др.). По Сухоно-Двинскому пути отсюда он поступал в бесхлебные поморские уезды и через Архангельский порт за границу. Во второй половине XVII в. первое место в снабжении хлебом северных промышленных уездов и Сибири приобрёл Вятский край. Третьим крупным хлебным рынком севера страны был Устюг Великий, а в последние десятилетия XVII в. большое значение в развитии хлебной торговли приобрёл Кунгурский уезд. К концу столетия Сибирь стала сама снабжать себя хлебом. Во второй половине XVII в. важным поставщиком хлеба сделался юг Русского государства. По реке Оке хлеб доставлялся из поволжских и южных уездов в Москву. Из ряда южных городов и уездов (Воронежа и др.) зерно и мука поступали в область Войска Донского.

Крупными центрами сбыта льна и пеньки были Новгород, Псков, Тихвин, а со второй половины XVII в. – Смоленск. В эти города лён и пенька стягивались из соседних уездов. Значительные партии этих товаров шли отсюда за границу. Ещё больше пеньки и льна отправлялось через Архангельский порт. Через этот же порт ежегодно вывозились сотни тысяч аршин крестьянского холста. Но ещё в большем количестве холст обращался на внутреннем рынке. Широко развитое кожевенное производство, а также выделка полотна и холста превратили Ярославль в важный рынок кожевенных и текстильных изделий.

Велико было значение пушных рынков. До 70-х годов XVII в. важнейшим из них была Сольвычегодская ярмарка, на которой ведущую роль играли московские торговые люди. С 70-х годов торговля сибирской пушиной производилась на Макарьевской ярмарке и на границе с Сибирью – Ирбитской ярмарке. Перемещение пушных рынков объясняется падением спроса на пушнину в Западной Европе и развитием внешнеторговых связей со странами Востока.

Некоторые из ярмарок приобрели всероссийское значение: Архангельская, Макарьевская (близ Нижнего-Новгорода), Свенская (около Брянска), Ирбитская (на Урале) и др.

Специализированные рынки характеризуются преобладанием на них определённых групп товаров – холста, соли, пушнины, льна, пеньки, железных изделий. Но одновременно происходит неуклонное расширение ассортимента товаров, обращавшихся на областных рынках, что объясняется ростом местного производства и укреплением связей областных рынков друг с другом. Ярким примером преодоления региональной ограниченности торговых связей и превращения их во всероссийские был Устюг Великий, который уже в первой половине XVII в. находился в устойчивых торговых отношениях с несколькими десятками городов европейской части страны и широко снабжал разнообразными товарами Сибирь.

Важнейшим пунктом внешней торговли в течение всего XVII в. был Архангельск. Хотя этот порт и действовал только в летние месяцы, в середине XVII в. через него проходило не менее 75 % всего внешнеторгового оборота. Количество иностранных кораблей с товарами, пришедших в Архангельск, сильно колебалось (от 30 до 100) в зависимости от внешнеполитических условий. На протяжении всего XVII столетия наблюдался рост товарооборота Архангельского порта, о чём можно судить по размеру таможенных пошлин. Во внешней торговле голландские купцы неуклонно оттесняли на второй план англичан. Отправлявшиеся из России за границу товары представляли собой, главным образом, продукты сельского хозяйства и лесных промыслов – кожи, сало, мясо, щетина, пенька, лён, воск, смола и дёготь, слюда, холст. Важное место среди вывозных товаров занимала пушнина. Вывоз хлеба был нерегулярным и в общей массе экспорта незначительным, так как рост потребления хлеба внутри страны приводил к ограничению его продажи за границу.

Предметами ввоза были продукты западноевропейской промышленности: сукна, шёлковые ткани, писчая бумага, стеклянные изделия, металлы (серебро, олово, свинец, медь, железо) и изделия из них. Видное место среди предметов ввоза занимали драгоценные камни, пряности, вина.

В восточной внешней торговле ведущая роль принадлежала Астрахани. Через Астрахань шли сношения со Средней Азией (Хива, Бухара) и Ираном. С Востока ввозились шёлк-сырец, шёлковые, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, ковры, сафьян, драгоценные камни. Россия была посредницей в торговле шёлком между Ираном и Западной Европой. С другой стороны, кроме русских товаров (меха, кожи и др.) через Россию шли на Восток товары западноевропейского привоза – сукна, драгоценности и т.п.

В XVII в. в рыночные связи были втянуты представители всех основных слоев населения от мелких производителей деревни и посадов до дворцовой феодальной знати и высшей церковной иерархии. Ведущую

роль в торговле приобретало купечество, для которого торговая деятельность была профессиональным занятием.

Для государства торговля являлась важным источником доходов и удовлетворения разнообразных государственных потребностей, что и отразилось на торговой политике Русского государства. Правительство делало дальнейшие шаги по пути устранения препятствий, стеснявших внутреннюю торговлю. Её свободному развитию мешали многочисленные внутренние таможи и огромное разнообразие таможенных пошлин.

В 1653 г. был издан Таможенный устав, который заменял множество мелких таможенных сборов единой рублёвой пошлиной по 10 денег с рубля (т.е. 5 %). Эту пошлину должен был платить продавец. Покупатель платил 5 денег с каждого заявленного в таможне рубля (т.е. 2,5 %). Реформа значительно облегчала товарный оборот, что отвечало потребностям складывавшегося всероссийского рынка.

Уложение 1649 г. запретило заведение новых пунктов взимания торговых пошлин. Но внутренние таможи просуществовали ещё сто лет.

Важны были правительственные меры по регулированию внешней торговли. Эти меры преследовали задачи устранения конкуренции иностранных купцов с русским купечеством путём покровительства последнему. Уже в 20 – 30-х годах XVII в. русские торговые люди в своих коллективных челобитных, обращенных к правительству, требовали отмены торговых привилегий иностранным купцам и устранения их с внутреннего рынка. На Земском соборе 1648–1649 гг. русские торговые люди, поддержанные дворянством, добились, наконец, своей цели – английским купцам была запрещена торговля внутри России под тем предлогом, что они «государя своего Карлуса короля убили до смерти».

Запрещение беспошлинной торговли для иностранцев в 1646 г. усилило приток в казну золотой и серебряной иностранной монеты, что имело в то время особенно важное значение, поскольку Россия тогда ещё не располагала собственными источниками добычи драгоценных металлов. Кроме того, перечеканка иностранной монеты («ефимков») в русские деньги приносила казне значительный доход (до 25 %). Таким образом, всё возрастающее давление русского купечества и интересы казны наталкивали правительство на проведение экономической политики, которая в то время была характерна и для других европейских стран, – политики меркантилизма и протекционизма. Меркантилисты считали основным богатством страны денежный капитал, который должен был накапливаться в стране в результате выгодного баланса во внешней торговле.

Элементы протекционизма, покровительства отечественному купечеству и меркантилизма довольно отчётливо выступают в мероприятиях русского правительства в XVII в., направленных к урегулированию торговли. Таможенный устав 1653 г. устанавливал дополнительную пошлину для иностранных купцов при ввозе и вывозе ими товаров; внутри страны они платили не 10, а 12 денег с рубля.

В 1667 г. был издан Новоторговый устав, который касался преимущественно внешней торговли. Он подробно определял организацию торговли с иностранцами, но, самое главное, вводил повышенные таможенные пошлины для последних. Иностранцы должны были уплачивать пошлину исключительно золотыми и серебряными деньгами («ефимками»). Если иностранный купец желал торговать внутри государства, то он должен был платить удвоенную пошлину, по 20 денег с рубля (т.е. 10 %). Некоторые товары, например вина, облагались пошлиной в размере 50 % или даже 100 % стоимости товара. Новоторговый устав 1667 г., составленный при участии А.Л. Ордина-Нащокина, был ярким отражением меркантилистической, а также протекционистской торговой политики русского правительства.

Налоги. Во время «великой Смуты» финансовая система пришла в полное расстройство. Казна была пуста. Для её пополнения были предприняты, прежде всего, экстренные сборы запросных и пятинных денег. Запросные деньги – это добровольный заём, который правительство пыталось получить у богатых монастырей и отдельных лиц, в частности, у Строгановых. Но запросных денег было, конечно, недостаточно для того, чтобы выйти из финансовых затруднений. Поэтому правительство ввело чрезвычайный налог – пятину, т.е. взимание одной пятой стоимости движимого имущества. За время с 1614 по 1619 гг. было взято шесть пятин, т.е. налог взимался шесть раз. Этот налог главной своей тяжестью лёг на посадки и черносошных крестьян. Постепенно пятина вошла в систему постоянного прямого обложения.

Был введён новый крупный налог, получивший название «большие ямские деньги» (в отличие от старых ямских денег). В 40-х годах XVII в. он достиг почти 800 руб. с сохи. Ещё более тяжёлым новым налогом явился сбор хлебных запасов на жалованье ратным людям. Сначала этот «хлеб» назывался «казачьим», а потом «стрелецким». В 1614 г. взималось 100 четвертей хлеба (около 600 пудов) с сохи. Затем этот сбор возрос во много раз. К 70-м годам XVII в. он равнялся примерно 2800 юфтям хлеба с сохи (юфть – четверть ржи и четверть овса). Посадские люди платили деньгами – 2800 руб. с сохи. С «чёрных» и дворцовых земель стрелецкий оклад был ниже – 700 руб. с сохи.

Таким образом, уже при Михаиле Романове прямые налоги увеличивались примерно вдвое по сравнению со второй половиной XVI в. и в дальнейшем продолжали расти.

При оценке роста налогов надо иметь в виду, что в течение XVII в. реальная ценность денег упала примерно на 25 %. Однако и при этом надо признать значительный рост в течение столетия налогового бремени, ложившегося на тяглых людей – крестьян и горожан.

Рост государственных доходов происходил не только за счёт прямого нажима на население, но, несомненно, также и за счёт подъёма производительных сил в стране. Трудовое население колонизовало новые районы, расширяло запашку земель, усиливало свою промысловую и торговую деятельность.

Система обложения в XVII в. долгое время продолжала оставаться старой. Окладной единицей была по-прежнему соха, т.е. площадь пашни в 800 четей (четыре равна половине десятины) доброй земли в одном поле на служилых землях, в 600 четей – на церковных и в 500 четей – на дворцовых и чернососных. Очевидно, что такая система обложения была более лёгкой для частновладельческих земель.

Общее разорение страны в период интервенции заставило правительство в 20-х годах XVII в. составить новые писцовые книги по всему государству. Размеры правительственных налогов с сохи были снижены.

В 1646 г. были составлены переписные книги, т.е. произведена подворная перепись населения. Эти книги значительно полнее учитывали мужское население, чем более ранние писцовые описания. Переписные книги имели в виду не фискальные цели, а закрепощение тяглого населения. Однако правительство стало пользоваться ими для сбора ряда новых налогов (в особенности военных), исчисляя их по количеству дворов.

Наконец, после составления новых переписных книг в 1677 – 1678 гг. правительство отказалось от посошного обложения и перешло к подворному (1679 – 1681 гг.), т.е. налоги стали определяться прямо по количеству дворов. Подворное обложение было значительно проще посошного. Оно представляло известные выгоды для правительства, потому что обложению подвергались все категории сельских жителей, живших отдельными дворами, но раньше не плативших налогов: «задворные» и «деловые» люди, половники, сельские ремесленники, монастырские «детёныши» и др. Подворное обложение, таким образом, привело к уравниванию в отношении тягла разных категорий сельского населения.

Значительную часть бюджета Русского государства составляли косвенные налоги, таможенные и кабацкие. Правительство производило их

сбор двумя способами: либо отдавало их на откуп с обязательством откупщика вносить в казну определённую сумму денег (оклад), либо поручало сбор их лицам, выбиравшимся из местного посадского или уездного населения и приносившим присягу (отсюда название этого способа сбора – «на вере») при начале службы.

В XVII в. общий подъём экономики страны и развитие денежного хозяйства отразились на увеличении в составе государственного бюджета денежной части и уменьшении натуральных платежей. Однако в XVII в. дворянскому правительству не удалось полностью отказаться от натуральных сборов. Так, например, один из крупнейших налогов XVII в. – «стрелецкий хлеб» – был переведён на деньги только при взимании его с посадов и с черносошных крестьян; частновладельческие крестьяне продолжали вносить его натурой. Сохранилась также «государева десятинная пашня», т.е. повинность населения южных уездов и Сибири обрабатывать пашню, заведённую государством.

Об общем составе государственного бюджета можно судить по единственной найденной до сих пор росписи государственных доходов и расходов 1679 – 1680 гг. Приход определялся в 1220 367 руб., расход – в 1125 323 руб. Косвенные сборы давали 53,3 % всех доходов, прямые – 44, все остальные – 2,7 %. Однако превышение косвенных налогов над прямыми нельзя считать постоянным для всего столетия. Иногда прямые налоги превышали косвенные.

Важнейшей статьёй расхода были расходы на войско – 62,2 %, на дворцовое управление – 19,9, на казённые предприятия – 5, на управление, постройки и т.п. 11,9 %.

15.2. Социальная структура русского общества XVII в.

Изменения в состоянии производительных сил страны должны были отразиться и на всём социальном строе. Социальная структура русского общества XVII в. была глубоко сословной (схема 15.2).

Термин «сословие» означает социальную группу, обладающую закреплёнными в обычае или законе и передаваемыми по наследству правами и обязанностями. Привилегированным сословием были светские и духовные феодалы. Светские феодалы – «служилые люди» – разделялись на чины. В XVII в. это понятие отражало не столько служебное положение, сколько принадлежность к определённой группе феодального сословия. Фактически в составе служилых людей имелись прослойки, коренным образом отличавшиеся друг от друга по своему экономическому состоянию.

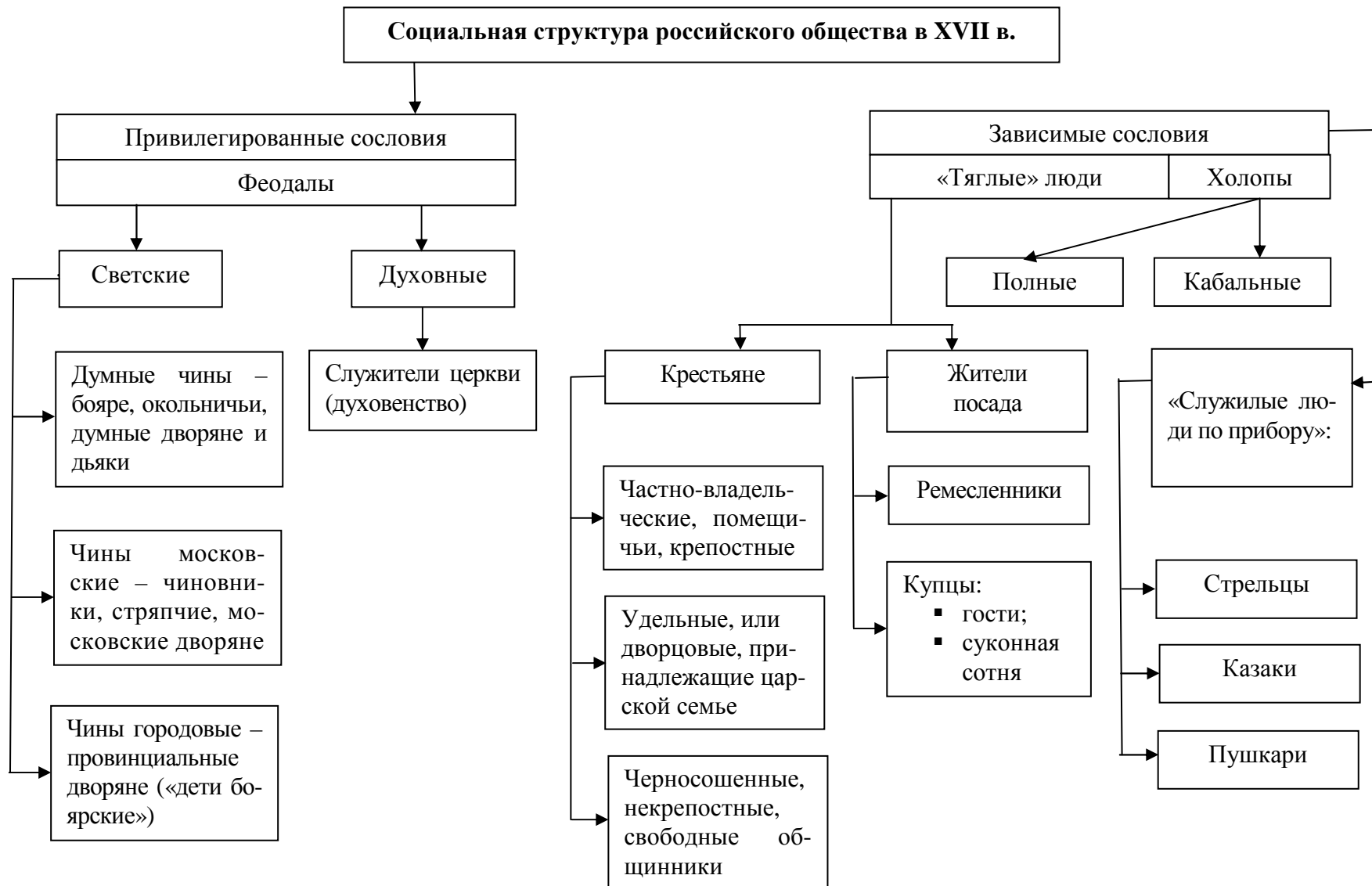

Схема 15.2

К началу XVII в. служилые люди делились на две основные категории: служилых людей «по отечеству», т.е. по происхождению, и служилых людей «по прибору», т.е. по правительственному набору, независимо от их происхождения. Служилые люди «по отечеству» делились на три разряда: чины думные – бояре, окольные, думные дворяне (кроме того, в Думу входили думные дьяки); чины московские (столичные) – стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы; чины городские (уездные) – дворяне выборные (или выбор), дети боярские дворовые и дети боярские городские.

К чинам приборным относились: стрельцы, пушкари, городские казаки, позднее – солдаты, рейтары, драгуны и др.

Служилые люди «по отечеству», составлявшие основу дворянства, долгое время могли пополняться за счёт приборных чинов, в которые само правительство в весьма большом числе вербовало выходцев из крестьян, посадских людей и даже холопов. В 1642 г., а также по Уложению 1649 г. служилым людям «по отечеству» было запрещено поступление в холопы. По указу 1675 г. не разрешалось «верстание» в дети боярские приборных людей, а также крестьян, холопов и посадских людей. Таким образом, дворянство обособлялось не только от тяглых сословий, но и от приборных служилых же людей, которые по своему экономическому и правовому положению всё более сближались с крестьянами. Приборные служилые люди лично платили государственные налоги и отбывали другие государственные повинности, от чего были освобождены служилые люди «по отечеству».

Несение военной повинности было построено по территориальному принципу: дворяне городские владели землёй в уезде того города, по которому они служили. В начале XVII в. правительство пыталось ограничить обращение земель между служилыми людьми разных чинов. Однако в течение XVII в. деление служилых людей на чины неуклонно разрушалось: дворяне городские всё более пополняли ряды столичного дворянства, проникая даже в среду думных чинов. С другой стороны, избыточность столичных служилых людей приводила к тому, что во второй половине XVII в. они начинают нести службу вместе с уездными дворянами.

Основная причина этого явления заключалась в том, что земля постепенно становилась предметом купли-продажи. Служилые люди стали значительно свободнее менять, передавать в другие руки, фактически продавать и покупать, поместья. Само правительство, не отказываясь формально от различия поместий от вотчин, на деле производило массовые пожалования и продажу поместий в вотчины. Сближение поместья с вотчиной означало крупный успех дворянства по укреплению феодальной собственности на землю, как основы их экономического господства.

Итог переписных книг 1678 г. даёт наглядное представление о том, каких результатов достигло дворянство в утверждении своего социального господства. Из 888 тыс. тяглых дворов, зарегистрированных переписными книгами 1678 г., 595 тыс. дворов (67 %) принадлежало дворянству, 118 тыс. дворов (13,3 %) – церкви, 83 тыс. дворов (9,3 %) – дворцу и только 92 тыс. дворов (10,4%) были посадскими и черносошными.

Общий подъём производительных сил и значительный сдвиг в развитии рыночных отношений в стране создавали возможность усиления феодалами эксплуатации закрепощённого населения. Весьма распространённой была смешанная форма феодальной ренты: оброк натуральный и денежный и одновременно барщинные повинности. В состав натурального оброка входили продукты сельского хозяйства (мясо, масло, сало, яйца, творог и т.п.) и крестьянской домашней промышленности и сельского ремесла (холст, сукно, вино и т.п.).

Барщина («изделье») заключалась, прежде всего, в работе на барской пашне, а также в повинностях по возведению построек на барской усадьбе, исправлению плотин, мельниц и пр. Размер барщины был различен – два, три или четыре дня в неделю. К числу барщинных работ можно отнести одну из тяжёлых трудовых повинностей – подводную, т.е. поставку и перевозку всякого рода хозяйственных грузов для нужд феодала.

Усилению феодального гнёта содействовали правительственные меры, которые увеличивали власть землевладельцев над крестьянами. Уже с конца XVI в. шёл усиленный процесс закрепощения крестьян (схема 15.3).

Этапы юридического оформления крепостного права проследить несложно. В 1581 г. Иван Грозный ввел «Заповедные лета», до отмены которых крестьянам запрещалось покидать своих владельцев. В реальности это означало, что крестьян лишили древнего права перехода в Юрьев день к другому хозяину, хотя формально закона о его отмене, вероятно, не было. В продолжение политики закрепощения крестьян правительство Бориса Годунова приняло в 1597 г. указ о пятилетнем сыске беглых крестьян. В течение царствования Михаила Романова действуют «урочные» сроки для предъявления исков о возвращении беглых крестьян в течение пяти лет. По истечении этого срока беглые крестьяне «из урочных лёт выходили» и помещик лишался права возбуждать иск о возвращении их к себе обратно. Дворянство настойчиво требовало отмены «урочных лет». Однако в 1637 г. правительство пошло лишь на удлинение продолжительности срока сыска до девяти лет, но не отменило «урочные годы». В 1641 г., уступая новому требованию дворянства, правительство продлило «урочные годы» до десяти лет для сыска беглых, до пятнадцати лет – для крестьян, вывезенных другими владельцами.

Схема 15.3

В 1649 г. было принято Соборное уложение – кодекс феодального права, регулировавший отношения в основных сферах жизни общества (схема 15.4).

Схема 15.4

В июле 1648 г. Земский собор рассмотрел челобитье служилых и торговых людей о принятии нового кодекса законов. Для его разработки была создана специальная комиссия во главе с боярином Н.И. Одоевским. Уже осенью того же года проект Уложения был представлен царю. В начале 1649 г. Уложение было утверждено Земским собором. Вскоре оно было издано тиражом 1200 экземпляров. Уложение разделено на главы, а главы – на статьи. Всего в Соборном уложении 25 глав и 967 статей (В.В. Кириллов).

Свод законов начинается главой «О богохульниках и церковных мятежниках», в которой предписывается наказывать всякое богохульство, ересь или выступление против церковных властей сожжением на костре. Следующие две главы регламентируют статус царя. Показательно само название одной из них: «О государственной чести и как его государственное здравие оберегать». Соборное уложение предписывает жестокие наказания не

только за мятеж против царя или оскорбление главы государства, но даже за драки и бесчинства на царском дворе. Таким образом, происходило законодательное закрепление абсолютной монархии.

В Соборном уложении оформлена социальная структура общества, т.к. в нем регламентированы права и обязанности всех сословий. Наиболее важное значение имела глава 11 «Суд о крестьянах». Именно в ней указан бессрочный розыск беглых крестьян, что окончательно закрепило крепостное право.

В исторической литературе существуют две основные концепции закрепощения русского крестьянства. Согласно концепции «указного» закрепощения крепостное право было введено по инициативе государственной власти для поддержания обороноспособности страны и обеспечения служилого сословия. Такой точки зрения придерживались историки Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров, С.Б. Веселовский и Б.Д. Греков, а также Р.Г. Скрынников. В трудах В.О. Ключевского, М.П. Погодина и М.А. Дьяконова отстаивается «безуказная» концепция, согласно которой крепостное право было следствием реальных жизненных условий страны, лишь юридически оформленное государством (схема 15.5).

Схема 15.5

По Уложению 1649 г. феодалы отвечали в суде и предъявляли иски за своих крестьян по всем делам, кроме самых тяжёлых преступлений, как, например, убийство. Внутри своих владений феодал судил крестьян и подвер-

гал их всякого рода наказаниям (битью батогами, кнутом и т.д.), пыткам (огнём и дыбой), заковывал их в кандалы и цепи и т.п. Уложение запрещало принимать «изветы» (доносы) крестьян на их владельцев, кроме дел, касающихся личности царя и фактов измены. Имущественные права крестьян не были обеспечены законом. В случае несостоятельности помещика долговая ответственность возлагалась на его холопов и крестьян. Владелец имел право вмешиваться в семейные разделы крестьян, разрешать и запрещать заключение браков между крестьянами или устраивать их насильственно. К концу XVII в. помещики свободно переводили крестьян в число дворовых людей, а дворовых превращали в крестьян, продавали и меняли их. С 50 – 60-х годов XVII в. дворянство добилось организации массовых правительственных сысков беглых крестьян, тогда как раньше их розыск и возврат в значительной мере зависели от инициативы помещиков. Эти массовые правительственные сыски повторялись, охватывали значительную часть территории государства и сопровождались возвращением десятков тысяч беглых крестьян их владельцам.

В аналогичном положении находились дворцовые крестьяне. В отступление от Уложения 1649 г. правительство в третьей четверти века запретило возвращение беглых, принятых в число служилых людей по Белгородской и другим южным укрепленным линиям, чтобы не ослабить обороны государства. Однако это частичное отступление от норм Уложения не нарушало общего неуклонного усиления закрепощения сельского населения. Крестьянство теряло последние остатки гражданских прав и приближалось по своему положению к холопству.

Крупной категорией крестьянства были крестьяне черносошные. Они жили на «чёрной», государственной земле и подвергались эксплуатации со стороны феодального государства. В XVII в. черносошные крестьяне сохранились в уездах Поморья, а также в Сибири. В этих областях феодалы были менее заинтересованы во владении землёй, а для государства, напротив, было важно сохранение черносошного крестьянства в качестве плательщика крупных казённых налогов и для выполнения тяжёлых государственных повинностей. По переписным книгам 1678 г. численность черносошного крестьянства определяется примерно в 50 тыс. дворов (М.В. Нечкина).

Черносошные крестьяне владели участками тяглой, «чёрной» земли. С этих участков и промысловых угодий они платили государству прямые денежные налоги, были обязаны поставлять в значительных размерах хлебные запасы для отправки в Сибирь, выполняли очень тяжёлую ямскую повинность, а также различные службы по выборам в таможенных и кабацких головах, целовальниках и т.п.

Черносошные крестьяне могли передавать свои участки по наследству, продавать и закладывать их, но при обязательном условии, чтобы новый владелец принимал на себя несение тягла. Таким образом, черносошные крестьяне были привязаны к их тяглым земельным участкам. Наряду с разделёнными участками обитатели деревень владели сообща угодьями – пастбищами, лесами, реками.

Отбывание казённого тягла черносошными крестьянами производилось на началах круговой поруки. Мирская организация черносошного крестьянства (мирские сходы, старосты и другие выборные должностные лица) несла ответственность перед государством за исправное несение повинностей. Такого рода организация ещё более связывала черносошных крестьян и стесняла свободу их передвижения.

Одной из особенностей черносошных крестьян, отличавшей их положение от положения крестьян частновладельческих, была их более тесная связь с местными посадами. Посадские люди нередко владели землями в уездах, уездные люди занимались на посадах торговлей и промыслами. Уезды и посады были также связаны между собой мирской организацией, которая развёрстывала повинности и отвечала за их выполнение.

Из среды крестьян черносошных, монастырских и частновладельческих выделялась немногочисленная богатая верхушка, представители которой владели крупными капиталами, занимались ростовщичеством, заводили большие торги и промыслы, сосредоточивали в своих руках землю и пользовались наёмным трудом. Крупнейшими представителями таких выходцев из крестьянства в XVII в. были Босые, Ревякины, Федотовы-Гусельниковы, Глотовы, Усовы и др.

С конца XVI или начала XVII вв. прекращается выдача грамот на полное холопство.

Но в XVII в. продолжали существовать различные виды холопского состояния. Во дворах феодалов имелись дворовые люди, состоявшие на иждивении владельцев и обслуживавшие их нужды в качестве приказчиков, домашних слуг, ремесленников (портных, сапожников и др.), конюхов, сторожей и т.п. Обычно дворовые являлись холопами, но иногда среди них могли быть и люди «из воли», а также из крестьян, которых владелец брал из своих деревень. Во второй половине XVII в. у частных владельцев сильно возросла категория «задворных» и «деловых» людей. Между ними трудно провести строгое различие. В составе «задворных» и «деловых» людей были потомки старинных холопов, кабальные холопы, немало «добровольных холопов», не оформленных никакими крепостными документами, лиц из беглых и «гулящих» людей. В XVII в. феодалы начи-

нали более широко, чем раньше, использовать «задворных» и «деловых» людей в сельском хозяйстве, поселяли их в особых дворах, давали им лошадей и коров, наделяли инвентарём и землёй. Такие «задворные» и «деловые» люди по роду своей деятельности по существу становились крестьянами. Введение в 1679 – 1681 гг. подворного обложения имело немаловажное значение в процессе слияния различных прослоек сельского населения (крестьянского, холопского) в одну тяглую массу. По существу произошло слияние холопства с крестьянством. Появляется единое понятие «тягловые люди», «крепостные крестьяне».

В течение XVII в. продолжался рост посадского населения. Выразилось это, прежде всего, в увеличении числа городов. Если во второй половине XVI в. в Русском государстве насчитывалось до 180 городов, то в 50-х годах XVII в. их было 226 (без Сибири и Левобережной Украины). В то время строго различались «город» как крепость и «посад» как поселение торгово-промышленное. Не во всех городах XVII в. были посады. Наиболее крупные посады были расположены в центральных и отчасти северных областях страны. В Москве, население которой ко второй половине XVII в. достигало 200 тыс. человек, было более 80 слобод и в них до 8500 дворов, обитатели которых занимались ремеслом и торговлей. Следующие места по количеству посадских дворов в середине столетия занимали Ярославль – более 2800 дворов, Кострома – 1726 дворов, Вологда – 1234 двора, Казань – 1191 двор и др. В южных городах европейской части государства и в Сибири, безусловно, преобладало военно-служилое население, но с течением времени и здесь вырастали посады. Так, в XVII в. довольно значительный посад был в Воронеже. Реформа 1649 – 1652 гг. увеличила численность посадского населения с 31 500 дворов до 41 600 дворов. К концу столетия число посадских людей составляло несколько менее 3 % ко всему населению страны, которое в XVII в. достигало примерно 10 – 12 млн человек.

Торгово-промышленное население имелось также в сёлах, представлявших собой иногда довольно значительные поселения типа посадов. Среди таких сёл источники называют Новое Усолье, Мурашкино, Лысково, Павлово и др. Нет возможности установить общую численность торгово-промышленного населения, рассеянного в сельских местностях, но несомненно, что эта категория населения постоянно увеличивалась. Посадские люди, жившие на государственной земле и пользовавшиеся правом заниматься торгами, ремеслами и промыслами, составляли тяглую общину, или «мир», и были обязаны нести государственные повинности, совокупность которых называлась тяглом. В состав тягла входили как денежные платежи, так и различные казённые службы на таможах и кружечных дворах, казённых предприятиях и промыслах (например, рыбных).

Довольно значительное количество торгово-промышленного населения находилось в слободах и дворах, принадлежавших крупным светским и духовным феодалам. Население этих слобод было освобождено от несения посадского тягла, поэтому слободы назывались «беломестными». Кроме того, на посадах имелось довольно значительное количество отдельных «белых» дворов, принадлежавших привилегированным владельцам.

Наличие «беломестных» слобод и дворов и уход посадских людей в закладчики (т.е. под покровительство крупных феодалов, с освобождением от несения тягла) ставили посады в крайне невыгодное положение и подрывали их тяглоспособность.

В первой половине XVII в. правительство несколько раз предпринимало меры по возвращению на посады закладчиков. Однако эти меры не приносили существенных результатов, т.к. встречали упорное сопротивление со стороны крупных светских и духовных феодалов. Более решительная реформа по конфискации частновладельческих «беломестных» слобод и дворов произошла лишь в связи с восстанием 1648 г. в Москве и в других городах.

По роду своих занятий посадское население делилось на три основные группы: торгово-промышленных, ремесленных и работных людей. По экономическому состоянию среди посадских (прежде всего, среди торгово-промышленных и ремесленных) людей различались люди «лучшие», «средние» и «молодшие». Некоторые из них занимались большими «отъезжими торгами», владели кожевенными мастерскими, винокурнями, соляными варницами и пр. и обладали значительными денежными средствами. Большинство же было занято мелкой торговлей и извозом. Из среды ремесленников выделялись состоятельные люди, превращавшиеся в скупщиков продукции у рядовых ремесленников и иногда закаблявшие последних.

Более однородной была масса посадских людей, добывавших средства существования «чёрной» работой на винокурнях, на постройках, на водном транспорте (в качестве гребцов, бурлаков и т.п.), по терминологии того времени – «самые худые люди». Отношения работных людей к хозяевам определялись обычно «жилой» – или «житейской» – записью, по которой нанимавшиеся на работу получали годовую или подённую плату деньгами или натурой.

Имущественное расслоение среди посадских людей начинало переходить в расслоение социальное. Ещё в XVI в. из среды посадских людей выделились три привилегированные корпорации: гости, гостиная и суконная сотни, стоявшие вне посадской организации и пополнявшиеся из наиболее зажиточных посадских людей или разбогатевших крестьян. В 1649 г. гостей было 13 человек, торговых людей гостиной сотни – 158 человек и

суконной сотни – 116 человек. В их среде происходило накопление иногда весьма крупных капиталов. Они преимущественно занимались торговлей, но уже в XVII в. многие из них начинают вкладывать свои капиталы в солеварение, кожевенное и иные производства. Правительство, предоставив этим категориям торгово-промышленных людей существенные привилегии (право суда в приказах в Москве, право свободного выезда за границу, свободу от постоя и посадского тягла, право владеть вотчинами и т.п.), вместе с тем возлагало на них ответственные и тяжёлые казённые поручения – по службе в крупнейших таможнях (Московской и Архангельской), по закупке и продаже казённых товаров и т.п. (М.В. Нечкина).

Торговые люди трёх привилегированных корпораций и богатые люди из состава посадского населения по своему положению приближались к классу феодалов и нередко привлекались к ответственной службе в центральных правительственных учреждениях.

Таким образом, в результате всех правительственных мер на протяжении XVII века складывается определенная четкая сословная структура общества – сословный строй. За каждой общественной группой закрепляются определенные наследственные привилегии и обязанности, определенное место в общегосударственной структуре.

15.3. Политический строй и органы управления*

Политическое развитие России в XVII в. характеризуется эволюцией государственного строя, от сословно-представительной монархии к абсолютизму.

Михаил Федорович Романов стал русским царем в сложное время (схема 15.6).

Не сразу установилась политическая стабильность, система управления в центре и на местах была разрушена. Основными задачами молодого царя было достижение примирения в стране, преодоление хозяйственной разрухи и упорядочение системы управления. Первые шесть лет своего царствования Михаил правил, опираясь на Боярскую думу и Земские соборы. Последние фактически не прекращали работу с 1613 по 1619 г. В 1619 г. из польского плена вернулся отец царя Федор Никитич (в монашестве Филарет) Романов. Принявший патриарший сан Филарет фактически управлял страной до своей смерти в 1633 г. В 1645 г. умер и Михаил Романов. Русским царем стал его сын Алексей Михайлович (схема 15.7).

* Материал лекции с небольшими изменениями взят из книги: Кириллов, В.В. История России: учеб. пособие / В.В. Кириллов. – М., 2006. – С. 143 – 162.

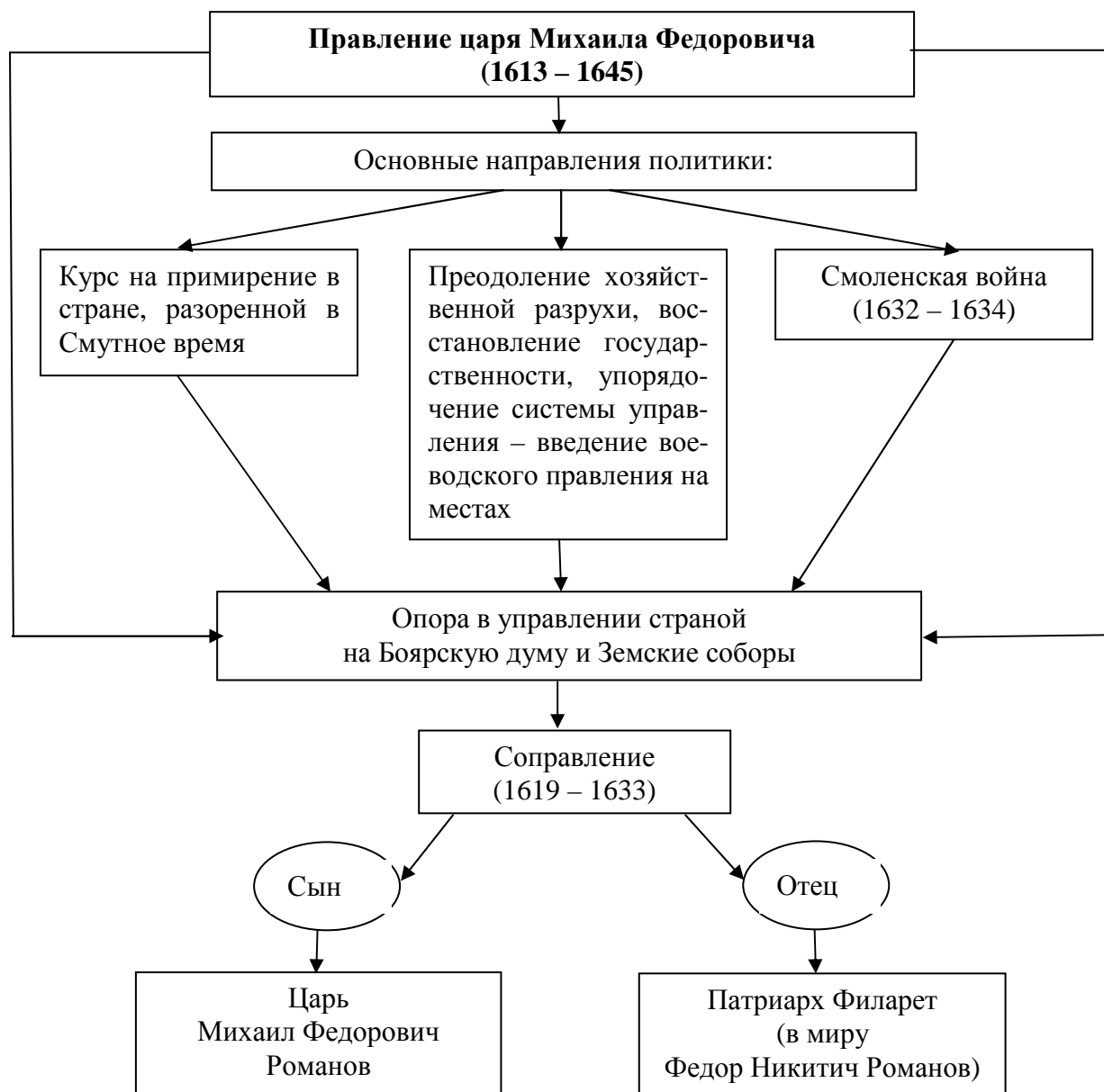

Схема 15.6

Особое место в системе сословно-представительной монархии занимали Земские соборы (схема 15.8).

В состав Земского собора входили высшее духовенство («освященный собор»), Боярская дума и выборная часть («курия»). Выборные делегаты Собора представляли московских дворян, администрацию приказов, уездное дворянство, верхи «тягловых» слобод московского посада, а также казаков и стрельцов («служилых людей по прибору»). Черносошные крестьяне были представлены лишь однажды – на Земском соборе 1613 г.

Как уже указывалось выше, первый в истории России Земский собор был созван Иваном IV в 1549 г. (Собор примирения) (схема 15.9).

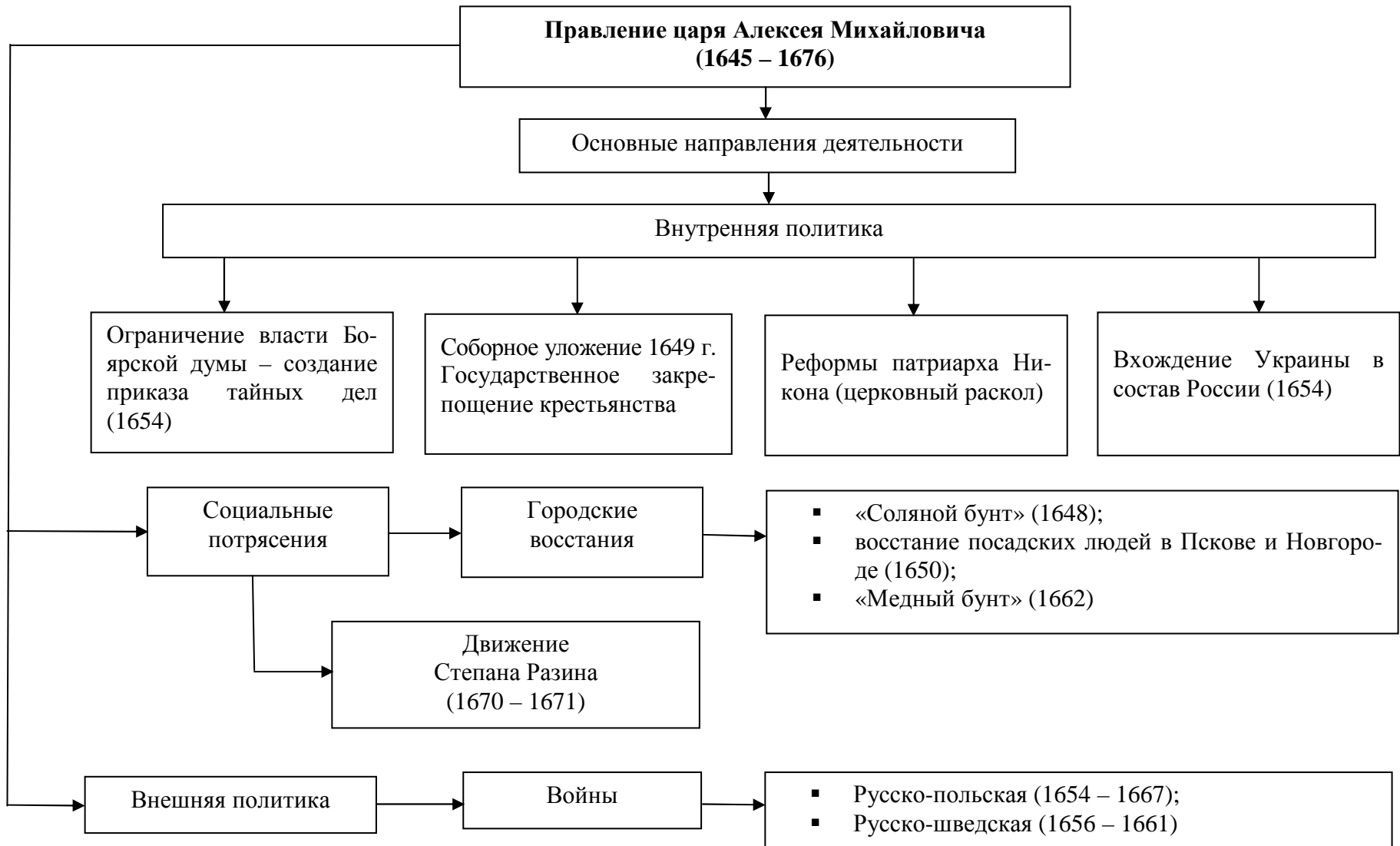

Схема 15.7

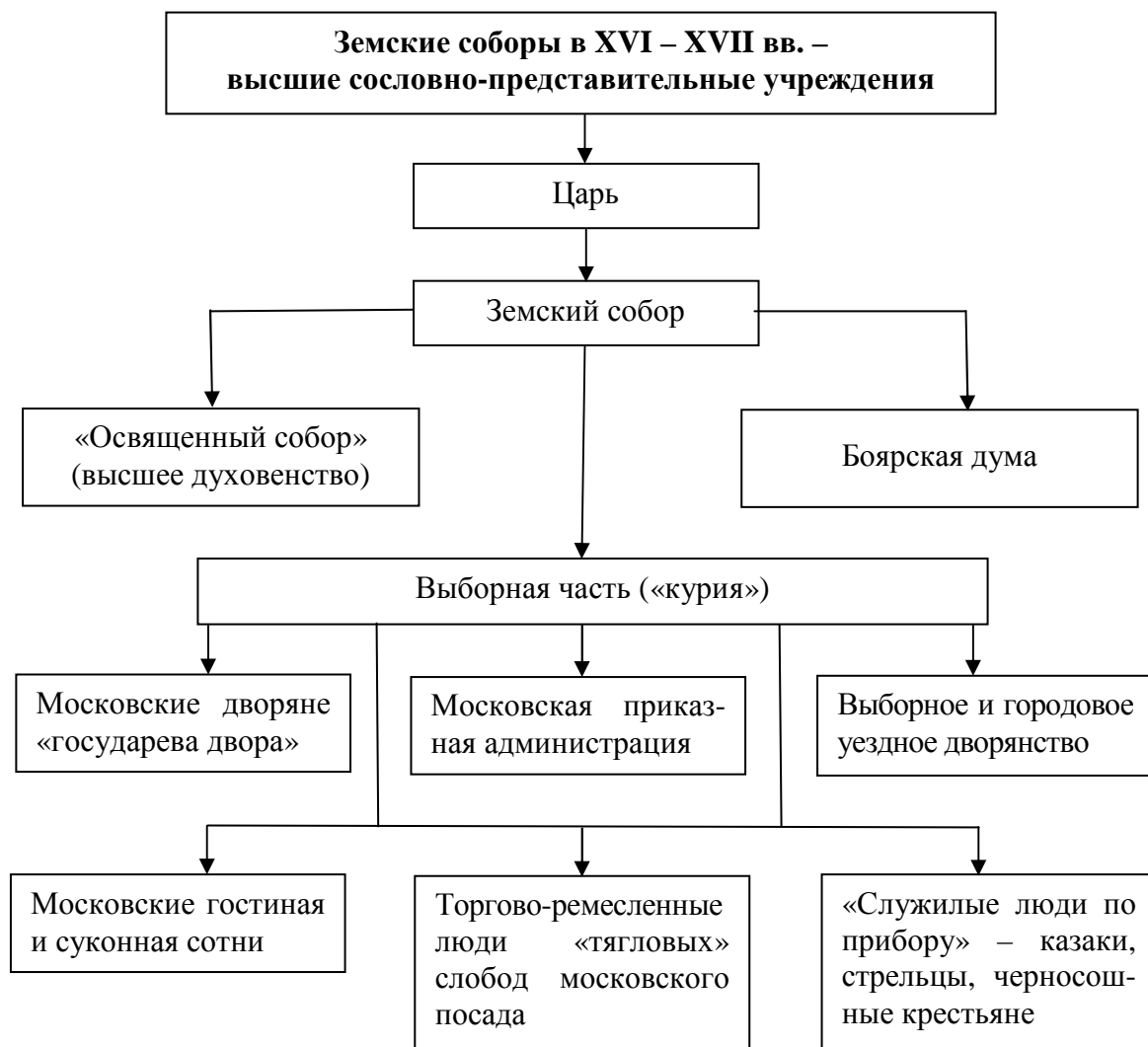

Схема 15.8

Соборы XVI в. решали вопросы о продолжении Ливонской войны и избрании царя. Особую роль в русской истории сыграл Собор 1613 г., избравший на царство Михаила Романова. В первые годы правления молодого царя Земские соборы работали почти непрерывно и помогали Михаилу в управлении государством. После возвращения из польского плена отца Михаила Федоровича Филарета Романова деятельность Соборов становится менее активной. В основном они решали вопросы войны и мира. В 1649 г. Земский собор принял Соборное уложение. Последний Земский собор, работавший в 1653 г., решал вопрос о присоединении Украины к России. Впоследствии земская деятельность угасает. В 1660 – 1680-е гг. собирались многочисленные сословные комиссии. Все они по преимуществу были боярскими. Окончание работы Земских соборов фактически означало завершение перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму.

Схема 15.9

В системе органов государственной власти и управления сохранялась существенная роль Боярской думы. Однако во второй половине XVII в. ее значение падает. Из состава Думы выделяется так называемая Ближняя дума, состоящая из особо преданных царю лиц.

Высокого развития в XVII в. достигает приказная система управления (схема 15.10).

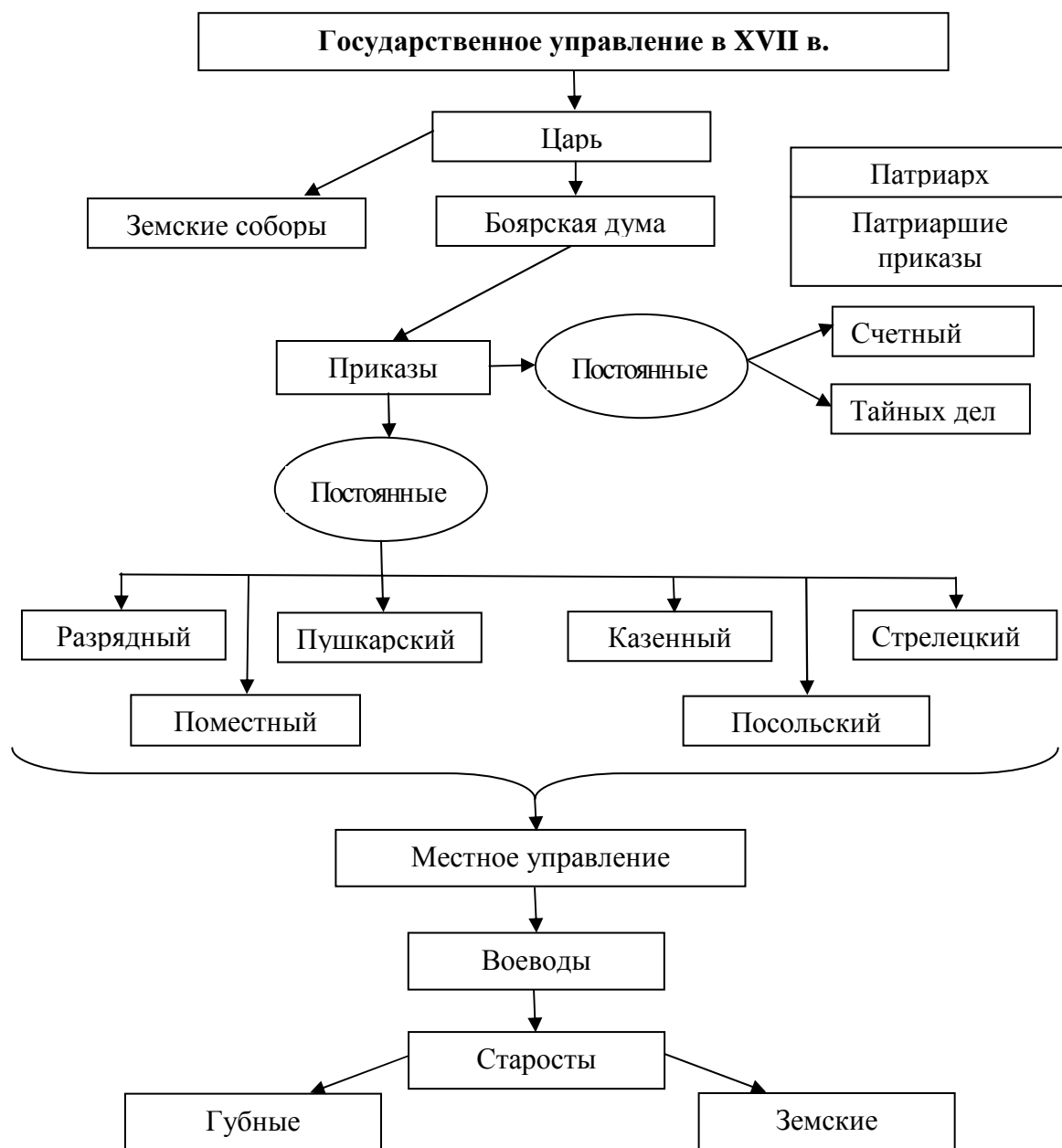

Схема 15.10

Постоянные приказы занимались отдельными отраслями в сфере государственного управления внутри страны или ведали отдельными терри-

ториями. обороной страны и делами служилого сословия ведали разрядный, стрелецкий, пушкарский, иноземный и рейтарский приказы. Поместный приказ оформлял земельные наделы и проводил судебные расследования по земельным делам. Посольский приказ осуществлял внешнюю политику государства. Наряду с постоянными создавались и временные приказы. Одним из них был приказ тайных дел, руководимый лично Алексеем Михайловичем. Приказ занимался надзором за деятельностью высших государственных учреждений и должностных лиц.

Основной административно-территориальной единицей государства был уезд. Система местного управления в XVII в. строилась не на основе выборных органов, а на власти назначаемых из центра воевод. Им подчинялись земские и губные старосты.

15.4. Церковный раскол

Заметными явлениями политической и духовной жизни России XVII в. стали церковная реформа и последовавший за ней церковный раскол (схема 15.11).

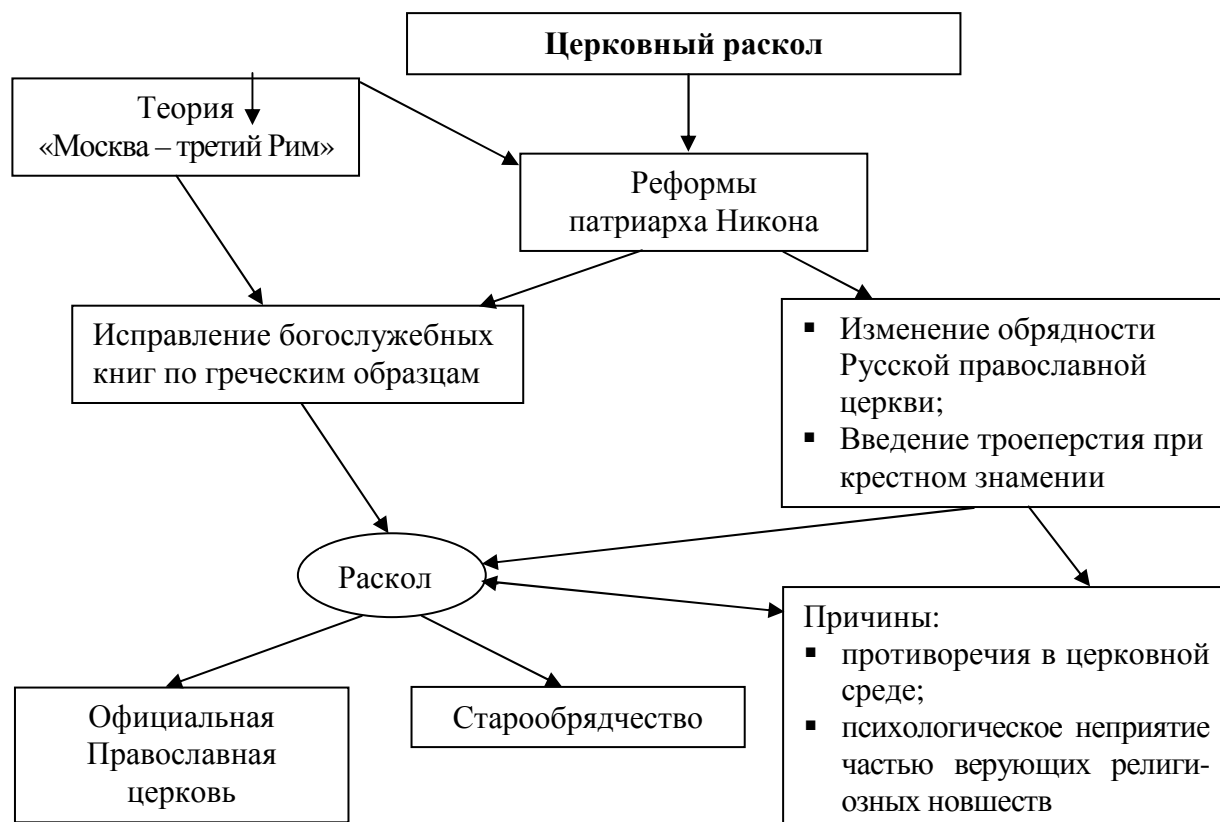

Схема 15.11

Основные причины его возникновения заключались в противоречиях в церковной среде и психологическом неприятии частью верующих религиозных новшеств.

Полемика между церковными деятелями началась еще в 1640-е гг. В это время в Москве собирался «кружок ревнителей благочестия», возглавляемый царским духовником Стефаном Вонифатьевым. Многие церковные деятели, участвовавшие в работе кружка, считали, что необходимо производить изменения в церковной службе и вносить коррективы в богослужебные книги. Разногласие возникло по вопросу о выборе образцов, по которым следовало производить эти изменения. Одни считали, что образцами должны стать русские рукописные книги, другие предлагали использовать греческие оригиналы. Сторонником последней точки зрения и был патриарх Никон.

Никон (в миру Никита Минов) сделал блестящую церковную карьеру. Он происходил из простой крестьянской семьи, жившей в Мордовии. В возрасте 30 лет будущий патриарх постригся в монахи. В 1646 г. он был представлен царю Алексею Михайловичу. Талантливый священник произвел на царя большое впечатление. По указанию Алексея Михайловича Никон был оставлен в Москве и назначен игуменом Новоспасского монастыря, где находилась родовая усыпальница Романовых. Спустя два года Никон стал новгородским митрополитом, а в 1652 г. – русским патриархом. В соответствии с идеологической теорией «Москва – Третий Рим» Никон вносил изменения в церковные книги и порядок богослужения, ориентируясь на греческие образцы. Обычай креститься двумя пальцами Никон заменил троеперстием, имя «Иисус» велел писать через две буквы «и» и т.д. Все эти новшества были поддержаны светской властью и утверждены Церковным собором 1656 г.

Нововведения Никона коснулись в основном обрядовых предписаний и не затронули основ православной догматики и вероучения. Однако значительная часть верующих и духовенства их не приняла. Всякий отказ от древних обычаев воспринимался многими людьми того времени как отступление от веры. Ревнители древних порядков называли Никона антихристом. Так возникло старообрядчество. Его духовным лидером стал протопоп Аввакум Петров. Долгих 11 лет Аввакум провел в тяжелой сибирской ссылке. Затем власти вернули его в Москву и пытались склонить к принятию церковных реформ. Аввакум оставался твердым ревнителем «старой веры». За это он был вновь сослан, осужден Церковным собором, посажен в земляную тюрьму и затем сожжен заживо. Жестокие преследования старообрядчества не прекращались. Тысячи противников реформ

вынуждены были бежать на окраины страны. Крайней формой протеста были самосожжения – «гари». Очагом сопротивления никоновским нововведениям стал Соловецкий монастырь на Севере России. Монахи и стрельцы восемь лет (1668 – 1676) обороняли монастырь от царских войск.

Сам Никон, которого царь Алексей Михайлович некогда называл своим «собинным другом», стремился поставить свою духовную власть выше царской. Патриарх принял титул великого государя. Власть патриарха он сравнивал с Солнцем, а власть царя – с Луной, лишь отражающей солнечный свет. Все это неизбежно привело к конфликту с царем. Алексей Михайлович демонстративно перестал посещать совершаемые Никоном службы и стал избегать встречи с ним. В 1658 г. Никон объявил, что оставляет патриаршество и покидает Москву. Честолюбивый патриарх надеялся, что царь пойдет с ним на диалог и предложит продолжить служение. Никон просчитался. В 1666 – 1667 гг. был собран Церковный собор, в работе которого приняли участие представители греческих православных церквей. Собор осудил Никона и лишил его сана. Опальный церковный деятель был сослан в Ферапонтов монастырь под Вологду. Однако проведенные им реформы были сохранены.

15.5. Народные восстания

XVII в. ознаменован многочисленными социальными катаклизмами и народными восстаниями. Недаром современники прозвали его «бунташным веком» (схема 15.12).

Основной причиной восстаний были закрепощение крестьян и рост их повинностей. Частые войны требовали от казны больших расходов. Правительство пыталось покрыть их за счет усиления налогового гнета, что неизбежно приводило к ухудшению жизни народных масс. Немаловажную роль в происходивших в XVII в. событиях сыграло казачество. Как уже отмечалось, казаки представляли особое сословие «вольных людей», состоявшее в основном из беглых крестьян и холопов, которое сформировалось в XV – XVI вв. Стремление правительства сделать казачество служилым сословием и ограничить его вольность встречало сопротивление. Не случайно именно донской казак Степан Разин возглавил крупнейшее в XVII в. народное восстание. Назревшие в обществе противоречия отразились в церковном расколе и преследовании противников никоновских реформ.

В июне 1648 г. в Москве вспыхнул Соляной бунт (табл. 15.1).

Схема 15.12

Таблица 15.1

Городские восстания в XVII в.

Название (дата)	События	
Соляной бунт в Москве (1 – 10 июня 1648 г.)	Народное возмущение политикой царского правительства во главе с Б.И. Морозовым, которое в 1646 г. ввело налог на соль, но из-за массовых протестов он был отменен в феврале 1647 г. В 1648 г. правительство решило взыскать за 2 года недоимок с населения (так называемые стрельцкие и ямские деньги), что вызвало социальный взрыв в столице. Последовал разгром дворов московской знати, убийства восставшими глав земского приказа Л. Плещеева, дьяка Н. Чистого. Царские власти пошли на уступки: участвовавшим в восстании стрельцам возвратили по 8 рублей и было принято решение о созыве земского собора для составления нового Уложения	
Восстание в Пскове (28 февраля – май 1650 г.)	Трехмесячная оборона. Прекращение сопротивления после переговоров с делегацией Земского собора	Народное недовольство против роста цен на хлеб и передачи хлебных запасов Швеции в качестве компенсации за уход населения с отошедших Швеции русских земель. Переход власти в городах от царских наместников и земским старостам. Усмирение восстаний царскими войсками во главе с князем И.Н. Хованским
Восстание в Новгороде (март – апрель 1650 г.)	Новгородцы не проявили стойкого сопротивления, открыли ворота города. Инициаторы восстания были заключены под стражу	

«Медный бунт» в Москве (25 – 26 июля 1662 г.)	<p>Поводом к восстанию послужила денежная реформа 1654 г. – введение медных денег, приравненных к серебряным. С течением времени это привело к серьезному их обесцениванию, что резко снизило покупательную способность населения.</p> <p>По Москве были расклеены прокламации («воровские письма»), в которых близкие к царю люди (бояре И.Д. и И.М. Милославские, окольный Ф.И. Ртищев, купец В. Шорин) обвинялись в сговоре с поляками по чеканке медных денег с целью разорения России.</p> <p>Толпа двинулась в Коломенское, где находился царь Алексей Михайлович, вступивший в переговоры с восставшими. Но затем были вызваны верные царю стрелецкие полки, подавившие выступление жителей московского посада. Многие люди были схвачены и казнены.</p> <p>В 1663 г. выпуск медных денег был прекращен</p>
---	--

В это время большое влияние на молодого царя Алексея Михайловича оказывал его воспитатель и родственник боярин Б.И. Морозов. На важнейшие правительственные посты он поставил своих людей: пушкарским приказом управлял П. Трахониотов, земским – Л. Плещеев, посольским – дьяк Назарий Чистой. Ставленники Б.И. Морозова всячески притесняли и обирали московское население. В 1646 г. по предложению Н. Чистого повысили налог на соль. Цены на этот важнейший продукт резко возросли, что вызвало негодование. В феврале 1647 г. налог пришлось отменить. Однако, стремясь увеличить доход казны, правительство объявило о взыскании недоимок за два года. После этого последовал взрыв социального возмущения. 1 июня 1648 г. жители Москвы пытались подать царю челобитную. Бояре, находившиеся в рядах царской свиты, вырвали подаваемую царю грамоту и изорвали ее. По приказу Б.И. Морозова стрельцы арестовали 16 человек из числа просителей. Репрессии только обострили ситуацию. Следующие несколько дней восставшие москвичи громили дома ненавистных чиновников. Л. Плещеев и Н. Чистой были убиты разъяренной толпой. Опасность для царского правительства приняла угрожающие размеры.

Чтобы спасти свое положение, Алексей Михайлович вынужден был согласиться на казнь П. Трахониотова. Б.И. Морозов был временно выслан из Москвы. Уступкой царских властей стало решение о созыве Земского собора для составления нового свода законов.

В 1650 г. вспыхнули восстания в Пскове и Новгороде. Их причиной стала спекуляция хлебом, происходившая по прямому предписанию правительства. Оно было заинтересовано в росте цен на хлеб, поскольку

именно хлебом оно расплачивалось со Швецией за переселявшихся в Россию жителей территорий, отошедших к шведскому государству по Столбовскому миру. Восстание в Пскове началось 28 февраля 1650 г. Посадские люди и стрельцы взяли под стражу воеводу и избрали свое правительство во главе с Гаврилой Демидовым. Правительство вынуждено было собрать Земский собор, на котором было принято решение отправить в Псков делегацию для переговоров с восставшими. В мае того же года делегация Земского собора уговорила псковичей сложить оружие. В ту же весну в Новгороде произошло антиправительственное восстание. Новгородцы продержались около месяца и лишь потом сдались царскому воеводе князю Хованскому. Инициаторы восстания были репрессированы.

В 1662 г. произошло новое восстание в Москве. Оно получило название Медный бунт. Огромные расходы на затянувшуюся с 1654 г. войну с Польшей сильно подорвали финансовое положение государства. В поисках необходимых средств для продолжения войны правительство стало выпускать медную монету, приравняв ее по цене к серебряной. Вначале новые деньги имели успех, но правительство стало чеканить их в слишком большом количестве, что привело к их обесценению. Медные деньги наводняли рынок, и ценность их падала. Снижалась и покупательная способность населения, так как большая часть служилых людей получала жалование медью. При этом само правительство взимало с населения налоги только серебром. Росло количество фальшивых медных денег. Все это привело к народному недовольству и восстанию.

25 июля 1662 г. по всей Москве были расклеены антиправительственные прокламации – «воровские письма». В них обвинялись в сговоре с поляками близкие к царю лица – бояре И.Д. и И.М. Милославские, окольный Ф.И. Ртищев и купец В. Шорин. «Воровские письма» утверждали, что чеканка медных денег введена изменниками с целью разорения страны. Под влиянием прокламаций толпа москвичей двинулась в загородную резиденцию царя – село Коломенское. Алексей Михайлович пошел на переговоры с восставшими, обещая во всем разобраться и покарать виновных. Царь вероломно обманул народ. Вызванные им стрелецкие полки ворвались в дворцовый двор и напали на восставших. Среди безоружных, застигнутых врасплох людей началась паника. Многие пытались спастись бегством и утонули в Москве-реке. Вслед за разгромом восстания последовали аресты и репрессии. Однако подавленное народное выступление не осталось без последствий: медные деньги из обращения были изъяты.

Кульминацией бунташного века стало казацко-крестьянское восстание под предводительством Степана Разина (табл. 15.2).

Казацко-крестьянское восстание под предводительством Степана Разина

Этап	События и цели
Первый (1667 – 1669) – «поход за зипунами»	Поход казаков и беглых крестьян во главе со Степаном Разиным с Дона на Волгу и Каспийское море. Захват торговых караванов русских и персидских купцов. Нападение на восточное побережье Каспийского моря. Победа над флотом персидского хана. Возврат с Дона с богатой добычей. К удачливому атаману Степану Разину отовсюду собирались люди
Второй (1670 – 1671) – антикрепостническое выступление	<p>Цели:</p> <ul style="list-style-type: none"> ▪ захват Москва; ▪ уничтожение бояр и дворян; ▪ ликвидация крепостного права; ▪ установление казацкого уклада жизни по всей стране. <p>Апрель – июль 1670 г. – поход Степана Разина на Волгу. Взятие казаками Царицына, Камышина, Черного Яра. Штурм и овладение Астраханью (22 июня). Казнь восставшими воеводы И. С. Прозоровского и 500 дворян и приказных. Распространение восстания на Поволжье.</p> <p>Август – сентябрь 1670 г. – движение восставших из Астрахани вверх по Волге. Взятие без боя Саратова и Самары. Осада повстанцами Симбирска, где развернулись решающие сражения.</p> <p>Поражение Степана Разина (1 октября 1670 г.) и уход его с отрядом казаков на Дон.</p> <p>14 апреля 1671 г. – захват Степана Разина казацким старшиной и выдача его царским властям.</p> <p>6 июня 1671 г. – казнь Степана Разина в Москве</p>

В 1667 г. донской казак Степан Тимофеевич Разин возглавил поход казаков с Дона на Волгу и Каспийское море «за зипунами». Разинское войско напало на восточный берег Каспия, грабя персидские города и освобождая русских пленных. Казаки разбили флот персидского шаха и вернулись на Дон с богатой добычей. Удачливый и бесстрашный атаман стал признанным вождем казачества.

В 1670 г. начался новый этап движения Степана Разина, которое приняло открыто антикрепостнический характер. Восставшие поставили своей целью захват Москвы, уничтожение бояр и дворян и установление по всей стране вольного казацкого уклада жизни. Весной 1670 г. пятитысячное разинское войско начало военные действия на Волге. В короткий срок оно овладело Царицыным и Камышиным. Астрахань оказалась в руках восставших без боя. Горожане сами открыли Разину ворота. Астраханский воевода И.С. Прозоровский, а с ним 500 дворян и чиновников были казнены восставшими. Войско Степана Разина двинулось вверх по Волге.

Восстание распространилось на все Поволжье. В ряды разинцев вливались не только русские крестьяне, но и представители других народов: чуваша, мари, мордва, татары. Без боя Степан Разин взял Саратов и Самару. Затем его войско осадило Симбирск.

Под Симбирском и развернулись решающие сражения. Подошедшие туда царские полки под командованием князя Д.А. Барятинского нанесли С. Разину поражение и сняли осаду с города. После этого Степан Разин отплыл со своими казаками на Дон. Там зажиточные казаки схватили его и выдали царским властям. Арестованного Разина привезли в Москву, где допрашивали и пытали. В июне 1671 г. Степан Разин был казнен.

Контрольные вопросы

1. Каковы основные тенденции политического и социально-экономического развития России в XVII в.?
2. Какие новые явления происходили в хозяйственной жизни Российского государства на протяжении XVII в.?
3. Как изменялся правовой статус основных социальных групп российского общества на протяжении XVII в.? Каковы причины принятия Соборного Уложения 1649 г.?
4. Как происходил процесс закрепощения крестьян на протяжении XVI – XVII вв.? Выделите основные этапы юридического оформления крепостного права в России.
5. Какие перемены претерпела самодержавная власть в XVII в.?
6. Почему современники называли XVII в. «бунташным»? Приведите примеры вооруженных выступлений различных социальных слоев общества против существующих порядков. В чем главные причины этих выступлений и каковы их итоги?
7. В чем смысл церковного раскола и каковы его последствия? Каковы основные причины обострения взаимоотношений между светской и церковной властью во второй половине XVII в.?

Литература

1. Андреев, И.Л. Алексей Михайлович / И.Л. Андреев. – М., 2003.
2. Буганов, В.И. Мир истории: Россия в XVII столетии / В.И. Буганов. – М., 1989.
3. История государственного управления в России: учеб. / отв. ред. В.Г. Игнатов. – Ростов на Дону, 1999.
4. История России с древнейших времен до 1861 г. / отв. ред. Н.И. Павленко. – М., 1996.
5. История России с древнейших времен до 1917 года: учеб. / С.П. Боброва [и др.] – Иваново: Кафедра отечественной и всемирной истории ИГЭУ // «Хронос – всемирная история в Интернете // <http://www.hronos.km.ru/>»
6. История России с древнейших времен до конца XVII века / отв. ред. А.Н. Сахаров, А.П. Новосельцев. – М., 1996.
7. История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. / под ред. Б.А. Рыбакова. – М., 1983.
8. Кириллов, В.В. История России: учеб. пособие / В.В. Кириллов. – М., 2006

- 9 Карташев, А.В. Очерки по истории русской церкви / А.В. Карташов. – Т. 1. – М., 1993.
- 10 Козлов, Ю.Ф. Страницы правления государством российским / Ю.Ф. Козлов. – Йошкар-Ола. 1990.
- 11 Личман, Б.В. История России: для техн. вузов / Б.В. Личман. – 2-е изд. – Ростов на Дону: 2005.
- 12 Маньков, А.Г. Уложение 1649 г. – кодекс феодального права России / А.Г. Маньков. – Л., 1980.
- 13 Преображенский, А.А. Первые Романовы на Российском престоле / А.А. Преображенский, Л.Е. Морозова, Н.Ф. Демидова. – М., 1999.
- 14 Носов, Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России / Н.Е. Носов. – Л., 1969.
- 15 Черепнин, Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI – XVII вв. / Л.В. Черепнин. – М., 1978.
- 16 Чистякова, Е.В. Степан Разин и его сподвижники / Е.В. Чистякова, В.М. Соловьев. – М., 1988.
- 17 Хрестоматия по истории СССР (с древнейших времен до 1861 г.): пособие для учителей. – М., 1963.

Тема 16

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ в XVII в.*

1. Основные задачи и направления внешней политики России.
2. Войны России с Речью Посполитой и Швецией и их итоги.
3. Южное направление внешней политики. Борьба с Крымским ханством и Турцией.
4. Освоение Сибири.

16.1. Основные задачи и направления внешней политики

Русское государство вышло из борьбы с интервенцией сильно ослабленным и разорённым. Существенный ущерб был нанесён и международному положению России. По Столбовскому миру 1617 г. со Швецией Русское государство утратило свои опорные пункты на побережье Финского залива, а по Деулинскому перемирию 1618 г. с Польшей лишилось Смоленска, Чернигова и Северной земли. Южные окраины России подвергались опустошительным набегам крымских татар, достигавших иногда рубежа Оки и даже проникавших к северу от неё.

Однако, едва оправившись от тяжёлого хозяйственного разорения, Русское государство возобновило упорную борьбу за разрешение коренных внешнеполитических задач, вставших перед ним ещё в XVI в.

Деулинское перемирие создало угрожающее положение на западных границах. Война за возвращение утраченных исконных русских территорий, в частности Смоленска, переросла затем в длительную борьбу за присоединение Украины и Белоруссии к России. Эти войны занимают центральное место во внешней политике России в XVII в.

Возобновление борьбы со Швецией за побережье Балтийского моря было второй важной внешнеполитической задачей, которую Русское государство пыталось разрешить в XVII в.

Наконец, с указанными задачами было тесно связано доведение до конца борьбы с последней, ещё уцелевшей частью Золотой орды – Крымским ханством и установление на юге прочных и безопасных границ.

Существенно новым в области внешней политики XVII в. было стремительное расширение границ Русского государства до Тихого океана

* Материал лекции с небольшими изменениями взят из книги: Кириллов, В.В. История России: учеб. пособие / В.В. Кириллов. – М., 2006. – С. 162 – 172.

и связанное с этим установление отношений с государствами и народами Средней Азии, Монголией, Китаем и др.

Быстро возрос международный вес Русского государства. Укреплялись экономические связи России с самыми передовыми государствами Европы – Англией, Голландией. Россия играла роль важного международного фактора в европейских делах.

Однако разрешение всех этих внешнеполитических задач в XVII в. в значительной мере тормозилось феодально-крепостническим строем государства и его технико-экономической отсталостью. Русское государство было не в состоянии довести до конца ни одного из важнейших внешнеполитических дел.

Результаты больших и тяжёлых войн XVII в. далеко не соответствовали чрезвычайным усилиям государства и затратам огромных средств.

Во внешней политике России XVII в. выделяются четыре основных направления: юго-западное, северо-западное, южное и восточное (схема 16.1).

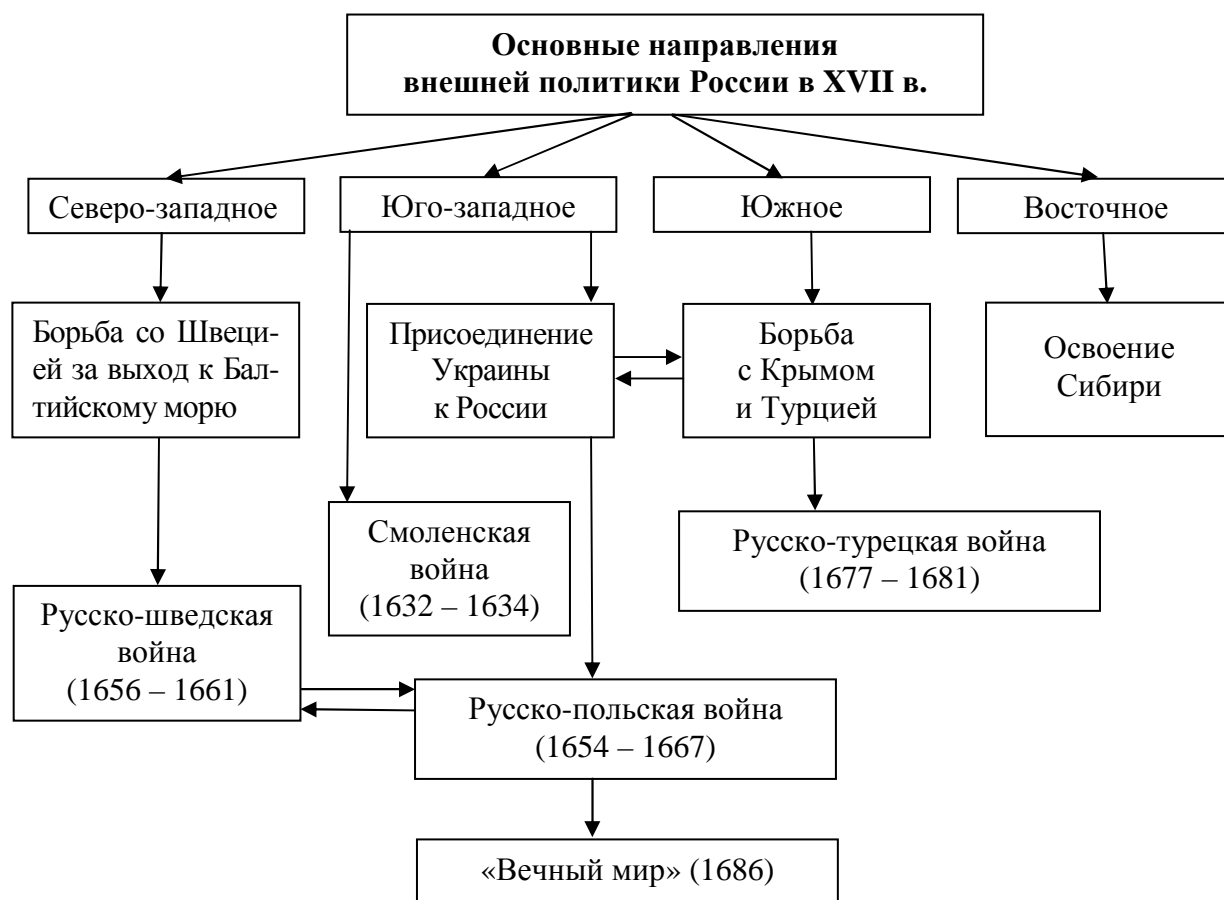

Схема 16.1

16.2. Войны с Речью Посполитой и Швецией и их итоги

Действия России на юго-западном направлении в первой половине XVII в. обуславливались попыткой вернуть земли, захваченные Польшей во время Смуты. Определенную опасность представлял польский король Владислав. Еще будучи королевичем он был приглашен на русский престол правительством Семибоярщины. Уже на Земском соборе 1621 г. обсуждался вопрос о начале новой войны с Речью Посполитой. Но неподготовленность к войне, а также неблагоприятная международная обстановка не позволяли принять соответствующее решение.

Война за Смоленск началась в декабре 1632 г. (схема 16.2).

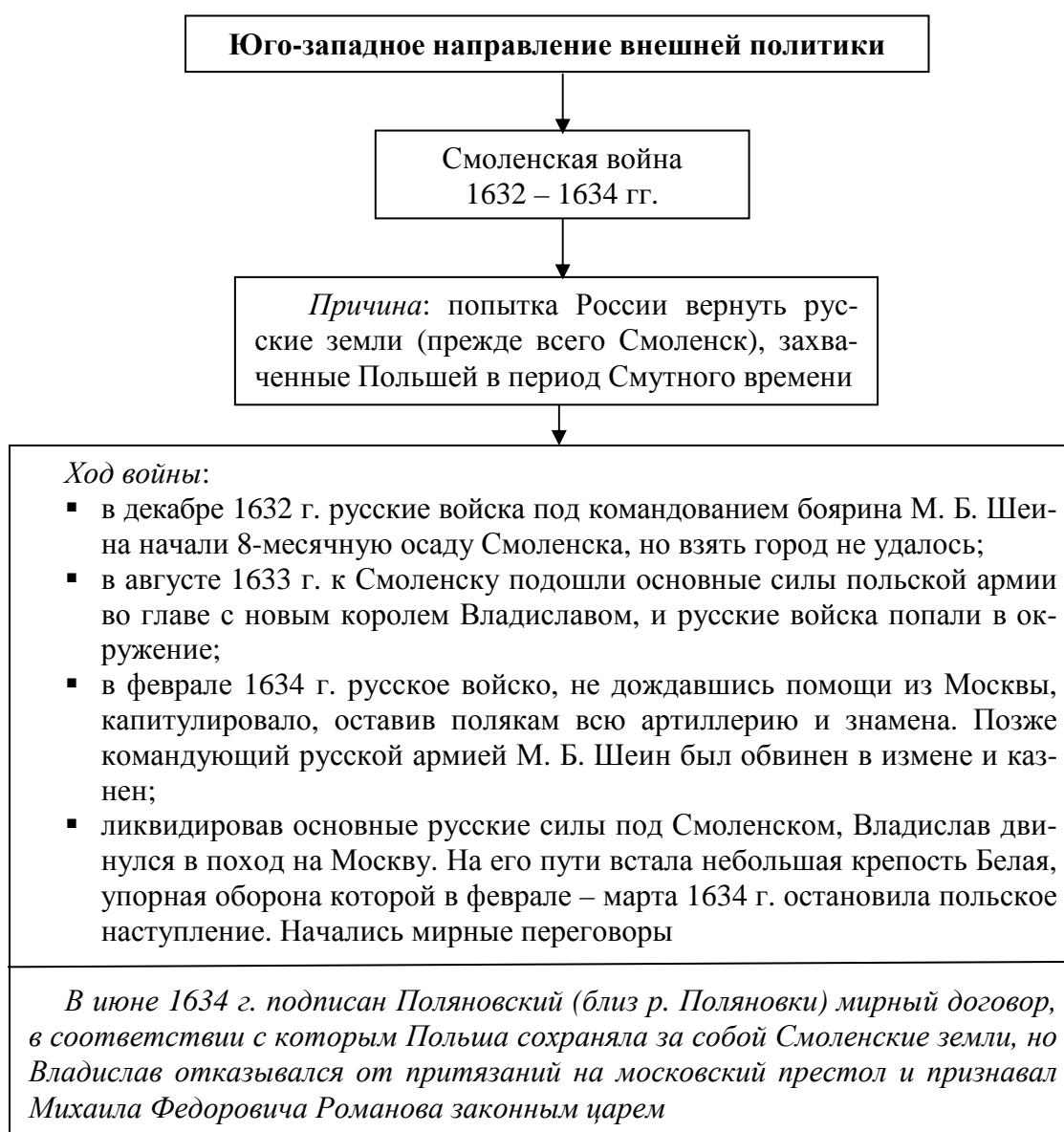

Схема 16.2

Русское войско под командованием боярина М.Б. Шеина окружило город. Осада длилась восемь месяцев, но взять город не удалось. В августе 1633 г. к Смоленску подошли основные силы польской армии во главе с королем Владиславом, и русские войска попали в окружение. В феврале 1634 г. русское войско, не дождавшись помощи из Москвы, капитулировало, оставив полякам всю артиллерию, но сохранив знамена. Командующий русской армией М.Б. Шеин был обвинен в измене и казнен.

Ликвидировав основные русские силы под Смоленском, Владислав двинулся в поход на Москву. Но его планы не осуществились, так как упорная оборона небольшой крепости Белой, стоявшей на пути к Москве, в феврале – марте 1634 г. остановила польское наступление. Начались мирные переговоры. И в июне 1634 г. был подписан Поляновский мирный договор, в соответствии с которым Польша сохраняла за собой Смоленские земли, а Владислав должен был отказаться от притязаний на московский престол и признать Михаила Федоровича Романова законным царем. Таким образом, Поляновский мир не разрешил проблемы возвращения исконных русских земель, а следовательно, и не обеспечил нормализации отношений между Россией и Речью Посполитой.

В середине XVII в. русско-польские отношения определили события на Украине. Проживавшие на территории Речи Посполитой украинский и белорусский народы испытывали угнетение в социальном, национальном и религиозном отношениях. Освободительная война против польского владычества развернулась в 1648 г. Казаки, возглавляемые гетманом Богданом Хмельницким, подняли восстание, в котором принимали участие украинские и белорусские крестьяне (подробно в теме 17).

Неизбежным следствием решений Земского собора и Переяславской рады стала русско-польская война 1654 – 1667 гг. (табл. 16.1).

Первая кампания (1654 – 1656) была в целом удачна для России. Ее войска в 1654 г. взяли Смоленск, Полоцк и Витебск, а в 1655 г. – Минск и Вильно.

Воспользовавшись неудачами Польши, переживавшей к тому же обычный для своей истории период «бескоролья», Швеция объявила ей войну. Стремясь противодействовать шведской экспансии в Польше и на Украине, Алексей Михайлович в свою очередь объявил войну Швеции. Между Россией и Польшей ввиду военной угрозы обеим странам со стороны шведов в 1656 г. было заключено перемирие.

Следующая военная кампания против Польши началась в 1657 г. В этот год умер Б. Хмельницкий, а новый гетман И. Выговский заключил с ней союз. Это способствовало возобновлению русско-польской войны с новой силой, которая приняла затяжной характер.

Русско-польская война 1654 – 1667 гг.

Кампания	События
1654 – 1656 гг.	<p>Взятие русскими войсками Смоленска (1654), Полоцка и Витебска (1654).</p> <p>Захват русско-украинскими войсками в 1655 г. Минска и Вильно.</p> <p>Заключение перемирия в 1656 г. между Россией и Польшей ввиду военной угрозы обеим странам со стороны Швеции</p>
1657 – 1662 гг.	<p>1657 г. – смерть Б. Хмельницкого, заключение новым гетманом И. Выговским союза с Польшей, что способствовало возобновлению русско-польской войны, принявшей затяжной характер.</p> <p>1659 г. – свержение казаками гетмана И. Выговского и подтверждение ими присяги московскому царю. Гетманом стал сын Б. Хмельницкого Юрий.</p> <p>1660 – 1662 гг. – ряд существенных поражений русской армии: у Губарево и Чудново (1660), при Кушликах (1661), захват поляками Вильно (1662). Потеря Россией ранее захваченных территорий Литвы и Белоруссии</p>
1663 – 1667 гг.	<p>1663 – 1664 гг. – русско-польские сражения с переменным успехом на Правобережной Украине.</p> <p>1665 г. – победы русско-украинских войск под Корсунью и Белой Церковью.</p> <p>1666 г. – начало русско-польских переговоров о мире.</p> <p>Январь 1667 г. – подписание Андрусовского (близ Смоленска) перемирия между Россией и Польшей на 13 ½ года, в соответствии с которым Россия получала Смоленск и земли, утраченные в смутное время, а также Левобережную Украину с Киевом</p>
<p><i>1686 г. – «Вечный мир» – переход от конфронтаций к мирным и сотрудническим отношениям между Россией и Польшей</i></p>	

В 1659 г. казаки свергли гетмана И. Выговского и вновь подтвердили присягу московскому царю. Гетманом стал сын Б. Хмельницкого Юрий. В 1660 – 1662 гг. русская армия потерпела поражения у населенных пунктов Губарево и Чудново и при Кушликах (1661). Польским войскам удалось взять Вильно. Таким образом, Россия потеряла ранее захваченные ею территории Литвы и Белоруссии. Гетман Ю. Хмельницкий перешел на сторону Польши.

Третья военная кампания началась в 1663 г. Русско-польские сражения шли с переменным успехом. Определяющими стали победы русско-украинских войск под Корсунью и Белой Церковью (1665). В 1666 г. начались переговоры о мире. Они завершились в январе 1667 г. подписанием Андрусовского перемирия (в деревне Андрусове, недалеко от Смоленска)

сроком на тринадцать с половиной лет. Россия получила по этому договору Смоленск с областью, Северскую землю с Черниговом. Польское правительство признало Левобережную Украину вместе с Киевом за Россией. По Андрусовскому перемирию не было достигнуто полного присоединения всех украинских земель к России, и тем не менее, оно было крупным внешнеполитическим успехом, поскольку подтверждало решение Переяславской рады и явно показало в тот момент перевес сил России над Польшей.

Сложные отношения с польским государством были разрешены заключением в 1686 г. в Москве договора под названием «Вечный мир». Этот мир был одной из крупных вех в истории русско-польского сближения и определил до конца столетия основное направление внешней политики Русского государства. Россия обязалась защищать Польшу от вторжений турецких и татарских войск и начать совместно с Польшей, Империей и Венецией наступательные операции против Крымского ханства.

Основным событием внешней политики России на северо-западе стала русско-шведская война 1656 – 1661 гг. (схема 16.3).

Схема16.3

Россия стремилась получить выход к Балтийскому морю и остановить шведскую экспансию в Польше, Литве и на Украине. Заключив перемирие с Польшей в Вильно и заручившись поддержкой Дании, русское правительство в 1656 г. открыло военные действия против Швеции, которые вначале кампании были довольно успешными. Русские войска овладели Динабургом (Даугавпилс), Дерптом (Тарту) и Ниеншанцем (в устье Невы), а также осадили Ригу. В 1657 г. шведские войска сумели вытеснить русские войска из Карелии и Ливонии и пытались перейти в контрнаступление, но потерпели поражение под Гдовом. Русской армии не удалось взять Ригу. 20 декабря 1658 г. в Валиесарах было заключено перемирие России со Швецией сроком на 3 года: к России отошли Кокенгаузен, Дерпт (Юрьев), Мариенбург, Сыренск.

В 1661 г. был подписан Кардисский мирный договор, согласно которому Россия отказывалась от всех территориальных приобретений по Валиесарскому перемирию 1658 г., и восстанавливались границы по Столбовскому миру 1617 г. Следовательно, русско-шведская война не разрешила балтийского вопроса и лишь ослабила и без того надорванные войной силы России.

16.3. Южное направление внешней политики. Борьба с Крымским ханством и Турцией

Южное направление внешней политики определялось борьбой с Турцией и ее вассалом – Крымским ханством, которые неоднократно совершали набеги на южные рубежи Русского государства. Вторгаясь в пределы России, татарские отряды опустошали и разоряли русские города и сёла, уводили в рабство мирных жителей. Какой урон приносили Русскому государству эти хищнические вторжения, можно судить по тому, что только в течение первой половины XVII в. было уведено в «полон» до 200 тыс. русских людей. Из-за их угрозы территория, прилегавшая к Крымскому ханству, была слабо заселена и получила название «дикое поле». В число внешнеполитических задач русского государства входили защита своих южных границ и хозяйственное освоение плодородных земель «дикого поля» (схема 16.4).

Борьба с турецко-татарскими нападениями в XVII в. требовала от Русского государства больших усилий. Тяжёлые последствия вторжений из Крыма во время войны за Смоленск в 1632 – 1634 гг. вынудили правительство провести ряд мероприятий по укреплению южных границ государства. В 1638 г. были развёрнуты работы по восстановлению старой «засечной черты» – оборонительных сооружений на линии Рязань – Тула –

Одоев. С 1636 г. началось и в 40-х годах XVII в. в основном было закончено сооружение новой укрепленной линии от реки Ворсклы через Белгород – Коротожак – Воронеж – Тамбов, получившей название Белгородской засечной черты. Было построено несколько десятков городов, в которых размещены постоянные гарнизоны.

Схема 16.4

В 40 – 50-х годах эта засечная черта была продолжена до Волги и за Волгой – в виде укреплений Закамской черты.

К концу 80-х годов несколько южнее Белгородской черты была сооружена ещё одна укрепленная линия, называвшаяся Изюмской (по имени города Изюм, расположенного в её центре).

Возведение этих огромных оборонительных линий, состоявших из рвов и валов, засек, множества острожков и городов, требовало затраты больших средств и выполнения тяжёлых повинностей от населения. Укрепленные линии обслуживались не только постоянными гарнизонами расположенных на них городов; ежегодно на летнее время из внутренних областей государства на засечные черты направлялись войска. Была создана целая система подвижных дозоров, постоянно разъезжавших по степи и наблюдавших за движениями татарских отрядов.

Система обороны достигала своей цели, постепенно отодвигая линию борьбы всё южнее и всё прочнее прикрывая внутренние области государства от вторжений татарских отрядов. Охваченные укрепленными линиями территории заселялись и осваивались русскими крестьянами (М.В. Нечкина).

Важную роль в борьбе с турецко-татарскими нападениями играло донское казачество. В 1637 г. без ведома русского правительства донские казаки захватили опорный пункт турецких владений – Азовскую крепость, уничтожив турецкий гарнизон и освободив до 2 тыс. русских пленных. В осаде и штурме Азова активное участие принимали запорожцы. О своей победе казаки сообщили в Москву, прося поддержки, и эта поддержка была им оказана продовольствием, вооружением и боеприпасами.

В течение пяти лет казаки удерживали Азов в своих руках. Турецкие войска и крымские отряды пытались отбить Азовскую крепость. В 1641 г. турецкий султан послал под Азов огромную армию, насчитывающую 250 тыс. человек. Пять тысяч казаков отвергли предложение турок сдать крепость и героически обороняли ее, отбив 24 приступа. Турки были вынуждены снять осаду. Память об этом «Азовском сиденье» донских казаков сохранилась в народных песнях и сказаниях.

Казаки поставили вопрос о переходе Азова под власть русского правительства. Для обсуждения вопроса об Азове в Москве в 1642 г. был созван Земский собор. Большинство его участников высказывалось принципиально за принятие Азова под защиту Русского государства. Однако посадские люди жаловались, притом очень резко, на тяжесть своего положения, изнурение от налогов и повинностей. Вследствие этого, а также потому, что правительство опасалось войны с Турцией, собор в январе 1642 г. отказался принять Азов в русское подданство. Летом 1642 г. по распоряжению правительства казачье войско покинуло крепость.

После заключения Андрусовского перемирия с Польшей узловым вопросом внешней политики Русского государства сделалась борьба с усилившейся агрессией турецкого правительства. Турция в 1672 г. нанесла поражение Польше, захватила важную крепость Каменец и всю Подолию. Султан простирали свои претензии на всю Правобережную Украину.

Дипломатические попытки русского правительства создать коалицию против Турции не дали положительного результата ввиду резких противоречий и войн в Западной Европе, вызывавшихся агрессивной политикой Франции. Правительство Польши тайно от русского правительства заключило в 1676 г. договор с Турцией, ведя политику на развязывание войны последней с Россией и рассчитывая на возвращение утраченных по Андрусовскому перемирию территорий.

Русско-турецкая война состоялась в 1677 – 1681 гг. – намного позже азовского осадного сидения (схема 16.5).

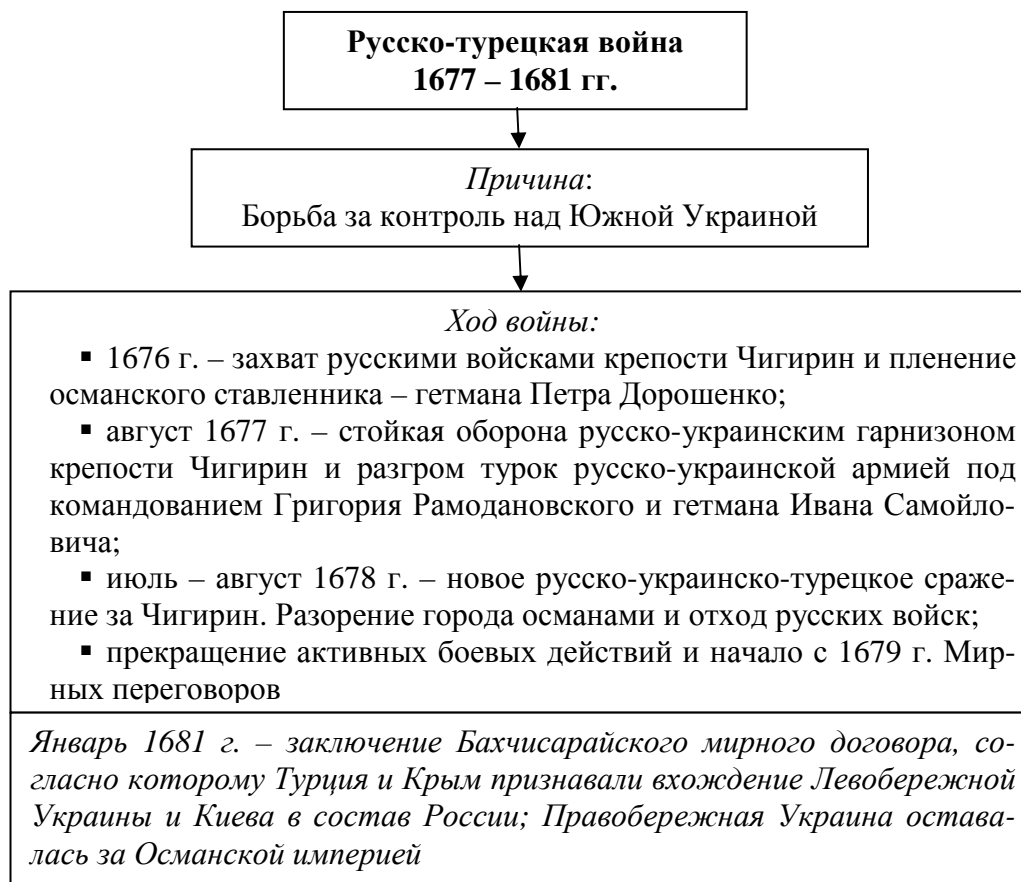

Схема 16.5

В 1676 г. русские войска захватили крепость Чигирин и пленили гетмана Петра Дорошенко. Летом 1677 г. небольшой русско-украинский гарнизон стойко оборонял крепость от 100-тысячной турецкой армии. В августе того же года русско-украинская армия под командованием Григория Ромодановского и гетмана Ивана Самойловича разгромила турок в боях на Днепре. Летом следующего года туркам все же удалось овладеть крепостью Чигирин. С 1679 г. боевые действия прекратились, и начались мирные переговоры. Их результатом стал заключенный в январе 1681 г. Бахчисарайский мирный договор сроком на 20 лет. По его условиям Турция и Крым признавали вхождение Левобережной Украины вместе с Киевом в состав России, а также русского подданства запорожских казаков. Правобережная Украина оставалась за Османской империей. Таким образом, война показала большое значение объединения сил России и Украины для отражения нападений турецких и татарских войск.

16.4. Освоение Сибири

Восточное направление внешней политики – это прежде всего продвижение на сибирские земли. Освоение Сибири долгое время не сопровождалось конфликтами с какими-либо иностранными государствами (схема 16.6).

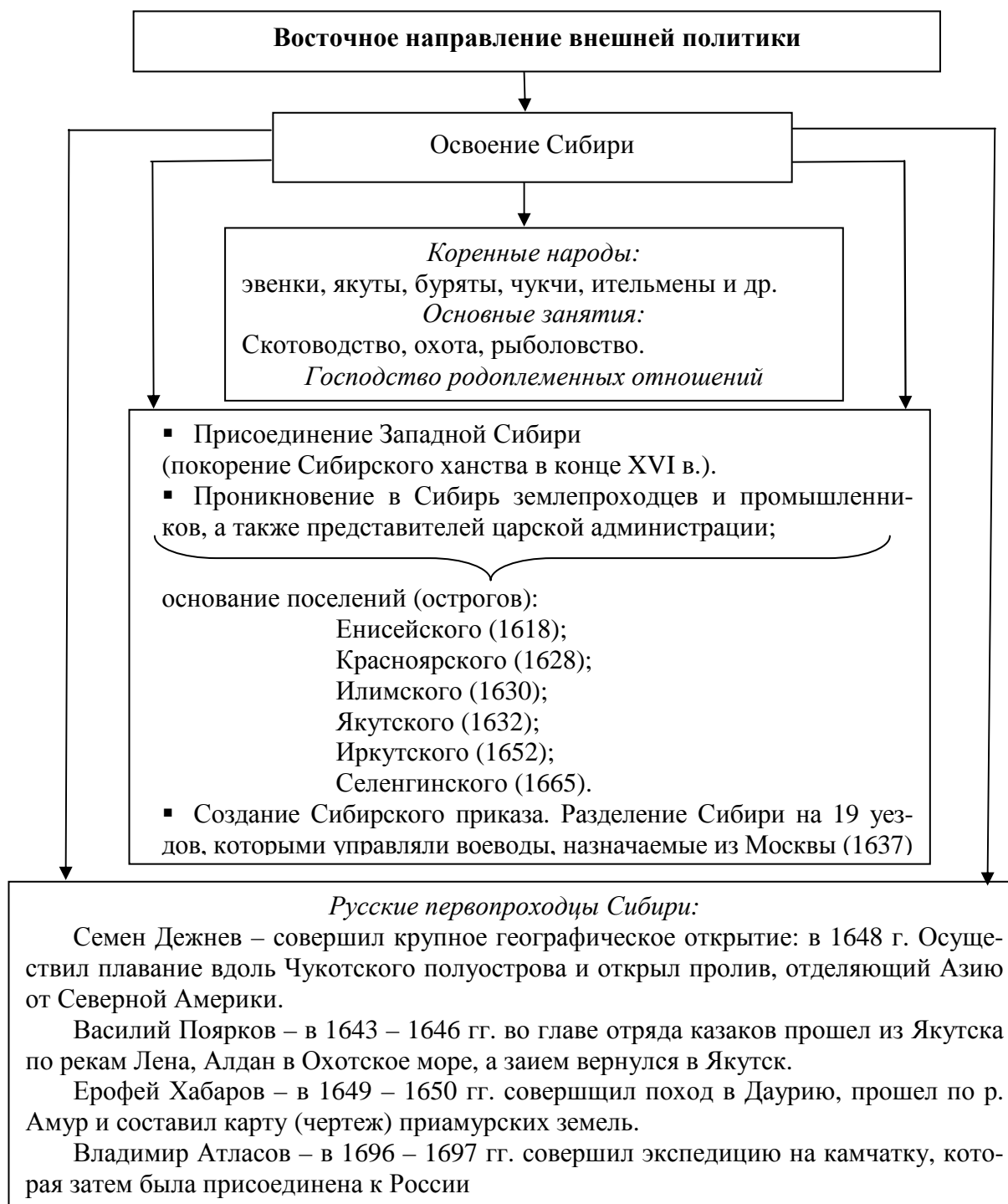

Схема 16.6

В конце XVI в. в состав Русского государства вошли сибирские народности и племена, населявшие территорию по нижнему и среднему течению Оби и её притокам.

Первым этапом русского продвижения на восток в XVII в. явился переход с реки Оби на Енисей и движение по притоку Енисея Ангаре до озера Байкал. Следующим этапом был переход с Енисея на «великую реку» Лену и освоение ленского бассейна, закончившееся обследованием северо-восточного угла Азии с выходом к концу XVII в. на Камчатку. Выход с Лены и Ангары в Забайкалье и Приамурье произошёл в 40-х годах XVII в.

Большинство народов Сибири и Дальнего Востока (эвенки, чукчи, ненцы, ительмены и др.) до прихода русских жили еще родовым строем. Только у якутов, бурят и некоторых других народностей выделилась племенная знать и начался процесс формирования феодальных отношений. Основными занятиями сибирских народов были охота и рыболовство. Основу хозяйства бурят и якутов составляло скотоводство.

Присоединение огромной территории, населённой разнообразными племенами, произошло очень быстро. В 1604 г. на реке Томь был основан город Томск, в 1619 г. возник Енисейск, в 1632 г. – Якутск, в 1648 г. на берегу Охотского моря был построен Косой острожек, будущий Охотск. Возникают русские укрепленные поселения (остроги): Красноярский (1628), Илимский (1630), Иркутский (1652) и др.

В этот период бескрайние сибирские просторы были пройдены и исследованы русскими землепроходцами и мореплавателями. Василий Поярков в 1643 – 1646 гг. во главе отряда казаков прошел из Якутска по рекам Лена и Алдан и по Амуру вышел в Охотское море, а затем вернулся обратно. Новую экспедицию в амурский край совершили казаки под руководством Ерофея Хабарова в 1649 – 1650 гг., по результатам которой была составлена карта приамурских земель. Еще в 1640 г. М. Стадухин открыл Колыму. Здесь было заложено зимовье, на базе которого спустя несколько лет была организована экспедиция Семена Дежнева. Из семи кораблей экспедиции четыре погибли в самом начале плавания. Судно С. Дежнева обогнуло крайнюю восточную оконечность Азии. Так, в 1648 г. было совершено одно из величайших географических открытий того времени: обнаружен пролив между Америкой и Чукоткой. В 1696 – 1697 гг. под руководством Владимира Атласова была совершена экспедиция на Камчатку. Этот отдаленный край был также присоединен к России.

Вслед за первопроходцами в Сибирь стали приезжать представители царской администрации. В 1637 г. управление ее огромными территориями было передано специально созданному Сибирскому приказу. Сибирь была разделена на 19 уездов, которыми управляли воеводы, назначаемые из Мо-

сквы. Сибирские воеводы формально были наделены теми же полномочиями, что и воеводы центральных областей. Но большая удалённость от центра, фактическая бесконтрольность делали их власть почти неограниченной и служили причиной произвола и чудовищных злоупотреблений. Воеводы «стольного города» Сибири – Тобольска занимали особое положение. В их руках сосредоточивалось общее наблюдение за всей Сибирью. Главной задачей Сибирского приказа и воеводского управления в Сибири было обеспечение условий для систематической эксплуатации местного населения.

Покорение Сибири сопровождалось обложением коренных народов ясаком, т.е. данью, взимаемой, в основном, пушниной. Размер ясака обычно устанавливался в количестве одного или нескольких соболей с каждого плательщика. Со временем в некоторых уездах правительство брало ясак «в цену», т.е. из расчёта стоимости разных шкур на определённую сумму по очень преуменьшенной расценке, и частично переходило к взиманию ясака деньгами. Кроме ясака местное население несло и другие повинности, из которых особенно тяжёлой была ямская гоньба. Ясачные люди платили государевы и воеводские поминки (подарки), бывшие вначале добровольным взносом и превратившиеся позднее в обязательные сборы, поступающие в казну.

Путём взимания ясака русское правительство получало ценную пушнину, занимавшую в XVII в. видное место в доходной части государственного бюджета. Заинтересованное в сохранении устойчивого поступления ясачной пушнины правительство принимало меры против уменьшения количества ясачных людей и упадка звероловческих хозяйств. Запрещалось обращать ясачных людей в рабство, применять к ним правёж и пытки. Смертная казнь допускалась лишь с санкции тобольских воевод. Делались попытки помешать обращению ясачных людей в христианство, так как крещёный ясачный человек выходил из ясака и приписывался к русскому населению.

В дальнейшем правительство приступило к организации в Сибири «государевой пашни» силами русских переселенцев. В Сибирь направляли в принудительном порядке «переведенцев», вербовали «охочих» людей (добровольцев), использовали ссыльных. Наиболее эффективной мерой оказался «прибор» в пашню в самой Сибири «охочих» людей, переселявшихся сюда по своей инициативе. Повёрстанным в пашню отводили наделы для ведения своего «собинного» хозяйства, давали ссуду и подмогу для первоначального обзаведения. За право пользования наделом повёрстанный обязывался обрабатывать определённое количество земли «на государя». Из поселенцев образовывались пашенные слободы. Одновременно

часть переселенцев сама занимала земли и обзаводилась хозяйством. Со временем они также попадали в списки государственных крестьян и на них накладывалось десятинное тягло. Среди вольных переселенцев были крупные предприниматели, которые за свой счёт заводили пашню и призывали крестьян. Активную деятельность в этом отношении развили сибирские монастыри.

Сибирское крестьянство в основном выполняло отработанную феодальную ренту. Работа на «государевом» поле велась под присмотром приказчика, вмешивавшегося и в хозяйственную и в личную жизнь крестьянина. Но уже в XVII в. часть сибирского крестьянства стала переводиться на оброк (хлебный или денежный). Помимо обработки «государева» поля или уплаты оброка крестьяне несли ещё ряд повинностей: ямское дело, городское дело и др. Часть сибирских крестьян уже в XVII в. начали приписывать к возникавшим на Урале заводам. Тяжёлое положение крестьян вызывало их побеги на новые места или приводило к открытым выступлениям против воеводской администрации.

К концу XVII в. число крестьянских семей в Сибири достигло 11 тыс. Крестьяне составляли около половины всего русского населения. Но так как земледелием частично занимались и посадские и служилые люди, то русское население в Сибири к концу века уже в большей своей части было земледельческим. К концу века в Сибири образовался ряд земледельческих районов. Особенно крупными из них были Верхотурско-Тобольский и Енисейский. В последней четверти XVII в. Сибирь перешла на самостоятельное хлебоснабжение. Хлеб в значительном количестве поступал уже на рынок, где его скупали торговые люди и перевозили для продажи в районы малохлебные или бесхлебные (М.В. Нечкина).

Продвижение русских отрядов лишь на южных границах Сибири вызвало недовольство правителей Маньчжурии. В течение всего XVII в. русские не смогли занять земли по верхнему течению Иртыша, Оби, Енисея, остановившись на Иртыше несколько южнее города Тары, на Оби – несколько южнее впадения в неё реки Томи, и на Енисее – в районе Красноярска. Серьёзные затруднения испытали они также на Амуре, столкнувшись здесь с маньчжурскими отрядами. В 1685 г. на Амуре развернулись военные действия. Войска тьянцзинской династии, захватившей власть в Китае, осадили русский город на Амуре – Албазин. Блокада Албазина была снята только в связи с начавшимися мирными переговорами между Россией и Китаем. В 1689 г. в Нерчинске был заключён мирный договор, определивший границу между Китаем и Россией по рекам Аргуни и Горбице. Среднее и нижнее течение Амура отходило к Китаю, Албазин был скрыт.

Правительство Китая отказалось от притязаний на побережье Охотского моря. Нерчинский договор, хотя и отвечал русским торговым интересам, открывая возможности торговли с Китаем, однако отторгнул от России уже освоенный русскими переселенцами Албазинский уезд и закрыл выход в море по Амуру.

Контрольные вопросы

1. Назовите основные направления внешней политики российского государства в XVII в. Чем было обусловлено обострение взаимоотношений с Речью Посполитой и Турцией?
2. Выделите основные этапы борьбы России и Речи Посполитой за Смоленск. Каковы ее результаты?
3. Назовите основные мероприятия российского правительства по укреплению южных и восточных границ государства.
4. Каковы результаты русско-турецких войн середины и второй половины XVII в.?
5. Назовите основные этапы освоения Сибири. Какие меры принимались правительством для укрепления своего влияния в этом регионе?

Литература

1. Буганов, В.И. Мир истории: Россия в XVII столетии / В.И. Буганов. – М., 1989.
2. История внешней политики России. Конец XV – XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). – М., 1999.
3. История России с древнейших времен до 1861 г. / отв. ред. Н.И. Павленко. – М., 1996.
4. История России с древнейших времен до 1917 года: учеб. / С.П. Боброва [и др.]. – Иваново: Кафедра отечественной и всемирной истории ИГЭУ//«Хронос – всемирная история в Интернете // <http://www.hronos.km.ru/>»
5. История России с древнейших времен до конца XVII века / отв. ред. А.Н. Сахаров, А.П. Новосельцев. – М., 1996.
6. История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. / под ред. Б.А. Рыбакова. – М., 1983.
7. Каргалов, В.В. Полководцы XVII в. / В.В. Каргалов. – М., 1990.
8. Кириллов, В.В. История России: учеб. пособие / В.В. Кириллов. – М., 2006.
9. Личман, Б.В. История России: для техн. Вузов / Б.В. Личман. – 2-е изд. – Ростов на Дону, 2005.
10. Никитин, П.И. Сибирская эпопея XVII века. Начало освоения Сибири русскими людьми / П.И. Никитин. – М., 1987.
11. Преображенский, А.А. Первые Романовы на Российском престоле / А.А. Преображенский, Л.Е. Морозова, Н.Ф. Демидова. – М., 1999.
12. Санин, Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века / Г.А. Санин. – М., 1987.
13. Хрестоматия по истории СССР (с древнейших времен до 1861 г.): пособие для учителей. – М., 1963.

Тема 17

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА УКРАИНСКОГО НАРОДА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО. ВКЛЮЧЕНИЕ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ

1. Причины войны.
2. Основные этапы национально-освободительной войны 1648 – 1654 гг.
3. Итоги войны.

17.1. Причины войны

К середине XVII в. значительно ухудшилось экономическое, социальное и правовое положение основной массы крестьян всех регионов Украины. Французский военный инженер Гидом де Боплан, проживший на Украине около 20 лет, так описывал условия жизни крестьян Среднего Поднепровья: «Крестьяне там чрезвычайно бедны, так как они принуждены работать в пользу владельца три дня в неделю со своими лошадьми и давать ему сообразно количеству получаемой от него земли много мер хлеба, множество каплунов, кур, гусей и цыплят». Затем Боплан замечает: «Но это ещё менее важно, чем то, что их владельцы пользуются безграничной властью не только над имуществом, но и над жизнью своих подданных... положение их бывает хуже каторжников на галерах». Аналогичную картину положения украинского крестьянства нарисовал украинский летописец Самовидец, отметив, что паны и арендаторы накладывали на крестьян «чинши великие, поволовщины, дуди, осип, мерочки сухие, 3 жернов плату и иное» (В.Г. Голобуцкий).

Сам Альбрехт Станислав Радзивилл, занимая пост канцлера княжества литовского вынужден был признать, что «никто сильнее не угнетает подданных, как наша Польша» (В.Г Федорасова).

Неслучайно крестьяне массами бежали из магнатских и шляхетских имений. О масштабах бегства крестьян в эти годы можно судить, например, по следующим данным: в 1646 г. из коростышевского имения Уханского «для... утяжения и срозе великого здирства одные ганебне суте зубожоные, а другие зас, не могучы длужей таковому подлегат утрапеню, плюс вел минус до петисот человека хлопов тяглых и добре заможистых... проч розейстисе мусели...» («из-за угнетения и непомерного обирательства одни крестьяне бесстыдным образом разорены, другие же, не в силах терпеть

далее такое притеснение, в числе около 500 человек хозяйственных крестьян вынуждены были бежать») (И. Греков).

Нисколько не в лучшем положении находилась и основная масса городского населения. Известно, что большое количество городов и местечек на Украине находилась в собственности крупных магнатских фамилий. Показательны в этой связи цифры, относящиеся к Киевскому и Брацлавскому воеводствам. В 1625 г. из общего числа 323 городов и местечек в обоих воеводствах частновладельческих было 261, т. е. около 81 %, королевских всего 52, т. е. 16 %; остальные 10 городов, т. е. 3 %, принадлежали церкви. В первой половине XVII в. одному Иеремию Вишневецкому, не считая его владений в западной части Украины, принадлежала громадная часть Левобережной Украины. Во владениях Вишневецкого насчитывалось около 40 тыс. крестьянских и мещанских хозяйств. На землях другого польского магната Восточной Украины – князя Доминика Заславского было 80 городов и местечек и 2 760 сёл. Князю Потоцкому только на Левобережной Украине принадлежало целое Нежинское староство, а также город Кременчуг и др. Им не уступали владения Конецпольских, Жолкевских, а также Радзивиллов и Сапег. Владельцы принуждали мещан выполнять бесчисленные натуральные и денежные повинности.

Помимо того, пользуясь беззащитностью городов, магнаты и шляхта безнаказанно притесняли и грабили мещан. Доказательством этого могут служить записки папского нунция Ф. Руггиери: «Далеко не один шляхтич, – замечает он, – допускает самоуправство, чинит насилие не только в сёлах, но и в городах, так как и города им принадлежат, и не найдёшь никого, кто бы мог заступиться за обиженного слабого...» (В.Г. Голомбуцкий).

Многие исследователи указывают и на то, что «что чрезвычайно активная деятельность зажиточных евреев, поддержанных феодалами и властью, стала существенным аспектом социального взрыва. Опираясь на «кагалы» (общинные организации) и «ваады» (сеймы), они на протяжении 20 – 40-х годов захватили в свои руки торговлю, ростовщические операции, арендовали имения, староствы и мельницы» (В.Г. Федорасова). На фоне общей нищеты это вызывало недовольство и озлобление «бедной и обездоленной украинской массы» и служило дополнительным катализатором социальной напряженности.

От произвола магнатов и шляхты страдали не только крестьяне и городское население, но и казачество. Напомним, что Куруковское соглашение, подписанное 5 октября 1625 г. С. Конецпольским и гетманом реестровцев М. Дорошенко, Переяславское от 8 июня 1630 г. сохранили принцип казачьего самоуправления и реестра в 6 и 8 тысяч казаков соответст-

венно. Однако утвержденная на сейме в марте 1638 года «Ординация войска Запорожского», навязанная казакам после поражения восстания Я. Остряницы и К. Скидана, резко ухудшила положение казачества. Упразднили многие привилегии, анулировалось казачье судопроизводство, выборы старшин, вместо гетмана назначался комиссар из состава польской шляхты или иноземцев на королевской службе, все полковники, кроме двух, являлись поляками.

Реестровые казаки могли жить только в пограничных населенных пунктах, их обязали разгонять на Сечи самовольные собрания. Реестр был уменьшен до 6 тысяч, причем всех «выписчиков» обязали вернуться на прежнее место жительства. Польские власти восстановили разрушенную гетманом И. Сулимой в августе 1635 году крепость Кодак, гарнизон которой не пропускал на Запорожье беглецов ни по Днепру, ни сушей. На Сечи постоянно несли боевое дежурство два полка реестровых казаков (В.И. Семенешко).

В середине 40-х годов положение реестровых казаков резко ухудшилось вследствие злоупотреблений со стороны державцев, панов и арендаторов-евреев. Особенно недовольными были казаки-«выписчики», бывшие реестровцы, обращенные в крепостных крестьян и слуг. «Уже на протяжении нескольких лет паны, державцы и старосты на потеху себе нестерпимо обижают нас и унижают, отбирая у нас имущество, посягают на наши хутора, луга, нивы, сенокосы, поля, мельницы и пасеки» – читаем в одном из многочисленных обращений казаков к королевской власти.

К этому следует добавить, что в 1638 – 1648 гг. на Украине с особенной силой бушевала феодальная анархия. От бесконечных столкновений магнатских и шляхетских родов страдали и представители самого шляхетского сословия. Обычным явлением стали так называемые «наезды», проще сказать грабежи, соседних шляхетских имений и владений, в ходе которых, опять таки, чаще всего страдали простые люди. Для «наездников» ничего не стоило убить или искалечить крепостного крестьянина и жителя местечка.

В 1646 г., например, во время шляхетского «наезда» на имение Яна Новосельского «подданому (крепостному) межирицкому Никона Шваба, сеном обовезавши, огне запалили, побили и змордовали; Бориса Короля, за шию увязавши, тыранским способом, до коня в окгона (к хвосту) привезавши, по полю волочили, обухами збили; Ивана Глинку, которого збивши, руку обтели (отсекли), аж мало не упала; Форся Немирича поранили и инших немало побили».

Не менее показательным является «наезд» в 1645 г. князя Иеремии Вишневецкого на местечко Межиричи и село Воробьёвку, которые арен-

довал шляхтич Якуб Кашевский. В «наезде» приняло участие 5 тыс. человек. При этом было разграблено имущество не только Кашевского, но и крестьян и работных людей. Местечко и село были захвачены «вельможным» князем.

Магнаты, подобно Вишневецкому содержали целые вооружённые банды. Главарём одной из таких банд в 30 – 40-х годах XVII в. был шляхтич Самуил Лащ, приобретший громкую известность в Речи Посполитой. Услугами банды Лаща пользовался магнат Конецпольский. Приговорённый шляхетскими судами 236 раз к баниции (изгнание) и 37 раз к инфамии (лишение чести), Лащ тем не менее благодаря покровительству Конецпольских оставался безнаказанным. Демонстрируя презрение магнатов к королевской власти и к законам Речи Посполитой, Лащ явился к королевскому двору в шубе, подшитой осуждавшими его судебными приговорами (В.Г. Голобуцкий).

Социально-экономический гнёт на Украине усиливался национальным угнетением и религиозными преследованиями. Проводя политику насильственного ополячивания украинского народа, польские правящие круги изгоняли украинский язык из употребления в официальных учреждениях, грубо попирали местные особенности в области права и обычаев, насаждая вместо них польское право и обычаи, подвергали унижению и поруганию украинскую национальную культуру. Религиозные преследования, как отмечалось выше, особенно усилились с конца XVI в., после Брестской унии 1596 г. Уния была воспринята большинством жителей Украины как новое огромное притеснение, как дальнейшее наступление на их права. Это объединило всех недовольных в борьбе против польских порядков.

Подавив три казацких восстания 30-х годов и обеспечив себе с 1638 г. «десятилетие золотого покоя», магнатско-шляхетское сословие рассчитывало на долгий период «мирного освоения» Украины, усиливало давление на казаков, крестьян, горожан, духовенство и не видело необходимости что-либо менять в сложившейся «стабильной ситуации». Сейм 1647 г. в очередной раз подтвердил прежние обещания успокоения православных и назначил комиссию для разрешения споров и гарантировал право патроната землевладельцам.

Меж тем Украина в это время напоминала пороховую бочку, для общего взрыва недоставало только искры, которая и проскочила в виде «дела» Чигиринского сотника Б.М. Хмельницкого (В.Г. Федорасова).

Богдан (Зиновий) Михайлович Хмельницкий

Восстание возглавил Богдан (Зиновий) Хмельницкий. Он родился в 1595 г. в семье мелкого украинского шляхтича, состоявшего на службе у

польского магната. В награду за службу Михайло Хмельницкий получил хутор Суботов.

Своего сына он отправил учиться в Ярослав, в иезуитский коллегийум, где Богдан получил неплохое классическое образование, овладел польским языком и латынью.

В 1620 г. в битве под Цецорой отец Богдана погиб, сам он попал в турецкий плен и два года пробыл в Стамбуле, затем вернулся в Суботов и записался в реестровое войско. Вместе с реестровцами ходил в походы против татар, был свидетелем казацко-крестьянских восстаний 30-х годов XVII в., но оставался к ним безучастным. После 1638 г. сделал быструю карьеру писаря Запорожского войска. В 1646 г. в составе казацкого посольства ездил в Варшаву к Владиславу IV, с требованием улучшить положение реестрового войска.

Во время его поездки сосед Б. Хмельницкого польский шляхтич Даниель Чаплинский решил присвоить его родовое имение. Он напал на Суботов, сжег мельницу и гумно, захватил пасеку и дом, до смерти засек десятилетнего сына и похитил женщину, на которой овдовевший Богдан собирался жениться.

Б. Хмельницкий обратился к Чигиринскому старосте с жалобой, но тот посоветовал подать жалобу в суд. Б. Хмельницкий представил в суд письменное свидетельство на владение суботовским поместьем, однако судьи посоветовали ему подать просьбу в сейм. На разбирательство ушел целый год.

По возвращении из Варшавы казаки поинтересовались, чем закончилось дело их писаря. «Нет справедливости в Польше, вместо должного рассмотрения дела, меня на сейме осмеяли. Проезжая по Украине, везде я видел притеснения, тиранства, все готовы взять оружие, все обещают стать с нами заодно. Призывайте казаков и всех земляков наших, я буду вашим предводителем. Надеюсь, что все казаки, где бы они не были, пристанут к нам».

Чигиринскому старосте Конецпольскому донесли о планах Б. Хмельницкого, и он приказал его казнить, но не успел.

Потеряв дом и имущество, в январе 1648 г. вместе со своим сыном Тимофеем и отрядом в «пол третьяста человек» Б. Хмельницкий бежал в Запорожье. «Смотрите на меня, писаря Войска Запорожского, старого казака, я уже ожидал отставки и покоя, а меня гонят, преследуют только потому, что так хочется тиранам, сына у меня варварски убили, жену посрамили, достояние отняли, лишили даже походного коня, и, напоследок, осудили на смерть». Реестровые казаки Корсуньского полка впустили

Б. Хмельницкого и его сторонников на территорию Запорожской Сечи. Попытка Черкасского и Чигиринского полков «выбить мятежников» в начале февраля окончилась неудачей. После этого запорожцы избрали Б. Хмельницкого гетманом, поддержав курс на восстание против польской шляхты с целью восстановления казачьих прав и привилегий, усиления королевской власти.

Хорошо зная силу польской кавалерии и учитывая наличие в своем распоряжении преимущественно казачьей пехоты, Б. Хмельницкий посылает в Бахчисарай К. Бурляя и Я. Клышу с задачей – добиться военной поддержки в борьбе со шляхтой Речи Посполитой со стороны Крымского ханства, имевшего многочисленную, хотя и недостаточно оснащенную конницу. Напомним, что военно-политическое сотрудничество казачества с татарами имело место и ранее. Так, в 1624 г. запорожцы помогли Магомет-Гирею III и его брату Шагин-Гирею разбить турецкие войска, а при освобождении хана из осады в Бахчисарае весной 1628 г. погиб гетман М. Дорошенко.

Предложение Б. Хмельницкого для Ислам-Гирея оказалось кстати: четыре года Речь Посполитая не уплачивала ханству традиционную дань. Кроме того, еще с 1618 г. польское руководство разрабатывало планы изоляции и разгрома Крымского ханства, вело переговоры и Россией о совместной борьбе против татар (царь уплачивал дань Крыму до 1682 г.).

Уже в середине апреля 1648 года татарские отряды отогнали от Запорожья польские сторожевые хоругви, взяв под защиту земли между Сечью и Белой Церковью.

Когда Б. Хмельницкий обратился к населению Украины с призывом поддержать борьбу с польской шляхтой, нарушающей веления короля, он обещал «предоставить всем участникам движения казачий статус. Именно тогда и развернулась жестокая крестьянская война под лозунгом «змішати ворожу кров у полі з жовтим піском».

17.2. Основные этапы национально-освободительной войны 1648 – 1654 гг.*

Правительство Речи Посполитой, чтобы пресечь бунт в зародыше, двинуло на юг мощную армию. В свою очередь, Б. Хмельницкий вместе с татарским войском обошел крепость Кодак, где находился польский гарнизон, пошел по направлению к устью Тясмина, где остановился у протоки

* Материал лекции с изменениями и дополнениями взят из книги: Федорасова, В.Г. История Украины с древнейших времен до середины XVIII в.: практикум / В.Г. Федорасова. – Минск, 2006. – С. 26 – 35.

Желтые Воды. Именно здесь 6 мая 1648 г. и произошло первое открытое сражение, в ходе которого отряд Стефана Потоцкого – сына коронного гетмана был наголову разбит казаками. Эта победа, по мнению большинства историков, сыграла огромную роль в развёртывании освободительной войны (табл. 17.1).

Таблица 17.1

Этапы	События
Первый (1648 – 1649)	<p>Народы, проживавшие на входивших ранее в Древнерусское государство территориях, испытывали в Речи Посполитой социальное, национальное и религиозное угнетение.</p> <p>В 1648 г. Казаки во главе с Б. Хмельницким начали освободительную борьбу с Польшей, в которой принимали участие украинские и белорусские крестьяне. В 1648 г. Они одержали ряд побед (под Корсунем, Пилявцами) и заняли Киев.</p> <p>Итог этапа – заключение в августе 1649 г. Зборовского мирного договора с Польшей, согласно которому казаки получали самостоятельное государственное управление во главе с гетманом Б. Хмельницким в Киевском, Черниговском и Вроцлавском воеводствах</p>
Второй (1650 – 1651)	<p>Заклученный мир оказался непрочным, и военные действия возобновились. Казаки Б. Хмельницкого потерпели в июне 1651 г. Тяжелое поражение под Брестечком и были вынуждены заключить в декабре 1651 г. Новый мирный договор в белой Церкви, согласно которому власть гетмана сохранялась только в Киеве</p>
Третий (1653 – 1654)	<p>Б. Хмельницкий понимал, что казакам самостоятельно не справиться с Польшей, и обратился к России с просьбой принять Украину в свой состав.</p> <p>1 октября 1653 г. Земский собор принял решение о включении Украины в состав России и объявлении войны Польше.</p> <p>8 января 1654 г. в городе Переяславле совет (рада), на котором собрались выборные представители от всех сословий украинского населения, единодушно высказался за воссоединение Украины и России</p>

Мартин Калиновский и Николай Потоцкий, командующие польской армией, были крайне обескуражены гибелью своего авангарда. Сами они с основными силами находились недалеко от Желтых Вод, под Корсунем.

15 мая 1648 г. казаки подошли к польскому лагерю. Б. Хмельницкий послал туда умного и расторопного казака Никиту Гапагана, с тем чтобы тот дал неверные сведения о численности казацкого войска и их планах. Таким образом, гетман рассчитывал заставить поляков сменить диспозицию и выйти на открытое пространство. Расчет оказался верным. После многочисленных дебатов между командующими был отдан приказ и поляки начали отступать по пересеченной местности, где их ждала казацкая засада. В ру-

ках Б. Хмельницкого и Тугай-бея оказались оба польских командующих, 80 знатных вельмож, 127 офицеров, 8520 солдат и 41 пушка. Отмечая важность помощи повстанцам со стороны ногайской орды Тугай-Бея, гетман говорил на совместном украинско-татарском параде в Белой Церкви: «Тугай-бей близько мене єсть, мій брат, моя душа, єдиний сокіл на світі, осотувий все учинити, що я захочу». (Не имея средств уплатить крымчакам за оказанную помощь, Б. Хмельницкий нередко вынужден был разрешать им брать ясырь западнее Белой Церкви, в частности, в июне 1648 г. татары имели право пленять население в течение недели) (В.И. Семенешко).

В Запорожье вместе с известием о победе под Желтыми Водами и Корсунем были посланы щедрые подарки: 13 возов, наполненных сокровищами, 1000 талеров запорожцам на пиво и 300 – на содержание церкви.

Слухи о победе казаков разнеслись по всей Украине. Сначала на правом, а затем и на левом берегу Днепра казаки, крестьяне и горожане стали снаряжать полки на помощь гетману.

«Литопис Самовидця» рисует страшную картину тех событий. «Где нашлась шляхта, замковые слуги, евреи и местные управители - всех убивали, не щадя ни жен их, ни детей, грабили имущество, костелы поджигали, ксендзов убивали, дворы еврейские грабили». За несколько месяцев почти вся польская шляхта, ксендзы и чиновники были уничтожены или изгнаны (прил. 10).

Всюду появились народные ватажки – из прежних воинов, мелкой шляхты, даже из духовенства. Они создавали казацкие загоны (отряды). На Северщине выделился шляхтич Петр Головацкий, под его руководством повстанцы заняли Чернигов, Стародуб и Гомель. На Умани действовал Ганжа, на Брацлавщине – Трифон, там в руки повстанцев попали все крупные замки: Немиров, Тульчин, Винница, Брацлав, Полонье. Вся шляхта убежала на запад, большое количество евреев было уничтожено, повстанцы захватили много оружия и всякой добычи.

Поляки при малейшей возможности отвечали на резню резней. Особенно яростным сторонником тактики шляхетского террора был Иеремия Вишневецкий. Он мобилизовал собственное шеститысячное войско и, отступая на запад, вводил с собою шляхтичей и ксендзов. Там, где проходили отряды Вишневецкого, оставалась выжженная земля, усеянная трупами казаков, крестьян, их жен и детей.

Сам же Б. Хмельницкий был не против дипломатического примирения с поляками на выгодных условиях. Еще в середине июня 1648 г. он отправил депутацию в Варшаву из четырех старшин – Вешняка, Мозыря, Богдарбута и писаря Петрашенка. Посланцы получили инструкцию сообщить

сейму изложение оскорблений из 14 пунктов, которые терпят казаки в Украине. Ответа не последовало.

Все лето Б. Хмельницкий простоял под Белой Церковью, куда приходили тысячи крестьян и просили записать их в казаки. Под рукой гетмана толпы бунтовщиков были преобразованы в дисциплинированную, хорошо организованную армию. Стержень ее составляли 16 испытанных в битвах полков, преданных своему гетману и полковникам – Филону Джеджалию, Максиму Нестеренко, Ивану Гире и др. Летом 1648 г. полковничьи булавы получили Данило Нечай, Иван Богун, Михайло Кричевский, Мартин Небаба и Василий Золотаренко. Большим вспомогательным отрядом легкой кавалерии командовал Максим Кривонос – один из самых популярных вожаков повстанцев, заклятый враг Вишневецкого. К концу лета число повстанцев колебалось между 80 и 100 тысячами, притом, что лишь 40 тысяч составляли регулярные казацкие полки.

Весной и летом 1648 г. восстание охватило и юго-восточную Беларусь. Там действовали отряды Головацкого, Небабы, Хвеськи, Кривошапки, Гаркуши. Жители Лоева, Братина и Гомеля сами отворили ворота повстанцам.

К осени 1648 г. польское правительство сумело мобилизовать 32-тысячное войско шляхтичей. Кроме этого они наняли 8 тысяч немцев. Во главе польской армии стояли три магната: изнеженный сибарит Доминик Заславский, образованный латинист Николай Остророг и 19-летний Александр Конецпольский – «перина, латина и детина», как не преминул съязвить украинский гетман. 23 сентября 1648 г. воюющие армии встретились под Пилявцами (Пилявка – маленькая речка), где 20 – 22 сентября произошла битва. В разгар боя польские командующие обратились в бегство. По известиям современников казакам досталось 120 возов всякого добра, 80 орудий, 10 миллионов польских злотых и всякие драгоценности: сабли, сукна, персидские шали, бархатные шубы и т.д.

Победа под Пилявцами открыла Б. Хмельницкому путь на запад. В начале октября казацкая армия осадила Львов, и, могла довольно легко овладеть им, но Хмельницкий предпочел взять с него выкуп. Город подарил Хмельницкому богатой одежды и сбруи на 20 тысяч злотых, все полковники, есаулы и казацкие атаманы получили в подарок по несколько сот талеров и разных вещей. Во Львове остался двоюродный брат Богдана Захарий Хмельницкий и 24 октября, дав прощальный салют, казаки отступили от города.

В ноябре 1648 г. казаки подошли к Замостью, которая считалась одной из сильнейших крепостей в Речи Посполитой. Магнаты, собравшиеся в

Замостье, ненавидели королевича Яна Казимира и хотели посадить на трон его старшего брата Карла. Б. Хмельницкий держал крепость в осаде, пока не услышал об избрании Яна Казимира.

Для историков до сих пор остается загадкой, почему, освободив всю территорию Украины, Б. Хмельницкий не создал независимое государство? Некоторые предполагают, что он надеялся приспособить политическую систему Речи Посполитой к нуждам казачества.

В начале января 1649 г. гетман во главе победоносной армии возвратился в Киев. Православное духовенство провозгласило его «новым Моисеем, спасшим свой народ от польского гнета».

Однако планам Б. Хмельницкого не суждено было сбыться. Этому мешали внутренние и внешние обстоятельства. Речь Посполитая еще не была разгромлена, магнаты прилагали все усилия, чтобы продолжать войну, а союз с Крымским ханством был непрочным, кроме этого нарастали противоречия между крестьянством и казацкой старшиной.

Весной 1649 г. война разгорелась снова. Со стороны Волыни началось наступление, 25-тысячное войско вел сам Ян Казимир. Они перешли реку Случь, по которой проходила демаркационная линия, и начали громить пограничные украинские земли. Одновременно литовские магнаты двинулись напрямик на Киев. Хмельницкий выслал им навстречу полковника Михаила Кричевского, который погиб в бою под Лоевом, но остановил литовские войска. Сам гетман двинулся на Волынь и загнал поляков под Збараж, а затем развернул свои полки навстречу Яну Казимиру под Зборов. Польские войска пробовали пробиться через казацкую блокаду, но она каждый день сжималась все сильнее. Когда победа, казалось, была близка, Ислам-Гирей потребовал, чтобы Б. Хмельницкий вступил с польским королем в переговоры. И 18 августа 1649 г. был подписан Зборовский мир. Согласно ему число реестровых казаков было доведено до 40 тысяч. Польской армии и евреям запрещалось пребывание в пределах Киевщины, Брацлавщины и Черниговщины. Все административные должности в этом крае могли занимать лишь представители казацкой старшины и православной шляхты. Дело унии должны были решить на предстоящем сейме, киевский митрополит должен был стать депутатом сейма, иезуиты не имели права создавать свои школы. За все военные провинности провозглашалась амнистия, а шляхте, принимавшей участие в казацких восстаниях, возвращалось имущество.

Между тем условия Зборовского соглашения никто не собирался выполнять: поляки были уверены, что уступили очень много, а казаки убеждены, что получили слишком мало. Зборовский мир высветил внутренние

и внешние противоречия. Интересы крестьянства, активных участников войны были фактически проигнорированы, выявился конфликт между казацкой старшиной и чернью.

Не был прочным и союз с крымскими татарами. Пока гетман надеялся, что татары удовольствуются пленными поляками, они угоняли на невольничьи рынки всех, кто попадался им под руку, в том числе тысячи украинских крестьян. К слову сказать, используя Б. Хмельницкого для ослабления Польши, Ислам-Гирей надеялся приобщить казаков к своим набегам на Россию.

В 1650 г. Б. Хмельницкий занялся молдавскими делами. Молдова имела важное значение для Украины как торговый путь в Турцию. Прочными были и культурные связи, молдавские господа посылали средства на строительство православной церкви во Львове, брали издания Львовской братской типографии. Тогдашний господарь Василий Лупул в своей политике лавировал между Турцией и Польшей. Чтобы получить влияние на Молдову, Б. Хмельницкий неожиданно направил туда 70-тысячное войско, молниеносным походом захватил Лупула, который подписал мир и согласился отдать свою дочь Розанду в жены старшему сыну гетмана Тимофею.

Кроме Молдовы гетман выбрал путь тесного союза с Турцией. После обмена посольствами с обеих сторон в 1651 г. отдельной грамотой султан заявил о готовности принять протекторат над Запорожским Войском. Союз с Турцией мог дать Украине сильнейшее положение против Речи Посполитой, которая вряд ли осмелилась бы вести войны с турецким вассалом, а также против Крымского ханства, вассала Турции. Вместе с тем была надежда развернуть широкую торговлю в балканских государствах и на Черном море.

Второй этап войны

Однако еще не закончились переговоры с Турцией, как начался новый этап освободительной войны. Польская армия и казаки сошлись для решающей битвы на Волыни, возле Берестечка (сейчас Ривненская область). По масштабам того времени эти армии были поистине огромны: 150 тысяч с польской стороны (включая 20 тысяч немецких наемников) и 100 тысяч с украинской плюс 50 тысяч татарской конницы (больше, чем при Бородино в 1812-м). Почти двухнедельная битва началась 18 июня. В самый разгар битвы татары не только покинули поле боя, но и забрали с собой Б. Хмельницкого, не позволив ему вернуться в войско. Казачьи полки и крестьянские отряды, лишившись гетмана, стали действовать несогласованно. Битва была проиграна. При отступлении и арьергардных боях

под Берестечком украинские полки под командованием полковника Ф. Дзеджалия понесли тяжелые потери – до 30 – 40 тысяч убитыми, ранеными, пленными.

В это время литовские войска во главе с гетманом Я. Радзивиллом заняли Киев. Ян Казимир предложил Б. Хмельницкому переговоры, которые вскоре и начались под Белой Церковью.

28 сентября 1651 г. был подписан Белоцерковский мир (после 2 июля 1652 года не соблюдался). Согласно ему, казацкий реестр сокращался до 20 тысяч, власть гетмана ограничивалась только Киевским воеводством, и ему запрещалось вступать в какие-либо внешние сношения, особенно с татарами. Договор, однако, не был ратифицирован сеймом, что дало возможность Б. Хмельницкому нарушать его положения. Противников мира в казачьем лагере, совершивших нападение на польских дипломатов, гетман наказал достаточно жестоко – около ста из них были казнены.

Польская шляхта стала возвращаться в Украину в обозе королевской армии, а крестьяне и казаки (за исключением немногочисленных реестровых) должны были вернуться в прежние имения. Чтобы избежать крепостного гнета, они тысячами уходили за границы Речи Посполитой в Россию, где их не только принимали, но и позволяли жить вольными казацкими слободами. Эти прежде малонаселенные земли так и стали называть - Слободской Украиной.

Белоцерковский мир был также непрочным. На тайной встрече казацкой старшины в гетманской ставке в Чигирине было решено опять собирать армию и вести ее на поляков.

Б. Хмельницкий, мстя за неудачу под Берестечком, 1 мая 1652 г. неожиданно атаковал 20-тысячную польскую армию, расположившуюся на Подоле под Батогом, близ молдавской границы. Пленных не брали, в бою погиб польный гетман Мартин Калиновский. Как только распространилась весть о победе, восстание вспыхнуло против шляхты с новой силой, и вскоре казаки заняли всю ту территорию, что была им подвластна до Берестечка, то есть до реки Случь.

Со второй половины 1652 до половины 1653 гг. воюющие армии изматывали друг друга в бесконечных стычках, не в силах нанести решающий удар.

В 1652 г. Б. Хмельницкий еще раз поехал в Молдавию, где женил своего сына на дочери Лупула, но вскоре Тимофей был ранен в бою и умер от ран.

В 1653 г. под Жванцем Ян Казимир подписал мир с Ислам-Гиреем, согласно которому татары могли брать ясырь с казацкой территории. Со-

гласие между Речью Посполитой и Крымом, при пассивности Турции, поставило Украину в очень сложное положение и вынудило гетмана искать опоры в иной стороне, обратив все внимание на Россию.

17.3. Итоги войны

С самого начала национально-освободительной войны Б. Хмельницкий неоднократно обращался к царю Алексею Михайловичу за помощью «во имя общей православной веры». Но Москва отвечала уклончиво и с чрезвычайной осторожностью: слишком свежа была еще память о страшных потерях России в войнах с Речью Посполитой. Однако летом 1653 г. Б. Хмельницкий пригрозил, что отдаст предпочтение «турецкому варианту», т.е. станет вассалом Оттоманской Порты на тех же условиях, на которых были Крым, Молдавия и Валахия.

Алексей Михайлович не стал решать вопрос о помощи Украине сам, а созвал Земский собор, который в октябре 1653 г. принял решение: «во имя православной веры и святой церкви Божьей надобно принять украинцев под свою высокую руку». Там же, на соборе, было составлено посольство во главе с видным дипломатом, боярином Василием Бутурлиным.

В самом конце декабря 1653 г. московское посольство было принято в Переяславле гетманом, его полковниками и генеральной канцелярией Войска Запорожского. 18 января 1654 г. Б. Хмельницкий созвал Раду казацкой старшины, на которой и было принято окончательное решение. В тот же день на городской площади при большом стечении народа гетман предложил украинскому народу выбрать законного государя. Он назвал всех четырех возможных кандидатов: польского короля, крымского хана, турецкого султана и московского царя. Народ на площади горячо поддержал гетмана, искренне радуясь тому, что выбор пал на православного правителя.

В городской церкви нужно было скрепить решение взаимной присягой на верность. Украинцы присягнули и надеялись, что делегация от имени царя сделает то же (как это делал польский король). Но В. Бутурлин отказался, объяснив, что в отличие от польского короля, русский самодержец своим подданным не присягает. Тогда Б. Хмельницкий в гневе покинул церковь и пригрозил аннулировать договор. Однако В. Бутурлин упорно стоял на своем. Гетман, скрепя сердце, подписал договор, по которому Левобережная Украина переходила под власть Москвы. После этого в 117 городов Левобережной Украины были посланы царские чиновники, где 127 тысяч человек принесли присягу царю Алексею Михайловичу и его наследникам.

Историками сущность Переяславской Рады оценивается по-разному: как личная уния гетмана и царя, отношения типа «сюзерен – вассал», военно-политический союз, начало процесса присоединения Украины к России и т.д. Разработанная в начале 50-х гг. XX в. идеологически ангажированная формула «воссоединение Украины с Россией» в настоящее время подвергается серьезной критике (В.И. Семенешко).

В марте 1654 г. гетманское посольство во главе с генеральным судьей С. Богдановичем (Зарудным) и переяславским полковником П. Тетерей доставили в Москву на утверждение царя «Просительные статьи» из 23 пунктов, а также пять документов о привилегиях казачества, данных ранее королями Речи Посполитой. Не получив согласия на одобрение всех просительных пунктов, послы гетмана 21 марта подали Алексею Михайловичу общий документ из 11 статей (так называемые «мартовские статьи»). На этот раз возражений не последовало. В целом текст письменного соглашения был продуман недостаточно хорошо, допускал двоякие толкования, выглядел составленным на неопределенное время. Не была классифицирована форма подданства Войска Запорожского (фактически Левобережной Украины) царю, подчиненность православной церкви или ее независимость от Московского патриархата.

В.И. Семенешко и Л.А. Радченко отмечают, что с точки зрения формального права, подконтрольная гетману территория «сохраняла широкую автономию в управлении, системе экономических отношений, судопроизводстве, в собирании налогов и пошлин, прав всех сословий, имела 60-тысячный казачий реестр. В свою очередь, царь получил право держать в Киеве 15-тысячный гарнизон во главе с воеводой (город в связи с этим на 10 лет освобождался от уплаты налогов), контролировать связи гетмана с Польшей и Турцией (Б. Хмельницкий нередко пытался избежать этого), не платить жалованье казацкому войску. Стороны по-разному понимали договор и перспективы дальнейших взаимоотношений. Не случайно в сентябре 1655 г. в титуле царя появились выражения «великий князь Литовский, Белой Руси, Волынский и Подольский», а мещане Переяслава еще в апреле 1654 г. просили именно Алексея Михайловича снизить налог на производимое жителями пиво».

Союз Украины с Москвою основывался на трезвых, реальных соображениях украинской политики. Это означало полный разрыв Украины с Речью Посполитой. Крымский хан видел в союзе смертельную угрозу для себя и полностью перешел на польскую сторону. Ценнейшей в союзе была военная помощь Украине, которую обещал московский царь.

Как считают некоторые современные украинские историки, главным итогом 1648 – 1657 гг. явилось «создание автономной по статусу Украинской полудержавы с территорией, рубежами, населением, органами власти, вооруженными силами, правовыми нормами, признанием ее рядом близлежащих стран де-факто. Наметился процесс экономической интеграции украинских земель, произошло продвижение общества по пути протокапиталистического развития». Однако такое развитие событий не устраивало ни Польшу, ни Россию, ни Турцию в блоке с Крымским ханством, «поэтому они сделали все, чтобы торпедировать благоприятный для украинской государственности исход» (В.И. Семенешко).

Следствием национально-освободительной войны украинского народа, как уже отмечалось выше, стала война России с Речью Посполитой 1654 – 1667 гг., которая закончилась подписанием Андрусовского перемирия 1667 г. Польское правительство признало суверенитет России над Левобережьем, а московский царь дал свое добро на возвращение Правобережья под власть Польши. Вопрос о Киеве решался таким образом: еще на два года город оставался под властью России, а после этого должен быть возвращен Польше. Этот пункт договора Россия так никогда и не выполнила. Земли Запорожья по Андрусовскому договору переходили под совместный протекторат России и Польши и должны были служить буфером против татарских набегов.

Контрольные вопросы

1. Что привело к национально-освободительной войне украинского народа в середине XVII в.?
2. Какие факторы предопределили массовый приток крестьян и казаков в войско Б. Хмельницкого?
3. Какие основные события связаны с первым этапом войны?
4. Каковы условия Зборовского мира?
5. Назовите важнейшие события второго этапа войны. Чем можно объяснить успехи и поражения восставших в этот период?
6. Каковы были условия Белоцерковского мира? Сравните их с условиями Зборовского соглашения.
7. Каковы основные положения содержали «Просительные статьи»? Почему правительство Алексея Михайловича не пошло на их утверждения, ограничившись «Мартовскими статьями»?
8. Каковы итоги войны? Почему современными историками они оцениваются неоднозначно?

Литература

1. Бойко, О. Історія України / О. Бойко. – Київ, 2007.
2. Голобуцкий, В.А. Запорожское казачество / В.А. Голобуцкий. – Київ, 1957.

3. Голобуцкий, В.А. Освободительная война украинского народа под руководством Хмельницкого (1648 – 1654 гг.) / В.А. Голобуцкий. – М., 1954.
4. Гордеев, А.А. История казачества / А.А. Гордеев. – М., 2006.
5. Греков, И. Воссоединение Украины с Россией в 1954 г. / И. Греков, В. Королук, И. Миллер. – М., 1954.
6. Грушевский, М.С. Иллюстрированная история Украины / М.С. Грушевский. – Донецк, 2002.
7. Дорошенко, Д. Історія України / Д. Дорошенко. – Київ, 1993.
8. Землинский, В.А. Богдан Хмельницкий / В.А. Землинский. – М., 1989.
9. Костомаров, Н.И. Б. Хмельницкий / Н.И. Костомаров. – М., 1994.
10. Конончук, І.М. Історія України від стародавніх часів до помаранчевої революції / І.М. Конончук. – Ніжин, 2005.
11. Семенешко, В.И. История Украины с древнейших времен до наших дней / В.И. Семенешко, Л.А. Радченко. – 2-е изд., испр. и доп. – Харьков, 1999.
12. Федорасова, В.Г. История Украины с древнейших времен до середины XVIII в.: практикум / В.Г. Федорасова. – Минск, 2006.
13. Шумов, С.А. История Запорожской Сечи: сб. / С.А. Шумов. – Киев; М., 2003.
14. Яворницкий, Д.И. История запорожских казаков: в 3 т. / Д.И. Яворницкий. – Т. 2. – К., 1990. – // <http://www.tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/JA/JavornitskijDI/izk2>.

Тема 18

КУЛЬТУРА РОССИИ в XVII в.

1. Основные тенденции развития русской культуры XVII в.
2. Просвещение и литература.
3. Архитектура и живопись.

18.1. Основные тенденции развития русской культуры XVII в.

В истории русской культуры, как и в истории России в целом, XVII столетие завершает период средневековья, и примерно со второй половины XVII в. начинается новый период. Во всех сферах общественной жизни происходят заметные изменения. XVII в. – это начальный период формирования новых культурных традиций в различных сферах духовной жизни общества (схема 18.1).

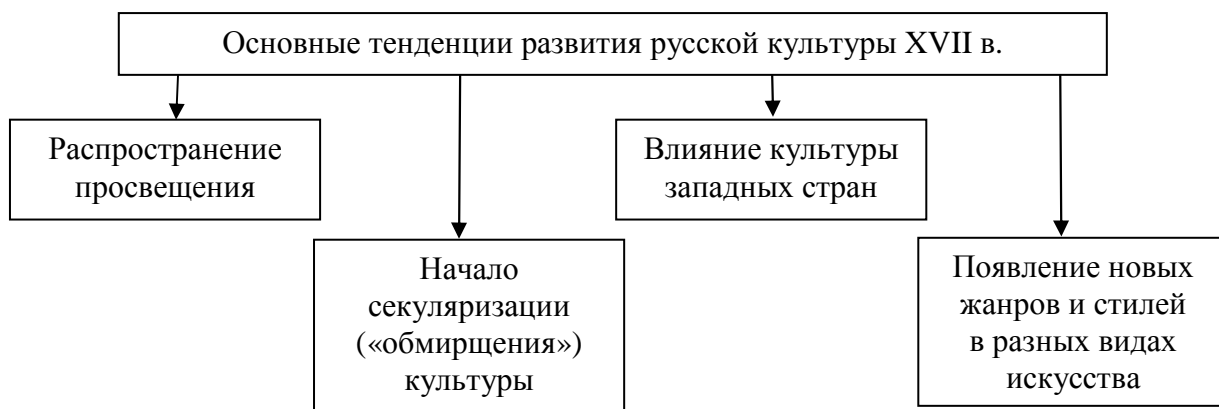

Схема 18.1

Изменения в общественной жизни предопределили основное направление развития культуры и ее особенности. Главное, что характеризовало содержание культурно-исторического процесса в XVII в., – это начавшееся разрушение традиционного средневекового мировоззрения, религиозного по своей сути. По мнению многих специалистов именно «борьба светского и религиозного направлений и составляла основное содержание развития русской культуры XVII в.» (С.В. Филимонова). Шел процесс «обмирщения» культуры, т.е. придания ей светского характера.

Это было связано с ростом демократических тенденций в русской культуре. Церковь теряла ведущую роль в производстве и распространении идей и культурных ценностей, в этот процесс все шире включались «миряне», представители других слоев населения «недуховного звания».

Именно в этой среде формировались новые идеалы и представления, моральные и эстетические нормы и вкусы, вступающие в противоречие с аскетическими канонами, утверждавшимися церковью. Крепло представление о самоценности земной жизни с ее радостями и невзгодами, возрастало внимание к самому человеку, к его роли в событиях и в определении собственной судьбы, осознавалось значение его активной деятельности. Особенно сильно это проявилось в литературе, живописи, в произведениях исторической и общественной мысли. В различных видах искусства возникли совершенно новые жанры и стили.

Государственные потребности, общенациональные интересы, все более осознаваемая необходимость преодоления экономической и культурной отсталости России настоятельно требовали использования достижений европейских стран.

С ростом международных политических и экономических связей России ширились и ее культурные контакты. Увеличивался приток иностранцев в Россию: купцов, специалистов в различных отраслях производства, поступавших на государственную службу. Слободы торговых и служилых иностранцев существовали в Москве (более 1000 человек в середине века), в Вологде, Нижнем Новгороде, Астрахани, Архангельске, Холмогорах, Туле. Пленных иностранцев правительство расселяло большими партиями во внутренних городах страны вплоть до Сибири. Все более тесным становилось общение русских людей с иностранцами, активизировались культурные связи со странами Западной Европы.

18.2. Просвещение и литература

Важным показателем и одновременно условием развития культуры было распространение грамотности и просвещения. Этот процесс стимулировался развитием городской жизни, оживлением торговой и промышленной деятельности, появлением первых мануфактур, расширением и усложнением системы государственного аппарата, ростом связей с зарубежными странами. Особенно вырос уровень грамотности посадского населения. В Москве в 80-е годы XVII в. 24 % посадских людей (взрослого мужского населения) были грамотными. Для посадского человека овладение грамотой было необходимо не только для занятий торговлей и ремеслом, оно открывало возможность поступления на службу в какой-нибудь приказ или воеводскую канцелярию и, таким образом, выход из тягла. Только в московских приказах к концу века служило более 1600 дьяков и подьячих. Кроме того, в городах были и «площадные» подьячие, которые «кормились площадным письмом», т.е. составлением разного рода юридических документов.

Заметно распространилась грамотность в среде дворянства. Если в первой половине столетия среди воевод и дворян, выполнявших различные правительственные поручения, нередко оказывались неграмотные или малограмотные, то во второй половине века таких практически не было. Встречались грамотные люди и в среде черносозного крестьянства. Однако крепостное крестьянство в массе своей продолжало оставаться неграмотным. Слабо распространялась грамотность среди женского населения. Даже в семьях знати и крупного купечества женщины, как правило, были неграмотны.

О растущем стремлении к овладению грамотой свидетельствовали широкое распространение печатных и рукописных учебных пособий и большой спрос на них. Изданная впервые в 1634 г. «Азбука» Василия Бурцова-Протопопова переиздавалась несколько раз и продавалась по доступной цене (1 копейке). Ее огромные для своего времени тиражи (до 2400 экземпляров) расходились иногда за несколько дней. Во второй половине века Печатный двор в Москве выпустил более 300 тыс. пособий для обучения чтению и около 150 тыс. учебных Псалтырей и Часословов. В 1648 г. впервые в России вышла «Грамматика» Мелетия Смотрицкого, а в 1682 г. – таблица умножения («Считание удобное»), предназначавшаяся для «купующих или продающих».

Если за вторую половину XVI в. было напечатано 18 книг, то и течение XVII столетия было выпущено уже 483 издания. В основном печатались богослужебные книги (85 % всех изданий) и книги для чтения религиозного содержания. Книгопечатание находилось в ведении церкви, и потому издательская деятельность определялась ее интересами.

Распространялись в России и издания украинских и белорусских типографий. Но церковные власти относились к ним с большим подозрением, подвергали их строгой цензуре и запрещали продажу многих из них. Однако иностранные книги в Россию проникали.

Тематика печатных книг явно не удовлетворяла запросы и потребности русского общества, поэтому и в XVII в. значение рукописных книг не уменьшилось: именно они восполняли пробелы в тематике печатных изданий. Если прежде приоритет в переписке принадлежал духовенству, то теперь этим делом начали заниматься «миряне»: посадские люди, подьячие и т.п. Именно с этой средой связаны становление и развитие демократического направления в литературе, возникновение новых жанров: демократической сатиры, бытовой повести.

С 70-х годов XVII в. изготовление роскошных рукописных книг развернулось в Посольском приказе, но выпускались они в нескольких экземплярах и предназначались для царского двора. Здесь же осуществлялась

работа по переводу иностранных книг. Интерес к переводной литературе заметно возрос: если за весь XVI в. было переведено 26 книг, за первую половину XVII в. – 13, то за вторую – 114. Причем из этих 153 книг только 37 было религиозно-нравственного содержания, остальные – светского (естественнонаучная и художественная литература, книги по истории, географии, военному делу).

Изучение владельческих записей на книгах, описей имущества и частных книжных собраний позволяет выявить степень распространения книги в различных социальных слоях, тематику литературы, определить характер интересов тех или иных групп населения и отдельных личностей. Исследования показывают, что книга получила широкое распространение среди самых различных слоев общества. Значительным количеством книг владели представители верхушки феодального общества: члены царской семьи, бояре, архиереи, настоятели монастырей и т.д. Владельцами книг были так же дьяки и подьячие, купцы и мелкий посадский люд, рядовые дворяне и представители низшего духовенства, крестьяне и даже дворовые люди.

Несмотря на преобладание литературы религиозного содержания, у русского читателя этого времени явно возрастал интерес к светской книге, причем это было характерно для всех слоев населения, даже для духовенства. Светская книга начинала играть все большую роль в жизни общества.

Потребность в образованных людях приводила к необходимости создания школ, которые могли бы дать более глубокое и систематическое образование. В России был использован опыт организации подобных школ на Украине и в Белоруссии, где они давно уже существовали. Оттуда же привлекались и образованные люди, которые стали работать в различных сферах культурно-просветительной деятельности – «справщиками» (редакторами) на Печатном дворе, переводчиками иностранных книг, учителями в частных домах и во вновь открываемых школах. Так, в 1649 г. в Москву были вызваны ученые монахи Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и Дамаскин Птицкий. В том же году видный государственный деятель боярин Ф.М. Ртищев пригласил из Киева в Москву около 30 ученых монахов и организовал школу в основанном им Андреевском (Преображенском) монастыре. Там преподавали славянский и греческий языки, риторику, философию и другие дисциплины.

Инициатива создания школ исходила и от посадских людей. В 1667 г. прихожане церкви Иоанна Богослова в Москве просили о разрешении устроить при ней школу («гимнасион») для преподавания «грамматической хитрости, языков словенского, греческого, латинского и прочих свободных учений» по образцу украинских училищ. Разрешение им было дано.

Есть сведения о существовании на посаде еще нескольких начальных школ. С начала 50-х годов действовала школа при кремлевском Чудове монастыре. Она была создана на средства Патриаршего двора и находилась под его контролем. Сначала эту школу возглавлял грек Арсений, позже в ней преподавал и Епифаний Славинецкий.

В 1664 г. в Москву приехал Симеон Полоцкий, ставший учителем царских детей. Широко образованный по тому времени человек, автор ряда ученых трудов, поэт, писатель, переводчик, книгоиздатель, С. Полоцкий внес большой вклад в развитие просвещения в России. В 1665 г. он возглавил открытую в Заиконоспасском монастыре школу, для которой построили специальное здание. Это была государственная школа, в которой готовили подьячих для центральных правительственных учреждений. В ней преподавали русскую грамматику, латинский язык и «словесное учение», т. е. риторику. Позже этой школой руководил ученик С. Полоцкого – Сильвестр Медведев.

Вопросы о характере, целях и содержании образования, о преимуществах изучения латинского или греческого языка стали предметом оживленных споров между «латинствующими» и «грекофилами». Более прогрессивную позицию занимали «латинствующие», возглавляемые С. Полоцким, а после его смерти – С. Медведевым. Выдвинув схоластический тезис о непротиворечивости веры и знания, о том, что «свободные науки» (светские знания) не только не противоречат истинной вере, но и необходимы для усвоения вероучения, они выступали за более широкое светское образование, хотя и в рамках церковной идеологии, за приобщение к европейской культуре через распространение латинского языка и литературы. Их противники – «грекофилы», опиравшиеся на консервативные круги духовенства, – ориентировались на греческую православную культуру, отстаивали незыблемость древних церковных традиций, выступали за узкобогословское направление в образовании. Особенно обострилась эта борьба в 80-е годы. «Латинствующие» пользовались покровительством при дворе, их поддерживали В.В. Голицын и царевна Софья, а «грекофилы» опирались на поддержку патриарха Иоакима. Свержение Софьи в 1689 г. привело к временному торжеству «грекофилов».

В 1681 г. по инициативе патриарха на Печатном дворе была организована школа «греческого чтения, языка и письма» (Типографская школа), которую возглавили русский монах Тимофей и грек Мануил. Через пять лет в ней обучались уже 232 ученика.

В 1687 г. было открыто первое в России высшее учебное заведение – Славяно-греко-латинское училище (с 1701 по 1775 гг. – Славяно-латинская академия). Руководили им ученые греки – братья Софроний и Иоанникий

Лихуды, получившие образование в Падуанском университете в Италии. Это учебное заведение было открыто для людей «всякого чина, сана и возраста» и предназначалось для подготовки кадров высшего духовенства и чиновников государственной службы. Оно сыграло большую роль в развитии просвещения и образования в России в конце XVII – первой половине XVIII вв. Из его стен вышли многие видные ученые, ставшие в последствии гордостью русской науки, в частности, М.В. Ломоносов.

Новым для XVII в. является появление письменных руководств, обобщавших производственный опыт и помогавших решению практических задач. Письменность постепенно становилась важным средством закрепления и распространения производственного опыта и практических знаний. Примером может служить «Книга сошного письма», содержащая знания в области геометрии и способы их применения при измерении земельных площадей. В начале века «трубным мастером» Семеном из г. Тотьмы была составлена «Роспись, как зачать делать новая труба на новом месте» – руководство по установке рассолоподъемных труб на соляных промыслах.

Онисим Михайлов-Родышевский в 1621 г. составил «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки», основанный на иностранных источниках, но существенно переработанный им и дополненный собственными наблюдениями. Составитель обобщил тот практический опыт, который уже имелся у русских пушкарей. «Устав» содержал практические сведения из области математики (измерение расстояния до цели с помощью теоремы Пифагора), физики (о связи дальности с калибром орудия, о разнице в удельном весе свинца и железа, о способах улавливания звука); в нем было дано описание приборов, употреблявшихся в артиллерии, – компаса, «четверогранца» (угломерный прибор). В «Уставе» подробно изложены практические сведения из области химии, необходимые при изготовлении и применении взрывчатых веществ. Познания в области практической химии нашли отражение также и в многочисленных пособиях по приготовлению чернил, красок, олифы и т.п.

В середине XVII в. в Россию стали проникать сочинения, знакомившие с гелиоцентрической системой Н. Коперника: труд В. и И. Блеу «Позорище [обозрение] всея Вселенные, или Атлас новый» (первый том переведен Е. Славинецким), а также книга польского астронома Я. Гевелия «Селенография, или Описание Луны». Но эти переводы не были широко известны. Подавляющее большинство населения продолжало придерживаться традиционных средневековых взглядов на мироздание. Любое свободомыслие преследовалось церковью.

В XVII в. завершилась история великой древнерусской литературы. Она всем своим развитием подготовила русскую литературу нового времени (схема 18.2).

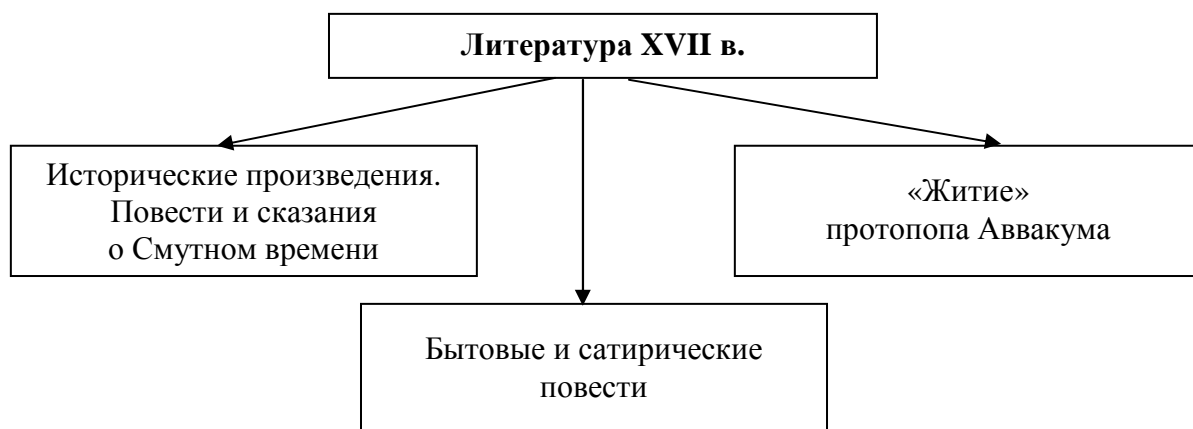

Схема 18.2

Возникают новые чисто литературные жанры, идет процесс демократизации литературы, значительно расширяется ее тематика. Литературным трудом начинает заниматься более широкий круг лиц. Рождается так называемая «литературная посадка», которая создается и бытует в демократической среде. Возникает жанр демократической сатиры, в которой осмеиваются государственные и церковные порядки: пародируется судопроизводство («Повесть о Шемякином суде» обличала порядки феодального суда с его волокитой, продажными судьями и пристрастными решениями), церковная служба («Служба кабаку», написанная в форме пародии на церковную службу, разоблачает государственную систему спаивания народа через «царев кабак»), священное писание («Повесть о крестьянском сыне»), делопроизводственная канцелярская практика («Повесть о Ерше Ершовиче», «Калязинская челобитная»). Социальной остротой отличается пародийная «Азбука о голом и небогатом человеке», в которой с едкой иронией повествуется о тяжелом житии городской бедноты. В «Повести о Фоме и Ереме» высмеиваются дворянские дети, неспособные ни какому труду.

Изменения, происходившие в сознании, морали и быте людей, борьба «старины» и «новизны», которая пронизывала все сферы личной и общественной жизни, ярко отразились в бытовой повести.

В этот переломный период, когда «старые обычаи поисшаталися», стала актуальной тема взаимоотношений старого и молодого поколений, «отцов и детей». О трагической судьбе молодого человека, пытавшегося порвать со старыми формами семейно-бытового уклада, домостроевской моралью, рассказывается в «Повести о Горе-Злочастии».

Та же тема конфликта старшего и молодого поколений раскрывается в «Повести о Савве Грудцыне». Повесть отличается занимательностью ин-

триги и живым разговорным языком. В ней выразительно описаны реальные картины русской жизни того времени: посадский и солдатский быт, нравы купечества, события русско-польской войны 1632 – 1634 гг. Широкий исторический и бытовой фон, большое количество действующих лиц, изображение судьбы простого человека, рассказ о его любви, переживаниях, душевной борьбе – все это позволяет исследователям считать это произведение одним из первых русских романов.

В конце XVII в. появилась «Повесть о Фроле Скобееве». Отличительная ее черта – отсутствие религиозной дидактики. Худородный дворянин Фрол Скобеев, пройдоха и авантюрист, для достижения собственного благополучия не брезгает никакими средствами, для него нет ничего святого, о старозаветной морали отцов он и не вспоминает. В этом произведении уже чувствуется дух новой эпохи. Энергия, ум, житейский практицизм – тип и качества, которые приводят героя к достижению поставленной цели. Повесть отразила начавшийся во второй половине XVII в. процесс упадка старой знати и выдвижения нового дворянства.

Новым в литературе было появление силлабического стихосложения, основанного на упорядочении числа слогов в стихе (равное количество слогов в строке, пауза в середине строки и женская рифма, т.е. ударение на предпоследнем слоге последнего слова). Основоположителем русского силлабического стихосложения был Симеон Полоцкий. Его стихи объединены в два больших сборника – «Рифмологион» и «Вертоград многоцветный». Значительная их часть – панегирические стихотворения, посвященные членам царской семьи, а также написанные по поводу различных событий придворной жизни. Поэт писал и сатирические стихотворения. Главное в его творчестве – обоснование идеи просвещенной монархии. В 1680 г. им была переложена на стихи псалтырь – «Псалтырь рифмотворная», она имела большой успех у читателей. Книгу долгое время использовали как учебное пособие. Продолжателями дела С. Полоцкого, творчество которого причисляют к стилю барокко, стали его ученики – Сильвестр Медведев и Карион Истомин.

Изменяется характер житий, которые становятся все более реальными жизнеописаниями. Наиболее замечательное произведение этого жанра в XVII в. – «Житие» протопопа Аввакума (1620 – 1682), написанное им в 1672 – 1673 гг. Испытавший за свою жизнь немало гонений со стороны властей, лидер раскола был посажен в земляную тюрьму в северном городе Пустозерске. Предчувствуя скорую казнь, он написал на клочках бумаги автобиографию. По существу это были первые русские мемуары. Никогда еще в русской литературе так многогранно и лирично не изображалась человеческая судьба. Протопоп Аввакум отходит от церковно-славянского

книжного стиля и пишет языком живой разговорной речи: «Понеже люблю свой природный русский язык» (В.В. Кириллов).

Среди исторических сочинений XVII в. следует выделить памятники придворной историографии, которые тенденциозно истолковывали исторический материал для обоснования идеи незыблемости самодержавия. Эта группа исторических произведений открывается «Грамотой утверждённой» об избрании на престол Михаила Фёдоровича Романова, отражающей стремление правительства оправдать и исторически обосновать права династии Романовых на престол. Этому посвящен и «Новый летописец», составленный около 1630 г. в кругах, близких к патриарху Филарету. В 1657 г. для составления истории царствующей династии был образован Записной приказ, деятельность которого вскоре была прекращена. Однако уже в 60-х годах XVII в. по поручению царя дьяк Ф. Грибоедов составил исторический труд, в котором сокращённая Степенная книга XVI в. была продолжена до 1667 г. В это же время появляются исторические труды, расценивающие с правительственной точки зрения события начала XVII в., например, «Летопись о многих мятежах».

Другую группу исторических работ составляют произведения, дающие более широкое изображение исторических событий. Среди них необходимо отметить сибирские летописи: Есиповскую, Строгановскую и Ремезовскую. Летопись С. Есипова, основанная на устных легендах и других источниках, представляет собой историко-литературное сочинение, прославляющее покорителя Сибири Ермака. Строгановская летопись, наоборот, подчёркивает роль Строгановых в открытии и освоении Сибири. Наибольшее значение имеет «История Сибирская» С.У. Ремезова, основанная на ряде исторических документов и проникнутая чувством патриотизма. Рассказывая о подвигах казаков, трудами которых была присоединена Сибирь к Русскому государству, автор использовал разнообразные источники, критически относясь к их выбору. С.У. Ремезов питал надежду, что его книга будет служить «всенародной пользе» (М.В. Нечкина).

Появлялись произведения, посвященные одной теме и отличавшиеся определенной цельностью содержания: повести о Смуте, сочинение С. Медведева «Созерцание краткое...», посвященное истории стрелецких волнений в 1682 г. После неудачных Крымских походов и накануне Азовских походов в 1692 г. Андрей Лызлов написал «Скифскую историю», в которой осветил историю борьбы России и ее соседей с татаро-турецкими завоевателями («скифами»). Это было уже монографическое исследование одной проблемы, вполне светское историческое произведение, выполнявшее определенную политическую задачу.

Большую роль в распространении исторических знаний сыграла книга украинского ученого Иннокентия Гизеля «Синописис», напечатанная в Москве в 1678 г. с киевского издания 1674 г. Эта книга – первое печатное историческое произведение – содержала краткий обзор русской истории с древнейших времен до 70-х годов XVII в. Она стала одной из самых популярных книг. Выдержав в дальнейшем около 30 изданий, «Синописис» на протяжении всего последующего столетия выполнял роль учебника по русской истории.

Заметным явлением в области исторической науки в России были также переводы польских хроник Стрыйковского, Вельского и др.

Бурные события начала XVII в. привели к сдвигам в общественном сознании, поколебали сложившиеся ранее политические и социальные теории. Осмысление событий в целом, сопоставление теорий и практики, приведение их в соответствие с исторической реальностью и накопившимся опытом – все это оказало влияние на развитие русской общественной мысли в первой половине века.

Постоянное обращение к событиям начала XVII в. для выдвижения определенных политических идей и их подтверждения – характерная черта публицистики этого времени. Поэтому те или иные взгляды находили выражение именно в форме исторических сочинений о Смуте и проявлялись в отборе тех или иных фактов и в их интерпретации, объяснении их причин, в оценке позиций различных социальных и политических групп и деятелей. К подобным сочинениям принадлежали «Сказание, киих ради грех...», «Временник» дьяка Ивана Тимофеева, «Сказание» келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына, «Иное сказание», «Повесть книги сея от прежних лет» (приписываемая князю И.М. Катыреву-Ростовскому), сочинение князя Ивана Хворостинина «Словеса дней и царей...», отразивший официальную позицию самодержавия, и другие произведения.

Одним из важных политических уроков, усвоенных под воздействием «бунташных» событий, было признание необходимости сильной власти в стране. В связи с этим возникал вопрос о ее характере, а также о роли и месте в политической системе государства различных слоев общества. Эти проблемы находились в центре внимания И. Тимофеева. Его политический идеал близок взглядам князя А.М. Курбского. Он отстаивал идеи незыблемости феодальной иерархической лестницы, притязания княжеско-боярской аристократии на особое положение в государстве, на соправительство с царем и ее право на сопротивление царской власти, если та будет нарушать принцип «места». Эта концепция не получила развития в публицистике официального направления.

Политическая практика Смутного времени, усиление роли дворянства и посада в решении жизненно важных вопросов способствовали возникновению такого понятия, как «вся земля». Обосновывалось право представителей «земли» на участие в управлении государством. Одним из критериев законности власти признавалась необходимость избрания того или иного правителя «всей землей» (Земским собором). В таком духе высказывался А. Палицын, который объяснял единодушное избрание Михаила Романова на престол тем, что людям эта мысль внушена Богом, т.е. воля народа явилась выражением воли Божией. Именно эта религиозно-политическая формула и отразилась в «Новом летописце». Теоретическое обоснование в публицистике этого времени принципов сословно-представительной монархии было следствием той активной роли, которую играли в общественно-политической жизни страны Земские соборы в первые десятилетия после Смуты.

Одним из своеобразных представителей научной и общественно-политической мысли России второй половины XVII в. был хорват по происхождению Юрий Крижанич (1617 – 1682 – даты жизни приблизительные), всю свою жизнь посвятивший борьбе за религиозное объединение славян под главенством папы и за политическое – под властью московского самодержавия. Крупный учёный и образованный лингвист, Ю. Крижанич прибыл для осуществления своих замыслов в Москву в 1659 г., скрыв свою принадлежность к католическому духовенству, но вскоре по неизвестным причинам был сослан в Тобольск, где и прожил 14 лет. В 1676 г. он был вызван в Москву и отпущен за границу.

В Тобольске Крижанич написал свои основные сочинения, среди которых выделяется капитальный трактат о государстве (так называемая «Политика»), оставшийся незаконченным. В нём он выступает сторонником твёрдой государственной власти просвещённого монарха («совершенное самовладство»), решительно осуждает засилье иностранных купцов в России и намечает ряд реформ в области организации внутригосударственной жизни, которые свидетельствуют о глубоком понимании Крижаничем русской действительности.

Произведения Крижанича проникнуты интересом к жизни русского народа, стремлением помочь ему преодолеть вековую отсталость в научном и культурном развитии и занять подобающее место среди народов Европы.

В целом, русская общественная мысль XVII в., особенно второй его половины, выдвинула целый ряд важных идей, получивших дальнейшую разработку в следующем столетии. Были заложены основы идеологии абсолютизма, осознана необходимость проведения преобразований, намечены их программа и пути осуществления.

18.3, Архитектура и живопись

Зодчество XVII в. представлено не только церковной, но и гражданской архитектурой (схема 18.3).

Схема 18.3

Оно, как и другие сферы русской культуры, обнаружило тенденцию к усилению светских мотивов, к «обмирщению», отказу от строгих церковных канонов. Главное, что характеризует архитектуру этого времени, – это отход от средневековой простоты и строгости, стремление к внешней нарядности, живописности, усиление в ней декоративного начала. «Дивное узорочье» – так сами современники определили суть новых веяний в зодчестве. Напомним, что XVII в. в Европе – это время искусства барокко.

Одним из наиболее замечательных светских зданий первой половины XVII в. является Теремной дворец в Московском Кремле, построенный в 1635 – 1636 гг. русскими зодчими Б. Огурцовым, А. Константиновым, Т. Шарутиным и Л. Ушаковым, которые в великолепных архитектурных формах и декоре сумели воплотить замечательные черты русского народного искусства. Два пояса многоцветных сверкающих изразцов, резные белокаменные наличники, золоченая кровля, красочные узоры на стенах придавали дворцу живописный сказочный вид. «Зело пречудные палаты» – говорили о нем современники (С.В. Филимонова).

В церковном зодчестве продолжали развиваться традиции шатровой архитектуры, однако в этих постройках все более заметно проявляется стремление к внешней нарядности, декоративности убранства. Шатровые постройки 1-й половины XVII в. были многочисленны, они воплощали народное и светское течения в зодчестве. Наиболее эффектным памятником этого типа является Успенская церковь Алексеевского монастыря в Угличе (1628), прозванная в народе «дивной». Церковь была построена по заказу Д. М. Пожарского в Медведково под Москвой. В Троице-Сергиевом монастыре была возведена украшенная цветными изразцами церковь Зосимы и Савватия (1635 – 1638), в Вязьме – богато декорированный небольшой пятишатровый собор (1637).

Культовая архитектура постепенно утрачивает резкую обособленность от гражданского строительства. Церкви становятся похожими на светские хоромы с характерной для них асимметричностью форм. Усложнились объемы, к основному массиву здания стали пристраиваться различные приделы и пристройки, крытые паперти-галереи и нарядные крыльца, различные части здания соединялись переходами, а в целом оно походило на ансамбль построек. Широкое применение цветных изразцов, фигурного кирпича, разнообразных декоративных деталей придавало постройкам живописность и нарядность.

Заказчиками церквей все чаще становились купцы и посадские общины, что играло большую роль в «обмирщении» церковного зодчества. Именно в «посадских» храмах наиболее выразительно проявлялись светские начала, отражались вкусы и настроения демократических слоев населения. Ярким примером такого рода построек служит церковь Троицы в Никитниках в Москве, возведенная по заказу богатого купца Г. Никитникова (1628 – 1636). Она представляет собой целый комплекс разнохарактерных, но связанных единым замыслом построек. Своим асимметричным планом церковь напоминает жилые хоромы. Ее отличают исключительное богатство декоративного убранства и жизнерадостность художественного облика. Архитектура церкви в Никитниках оказала влияние на целый ряд построек в других городах: церковь Вознесения в Великом Устюге (1648), построенную по заказу купца Н. Ревякина, Троицкую церковь в Муроме (1642 – 1648) и др.

Образцом посадского зодчества середины столетия является построенная в Москве по заказу прихожан церковь Рождества Богородицы в Путанках (1649 – 1652), отличающаяся причудливой композицией разных объемов и богатством «узорочья». Пять разновысоких шатров, венчающих основное здание, придел и крыльцо объединяются в единое целое возвышающимся в центре шатром колокольни.

Наиболее яркие образцы посадского зодчества были созданы в Ярославле, одном из крупнейших торгово-ремесленных центров России. Богатые ярославские купцы, соревнуясь друг с другом, возводили постройки, одну роскошнее другой. Большинство ярославских церквей превосходили размерами, богатством и обилием убранства столичные постройки этого времени. Их внешний облик совмещал в себе величественную монументальность древних пятиглавых соборов и изысканную нарядность, соответствующую вкусам века. В 1647 – 1650 гг. по заказу купцов Скрипиных была построена церковь Ильи Пророка, а в 1649 – 1654 гг. купцы Неждановские возвели еще более нарядную церковь Иоанна Златоуста, которая составила с построенными позже Владимирской церковью, шатровой колокольней и башнеобразными воротами единый ансамбль. Вершиной ярославского посадского зодчества стала построенная в 1671 – 1687 гг. церковь Иоанна Предтечи в Толчкове. Торжественная монументальность, обилие архитектурных деталей, гармоничное сочетание золота пятнадцати глав, венчающих основное здание и два придела, с красным тоном кирпичных стен, расцвеченных голубоватым узором изразцов, выделяют этот храм даже среди ярославских церквей. «Ликующей симфонией народной фантазии» назвал его известный исследователь древнерусской архитектуры Н.Н. Воронин.

Церковь упорно сопротивлялась «обмирщению» культового зодчества, проникновению в него светских начал. Патриарх Никон в 1650-х гг. запретил возводить шатровые храмы, выдвинул в качестве образца традиционное многоглавие, пытался восстановить стиль традиционного монументализма. В этом стиле были построены Д. Охлебининым, А. Мокеевым Патриаршие палаты в Московском Кремле с большим крестовым залом без столпов, а также комплекс зданий в Ивеском Валдайском монастыре, основанном Никоном (зодчий А. Макеев).

Монументальным характером отличаются постройки Новоиерусалимского монастыря, загородной резиденции патриарха. Строительство велось сначала под руководством А. Мокеева, а затем Я. Бусохвостова (1656 – 1694). По замыслу Никона в постройках монастыря должны были повториться главные христианские святыни. Воскресенский собор строили по чертежам Иерусалимского храма «над гробом Господним». Однако строители, сохранив план прототипа, внешне украсили его по-русски, используя в обработке фасадов и интерьеров многоцветные рельефные изразцы. Соперничество со светской властью, стремление возвысить церковь вынуждало Никона использовать для этого весь арсенал художественных средств, в том числе и гонимое им «узорочь».

Подражая патриарху, крупное строительство вели и другие церковные иерархи, подтверждением чему может служить Ростовский кремль, возведенный митрополитом Ионой Сысоивичем в 70 – 80-х годах.

Попытки церкви воспрепятствовать «обмирщению» зодчества оказались безуспешными, строительство «посадских» храмов продолжалось (церковь Григория Неокесарийского на Большой Полянке, Николы в Хамовниках в Москве, Троицы в селе Останкине и др.).

Стремление к нарядности и украшению заметно и в крепостной архитектуре кремлей и монастырей. Изменил свой облик Московский Кремль. Еще при Михаиле Романове, в 1624 – 1625 гг. на Спасской башне русский зодчий Важен Огурцов и англичанин Христофор Галовой сделали высокую кирпичную надстройку, богато украшенную белокаменными узорами, а в нишах были поставлены белокаменные «болваны» (статуи). Спустя полвека украшенные изразцами и белокаменной резьбой шатры появились и на других башнях Кремля. Богатой декоративной отделкой были украшены стены многих монастырей (Новодевичьего, Донского, Данилова, Троице-Сергиева и др.).

После «Смутного времени» богатые купцы и дворяне начинают достаточно активно строить для себя каменные жилые дома. В их строительстве тоже проявляется отход от простоты к богатому декоративному оформлению фасадов. (Примером таких зданий могут служить сохранившиеся до настоящего времени в Москве палаты думного дьяка Аверкия Кириллова на Берсеневской набережной (1656 – 1657) и палаты боярина Волкова в Большом Харитоньевском переулке (конец XVII в.) Богатым декоративным убранством отличаются и жилые дома в Ярославле, Калуге, Нижнем Новгороде и других городах.

Дальнейшее развитие русского зодчества привело к возникновению в конце столетия нарышкинского стиля или «московского барокко». Заметную роль в формировании этого стиля сыграла западноевропейская архитектура. Характерные черты этого стиля – четкость и симметричность композиции, подчеркнутая устремленность ввысь, многоярусность, тщательная разработка деталей, многоцветная декоративная обработка здания (декоративная резьба по белому камню, цветные изразцы, раскраска фасадов).

Один из самых известных памятников этого стиля – церковь Покрова в Филях, построенная в 1690—1693 гг. братом царицы Л.К. Нарышкиным. Другим образцом этого стиля является сплошь покрытый многоцветными изразцами Крутицкий теремок (зодчий О. Старцев). Соборы Рязани и Астрахани, многие монастыри носят черты этого стиля. Богато украшены белокаменной резьбой здания Печатного двора (1679) и Сухаревой башни (1692 – 1701, архитектор М. Чоглоков).

«Московским барокко» завершается развитие древнерусской архитектуры и вместе с тем начинается история архитектуры XVIII в.

Н.Э. Грабарь писал: «Подводя итоги, всему, что сделано Россией в области искусства, приходишь к выводу, что это по преимуществу страна зодчих. Чутье пропорций, понимание силуэта, декоративный инстанкт, изобразительность форм, – словом, все архитектурные добродетели встречаются на протяжении русской истории так постоянно и повсеместно, что наводят на мысль о совершенно исключительной архитектурной одаренности русского народа» (С.В. Филимонова).

Общий для русской культуры XVII в. процесс «обмирщения» затронул и живопись. Известно, что в начале столетия господствовали два художественных направления: «годуновская школа» (или «годуновский стиль» (большинство произведений этого направления выполнялись по заказу царя Бориса Годунова). Этот стиль стремился следовать монументальным традициям великого прошлого, ориентироваться на образы Рублева и Дионисия) «строгановская школа» (большинство заказов связано с купеческим домом Строгановых). Известно, что резиденция строгановской школы была в Сольвычегодске, но сам стиль родился в Москве, в среде государевых и патриарших мастеров. «Строгановская школа» – это искусство иконной миниатюры. В «строгановских» иконах эстетическое начало как будто заслоняло культовое значение образа. Художника волновала, в большей степени, красота формы, а не глубокое философское содержание и богатство духовного мира. Тщательное, мелкое письмо, мастерство отделки деталей, изощренный рисунок, виртуозная каллиграфия линий, изысканность и богатство орнаментации, полихромный колорит, важнейшей составной частью которого стало серебро и золото, – вот составные компоненты художественного языка «строгановской школы». Это искусство уводило зрителя от тревог и потрясений повседневной жизни в мир зыбкой, волшебной красоты.

Одним из наиболее знаменитых художников «строгановской школы» был Прокопий Чирин. Элементы своеобразного реализма в живописи «строгановской школы» получили свое развитие в творчестве крупнейших мастеров-станковистов XVII в. – царских изографов Оружейной палаты.

Новые явления в живописи начали проявляться с середины XVII в. Главным из них было становление и развитие реалистических тенденций. Художники этого века стремились донести до осознания современников прелесть земного, материального мира, радость земного бытия. Появляются иконы нового (или фряжского) письма. Традиции русской живописи в них сочетаются с достижениями европейского искусства.

Художественным центром, откуда шли новые веяния, стала Оружейная палата, которую с 1655 г. возглавил боярин Б.М. Хитрово, тонкий ценитель и знаток искусства. Во главе нового направления стоял мастер оружейной палаты Симон Федорович Ушаков (1626 – 1686). Вместе с ним ра-

ботали Яков Казанец, Георгий Зиновьев, Степан Рязанец, Федор Зубов, Иосиф Владимиров и многие другие выдающиеся живописцы. Именно в этой среде появились первые теоретические работы, посвященные новому направлению. Так, Иосиф Владимиров написал в 1664 г. в форме послания к Симону Ушакову трактат о живописи. В нем он выступал против слепого поклонения старине и утверждал, что искусство должно быть близким к природе и радовать человека, а не подавлять его мрачными образами. Резко протестуя против канонической регламентации, И. Владимиров вместе с тем дает положительную оценку западноевропейскому искусству и приводит доводы в его защиту.

В свою очередь, С. Ушаков написал «Слово к люботщателям икононого писания» (1667), где решительно встал на защиту реалистических тенденций, подчеркнул, что живопись должна отражать жизнь так же, как зеркало отражает реальные предметы. Теоретические взгляды Ушакова и его сподвижников находили свое воплощение в художественных произведениях.

Черты нового стиля в живописи проявились в стенописи церкви Троицы в Никитниках (1652 – 1653). Исследователи предполагают, что в росписи стен непосредственно участвовали С. Ушаков и И. Владимиров.

Реалистические тенденции в станковой живописи ярче всего проявились в работах С. Ушакова – теоретика и практика в живописи, в графике и прикладном искусстве. Центральной темой его творчества было изображение человеческого лица. Самое известное произведение С. Ушакова – неоднократно им повторенный «Спас нерукотворный», в котором с помощью светотени хорошо передана объемность классически правильного человеческого лица, шелковые волосы, пушистые ресницы, матовый блеск белков глаз, ткань, на которой, согласно церковному преданию, возник образ Христа. В 1671 г. художник создал икону на традиционный сюжет «Троицы», в которой стремился передать красоту не духовную (как А. Рублев), а земную, материальную, изобразив ангелов цветущими, полными здоровья.

К числу высоких достижений живописи относятся стенные росписи ярославских храмов конца XVII в. Особенно восхищают фрески церкви Ильи Пророка, исполненные артелью мастеров во главе с Гурием Никитиным (вероятно, самым выдающимся стенописцем XVII в.) и Силой Савиным, и фрески церкви Иоанна Предтечи, написанные под руководством Дмитрия Плеханова. В этих росписях господствует стремление художников изобразить реальный материальный мир. Религиозные сюжеты использованы как повод для изображения бытовых сцен. Так, Гурий Никитин в церкви Ильи Пророка в Ярославле (1681) в сцене, повествующей об исцелении мальчика пророком Елисеем, основное место отвел изображению

жатвы, во время которой происходили эти события. Художник развернул перед зрителем правдивую и точную картину летней крестьянской страды (В.С. Шульгин).

Человек в росписях XVII в. редко изображен погруженным в себя, обычно он деятелен – торгует, воюет, строит, жнет и пашет, ездит в каретах и верхом, плывет на корабле. Композиции фресок наполнены пением птиц, ржанием коней, шелестом деревьев и скрежетом битв. Сцены до предела многолюдны – помимо христианских героев в них действуют воины и крестьяне, слуги, юноши и женщины.

Чем шире распространялись реалистические тенденции, чем глубже они укоренялись в церковной живописи, тем решительнее выступали против них ревнители старины, которые отвергали всякие попытки художников нарушить веками освященные традиции иконописи. В частности, в своих проповедях глава старообрядцев протопоп Аввакум с гневом отмечал: «Пишут Спасов образ Еммануила, лице одутловато, уста червонные, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, так же и у ног бедра толстые, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишю сабли той при бедре не писано. А то все писано по плотскому умыслу...» И хотя Аввакум упрекал своего противника в том, что «все то кобель борзой Никон, враг, умыслил будто живыя писать», на самом деле позиция официальной церкви здесь ничем не отличалась от позиции раскольников. Сам Никон выступал ярким гонителем нового в искусстве, устраивал даже публичные расправы над иконами нового письма.

Церковь пыталась строго регламентировать темы и образцы церковной живописи. В 1668 г. появилась грамота трех патриархов – Паисия Александрийского, Макария Антиохийского, находившихся тогда в Москве по случаю суда над Никоном, и Иоасафа Московского. В ней рекомендовалось установить контроль над иконописью. В 1669 г. вышел царский указ, требовавший придерживаться старых иконописных традиций и объявлявший о создании специальной комиссии для освидетельствования новых икон. Эти мероприятия замедляли развитие новых явлений в живописи.

С пробуждением интереса к человеку, к отдельной личности связано появление и развитие портретной («парсуной») живописи первого собственно светского жанра («парсуна» от латинского слова личность). Самая старая из сохранившихся парсун – портрет полководца М.В. Скопина-Шуйского. В первой половине XVII в. парсуны писались в старой иконописной манере и в старой иконной технике на доске, яичными красками. Во второй половине столетия изображения стали принимать более реалистический характер, точнее передавать индивидуальные черты. Таковы

портреты царя Алексея Михайловича (кон. 70-х – нач 80-х годов) и царя Федора Алексеевича (1686).

Живописцы стали писать портреты по западному образцу – масляной краской на холсте. Так, в конце XVII в. написаны портреты князя Б.И. Репнина, стольника Г.П. Годунова, Л.К. Нарышкина и многих других.

Таким образом, следует подчеркнуть, что на протяжении XVII столетия русская культура достигла больших успехов в своем развитии. В ней отчетливо проявились принципиально новые явления, утверждавшиеся в борьбе с религиозным мировоззрением. Однако эти новые, прогрессивные черты были еще не настолько сильны, чтобы радикально изменить направление культурного процесса. Но их развитие создало предпосылки того перелома в культуре, который совершился в начале следующего столетия.

Контрольные вопросы

1. Какие основные тенденции развития были свойственны русской культуре в XVII в.?
2. Какие факторы свидетельствуют о достаточно широком распространении грамотности и письменности среди населения?
3. Выделите основные черты русской архитектуры, литературы, изобразительного искусства XVII в.? В чем проявилось сочетание «нового» и «старого» в их развитии в указанный период? Приведите примеры, которые вполне можно отнести к шедеврам XVII в. творчества в этих областях.
4. В чем специфика и особенности «годуновской» и «строгановской» школ художественного письма?
5. Каковы главные отличительные признаки «московского барокко»?
6. Что нового появилось в исторической литературе XVII в.?
7. Каковы главные итоги развития русской культуры в указанный период?

Литература

1. Буганов, В.И. Мир истории: Россия в XVII столетии / В.И. Буганов. – М., 1989.
2. Зезина, М.Р. История русской культуры / М.Р. Зезина, Л.В. Кошман, В.С. Шульгин. – М., 1990.
3. Зотов, А.И. Русское искусство с древнейших времен до начала XX века / А.И. Зотов. – М., 1979.
4. Исаев, И.А. История политических и правовых учений России IX – XX вв. / И.А. Исаев, Н.М. Золотухина. – М., 1995.
5. История России с древнейших времен до конца XVII века / отв. ред. А.Н. Сахаров, А.П. Новосельцев. – М., 1996.
6. История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. / под ред. Б.А. Рыбакова. – М., 1983.
7. Кириллов, В.В. История России: учеб. пособие / В.В. Кириллов. – М., 2006.
8. Панченко, А.М. Русская культура в канун петровских реформ / А.М. Панченко. – Л., 1980.
9. Федорасова, В.Г. Русская культура IX – XVII вв. / В.Г. Федорасова. – Минск, 2003.
10. Филимонова, С.В. История мировой художественной культуры / С.В. Филимонова. – Ч. 1. – Мозырь, 1997.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК ПРАВИТЕЛЕЙ РУСИ

Российское централизованное государство

1462 – 1505 гг.	Иван III Васильевич
1505 – 1533 гг.	Василий III Иванович
1533 – 1584 гг.	Иван IV Васильевич Грозный
1584 – 1598 гг.	Федор Иванович
1598 – 1605 гг.	Борис Федорович Годунов
1605 – 1605 гг.	Федор Борисович Годунов
1605 – 1606 гг.	Лжедмитрий I
1606 – 1610 гг.	Василий IV Иванович Шуйский
1610 – 1613 гг.	Смутное время. Семибоярщина
1613 – 1645 гг.	Михаил Федорович Романов
1645 – 1676 гг.	Алексей Михайлович Романов Тишайший
1676 – 1682 гг.	Федор Алексеевич Романов
1682 – 1696 гг.	Иван V, Петр I Романовы

Российская империя

1696 – 1725 гг.	Петр I Алексеевич
1725 – 1727 гг.	Екатерина I Алексеевна
1727 – 1730 гг.	Петр II Алексеевич
1730 – 1740 гг.	Анна Ивановна
1740 – 1741 гг.	Иван VI Антонович
1741 – 1761 гг.	Елизавета Петровна
1761 – 1762 гг.	Петр III Федорович
1762 – 1796 гг.	Екатерина II Алексеевна
1796 – 1801 гг.	Павел I Петрович
1801 – 1825 гг.	Александр I Павлович
1825 – 1855 гг.	Николай I Павлович
1855 – 1881 гг.	Александр II Николаевич
1881 – 1894 гг.	Александр III Александрович
1894 – 1917 гг.	Николай II Александрович

Итак, всего было: 53 великих князя, 11 русских царей, 14 российских императоров. Из них: 56 – из династии Рюриковичей, 4 – не принадлежащих к династиям, 18 – из династии Романовых. Петр I относится как к числу русских царей, так и к числу императоров, Иван IV – к числу великих князей и к числу русских царей. Было время, когда страной управляли нетитулованные правительницы-женщины: великая княгиня Ольга – за своего сына Святослава, Софья – за братьев Ивана и Петра, Анна Леопольдовна – за малолетнего сына Ивана VI.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ

1276 – 1303 гг.	Княжение Даниила Александровича. Образование Московского княжества
1325 – 1340 гг.	Княжение Ивана Даниловича Калиты
1326 г.	Захоронение митрополита Петра в Москве. Перенос митрополичьей кафедры из Владимира в Москву
1327 г.	Восстание в Твери против золотоордынцев
1359 – 1389 гг.	Княжение Дмитрия Донского
1367 г.	Строительство первого каменного кремля в Москве
1378 г.	Разгром князем Дмитрием Ивановичем ордынцев на р. Вожа
1380 г., 8 сентября	Куликовская битва
1382 г.	Поход хана Тохтомыша на Москву
1425 – 1453 гг.	Феодалная война на Руси
1425 – 1462 гг.	Княжение Василия Темного
1462 – 1505 гг.	Княжение Ивана III Васильевича
1471 г.	Победа московского войска над новгородским на реке Шелонь
1475 – 1479 гг.	Строительство Успенского собора в Московском Кремле
1478 г.	Присоединение Великого Новгорода к Москве
1480 г.	«Стояние» на реке Угре – освобождение от золотоордынского ига
1485 г.	Присоединение Твери к Москве
1497 г.	Принятие «Судебника» Ивана III Васильевича
1503 г.	Присоединение к Москве юго-западных русских земель
1505 – 1533 гг.	Княжение Василия III Ивановича
1510 г.	Присоединение Пскова к Москве
1514 г.	Присоединение к Москве Смоленска
1521 г.	Присоединение к Москве Рязани
1533 – 1584 гг.	Правление Ивана IV Васильевича Грозного
1547 г.	Восстание в Москве
1547 г.	Венчание на царство Ивана IV
1549 г.	Созыв первого Земского собора
1550 г.	Составление нового «Судебника»
1551 г.	Проведение церковного собора и принятие «Стоглава»
1552 г.	Присоединение Казанского ханства к России
1556 г.	Присоединение Астраханского ханства к России
1556 г.	Принятие «Уложения о службе»
1558 – 1583 гг.	Ливонская война
1565 – 1572 гг.	Опричнина
1581 г.	Первое упоминание о «заповедных» годах. Начало составления писцовых книг
1581 г.	Начало похода Ермака в Сибирь

Тема 10

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО в конце XV – начале XVI вв.**Ключевский В.О. об Иване III**

Почувствовав себя в новом положении, но еще не отдавая себе ясно-го отчета о своем новом значении, московская государственная власть ощупью искала дома и на стороне формы, которые бы соответствовали этому положению, и, уже облекшись в эти формы, старалась с помощью их уяснить себе свое новое значение. С этой стороны получают немаловажный исторический интерес некоторые дипломатические формальности и новые придворные церемонии, появляющиеся в княжение Ивана III.

Иван был женат два раза. Первая жена его была сестра его соседа, великого князя тверского, Марья Борисовна. По смерти ее (1467 г.) Иван стал искать другой жены, подальше и поважнее. Тогда в Риме проживала сирота племянница последнего византийского императора Софья Фоминична Палеолог. Несмотря на то что греки со времени флорентийской унии сильно уронили себя в русских православных глазах, несмотря на то что Софья жила так близко к ненавистному папе, в таком подозрительном церковном обществе, Иван III, одолев в себе религиозную брезгливость, выписал царевну из Италии и женился на ней в 1472 г. Эта царевна, известная тогда в Европе своей редкой полнотой, привезла в Москву очень тонкий ум и получила здесь весьма важное значение. Бояре XVI в. приписывали ей все неприятные им нововведения, какие с того времени появились при московском дворе. Внимательный наблюдатель московской жизни барон Герберштейн, два раза приезжавший в Москву послом германского императора при Ивановом преемнике, наслушавшись боярских толков, замечает о Софье в своих записках, что это была женщина необыкновенно хитрая, имевшая большое влияние на великого князя, который по ее внушению сделал многое. Ее влиянию приписывали даже решимость Ивана III сбросить с себя татарское иго. В боярских рассказах и суждениях царевне нелегко отделить наблюдение от подозрения или преувеличения, руководимого недоброжелательством. Софья могла внушить лишь то, чем дорожила сама и что понимали и ценили в Москве. Она могла привезти сюда предания и обычаи византийского двора, гордость своим происхождением, досаду, что идет замуж за татарского данника. В Москве ей едва ли нравилась простота обстановки и бесцеремонность отношений при дворе, где самому Ивану III приходилось выслушивать, по выражению его внука, «многие поносные и укоризненные

слова» от строптивых бояр. Но в Москве и без нее не у одного Ивана III было желание изменить все эти старые порядки, столь не соответствовавшие новому положению московского государя, а Софья с привезенными ею греками, выдавшими и византийские и римские виды, могла дать ценные указания, как и по каким образцам ввести желательные перемены. Ей нельзя отказать во влиянии на декоративную обстановку и закулисную жизнь московского двора, на придворные интриги и личные отношения; но на политические дела она могла действовать только внушениями, вторившими тайным или смутным помыслам самого Ивана. Особенно понятно могла быть воспринята мысль, что она, царица, своим московским замужеством делает московских государей преемниками византийских императоров со всеми интересами православного Востока, какие держались за этих императоров. Потому Софья ценилась в Москве и сама себя ценила не столько как великая княгиня московская, сколько как царица византийская. В Троицком Сергиевом монастыре хранится шелковая пелена, шитая руками этой великой княгини, которая вышила на ней и свое имя. Пелена эта вышита в 1498 г. В 26 лет замужества Софье, кажется, пора уже было забыть свое девичество и прежнее византийское звание; однако в подписи на пелене она все еще величает себя «царицой царегородскою», а не «великой княгиней московской». И это было недаром: Софья, как царица, пользовалась в Москве правом принимать иноземные посольства. Таким образом, брак Ивана и Софьи получал значение политической демонстрации, которою заявляли всему свету, что царица, как наследница павшего византийского дома, перенесла его державные права в Москву как в новый Царьград, где и разделяет их со своим супругом.

Почувствовав себя в новом положении и еще рядом с такой знатной женой, наследницей византийских императоров, Иван нашел тесной и некрасивой прежнюю кремлевскую обстановку, в какой жили его невзыскательные предки. Вслед за царицей из Италии выписаны были мастера, которые построили Ивану новый Успенский собор, Грановитую палату и новый каменный дворец на месте прежних деревянных хором. В то же время в Кремле при дворе стал заводиться тот сложный и строгий церемониал, который сообщал такую чопорность и натянутость придворной московской жизни. Точно так же, как у себя дома, в Кремле, среди придворных слуг своих, Иван начал выступать более торжественной поступью и во внешних сношениях, особенно с тех пор, как само собою, без бою, при татарском же содействии, свалилось с плеч ордынское иго, тяготевшее над северо-восточной Русью два с половиной столетия (1238 – 1480). В московских правительственных, особенно дипломатических, бумагах с той

поры является новый, более торжественный язык, складывается пышная терминология, незнакомая московским дьякам удельных веков. В основу ее положены два представления: это мысль о московском государе как о национальном властителе всей Русской земли и мысль о нем как о политическом и церковном преемнике византийских императоров. Много Руси оставалось за Литвой и Польшей, и, однако, в сношениях с западными дворами, не исключая и литовского, Иван III впервые отважился показать европейскому политическому миру притязательный титул государя всея Руси, прежде употреблявшийся лишь в домашнем обиходе, в актах внутреннего управления, и в договоре 1494 г. даже заставил литовское правительство формально признать этот титул. После того как спало с Москвы татарское иго, в сношениях с неважными иностранными правителями, например с ливонским магистром, Иван III титулуется себя царем всея Руси. Этот термин, как известно, есть сокращенная южнославянская и русская форма латинского слова цесарь, или по старинному написанию цсарь, как от того же слова по другому произношению, кесарь, произошло немецкое Kaiser. Титул царя в актах внутреннего управления при Иване III иногда, при Иване IV обыкновенно соединялся со сходным по значению титулом самодержца – это славянский перевод византийского императорского титула. Оба термина в Древней Руси значили не то, что стали значить потом, выражали понятие не о государе с неограниченной внутренней властью, а о властителе, не зависимом ни от какой сторонней внешней власти, никому не платящем дани. На тогдашнем политическом языке оба этих термина противопоставались тому, что мы разумеем под словом вассал. Памятники русской письменности до татарского ига иногда и русских князей называют царями, придавая им этот титул в знак почтения, не в смысле политического термина. Царями по преимуществу Древняя Русь до половины XV в. звала византийских императоров и ханов Золотой Орды, наиболее известных ей независимых властителей, и Иван III мог принять этот титул, только перестав быть данником хана. Свержение ига устраняло политическое к тому препятствие, а брак с Софьей давал на то историческое оправдание: Иван III мог теперь считать себя единственным оставшимся в мире православным и независимым государем, какими были византийские императоры, и верховным властителем Руси, бывшей под властью Ордынских ханов. Усвоив эти новые пышные титулы, Иван нашел, что теперь ему не пригоже называться в правительственных актах просто по-русски Иваном, государем великим князем, а начал писаться в церковной книжной форме: «Иоанн, божиею милостью государь всея Руси». К этому титулу как историческое его оправдание привешивается длинный ряд географических эпи-

тетов, обозначавших новые пределы Московского государства: «Государь всея Руси и великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Пермский, и Югорский, и Болгарский, и иных»⁶, т. е. земель. Почувствовав себя и по политическому могуществу, и по православному христианству, наконец, и по брачному родству приемником павшего дома византийских императоров, московский государь нашел и наглядное выражение своей династической связи с ними: с конца XV в. на его печатях появляется византийский герб – двуглавый орел.

Цит. по: Ключевский, В.О. Иван III // Хрестоматия по истории России: В 4-х т. Т. 1. С древнейших времен до 17 века / сост.: И.В. Бабич, В.Н. Захарова, И.Е. Уколова. – М., 1994. – С. 188 – 192.

СУДЕБНИК 1497 г. о крестьянах и холопах

«Статья 57. О христианском отказе. А христианам (крестьянам) отказываться из волости, ис села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дня осеннего и неделю после Юрьева дня осеннего. Дворы пожилые платят в полях за двор рубль, а в лесех полтина. А который христианин поживет за Ким год, да поидет прочь, и он платит четверть двора, а два года поживет да поидеть прочь, и он полдвора платит; а три года поживет, а поидет прочь, и он платит три четверти двора, а четыре года поживет, и он весь двор платит. ...

Статья 62. О межах. А кто сореть межу или грани ссечет из великого князя земли боярина и монастыря, или боярской и монастырской у великого князя земли, или боярской или монастырской у боярина или боярской у монастыря и кто межу сорал или грани ссек, того бить кнугием, да истцу взятии на нем рубль. А христиане промежу себя в одной волости или в селе кто у кого межу переорет или перекосит, ино волостелем или поселскому (управляющему дворцовыми селами) имати на том за боран (денежный штраф) по два алтына и за рану присудят, посмотри по человеку и по ране и по рассуждению. ...

Статья 66. О полной грамоте (самопродажа в рабство). По полной грамоте холоп. По тиунству и по ключю по сельскому холоп с докладом и без доклада, и с женою и с детьми, которые у одного государя; а которые его дети у иного или себе учнут жити, то не холопи; а по городскому ключю (служба) не холоп; по робе холоп, по холопе роба, приданой холоп, по духовной холоп.

Цит. по: Судебник 1497 г. // Хрестоматия по истории России: учеб. пособие / А.С. Орлов [и др.]. – М.: Проспект, 2004. – С. 83 – 84.

Тема 11**УКРАИНСКИЕ ЗЕМЛИ в XIV – первой половине XVI вв.****Федорасова В.Г.****КРЕСТЬЯНЕ В УКРАИНЕ в XIV – XVI вв.****Феодальное землевладение**

Во второй половине XIV в. украинские земли входили в состав четырех государств: ВКЛ, Польши, Венгрии и Молдовы. Видимо, это обстоятельство способствовало тому, что в XV – XVI вв. в украинском обществе возникла сословная система западноевропейского типа. Если в Киевской Руси четких юридических отличий между феодалами и духовенством, горожанами и крестьянами не было, то в это время границы между сословиями становились практически непреодолимыми.

На вершине социальной лестницы находилось военно-служилое сословие (шляхта). Стержнем этого сословия было около 30 княжеских родов из Гедеминовичей и Рюриковичей (Острожские, Вишневецкие, Збарожские, Корецкие и др.).

Важной составной частью шляхетского сословия были паны (члены Рады-панов и богатейшие феодалы).

Низшую ступень высшего сословия составляла многочисленная мелкая шляхта (земяне).

Процесс оформления шляхты в ВКЛ начался в середине XV в., а завершился в XVI в. Постановление сейма 1522 г. «О выводе шляхетства» относилось к шляхетскому сословию только наследников тех, кто стал боярином или земянином еще во времена Витовта, Сигизмунда Кейстуовича и Казимира IV. Окончательное выделение шляхты в особое сословие произошло в результате проведения аграрной реформы 1557 г., которая отнесла к шляхте лишь бояр стародавних, а остальных оттеснила на низшие социальные ступени.

Крупнейшими землевладельцами на украинских землях зависимых от ВКЛ и Польши были великий литовский князь и польский король. На Волыни, Киевщине, Подолии и Галичине существовало значительное количество государственных, королевских и великокняжеских имений - земель, замков и «дворов» с жилищами для челяди, постройками (конюшнями, хлевами, амбарами и пр.). В каждом королевском или великокняжеском имении были пахотные поля и другие угодья.

Великие литовские князья и польские короли (а после смерти Витовта это, как правило, одни и те же особы) всячески старались создать в Украине надежную опору своего господства. Они награждали украинских феодалов землями, местечками, селами, целыми волостями, раздавали им различные государственные должности. С помощью такой политики им удалось привлечь на свою сторону всех украинских князей, много панов и даже значительную часть бояр. Большинство украинских князей, магнатов и панов распоряжались крупными земельными владениями, полученными от отцов, дедов и прадедов, однако им хотелось еще. С помощью своих слуг или собственного войска магнаты и великие паны нападали на общинные земли, захватывали их и присваивали. После этого они обращались к великому князю или польскому королю с просьбой дать жалованную грамоту на захваченную землю.

Архивы XIV – XVI вв. сохранили тысячи жалованных грамот польских королей и великих литовских князей своим вассалам. Земли жаловались «до своей господарской воли», то есть на несколько лет, «до живота» (пожизненно), «двух животов» (своего и наследника) или «вечно», то есть без определения срока. За это феодал, кроме личной службы, всегда конной и с тяжелым вооружением, обязывался поставлять государству воинов, коней и т.д.

Князья и паны составляли верхушку аристократии. Гнездом этой аристократии была Волынь. Там находились родовые гнезда князей Острожских, Сангушковых, Чарторийских, Дубровицких, Збаражских, Желавских, Корецких и др. Княжеские и панские роды Волыни, по сохранившейся переписи 1528 г., высылали около трех четвертей всего военного контингента и только одна четверть приходилась на долю остальных землевладельцев Украины.

В Поднепровье огромные земельные владения принадлежали магнатам Глинским, выходцам из татарского рода Лексы, а на Киевщине – князьям Гольшанским и магнатам Рожинским.

В Закарпатской Украине огромные владения сосредоточили в своих руках украинские, мадьярские и итальянские магнаты, находившиеся на службе у венгерского короля.

Крупное феодальное землевладение существовало и на территории Буковины. Молдавские господа наделяли феодалов пахотными землями, пастбищами и лесами.

Наиболее динамично процесс развития крупного феодального землевладения проходил в Галичине и на Волыни. Там уже в XV в. исчезает термин «панский двор» как признак собственного хозяйства феодала, а

взамен для обозначения хозяйства, основанного на барщинном труде, появляется термин «фольварк». Расширение фольварочных хозяйств особенно усиливается с середины XVI в. Согласно «Уставе на волоки» 1557 г. предлагалось заводить фольварки, где только возможно. Однако в Центральной и Восточной Украине они не получили особого распространения.

Православная церковь в Украине имела крупные владения еще во времена Киевской Руси. Великие литовские князья и польские короли жаловали ей земли. В 1489 г. Казимир Ягайлович выдал жалованную грамоту Киевскому Николо-Пустынскому монастырю на право владения селом Княжичи около Киева со всеми полями, угодьями и доходами.

Значительные земельные владения имел Киево-Печерский монастырь. В 1494 г. Александр Казимирович своей жалованной грамотой закрепил за ним все земли и наградил новыми. Этот монастырь имел владения в Глусской, Поречской и Бобруйской волостях Беларуси, а также в Киевском, Каневском и Черкасском поветах Украины.

Наибольшие земельные владения принадлежали киевскому митрополиту. Земельные владения духовных феодалов увеличивались за счет вкладов и пожалований. Магнаты, бояре и паны часто отписывали монастырям часть своих земельных владений, чтобы после смерти «попасть в царство небесное».

После Кривской унии 1385 г. в Украине значительные владения имела католическая Церковь.

Большую группу мелких землевладельцев Украины составляли бояре. Боярские хозяйства были небольшими по размерам и мало связанными с рынком.

На протяжении XV в. лишь незначительная часть смогла разбогатеть, получить права шляхты и сберечь себе привилегированное положение. Небольшая часть их пошла на службу к магнатам и панам, а основная масса бояр разорилась и слилась с крестьянами. В первой половине XVI в. категория бояр по сути была ликвидирована.

После Люблинской унии идет вытеснение литовской власти с украинских земель, древнерусские государственные традиции, которые сохранились под формами автономии в ВКЛ, были полностью уничтожены. Началась политика полонизации, наступление шло как в хозяйственном, так и в культурном отношении. Владея с середины XIV в. Холмщиной, Галичиной и Подолом, польские магнаты перешли на Волынь, Брацлавщину, Киевщину, и, наконец, на Левобережье, занимая свободные земли или вытесняя местных землевладельцев. Знатные польские магнатские роды заняли огромные просторы, создавая настоящие латифундии. Эти «короленята»

были неограниченными владельцами своих земель, потому что, как правило, имели высшие должности в администрации (воевод, каштелянов и старост). Местные землевладельцы были перед ними беззащитны, они должны были добровольно отдавать им свои земли и становиться их вассалами или под угрозой смерти убежать на юг.

Вместе с магнатами в Украину хлынула и мелкая польская шляхта, голодная и небогатая, которая надеялась добиться имений и богатства. Они были у магнатов экономами, арендаторами и вместе со своими покровителями эксплуатировали местное население. При магнатах нашли себе наживу и евреи, которые брали в аренду корчмы, мельницы, были посредниками в торговле и проводили всякие спекулятивные операции.

Формы зависимости

Высшую категорию феодально-зависимого населения в Украине в XIV – первой половине XVI в. составляли *крестьяне-слуги* – «путные», «панцирные» и др. Их чаще всего поселяли вблизи границы, в частности, в замках, где они отбывали военную службу, одновременно занимаясь сельским хозяйством.

Большинство феодально-зависимых крестьян составляли данники и тяглые люди.

Данниками называлась та часть населения, которая пользовалась государственными землями и выполняла свои платежи государству целиком или преимущественно данью, то есть натурою, доходом своего промыслового хозяйства, медом и мехами.

Тяглые крестьяне жили по всей Украине, владели государственными землями и лично еще были свободными. Название происходило от слова «тянуть», что значило выполнять трудовые повинности в пользу государства с конем, плугом и топором. На территории Западной Украины тяглые крестьяне назывались «*кметами*».

В наиболее бесправном положении оказалась «челядь невольная», которая состояла из холопов, закупов и других подобных категорий крестьян, фактически находившихся в положении рабов. «Челядь невольная» работала, в основном, в имениях («дворах») польского короля и великого князя литовского.

Феодальная зависимость крестьян заключалась не только в отбывании повинностей в пользу господина, но и в ограничении их личной свободы.

По своему юридическому статусу крестьяне в XIV – первой половине XVI вв. делились на две основные группы: «*непохожих*» (или «*отчий*») и «*похожих*» (или «*вольных*»).

На основе анализа материалов Литовской метрики известны три группы «похожих» людей в Украине:

1) государственные крестьяне, которые не могли больше платить подати и выполнять повинности. Они переселялись в другие волости для улучшения своего экономического положения, иногда получали льготы и на протяжении 10 лет не платили никаких податей;

2) крестьяне тех земель, которые жаловались великим литовским князем феодалам. Они лишались своих наделов, но получали право переселиться в другую волость;

3) крестьяне, которые прибывали из других сел и селились на землях феодала.

В Украине в XV – первой половине XVI в. «непохожими» людьми назывались крестьяне, которые юридически и фактически были лишены права переселяться из одной местности в другую. Количество «непохожих» крестьян в XVI в. непрерывно увеличивалось.

Кроме того, существовала категория беднейшего сельского населения. Это были крестьяне, которые не имели собственного жилья и искали приют при дворах зажиточных крестьян или феодалов. В документах они называются по-разному: «суседки», «подсуседки», «половинники», «закладники», «каморники», «огородники», «бездомные люди», «изгои» и др.

В 1557 г. вышла «Устава на волоки», по которой всех крестьян поделили на «чиншевики», которые платили денежный оброк, и тяглых людей, отбывавших барщину.

Подати и повинности

Захватив украинские земли, литовские феодалы сначала требовали от местного населения дань в тех размерах, которую они платили татарским баскакам, а именно: десятую часть урожая, скота и промыслов. Но к концу XIV в. они установили новые нормы. Источники конца XIV – первой половины XV вв. сохранили мало сведений о размерах дани. Есть лишь ведомости, говорящие о том, что она собиралась зерном, медом, мехами, деньгами, скотом и различными продуктами питания. Расклад и сбор дани был под контролем наместников. В замках были построены большие амбары, где хранилась натуральная дань. Ее принимали замковые ключники, которые выдавали крестьянам квитанции об уплате натуральных и денежных платежей. Из замков натуральная дань и деньги отправлялись в государственный скарб ВКЛ.

От конца XV – первой четверти XVI вв. сохранились уникальные документы, позволяющие узнать о размерах податей и повинностей.

Зажиточные крестьяне-слуги на время исполнения военной службы освобождались от податей. А если они ее не несли, то должны были ежегодно давать со своего хозяйства: от 2 до 5 ведер меда, от 12 до 24 пудов овса или ржи, 1 – 2 куницы, от 20 до 90 литовских грошей.

Данники или тяглые люди платили со двора: от 2 до 6 ведер меда, от 12 до 24 и больше пудов зерна, 1-2 куницы, от 30 до 120 литовских грошей. Кроме податей, тяглые крестьяне должны были отбывать трудовые повинности в замковых и государственных хозяйствах от 14 дней в году до 1 дня в неделю.

Суседки, подсуседки, огородники, каморники и другие обедневшие крестьяне платили от 2 до 20 грошей с семьи. Если они жили недалеко от замков и великокняжеских хозяйств, то державцы заставляли их выполнять тяглые повинности по несколько дней в году.

Таким образом, мы видим, что главнейшей повинностью в конце XIV – первой половине XV в. была натуральная дань, которая взималась медом, воском и ценными мехами. Составной частью дани было зерно и сено. Кроме этого крестьяне отбывали так называемую «*мезлеву*» – дань крупным рогатым скотом, свиньями, овцами и курами. Часть податей крестьяне платили деньгами («плат рочный» или «чинш»).

Значительная часть крестьян находилась в руках православной и католической церкви. Наряду с выполнением целого ряда повинностей, они обязаны были платить еще и церковную десятину.

В XV в. с ростом городов и городского населения в Европе резко возросли и цены на продукты питания, особенно хлеб. Польша стала важной житницей Европы. По Висле до Гданьска проходил «великий хлебный путь». Участие Польши и ВКЛ в оживленной хлебной торговле содействовало росту помещичьего хозяйства. Если раньше в Украине существовали целые волости, где не было ни одного фольварка, то в конце XV – начале XVI в. они основываются там, где это только возможно. Фольварочно-барщинная система хозяйствования утверждается на Волыни, Подолье и Галичине. Что касается Центральной и Восточной Украины, то там ее практически не было. Развитие фольварочного хозяйства привело к резкому возрастанию барщины, особенно на территории Западной Украины.

Так, шляхта Холмской земли на своем сеймике 1477 г. постановила, что кроме денежного «чинша» и «дякла», крестьянин, занимающий надел земли, должен работать в имении шляхтича не менее одного дня в неделю. Кроме этого, он обязан исполнять целый ряд дополнительных работ и приходить на «толоку», сколько пожелает господин.

На сеймах 1519 и 1520 гг. польской шляхте удалось провести постановление для всего государства, по которому крестьяне не только шляхетских, но также государственных и церковных земель должны были отбывать барщину не меньше одного дня в неделю, а свободными от этого постановления могут быть только те крестьяне, которые докажут письменным документом, что барщина переведена у них на денежный оброк.

В середине XVI в. в коронных (государственных) землях нормальной считалась двухдневная, а иногда и трехдневная барщина в неделю.

В украинских землях ВКЛ развивался тот же процесс роста барщины. На Киевщине ее повсеместно стали вводить во второй половине XV в. В конце XV в. во многих украинских землях установилась норма барщины – один раз в неделю. Двухдневная барщина с надела в великокняжеских дворах и замках была введена после выхода «Уставы на волоки» 1557 г.

Государственные подати на территории Украины носили различные названия: «поголовщина», «подымщина», «воловщина», «серебщизна», «ордынщина», «стация».

В XV в. «поголовщину» давали данники, тяглые крестьяне и жители мест, которые владели и пользовались государственными землями.

«Подымщину» собирали великокняжеские державцы на Киевщине и Подоле.

Название «воловщина» чаще всего встречается в актах, которые имеют отношение к Волыни. В основном она собиралась деньгами: от 20 до 30 литовских грошей. Кроме этого, с каждого двора требовалась десятая часть от волов, овец, свиней и кур.

«Серебщизна» берет начало от татарского ига, когда ханские баскаки собирали дань с подвластного населения. В ВКЛ она собиралась периодически и тратилась на военные потребности: приобретение оружия, пороха, коней, фуража, жалованье наемному войску. Население южных волостей Киевщины, Брацлавщины и всей Переяславщины «серебщизны» не платило. Оно было освобождено от этой подати потому, что принимало активное участие в борьбе с татарами.

«Ордынщина», несмотря на освобождение от татарского ига, осталась прежней податью. Литовское правительство собирало ее и с сельского, и с городского населения деньгами и мехами. Платежи отправлялись в государственную казну, а часть в качестве подарков крымскому хану.

«Стация» – подать, которую выполняли крестьяне для обеспечения великого литовского князя и его двора продуктами, фуражом, квартирами и подводами во время его переездов по территории княжества. Она сохранилась до Люблинской унии 1569 г.

Закрепощение крестьян

Положение крестьян в Украине зависело от их правового состояния: существовало право русское, волошское (молдавское), немецкое и шляхетское (польское).

В селах русского права сохранились остатки прежнего общинного устройства. Основой хозяйства было дворище, которое состояло из 5 – 10 домов-изб, хозяйство вели родичи, которые принимали со стороны соседей, подсоседей, потужников, поплечников. Несколько дворищ составляли громаду (общину), во главе которой стоял выборный старец, тивун или атаман. Община имела общие леса, пастбища, луга, рыбные озера, свою администрацию, вела суд на своей территории, сообщала платила дань, держала церковь и священника. Несколько громад (общин) составляли волость во главе со старцем, которого выбирали «мужи» со всей территории. Собрание волости называлось вечем, общиной или копою. На таких собраниях вершились суды, называвшиеся копными.

Остатки общинного устройства были и в селах волошского права: в Закарпатье, Семиградье, Прикарпатье, вплоть до Галичины и юга Волыни. Осадчий, основавший село, назывался князем, он по наследству держал свою власть, вел управу и суд в своем селении, но с участием общины. Община вела так называемую «краину» под руководством крайника. Дважды в год, весной и осенью, крайники, князья и все хозяева собирались на собрание, где происходил суд и решались общие дела всей околицы.

В селах немецкого права, которое было в Западной Украине в XIV – XV вв. крестьяне наделялись индивидуальными наделами – ланами. Они не выполняли барщину, а только платили «чинш» и имели самоуправление во главе с наследственным войтом или солтысом.

Эти разные формы крестьянского самоуправления стали приходить в упадок по мере того, как возрастала власть шляхты. Она не позволяла крестьянам свободно выбирать старцев, а назначала своих державцев, сама проводила суд и накладывала на крестьян все новые обязательства. Так расширялось шляхетское или польское право.

В XV – XVI вв. крестьяне потеряли и гражданские права – право суда, собственности на землю и право выхода.

В 1447 г. Казимир IV выдал общеземский привилей для литовской шляхты, а в 1454 г. – Нешавские статуты для польской. По ним феодал имел право судить крестьянина во всех его делах – гражданских и уголовных. Таким образом, копный суд был заменен вотчинным.

Затем крестьяне потеряли право на земельную собственность. В украинском праве существовали категории свободных крестьян, которые

владели землей. Даже в XVI в. встречаются остатки этих крестьян, которые свободно покупали, продавали земли и завещали ее своим наследникам. Однако польское право признавало только княжеское, шляхетское и церковное землевладение, поэтому, когда польская власть распространилась на украинские земли, началась борьба шляхты за крестьянскую собственность. В XVI в. шляхта ее добыла, она переселяла крестьян в другие места, забирала лучшие земли под фольварки. В первой половине XVI в. такое право получила и шляхта ВКЛ. Во всяком случае, в «Уставе на волоки» 1557 г. уже не упоминается крестьянская земельная собственность.

Третьим ограничением гражданских прав было запрещение свободного перехода крестьян от одного феодала к другому. В 1435 г. галицкая шляхта приняла постановление, по которому крестьянин имел право уйти от господина лишь на Рождество, уплатив ему копу денег, большую меру пшеницы, две колоды овса, четыре русских сыра, воз сена и воз дров, либо должен был представить вместо себя другого крестьянина, который обрабатывал бы его надел и выполнял все повинности. Сейм 1496 г. еще больше ограничил право выхода; на протяжении года из села мог выйти только один крестьянин. И, наконец, сейм Польши 1505 г. постановил, что крестьяне коронных земель вообще не могут переселяться без разрешения феодала.

В ВКЛ крестьяне «отчичи», называвшиеся «людьми вечными», одними из первых утратили право выхода. Эта категория крестьян была закреплена за землевладельцами привилеем 1447 г. Этот привилей привязал крестьян к феодальным владениям вообще, а не к земельным наделам. Крестьянин мог передать свой надел другому крестьянину, а сам переселиться в иную волость, а то и город. I Литовский Статут 1529 г. не позволял зависимому крестьянину при переходе к другому землевладельцу забирать с собою имущество, скот, орудия труда. Аграрная реформа 1557 г. и II Литовский Статут 1566 г. еще больше ограничили право выхода крестьян.

Однако закрепощение крестьян происходило на Украине разными темпами. Так, например, в Прикарпатье и Поднепровье, где в отличие от Галичины, Подола и Волыни, населения было мало, поэтому феодалы вынуждены были давать льготы крестьянам, то есть освобождать их от платежей и повинностей, чтобы удержать на пашне.

Борьба крестьян против феодалов

Закрепощение крестьян и прикрепление их к земле было источником их эксплуатации. Усиление ее вызывало различные формы социального протеста, чаще пассивного. Сохранилось несколько документов, где идет

речь о наказании крестьян за отказ выполнять барщину или тяглые повинности.

Наиболее острой борьба крестьян была на Черниговщине, северной части Киевщины, Волыни, Подоле и Галичине. Позитивную роль в этой борьбе играла сельская община, которая объединяла жителей села и достаточно активно защищала их интересы. Если крестьяне не могли собственными силами отстоять свою свободу, они писали жалобы великому князю либо польскому королю, волостным и уездным судьям. Однако великокняжеский суд не рассматривал крестьянских жалоб и не принимал никаких решений, а в волостных и уездных судах сидели местные феодалы, которые не заинтересованы были в рассмотрении этих дел.

Очень распространенной формой борьбы крестьян против феодалов были побеги крестьян. Основную массу беглецов составляли те крестьяне, которые хотели сохранить свою свободу. Особенно много крестьян убежало на Левобережную Украину, где в конце XV – первой половине XVI вв. появилось много новых поселений – слобод. Десятки новых поселений были основаны также беглецами Галичины на юге Подола и в Карпатах. Попытки правительства остановить побеги крестьян и заставить их выполнять повинности успеха не имели.

Своеобразной формой борьбы против феодалов были также побеги обедневших крестьян в города. Правительство ВКЛ обязало своих воевод и наместников использовать городские гарнизоны для отлова беглецов и возвращения их туда, откуда они сбежали. Горожанам запрещалось пускать беглецов в свои дома даже на ночевку.

Исторические источники сохранили много примеров непримиримой борьбы крестьян против феодалов за пахотные земли, леса, луга, пастбища, рыбные и другие угодья. Крестьяне не допускали на свои земли феодалов, их вооруженных слуг, продолжали пользоваться своими землями, угодьями, отказывались выполнять барщину и платить чинш. Нередко крестьяне нападали на имения феодалов и убивали их. В книгах судебных дел Литовской метрики сохранилось много документов, в которых говорится про крестьянские «гвалты», «наезды», «грабежи», «поджоги», «убийства», «потравы посевов» и т. д.

Наивысшим проявлением обострения социальных противоречий были вооруженные восстания крестьян против феодалов.

Первое известное в истории массовое выступление крестьян на территории украинских земель произошло в первой четверти XIV в. в Закарпатье. Во главе повстанцев стоял глава Ужанского округа Петруня. Кре-

стьяне боролись против местных феодалов и венгерских завоевателей. Борьба продолжалась несколько лет, до гибели руководителя в 1321 г.

Волна массовых выступлений крестьян прокатилась с 1349 – 1352 гг. и в 1370 г. по Галичине.

Первое крупное восстание в Украине произошло в 1490 – 1492 гг. под руководством Мухи, крестьянина из северной Буковины. Он собрал вокруг себя около 10 тысяч крестьян. Восстание началось на Покутье, затем расширилось на южную Галичину, часть Подола и Северную Буковину. Летом и осенью 1491 г. и в первой половине 1492 г. повстанцы уничтожили много имений польских и украинских феодалов. Группа шляхтичей недалеко от Галича схватила Муху и отдала его польским властям. Он был отправлен в Краковскую тюрьму, где скоро умер от пыток и голода. Казнена была и значительная часть его соратников.

В конце XV – начале XVI вв. усилилась борьба в Закарпатье. Крестьяне приняли активное участие в антифеодальной войне 1514 г. в Венгрии под руководством Дьердя Дожа, который собрал вокруг себя около 60 тысяч повстанцев, провозгласил Республику, всеобщее равенство и верховенство народа, но вскоре попал в плен и был казнен. В том же 1514 г. после подавления восстания, специальным законодательным актом крестьяне Венгрии были прикреплены к земле.

Цит. по кн.: Федорасова, В.Г. История Украины с древнейших времен до середины XVIII в.: практику / В.Г. Федорасова. – Минск, 2006. – С. 8 – 18.

Позняк С.В.

УКРАИНСКИЕ ЗЕМЛИ в XIV – второй трети XVI вв.

Конфессиональный вопрос

Православная церковь на землях, подвластных ВКЛ, по сравнению с Галичиной находилась в лучшем положении. В свое время православие приняли сыновья Гедемина: Любарт, Кориат, Наримонт, Ольгерд и почти все дети последнего. Правда, запланированные первоначально брак Ягайлы с дочерью Дмитрия Донского, а значит и принятие им православия, не состоялись.

Ход исторического развития Литовско-Русского государства был изменен Кревской унией 1385 г. С этого времени прекратилась христианизация Литвы православной церковью. Литовцы-язычники начали принимать католичество, а православные – переходить на католический обряд.

Несмотря на то, что законодательных актов, которые ставили бы православную церковь в угнетенное положение, еще не было, дарование государственной властью ряда привилегий католической шляхте ограничивало права православной. Городельский привилей 1413 г. уравнивал в правах литовских шляхтичей-католиков с польской шляхтой, а православных («схизматиков») приравнивал к литовцам-язычникам. Этот акт стал предвестником грядущей религиозной нетерпимости, могучим фактором пропаганды западного христианства. Высшие слои общества переходили в католицизм ради тех прав и привилегий, которые давались только шляхте католического вероисповедания.

В связи с усложнением внутривосточной обстановки в ВКЛ привилеями 1432 и 1434 гг. была сделана попытка уравнивать положение православных и католических верхов населения. Однако почти через столетие, в 1529 г., действие Городельского акта было подтверждено, чему предшествовал протест литовских панов против назначения трокским воеводой православного князя Константина Острожского (1522).

Характерной чертой политики великих князей литовских в отношении к православной церкви было стремление ввести отдельную от Москвы митрополию. Однако еще в первой половине XV в. большинство митрополитов были общими для Московского государства и ВКЛ. Окончательное разделение митрополии произошло во второй половине XV в. В Москве последним митрополитом, который еще носил титул «Киевского и всея Руси», был Иона (1448 – 1461), избранный без согласия константинопольского патриарха. Преемник его, митрополит Феодосий, назывался уже митрополитом «Московским и всея Руси».

Отдельным, привнесённым извне эпизодом церковно-политической жизни Украины стала Флорентийская уния. Епархии ВКЛ своих представителей на Ферраро-Флорентийский собор не посылали из-за противодействия великого князя Сигизмунда Кейстутовича и виленского католического епископа. Видимо, не получили разрешения Короны на поездку в Италию и церковные иерархи Галичины. Правда, в соборе принимали участие представители львовской православной общины армян, которые представляли там и интересы армян каменец-подольских. Митрополит Исидор, подписав договор об унии восточной и западной церквей (1439), по пути в Москву посетил в 1440 – 1441 гг. Краков, Перемышль, Львов, Галич, Холм, Вильно, Киев и другие церковные центры. Католические иерархи и светские владельцы Польши не выступили открыто против унии церквей. Запрет на провозглашение унии Исидор получил в Вильно. Тот факт, что Исидор практически беспрепятственно официально провозгласил унию в

Луцке, Владимире-Волынском и Киеве, объясняется тем, что здесь, в отличие от Польши, его воспринимали не как кардинала и папского легата, а как митрополита-грека, представителя константинопольского патриарха.

В целом отношение украинского населения к миссии Исидора было довольно сдержанным. Среди мещанства существовало недовольство его богослужебной практикой – поминанием имени папы на литургиях, обрядовой мешаниной. Пребывание Исидора на землях ВКЛ и Польши после бегства весной 1442 г. из Москвы было практически незамеченным большинством современников. В 1443 г. он окончательно оставил русские земли. В 1451 г. Казимир IV дал согласие на подчинение всех епархий Киевской митрополии в ВКЛ митрополиту Ионе, пребывавшему в Москве, что подтверждало отсутствие унии как таковой на южнорусских землях.

В 1458 г. по распоряжению римского папы в противовес Ионе в сан митрополита для ВКЛ в Риме константинопольским экс-патриархом (униатским) Григорием Маммой был посвящен ученик Исидора Григорий Болгарин. Он был принят Казимиром IV и признан белорусскими и украинскими епархиями. Только черниговский митрополит не признал Григория Болгарина и отъехал в Москву. Таким образом, в 1458 г. было окончательно ликвидировано единство общерусской митрополии.

Первоначально Киевская митрополия находилась под верховенством римского папы и охватывала белорусские и украинские земли вместе с Галичиной. Уже в XVI в. к Москве отошли черниговская и смоленская епархии. Однако церковная уния на землях ВКЛ до самого конца XVI в. осуществлена не была. Со временем Киевская митрополия вновь оказалась под контролем Константинополя, где Флорентийская уния была осуждена. Правда, зависимость от патриарха в конце концов превратилась в простую формальность: он давал благословение выбранному королем по рекомендации «князей и панов греческого закона» кандидату в митрополиты.

В Галичине позиции католической церкви усиливались уже с Казимира III, который проводил интенсивную колонизацию галицких земель немцами и поляками. В Перемышле, Галиче, Холме были основаны католические епископские кафедры. Правда, при жизни Казимира епископы, назначенные на эти кафедры, задержались в Германии и Англии как помощники епископов в здешних католических диоцезиях (епархиях).

Что касается отдельной митрополии для Юго-Западной Руси, то ее ликвидации требовал не только римский папа, но и Москва. Так, патриарший собор в Константинополе ликвидировал в 1347 г. Галицкую митрополию именно по просьбе великого князя московского Семена Гордого и ми-

трополита Феогноста, которые ссылались на извечное единство митрополии на Руси.

Однако Казимир Великий все же осуществлял в своих восточных владениях достаточно взвешенную политику. Он совсем не хотел, чтобы православное население Галичины подчинялось митрополиту, который находился в Москве и проводил линию московского князя. В конце своей жизни Казимир, действуя, по сути, против воли римского папы, обратился к константинопольскому патриарху с просьбой о поставлении галицким митрополитом украинского епископа Антония. Угроза короля, что он будет вынужден переводить православных на латинскую веру, если не будет Галицкой митрополии, подействовала на патриарха. Галицкая митрополия была восстановлена в 1371 г. и просуществовала до начала XV в. Поздней титул галицкого митрополита вошел в полную титулатуру киевского архиепископа – «митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси».

Несмотря на восстановление митрополии положение православной церкви в Галичине резко ухудшилось при преемнике Казимира на польском троне Людовике Венгерском. Расширилась сеть католических парафий, начали активную деятельность основанные ранее католические епископские кафедры. Стал обычным захват имущества православной церкви. В Перемышле был разрушен православный собор, а на его месте начал строиться костел. Активизировалась миссионерская деятельность католических орденов доминиканцев и францисканцев.

Характерно, что декрет Казимира IV 1451 г. о передаче украинских и белорусских епархий под юрисдикцию митрополита Ионы не касался Галичины. Польский король и католические иерархи имели в отношении русских земель в границах Короны собственные церковно-политические планы, которые выражались формулой «одна держава, один народ, одна вера».

Хотя формально православные в Польше и пользовались свободой вероисповедания, их конфессия рассматривалась Коронай как второстепенная, свидетельством чего было налогообложение православного духовенства, ограничение отдельных культовых служб, церковного строительства и т. д. Уже с начала XVI в. православная епархия в Галиче подчинялась юрисдикции Львовского католического архиепископа как главы христианской общности в регионе.

Конфессиональная политика последнего Ягеллона – Сигизмунда II Августа – не отличалась последовательностью. Дважды, в 1547 и 1551 гг., подтверждалось действие Городельского акта, но в 1563 г. шляхта католического и православного вероисповедания была уравнена в правах, чем

удовлетворялись сословные интересы последней, и закладывался фундамент будущей унии Короны и ВКЛ.

Хозяйственная жизнь и социальная стратификация.

Основу экономики Украины составляли земледелие и традиционные промыслы: охота, бортничество и рыболовство. Последние преобладали в хозяйственной деятельности значительной части населения Киевщины и Подолья, наиболее обескровленных монгольским нашествием и постоянными набегами крымчаков. Обезлюдившие земли Южной Руси стали источником особой формы эксплуатации природных богатств – сезонного «уходничества», – которым занимались не только промысловики-профессионалы, но и мещане и крестьяне. Бортные земли как хозяйственные объекты стали предметом пожалований великих князей литовских. Раздача бортных угодий «за пашню» широко практиковалась и на территории Северщины, которая в XVI в. оказалась в составе Московского государства.

Превращаясь в постоянное занятие, промысловая деятельность значительно ограничивала число работников, занятых в земледелии. Это породило зависимость Среднего Поднепровья от подвоза зерна, в частности, из западноукраинских земель, где аграрные отношения приобрели более зрелые формы.

На протяжении XV – XVI вв. экономика Галичины, Волыни и Подолья постепенно переориентировалась на потребности внешнего рынка. Вывозились воск, мед, зерно, скот, соленая рыба, соль, древесина. Возрастание спроса в Западной Европе на продукты земледелия и скотоводства не только содействовало росту экспорта из западноукраинских земель, но и остро поставило вопросы о земельной собственности, рабочих руках и формах организации труда. Качественно повышался уровень техники и технологии хозяйствования. Росло число водяных, а со временем и ветряных мельниц.

Наиболее динамично процесс развития крупного феодального землевладения проходил в Галичине и на Волыни. Основными его источниками были королевские и великокняжеские пожалования, захват общинных земель, покупка имений у других собственников. Уже в XV в. в Галичине исчезает термин «панский двор» как признак собственного хозяйства феодала, а взамен для обозначения многоотраслевого феодального хозяйства, основанного на барщинном труде, появляется термин «фольварк». Одновременно с ростом фольварков увеличивалась и барщина. Так, если в начале XV в. в Галичине крестьяне отрабатывали 14 дней барщины в год, то в конце столетия – 2 дня в неделю, т. е. 104 дня в год.

Интенсивному росту фольварочно-барщинной системы хозяйствования способствовали повышение спроса горожан на продукты питания и сырье для ремесленного производства. В фольварках сырье не только производили, но частично и перерабатывали на мельницах, винокурнях и т.д. В Центральной и Восточной Украине к середине XVI в. фольварки распространения не получили.

Изменения в экономике были тесно связаны с социальными процессами. XV – XVI вв. стали временем формирования сословной организации общества. Первоначально отличия между сословиями были нечеткими, люди довольно свободно могли переходить из одного сословия в другое.

На вершине социальной лестницы находилось военно-служилое сословие (шляхта), которое со временем превратилось в почти замкнутую привилегированную часть населения. Своеобразным стержнем этого сословия на украинских землях Великого княжества Литовского было около 30 княжеских родов из династий Гедиминовичей и Рюриковичей (Острожские, Вишневецкие, Збаражские, Корецкие и др.). Место и роль этой группы в социальной структуре определялись как знатностью происхождения, так и огромной земельной собственностью.

Важной составной частью шляхетского сословия были паны. Эта социальная категория складывалась из членов великокняжеской рады (паны радные) и богатейших феодалов, которые в военные походы выезжали с собственными отрядами и под собственными хоругвями (паны хоругвенные).

Низшую ступень формирующегося высшего сословия составила многочисленная мелкая шляхта (земяне). По своему происхождению и образу жизни мелкие шляхтичи приближались к крестьянству.

Процесс оформления шляхты в привилегированное сословие вступил в завершающую стадию в XVI в. Сеймовое постановление 1522 г. о «выводе шляхетства» относилось к шляхетскому сословию только наследников тех, кто стал боярином или землянином еще во время правления Витовта, Сигизмунда и Казимира. Следующим шагом в процессе внутренней консолидации высшего сословия стала перепись шляхты («попис земский») 1528 г. В это время термин «шляхтич» постепенно вытесняет из употребления традиционные «боярин» и «земянин». Терминологической новацией стало то, что боярами теперь именовалось мелкое служилое население, которое отличалось по своему социальному статусу как от бояр времен Киевской Руси, так и от бояр-шляхты.

Окончательное размежевание и выделение шляхты в особое сословие произошло в результате проведения аграрной реформы 1557 г. («Уста-

вы на волокни»), которая отнесла к шляхте лишь «бояр стародавних», а остальных отнесла на низшие социальные ступеньки. По подсчетам Н.М. Яковенко, на украинских землях ВКЛ шляхта в середине XVI в. составляла почти 2,5 % всего населения. Параллельно шло юридическое закрепление прав и привилегий сословия. Виленский привилей 1565 г. содействовал созданию поветовых шляхетских сеймиков, а II Статут ВКЛ (1566) закрепил за шляхтой законодательные права и создал организованное представительство шляхты на общегосударственных сеймах.

Во время пребывания украинских земель в составе ВКЛ важная роль в социальной структуре общества принадлежала духовенству. Оно было довольно многочисленным, к нему принадлежали и члены семей священников. Поэтому и духовные должности долгое время переходили по наследству: после смерти отца приход получал старший сын. «Церковные люди» не подлежали светскому суду, в случае необходимости их судил суд епископа.

В отдельную общность выделялись жители городов – мещане. По своему социальному положению мещанство не было однородным. На вершине городской пирамиды находился патрициат – наиболее богатые и влиятельные верхи города. Промежуточное положение занимало бюргерство – цеховые мастера, средние торговцы. Третью и наибольшую категорию мещан составляли городские низы, или плебс – мелкие торговцы, подмастерья, ученики, внецеховые ремесленники («портачи») и т. п.

Абсолютное большинство населения составляли крестьяне. По правовому и имущественному положению крестьянство также было неоднородным. Определенное значение имело то обстоятельство, проживали ли крестьяне на землях королевских и великокняжеских или же на землях магнатов, шляхты, монастырских и церковных. В отличие от государственных податей, которые были более-менее фиксированными, обязательства крестьян перед феодалами были довольно разнообразными.

Условно крестьянство можно поделить на три группы: 1) лично свободные крестьяне-общинники (чиншевые или данники), которые уплачивали натуральную и денежную ренту («чинш»); 2) тяглые крестьяне, которые жили на принадлежащих феодалам землях и отбывали барщину, платили государственные налоги («серебщину»); 3) крестьяне-слуги, которые несли военную службу или выполняли повинности, требующие специальных навыков. Кроме того, все крестьяне отбывали повинности в пользу государства: строили и ремонтировали замки польского короля и великого князя литовского, сооружали мосты, прокладывали дороги, заводили гребли и т.п.

Крестьяне-общинники жили отдельными «дворищами», которые объединяли несколько хозяйств («дымов»). Несколько дворищ составляли громаду. Громады, в свою очередь, объединялись в волость. Община жила по нормам обычного права, которые складывались веками и широко использовались в судебной практике. Громада несла ответственность за своевременную уплату податей и выдачу преступников. Суд вершился на сходке («копе») и получил название копного. Однако наступление феодалов на территорию и права крестьянских общин приводило к ограничению и ликвидации копных судов.

Социально-экономические процессы и геополитическая ситуация на Украине обусловили появление в XV – XVI вв. новой социальной группы – казачества, – которое со временем стало влиятельной силой общества, активным участником исторического процесса.

Города. Магдебургское право

Украинские города и местечки по своему юридическому статусу делились на великокняжеские (королевские), частновладельческие и церковные.

Частновладельческие города продавались, покупались, сдавались в аренду. В XIII-XV вв. в частной собственности феодалов находилось около 80 % всех городов и местечек Украины. Часто феодальные собственники владели отдельными городскими территориями, так называемыми «юрисдикциями», население которых платило подати в пользу своего владельца. Но со временем все больше городов добивалось права на самоуправление.

Южнорусские города в составе Короны и ВКЛ различались по национальному составу населения, хозяйственной деятельности жителей. В Галицкой Руси первоначально основную массу колонистов составляли немцы. Но так же, как чехи и венгры, они довольно быстро полонизировались благодаря общей религии и смешанным бракам с колонистами-поляками. Важной по влиянию и численности этнической группой городского населения были армяне, которые со второй половины XIV в. образовали отдельную церковную общность во главе с епископом, подчиненным католику. Со времен Казимира Великого покровительством Короны пользовались евреи. Поскольку в большинстве городов они не имели права заниматься ремеслами, а отчасти и торговлей, в их руках оказалось ростовничество, накопились немалые капиталы. Евреи и армяне совершенно не растворялись в славянском мире, как, например, немцы.

В отличие от пестрых в этническом отношении городов Галичины, в поселениях городского типа на Волыни и Киевщине, как правило, преобладало русское население. Прирост городских жителей происходил в ос-

новном за счет окрестных сел, а отчасти и за счет миграции из других регионов ВКЛ. Так, в Житомире по данным ревизии 1552 г. проживали выходцы из Киевщины, Волыни, а также из Беларуси (Бобруйска, Копыля, Слуцка и Турова). Кроме того, на Киевщине городское население традиционно пополнялось за счет степняков, а в больших городах Волыни существовали еврейские общины.

В целом городское население западных регионов росло значительно быстрее. Уже в начале XV в. по числу жителей (15 тыс.) резко выделялся Львов, в то время как в Киеве тогда проживало 3 тысячи человек. Горожане Галичины, Западного Подолья и отчасти Волыни заметно превращались в новую общность открытого типа.

Если города Западной Руси становились центрами ремесла и торговли, то городские поселения Южной Руси в целом сохраняли феодально-аграрный характер. Их жители занимались земледелием, скотоводством, промыслами и только частично ремеслом и торговлей; пребывали в феодальной зависимости и подобно крестьянам выполняли различные повинности, платили подати. Так, например, «чистое» торгово-ремесленное население Ковеля составляло лишь треть его жителей.

В связи с тем, что Южная Волынь, Киевщина и Брацлавщина жили под постоянной угрозой татарских нападений, городам отводилась важная роль в защите окрестного населения. Оборонные функции накладывали свой отпечаток на весь уклад жизни мещан, консервировали архаичное деление жителей на десятки и сотни. Для жителей Киева, Черкасс, Белой Церкви, Корсуня и других городов уплата податей заменялась обязанностью нести сторожевую службу, выступать с оружием в руках на защиту своего города. Но и в городской жизни Южной Руси наблюдались новые явления и процессы. Получила распространение ярмарочная торговля. Постоянные ярмарки существовали в Киеве, Луцке и других городах. Углублялась специализация ремесленного производства.

Характерной чертой городской жизни была цеховая организация. Ремесленники одной или родственных специальностей объединялись в цехи, которые обеспечивали им хозяйственную независимость, монополию на занятие данным ремеслом в городе, регулировали закупку сырья и раздел его между членами цеха. Первое упоминание о цеховой организации на Украине датируется 1386 г. и относится к цеху сапожников Перемышля. В конце XV – начале XVI вв. цеховые объединения ремесленников получили распространение в городах Волыни и Киевщины. Во Львове, Луцке и Киеве действовало по 15 – 30 цехов в каждом.

С XIV в. в отдельных украинских городах начинает вводиться Магдебургское право, которое позволяло им создавать органы самоуправления. Первыми получили это право вместе с немецкими колонистами города Закарпатской Украины (с 1329 г. – Хуст), которые принадлежали Венгрии. В 1339 г. галицкий князь Болеслав–Юрий II даровал его городу Санок (сейчас на территории Польши).

С переходом украинских земель под власть Польши и Литвы жалованные грамоты на введение в украинских городах Магдебургского права давали короли и великие князья, видя в нем средство колонизации новых земель. В 1356 г. оно было предоставлено Львову. В XV – XVI вв. Магдебургское право стало основой жизни ряда городов Правобережной Украины. Так, в 1494 – 1497 гг. его получил Киев. С XVI в. Магдебургское право стали даровать своим городам и крупные феодалы.

Получение городом Магдебургского права означало ликвидацию власти и суда над горожанами со стороны феодалов, местной королевской и великокняжеской администрации. Кроме того, городское население освобождалось от натуральных повинностей и обкладывалось определенными налогами с торговли и промыслов. Функции управления городом переходили к магистрату. Он состоял из двух коллегий – лавы, которая ведала судом в криминальных вопросах, и рады, которая ведала гражданским судом, полицией, наблюдала за торговлей и т.п. Во главе магистрата стоял войт.

Степень городского самоуправления на Украине не была одинаковой: отдельные города имели полное Магдебургское право, другие – неполное. Право на самоуправление давалось, в первую очередь, иностранным колониям, даже нескольким для одного города. Так, в Каменце-Подольском существовало три магистрата – польский (с 1374 г.), украинский (с 1553 г.) и армянский (с 1565 г.). Они имели свои жилые кварталы, храмы, цехи, рынки.

Распространение на города Украины Магдебургского права – сложный и неоднозначный процесс. С одной стороны, оно содействовало освобождению горожан от своеволия королевских и великокняжеских наместников, злоупотреблений крупных землевладельцев, вело к европеизации городской жизни. С другой – Магдебургское право, открывая шлюзы для усиления немецкой и польской колонизации, вытесняло коренных жителей из органов местного самоуправления, тормозило развитие местных норм и традиций городской жизни. Поэтому М.С. Грушевский, например, давал ему негативную оценку, подчеркивая, что оно нарушало единство традиционного украинского общества.

Эволюция политического строя и развитие права ВКЛ

С середины XV в. власть великого князя стала слабеть, а одновременно расширялась компетенция другого высшего органа государственной власти – панов-рады. Формальным поводом для усиления влияния и значения рады стало избрание в 1447 г. великого князя Казимира королем Польши и переезд его в Краков. Юридически возрастание роли рады было закреплено привилеями 1492 и 1506 гг. Отныне великий князь обязан был согласовывать с радой внешнеполитическую деятельность, вопросы законодательства, расходования финансов, назначения и увольнения высших государственных сановников – «урядников» (маршалка, канцлера, гетмана и др.). В случае отсутствия великого князя рада имела право руководить всей внутренней и внешней политикой государства, даже объявлять мобилизацию и начинать войну.

К началу XVI в. окончательно оформился новый коллегиальный, более представительный орган – Великий вальный сейм. На первые сеймы, кроме магнатов, высшего духовенства и урядников, приглашали также и всю шляхту. Но с 1512 г. шляхта стала выбирать и отправлять на сейм по два представителя (посла) от повета. Круг проблем, рассматривавшихся вальным сеймом, постоянно расширялся.

Долгое время основными действующими источниками права в ВКЛ были «Русская Правда», международные договоры и обычное право. Великие князья и урядники ссылались на них, верша суд и расправу. Одновременно уже со второй половины XIV в. получают развитие законодательные акты великих князей в форме привилеев. Они оформляли или подтверждали права шляхты, определенных социальных и этнических групп, отдельных лиц, а также конкретных земель, городов, местечек и т. п. Многие из этих законодательных памятников изначально имели общегосударственное значение: привилеи Владислава II (1387), Городельский (1413), Казимира (1447), Александра (1492) и др.

Первым кодексом уголовного и процессуального права ВКЛ стал Судебник Казимира Ягеллончика (1468). Он определял единые для всего государства наказания за преступления против феодальной собственности, в том числе за захват чужих земель и за содействие бегству феодально-зависимых крестьян.

Однако Судебник Казимира ни по своему объему, ни по содержанию не отвечал современным ему потребностям жизни общества. Фактически исчерпало себя и регулирование правовых норм посредством одних лишь привилеев. Инициатором унификации источников права и правовых систем в общегосударственном масштабе стала мелкая и средняя шляхта, ко-

торая чувствовала себя ущербной по отношению к магнатско-княжеской верхушке и на сейме 1514 г. обратилась к великому князю с просьбой «даровать» единые письменные законы, гарантирующие шляхетские права и привилегии. О своем намерении подготовить соответствующий свод законов Сигизмунд I заявил на сейме 1522 г.

Итогом работы великокняжеских урядников-правоведов стал Статут 1529 г. Написанный на белорусском языке, он не был опубликован, а переписывался для практического употребления, поэтому в тех списках, которые дошли до нашего времени, встречаются существенные расхождения. Статут состоял из 13 разделов и 244 статей. Поздней в него были внесены дополнения, в результате чего количество статей увеличилось до 283. Статут содержал нормы государственного, административного, семейного, уголовного, судебно-процессуального и других отраслей права.

В Статуте 1529 г. органически соединились юридические понятия римского права, отзвуки положений «Русской Правды», текущее законодательство ВКЛ, нормы обычного русского (белорусского и украинского) и литовского права, ряд положений польских, немецких и чешских правовых кодексов. В нем был заложен принцип суверенности государства. Государь обязывался не допускать иностранцев на государственные посты. Статут вобрал в себя ряд ренессансных политико-правовых идей: понятие единой ответственности всех перед законом; институт присяги должностных лиц, начиная с великого князя; право обвиняемого на защиту с участием адвоката; регламентация имущественных и личных прав женщины и т.д.

Хотя Статут 1529 г. и декларировал правовую защиту всего посполства, т.е. народа, он закреплял привилегии и льготы феодалов. Поскольку же во главу угла были поставлены интересы крупных магнатов, шляхта, начиная с 1540-х гг., на каждом сейме настойчиво добивалась «исправления» Статута. Примером служили Нешавские статуты (1454) соседней Польши, ограничившие власть магнатов и короля и ставшие важной вехой в формировании польской шляхетской республики.

Некоторое время великий князь и магнатская верхушка отклоняли шляхетские требования, но в конце концов им пришлось пойти на создание специальной комиссии для пересмотра Статута. Новая редакция кодекса (II Статут ВКЛ) была утверждена в 1566 г. Этот свод законов феодального права юридически оформил «шляхтизацию» общественно-политического строя Великого княжества Литовского. Структура Статута, состоящего из 14 разделов и 367 статей, сохранялась с небольшими изменениями образца 1529 г. В то же время реализация идеи шляхетского государства с помощью реформирования системы органов власти и управления типологически

сближала политические структуры ВКЛ и Польши. Как и Статут 1529 г., новый кодекс права послужил основой и источником для разработки в дальнейшем III Статута ВКЛ (1588).

Высшей судебной инстанцией в ВКЛ был великокняжеский суд, а на местах вся полнота судебной власти принадлежала вначале удельным князьям, потом – наместникам, воеводам, старостам. Судебные полномочия были предоставлены также панам-раде. В связи с большим числом дел великий князь поручал ведение суда своим доверенным лицам, но данные поручения не имели постоянного характера. Так, к временным судам относились, например, комиссарские, которые рассматривали земельные претензии землевладельцев, монастырей и городов к представителям великокняжеской администрации на местах. В середине XVI в. продолжали функционировать также церковный, копный, войтовско-лавницкий (в городах с Магдебургским правом) и вотчинный суды.

Шляхта настойчиво добивалась создания выборных шляхетских сословных судов, отделения судебных органов от великокняжеской администрации на местах. Сложная внутривластная ситуация, сложившаяся во время Ливонской войны, вынудила великого князя и магнатов пойти на ограничение своей власти и прерогатив в судебном отношении. В самый разгар подготовки II Статута ВКЛ был опубликован привилей, провозглашенный Сигизмундом Августом в 1564 г. на сейме в Вельске (Подляшское воеводство). Декларировалось равенство шляхты перед судом и законом. Отдельно оговаривалось, что права церкви и духовных судов (католических и православных) сохраняют свою силу в том объеме, который был уже ранее пожалован католическим бискупам и православным владыкам.

Поскольку основные положения Вельского привилея были взяты из проекта нового кодекса права, они вошли в качестве составной части в Статут 1566 г. Впервые наметилось отделение суда от органов власти и управления. И для магнатов, и для шляхты вводились общие выборные суды по образцу системы земского судопроизводства Польши. Характерно, что в Галичине они были введены еще в 1434 г. вместе с ликвидацией остатков автономии края в составе Короны.

Статут 1566 г. учредил в каждом повете ВКЛ земские, городские (замковые) и подкоморские суды, регламентировал их компетенцию. Земские суды состояли из судьи, подсудка и писаря, которые избирались шляхтой и утверждались великим князем. Судили они шляхту преимущественно по гражданским делам. Городские суды рассматривали в основном уголовные дела и судили не только шляхту, но и простых людей. Подкоморские суды были судебными инстанциями при рассмотре-

нии поземельных споров феодалов. Суд в них вершил подкоморий, который нанимал себе 1 – 2 помощников – коморников. Судебные дела направлялись в подкоморские суды земским или городским судом соответствующего повета. Иски сторон о праве землевладения в их компетенцию не входили, а споры о границах землевладения шляхты и великого князя подлежали рассмотрению комиссарских судов.

Статут Великого княжества Литовского 1566 г. признавал великого князя первым лицом государства и даже называл его «господарем», но его правовое положение было типичным для ограниченного монарха, правителя, права которого основывались на выборном начале. Он не имел права без решения сейма начинать войну или устанавливать подати на военные нужды, издавать законы.

Цит. по кн.: Позняк, С.В. История Украины (IX – первая половина XVII в.): Курс лекций / С.В. Позняк. – Минск, 2002. – С. 97 – 110.

Грушевский М.С.

Попытки восстаний в Галиции и начало национального движения

...В то время как Восточная Украина, в лице местной аристократии, искала опоры в Москве, Западная Украина – в особенности Галиция – ищет избавления от своей тяжелой участи у соседней Молдавии, близкой по вере и славянской культуре. Молдавское княжество, организовавшееся в середине XIV в., достигает в это время большой силы и значения под властью своего государя Стефана Великого (1457 – 1504), сумевшего не только расширить свои владения, но и создать себе прочное и самостоятельное положение, отразив турецкие нападения – самого грозного султана Магомета. Румыны Молдавии находились под влиянием болгарской культуры, близкой украинцам; книжность, просвещение, искусство были общие, поэтому Подолье и Галиция, в особенности юго-восточная часть последней (земля Галицкая), поддерживали тесные связи с Молдавией и в трудные минуты искали там помощи и опоры...

...Но эти попытки не удались, так как Молдавия была слишком слаба, чтобы поддержать украинский элемент Галиции, а этот последний был здесь еще гораздо более задавлен, чем в Великом княжестве Литовском. В этом украинское общество должно было убедиться очень скоро, и поэтому, вслед за неудачными попытками освобождения от Польши при помощи Молдавии, мы замечаем в Галиции первые вполне определенные проявления организации народных сил для ограждения своих прав и для создания новых основ национальной жизни.

Условия украинской жизни были здесь действительно чрезвычайно тяжелы, не было даже такой украинской аристократии, как на Волыни или в Киевской земле, у которой украинская культурная жизнь могла бы найти поддержку и покровительство. Могущественное украинское боярство Галиции исчезло в XIV – XV веках, или утратив свои поместья в польских конфискациях, или смешавшись с польской шляхтой и приняв католичество, а затем и ополячившись (в особенности поводом к этому служили смешанные браки с католичками: случалось, что жениху ставилось условием, что он еще до свадьбы должен перейти в католичество). Православным были закрыты все пути; даже православной присяги в судах часто не хотели принимать; неудивительно, что много православных в конце концов махнуло рукой на все национальные традиции и приняло католичество «для лакомства несчастного», говоря словами позднейшей думы. Уцелела только мелкая шляхта, бедная и темная, не имевшая ни влияния, ни голоса в политических вопросах, притом неорганизованная. Православная церковь, эта единственная в то время представительница украинской национальной жизни, единственная форма национальной организации, была совершенно задавлена. С половины XV в. галицкая митрополия оставалась вакантной, и король отдал ее в заведование галицкому старосте, а заведование духовными православными делами присвоил себе львовский католический архиепископ и назначал от себя для управления ими своих заместителей. Сопротивление православного духовенства подавлялось грубою силою; десятки лет потом в Галиции вспоминали, как православных клирошан водили «на поворозах» с Клироса (митрополичьей резиденции) и велели им идти вброд через Днестр – угрожая потопить их, если будут продолжать сопротивляться.

Ввиду забот о возобновлении православной иерархии прежде всего проявляются стремления галицкого общества к национальному возрождению после того, как рассеялись надежды на заграничную помощь. Стремления эти становятся заметными с началом 1520-х годов, а начались, вероятно, гораздо раньше, и много лет прошло, пока православным Галиции удалось добиться от правительства позволения, чтобы киевский митрополит посвятил епископа для галицкой епархии. Невероятными кажутся теперь документы и повествования о тех путях, какими должны были добиваться этого позволения галичане: приходилось искать покровительство у разных лиц, имевших влияние на королевский двор, оплачивать все щедрыми подарками, платить даже самому королю и королеве. За привилегию на епископство галичане должны были обещать королеве Боне двести волов, за отмену прав Львовского архиепископа раздали они сто десять волов – королю, королеве

и разным панам; затем пришлось раздать еще сто сорок волов, пока король выдал новому епископу подтвердительную грамоту, и т.д.

Главным образом, хлопотали об этом украинские мещане Львова. В то же время они добивались отмены различных ограничений, тяготевших на них: их не только не допускали к городским должностям, но и не принимали в ремесленные цехи, не позволяли заниматься продажей горячих напитков, торговать материями; им нельзя было иметь домов за пределами маленького русского квартала (где теперь «улица Руська» с соседними переулками); вне этого квартала им не разрешали церковных процессий, похорон с церковной церемонией... Даже православной присяги не принимали в судебных делах.

Львовская Русь добивалась отмены всех этих запрещений через разных влиятельных магнатов – между прочим, через известного волынского магната Константина Ивановича Острожского, гетмана литовского (пользовавшегося большим уважением при королевском дворе за свои военные заслуги и даже, «не в пример прочим», получившего воеводство Троцкое, одну из важнейших должностей в княжестве Литовском). Не жалели подарков и взяток. Но все-таки добились немногого, и в старой столице Галиции украинцы и позже оставались «инородцами», пользовавшимися кое-какими правами только в своем квартале. Однако они не падали духом. Важно было пока уже то, что все-таки, несмотря на все препятствия, они добились своего православного епископа и водворили его в Львове (1539). Это была важная точка опоры национальной жизни того времени.

Одновременно реформируются церковные братства в интересах национальной организации. Такие братства издавна существовали при церквях – начало их восходит еще к языческим временам, к языческим празднествам и игрищам, на которые собирались соседи из окрестных сел. Позже, когда эти села были объединены приходской церковью, связующим нервом служили храмовые праздники, всенародные пиры, так называемые братчины: для них варили мед и пиво, принимали на пир пришлых гостей за плату и вырученные деньги передавали церкви. Память об этом сохранилась в былинах о Василье Буслаевиче, где идет речь о канунном меде и яичном пиве, который варила в свой храмовый праздник братчина Никольщина под руководством церковного старосты, принимавшего за «немалую сыпь» также и посторонних гостей на братский пир.

Затем, когда польско-литовское правительство вместе с городским устройством по немецкому праву начало вводить также и церковные ремесленные братства по немецкому образцу, украинские и белорусские

мещане начинают реформировать свои старые церковные «медовые» братства по образцу новых церковных братств, чтобы иметь законную форму для своей организации. Старейшие уставы таких реформированных братств сохранились в Белоруссии, в Вильне, а на Украине – во Львове. Львовское братство при главной церкви Успения, в русском квартале, было реформировано, вероятно, вместе со введением епископства. От 1540-х годов имеем уставы нескольких братств при церквях львовских предместий, написанные по образцу Успенского братства. В них постановляется, что в братства могут вступать также посторонние люди, шляхтичи, но никто своевольно не может выступать из братства. Братства, таким образом, служили целям организации украинской народности. Львовские мещане, наиболее сознательные и зажиточные, привычные к организации, а вместе с тем наиболее живо чувствующие свое бесправие, кладут начало национальной организации, привлекают к ней остатки православной шляхты, украинское духовенство (крестьяне были совершенно бесправны и лишены возможности принимать сколько-нибудь деятельное участие в каком то ни было, даже культурном движении). Львовские братства, а в особенности братство Успенское, делаются центром этого нового движения. Ими интересуются и покровители галицкой Руси, воеводы молдавские: они присылают вклады и различные подарки братской церкви и всевозможные припасы на братские пиры братчикам, «своим друзьям», как их называют: деньги на пиво и мед, а баранов в натуре. Из Львова такие братства распространяются в соседних местностях, служа основой национального объединения и организации. Настоящего содержания для этих кружков еще не выработалось, но форма была уже готова, а последующее время принесло и соответствующее содержание...

Козачество и козацкие походы в первой половине XVI века

О козаках в черноморских степях мы слышим уже в XIV и XV веках, но это козаки татарские или неопределенной народности. Такие известия, где говорится несомненно об украинских козаках, мы имеем только с 1490 года. В 1492 году крымский хан жалуется, что киевляне и черкасцы разгромили татарский корабль под Тягиней, и великий князь литовский Александр обещает поискать виновных среди козаков Украины. В следующем году князь Богдан Глинский, черкасский староста, разгромил турецкую крепость Очаков, и хан называет этих людей козаками. В уставной грамоте Киеву, выданной в 1499 году, упоминаются козаки, отправляющиеся из верхних городов в степи за рыбой и затем возвращающиеся оттуда через Черкассы и Киев с запасами свежей, вяленой и соленой рыбы.

Итак, мы видим козаков в разнообразных занятиях: в качестве степных промышленников, самовольных добычников и в качестве дружины пограничного старосты, отправляющегося с ними громить турецкий город. В таких ролях выступают они и по другим известиям начала XVI века.

Но вообще вначале козаки упоминаются редко. Это происходит оттого, что козачество было тогда только занятием, а не каким-нибудь особым классом людей. Идут в козачество мещане, крестьяне, старостинские слуги, бояре и шляхтичи. Но еще очень мало было людей, которые совсем отдавались бы козачеству, которые были бы только козаками, а не чем-нибудь другим. По Днепровскому пути от Киева на юг, где оседало козачество, населения в то время было очень мало.

В позднейших преданиях с козачеством ближайшим образом связывают имена некоторых пограничных старост и наместников, как его творцов, вождей и организаторов – в особенности Остафия Дашковича, бывшего наместником каневским и черкасским с 1510-х годов и до самой смерти (1535), и Предслава Лянцкоронского, в то же время занимавшего староство Хмельницкое на Подолии. Они попали затем в реестр гетманов козацких, в качестве первых гетманов, но в действительности были только пограничными старостами, пользовавшимися в своих походах в степи на татар и на турецкие города услугами местного козачества, т.е. людей, занимавшихся пограничной войной с татарами и турками; такая мелкая, партизанская война и обозначалась именем «козацтва». Ею занимались почти все пограничные старосты, начиная вышеупомянутым Богданом Глинским, а также различные пограничные магнаты из украинцев и даже из поляков (помещиков подольских), под главным предводительством наибольшего мастера этой пограничной борьбы князя Константина Острожского. Настоящими козацкими предводителями они не были и нередко даже сильно давали себя чувствовать козачеству, облагая козаковавших большими поборами за право ходить в степные уходы, отнимая от них добычу и пр. Но о них в источниках того времени все-таки больше известий, чем о настоящих козацких вождях, о которых встречаем только случайные упоминания как о предводителях смелых походов на татарские улусы, на турецкие города, как, напр., Карпо Масло из Черкасс, Яцко Билоус из Переяслава, Андрушко из Брацлава и Лесун, упоминаемые в известиях 1540-х годов. Современные летописцы не интересовались их действиями, и погром Очакова Карпом и его товарищами даже не упомянут у них. Между тем, поход Лянцкоронского на Очаков, походы Дашковича на татар приобрели громкую известность, и поэтому позднейшие историки коза-

чества сочли их первыми козацкими выступлениями, хотя современники, рассказывая о них, даже не называют их козаками — это имя лишь позже было приложено к этим походам и их вождям.

Настоящее козачество – это были не пограничные старосты, не молодые паньчи из аристократических домов, для моды и репутации или просто для развлечения принимавшие участие в «козацких» походах в степи на татарские улусы. Настоящие кадры козачества составлял убогий пограничный украинский люд, отважно промышлявший и все более превращавший этот промысел в свое постоянное ремесло. Он старался всячески освободиться от стеснительной власти пограничных старост и их заместителей, всевластно правивших поднепровскими и побужскими замками. Здесь ему было стеснительно и тяжело; восстания, подымавшиеся против старостинских притеснений, оканчивались обыкновенно неудачей, так как мало еще было тут военного козацкого элемента. Не имея возможности свободно организоваться в пограничных городах, или, как тогда называли, «на волости», это свободное козачество чем дальше, тем глубже зарывалось в степях и устраивалось в них, создавая там свои козацкие гнезда. В 1550-х годах старосты уже жаловались на уменьшение доходов от уходов, так как козаки поселяются в степях на постоянное жительство и живут там непрерывно, «на мясе, на рыбе, на меду из пасек, и сытят там себе мед как дома» (не платя ничего старостам). Правда, тяжела и горька была эта степная жизнь, не раз приходилось терпеть голод, погибать от холода или пробиваться; из степей к ближайшему замку, отдаваясь в руки старостинским слугам. Не раз пропадали бесследно эти козаки в степях, неожиданно застигнутые татарским нападением, захваченные в плен или убитые...

В таких суровых условиях не могло развиваться панское козачество, а только простонародное – из того народа, которого «на волости» так угнетала панская неволя и старостинская власть, что он готов был претерпеть всю эту степную беду – лишь бы жить на свободе. Оно держалось в степях и все прочнее основывалось в них. Козаки ставили себе для безопасности от татар «городки» и засеки, или «сичи», в подходящих местах, соединялись в более значительные отряды, превращались в большой козацкий союз, господствовавший над всем так называемым «Низом Днепровским», а центром его делается Запорожье, побережье Днепра ниже порогов, удобное тем, что вследствие своей отдаленности было совершенно недоступно литовским и польским властям, а с другой стороны, благодаря непроходимым плавням, бездонным трясинам и массам камышу, оно было вполне обеспечено и с моря от турецких галер...

Начало Сечи

В 1550-х годах один из украинских князей, Дмитрий Вишневецкий, участвуя в козацких предприятиях, делает первую серьезную попытку к созданию постоянного укрепления на Запорожье, которое бы служило прочной точкой опоры для всего козачества, и стремится создать из этого последнего политическую силу, с которой бы считались соседние державы и правительства. Начав в 1540-х годах с обычного панского козакованья, как другие пограничные шляхтичи, он и позже не оставлял своих связей с козачеством, как это делали другие – чтобы заняться панскими занятиями. Наоборот, ближе разобравшись в украинских делах, он решил связать свою судьбу с Низом и его козачеством. Прежде всего, он задумал построить за порогами крепость, которая бы служила опорой против татар и могла бы козачеству овладеть вполне Днепровским Низом, изгнав оттуда татар и турок. Мысль о сооружении такой крепости на Низу не раз высказывалась уже и раньше. Еще в 1520-х годах украинские старосты и наместники советовали правительству взять на свою службу козаков и поставить козацкий гарнизон на Низу против татар: но тогда не нашлось денег для осуществления этого плана и так из него ничего не вышло. Затем в 1530-х годах напоминал польско-литовскому правительству этот проект О. Дашкович и советовал для защиты Украины построить на Запорожье замки и держать там козацкие гарнизоны. Из этого также ничего не вышло, но теперь то, чего не могло осуществить правительство, взял на себя и действительно выполнил украинский пограничник. Дмитрий Вишневецкий около 1552 года действительно устроил замок на острове Хортице и поместил в нем козацкий гарнизон. Просил при этом помощи у великого князя и короля Жигимонта-Августа – военными и всякими другими припасами, и одновременно старался войти также в соглашение с Турцией: ездил сам туда, – вероятно добивался, чтобы Турция приняла его под свое покровительство и не брала под свою защиту татар, не вмешивалась в борьбу с Крымом, задуманную тогда Вишневецким. Договорился ли он до чего-нибудь с турками, не знаем, но от польско-литовского правительства добиться помощи во всяком случае не успел; для таких предприятий там никогда не оказывалось средств, да и татар оно боялось раздражать и даже думало как-нибудь сманить Вишневецкого с Запорожья и выслать его с козаками на какой-нибудь другой театр войны.

Тогда Вишневецкий обратился к московскому правительству, развивая мысль о желательности примирения Москвы с Литвой, чтобы общими силами уничтожить Крымскую орду, разорявшую и литовские и московские владения и еще получавшую ежегодную дань с обоих государств. По

его совету московское правительство решило напасть сообща с козацкими силами на Крым и в 1556 году выслало свое войско; это последнее, соединившись на Днепре с козаками, напало на крымские города Аслам-Кермен и Очаков. Однако замков взять ему не удалось, только перебито было и забрано в неволю много татар и турок. Это рассердило хана, и он решил непременно уничтожить новое козацкое гнездо.

Прежде всего, он послал к Вишневецкому, приглашая его к себе; когда же тот это приглашение отклонил, хан со всем войском двинулся на завоевание Хортицкого замка. Три недели осаждал он его со всей ордой, но взять не сумел и ушел ни с чем. Уведомляя об этом короля, Вишневецкий просил прислать ему людей и оружия, но король боялся вмешиваться в это дело. Между тем, хан к лету двинулся снова, и уже не один: пришло на лодках турецкое войско, пришла помощь молдавская, осадили Хортицу, и Вишневецкий не мог удержаться: не хватило провианта, козаки начали разбегаться, и он должен был отступить к Черкассам.

Увидя, что помощи из Литвы ему не дожидаться, Вишневецкий отправился в Москву, чтобы побудить ее к соглашению с Литвой и совместной борьбе с Крымом. Время для этого действительно было благоприятное. В 1558 году московское правительство поручило Вишневецкому двинуться с московским войском на Крым; хан не осмелился выступить против Вишневецкого и увел всю орду в Крым, за Перекоп. Вишневецкий остался на лето в Аслам-Кермене и собирался идти отсюда с козаками и московскими силами внутрь Крыма, за Перекоп. Но из Москвы его отозвали – не хотели оставлять его на Днепре, послали в Крым своих московских воевод, а Вишневецкому поручили произвести нападение на Крым с Кавказа, а потом и вовсе отказались от мысли о борьбе с Крымом. Соглашение между Литвой и Москвой не состоялось – наоборот, литовское и московское правительства вскоре вовсе разошлись из-за Ливонии, между ними завязалась война, и они снова наперерыв начали заискивать перед крымским ханом и настраивать его против своего врага. Вишневецкий убедился, что и в Москве ничего не добьется, и возвратился обратно на Украину (1561). Затем он вмешался в молдавские междоусобия и отправился туда с козацким войском; его призвали туда молдаване, но затем изменили, и Вишневецкий попал в плен. Его отослали в Цареград и там убили. На Украине и в соседних землях ходило много рассказов об этом неожиданном конце смелого пограничника. Рассказывали, что Вишневецкий был повешен турками за ребро на крюк и висел так три дня, но не жаловался и не просил пощады, а наоборот — насмехался над турками и

им назло поносил Магомета, так что те, не выдержав, застрелили его и этим сократили его мучения....

Так Вишневецкий погиб, не осуществив своих планов. Но деятельность его не прошла бесследно. Не только осуществляется его мысль о создании прочной точки опоры за порогами в позднейшей Запорожской Сечи, которой он был как бы духовным отцом, но и в позднейшей козацкой политике заметны отзвуки смелых мыслей Байды о возможности для козачества, опираясь на Литву, Москву, Молдавию и даже самую Турцию, играть самостоятельную политическую роль и развивать свои силы, пользуясь совпадением своих интересов с интересами то одного, то другого государства.

Вторая половина XVI в. была временем, когда козачество необычайно быстро растет, организуется, сильно расширяет свой политический горизонт, сферу своей деятельности. И в этом сказывались влияния не только благоприятных внешних обстоятельств, сообщивших количеству значение, высоко поднявших его в глазах украинского населения и его соседей и неизмеримо усиливших его небывалым притоком свежих сил. Произошла большая перемена и в настроениях самого козачества, в его самосознании, в том, что от прежнего непритязательного «луплення чабанов татарских» оно перешло к широким политическим планам, к чрезвычайно смелым предприятиям...

Цит. по книге: Грушевский, М.С. Иллюстрированная история Украины / М.С. Грушевский.– Донецк, 2002. – С. 165 – 184.

Тема 14

**УКРАИНА В СОСТАВЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ
(вторая половина XVI – первая половина XVII вв.)****Грушевский М.С.****Перемены в экономических и общественных отношениях**

Присоединение к Польше украинских земель в 1569 году имело большое значение в том отношении, что им завершилось переустройство их общественного строя по польскому образцу...

Правда, грамоты 1569 года, присоединяя их к Польше, сохранили кое-что из прежнего: оставили украинский язык в местном делопроизводстве и в сношениях правительства с этими землями, оставили прежнее право, – именно Литовский статут 1566 года; поэтому был учрежден и отдельный апелляционный трибунал для этих земель. Но эти отличия не долго удержались – отчасти потому, что общая государственная жизнь втягивала все сильнее украинские земли, а отчасти и потому, что с присоединением к Польше сюда во множестве двинулись польские шляхтичи, занимавшие должности, разными путями приобретающие земли и в конце концов фактически ополячившие здешнюю жизнь, как ополячили в свое время западно-украинскую. До 1569 года в этих землях полякам нельзя было ни занимать должностей, ни владеть имениями; теперь же это стало возможным, и это было другое важное изменение, принесенное 1569 годом.

Украинская жизнь была перестроена на польский образец и ополячена. Это была полная перестройка сверху донизу, не оставлявшая камня на камне в украинской жизни, и на самый низ ее были отброшены украинские элементы, не разрывавшие со своей народностью. Отметим теперь главнейшие черты новых порядков, принесенные ими изменения и их значение для украинской жизни.

Князья и магнаты, имевшие до того весьма большое значение и державшие в своих руках все управление, теперь были уравнены в правах с рядовой шляхтой, хотя фактически они, конечно, и позже высоко поднимались над нею, благодаря своему богатству и влиянию, и держали на службе у себя не раз целые толпы бедной шляхты.

С шляхты сняты были налоги и военная служба, теперь она не знала почти никаких обязанностей и одновременно приобрела громадные права. Она одна законодательствовала на сеймах; она выбирала из своей среды судей и других чиновников; коронные земли раздавались шляхтичам, и только шляхтичам, в пожизненное владение, и они управляли ими на положении

помещиков; никто, кроме шляхтичей, не мог получить никакой светской или даже духовной должности. Шляхта правила всем, все направляла в своих интересах, и король должен был послушно исполнять ее волю. Власть королевская, вообще всякая власть, была очень слаба; все было направлено к тому, чтобы обезопасить шляхетское сословие от каких бы то ни было стеснений. На шляхтича не было ни суда, ни управы, он мог делать все что угодно, не боясь никакого наказания за самые тяжкие преступления, совершенные им даже против шляхтича же, не говоря уже о том, если потерпевший был не шляхтич: тогда почти немислимо было получить какое-нибудь удовлетворение. При общем бесправии и бессудности шляхта привыкла всего добиваться силой; магнаты держали при своих дворах вооруженные дружины, между ними не раз происходили настоящие битвы, и все это опять-таки всей тяжестью давало себя чувствовать нешляхте, отданной, можно сказать, вполне на волю шляхетского сословия.

Города, в прежнее время бывшие центрами политической жизни, утратили теперь в этом отношении всякое значение. С введением в них самоуправления по немецкому праву они исключались из общего строя земли, не будучи в то же время связаны между собой никакой организацией. Каждый город был сам небольшой отдельной республикой, почти независимой в принципе, но на практике такое обособленное положение отдавало почти все мещанское сословие без исключения в полную зависимость от шляхетского управления или от помещиков. На ход и направление законодательства мещане не могли иметь никакого влияния, так как не участвовали в сеймах; законодательство было в руках помещиков, шляхты, и последняя систематически ограничивала права мещан в интересах своего помещичьего хозяйства. Все это в конце концов подорвало города и в культурном и в экономическом отношении, лишило край тех благ, какие при нормальных условиях могла бы дать ему городская жизнь, наполнило города в конце концов пришлым элементом, особенно еврейским, так как евреи лучше, чем другие, умели приспособиться к тому невозможному положению, в какое поставило мещан шляхетское хозяйство Польши. Украинское же население в городах было поставлено в особенно тяжелые условия, так как даже и признанными мещанскими правами мещане-украинцы не могли пользоваться вполне.

Еще более, однако, потерпело крестьянство, народная украинская масса. Старое рабство, так широко развившееся за последние столетия государственной украинской жизни, правда, постепенно исчезало (в XV – XVI вв. исчезло окончательно); но зато, собственно говоря, все крестьянство очутилось в условиях, очень близких к прежнему рабству. Все крестьянство утратило право на землю: крестьяне считались сидящими

на земле помещицей или королевской (в конце концов, это было почти одно и то же, так как все королевские земли раздавались в пожизненное владение шляхте, правившей ими так же, как правили своими имениями и помещики-собственники). Крестьянин был прикован к панскому поместью, где он родился, и лишен был права свободного передвижения: не только крестьянин-домохозяин, но и дети его не могли отойти от своего помещика без его позволения; уходили тайком – но тогда за ними гнались и разыскивали, как дикого зверя, как невольника-беглеца прежних времен. Пан был полным властелином жизни и имущества своего подданного: мог его убить, отнять землю, имущество, наказать его как угодно, ни перед кем за это не отвечал, и даже нельзя было на него жаловаться: сам король не имел права вмешиваться в отношения между помещиком и его подданными (в этом отношении была до последнего времени значительная разница между литовским правом и польским, и присоединение украинских земель к Польше внесло в положение крестьянина значительную перемену к худшему). Только крестьяне королевских имений имели право жаловаться в королевский суд, но эти жалобы были связаны с большими затруднениями; суд находился в сто лице, судили в нем те же паны-помещики, а если решение было в пользу крестьян, то шляхтич-державец королевского имения обыкновенно не исполнял приговора суда, и поэтому крестьяне очень мало пользовались этим судом даже в Галиции, а из более отдаленных украинских провинций и вовсе не обращались к нему.

Таким образом, крестьянин был лишен, в конце концов, всяких прав не только политических, но и гражданских, и просто человеческих, и для выхода из этого несказанно тягостного положения ему не оставалось никакого законного пути: не было для него никакого способа улучшить условия своего существования, кроме восстания и — бегства, и этим последним крестьянство, главным образом, и пользовалось для облегчения своего положения.

Перемены в экономической жизни и заселение Восточной Украины

Кроме полного бесправия и порабощения крестьянина, к которому привело его польское право уже в первой половине XVI в., вторая половина этого столетия принесла с собой еще чрезвычайно тяжелый экономический гнет, неслыханную эксплуатацию крестьянской рабочей силы. Постепенно развивался спрос на хлеб и другие земледельческие продукты и повышал спрос на крестьянский труд для панских дворов и фольварков. До того времени из Украины на запад вывозили главным образом только меха, мед, воск, рыбу, скот; начиная с XV в. гнали большие гурты волов в Силезию, и вол сделался в Западной Украине меновой единицей: считали на волов, как на червонные золотые. Еще позже явился спрос на дерево в

районе сплавных балтийских рек; когда же леса здесь были истреблены, помещики, начиная со второй половины XVI в., принялись рубить леса для вывоза, а еще более жечь на поташ и в самых отдаленных местностях; крестьяне должны были возить лес и поташ к ближайшим сплавным пунктам, иногда за десятки миль. Наконец, в середине, а затем еще более во второй половине XVI в. все более и более начинает захватывать украинские земли вывоз хлеба: опять-таки прежде всего местности, ближайшие к сплавным балтийским рекам – Висле, Сану, Бугу, Неману, так как хлеб, как и лесной материал, шел только в балтийские порты и оттуда вывозился далее на запад, в Англию, Нидерланды, Францию, Испанию. Но по мере того как спрос на хлеб увеличивался и цены на зерно росли, его начинают подвозить и из более отдаленных местностей к речным пристаням.

Этот вывоз хлеба повлек за собой глубокие изменения в хозяйственной жизни. До того времени не было спроса на хлеб, его сеяли столько лишь, чтобы прокормиться; поэтому помещики не вели большого пахотного хозяйства, не занимали под свои запашки больших пространств и не требовали от крестьян большой издельной работы, предпочитая денежные чинши и различные дани медом, мехами, скотом, овсом для господской конюшни и разным зерном. С участка земли, так называемого лана или волоки (30 моргов, около 15 десятин), давался определенный чинш, определенные дани, и они были сравнительно устойчивы, возрастали медленно; если крестьянский участок разделялся между несколькими членами семьи, разделялись и эти дани между новыми хозяевами, поэтому помещик не имел побуждений умышленно дробить крестьянские хозяйства: они были велики и многолюдны. Когда же явился спрос на хлеб и выгодно стало сеять его на продажу, на вывоз, – все это совершенно изменилось. Помещики увеличивают свои запашки, обрабатывают и засевают все большие и большие участки. Для увеличения своих запашек отбирают от крестьян их земли, переводят с больших участков на меньшие, дробят крестьянские хозяйства. Менее интересуясь чиншами и даями, они заменяют их барщинной работой крестьян на помещичьих запашках, а так как крестьянин обыкновенно меньше ценит свою работу, чем продукты ее – деньги и хлеб, то помещики, пользуясь этим, взамен небольших уступок в даях и деньгах совершенно непропорционально увеличивают барщину. Так как барщина отбывалась с хозяйства, независимо от размеров крестьянского участка, то помещики стараются увеличить число крестьянских хозяйств: отбирая у крестьян земли, присаживали «загородников» и «халупников», не имевших поля совсем или имевших его очень мало и не плативших чинша, а отбывавших панщину «пеню» (самолично, без рабочего скота). Вообще

помещики пользовались всякими способами, чтобы увеличить барщину, и она в Западной Украине, откуда главным образом вывозился хлеб, уже со второй половины XVI в. увеличивается чрезвычайно, так что в некоторых местах барщину отбывали уже ежедневно, крестьянин не выходил из барщинного хомута, и жизнь его стала настоящим адом. И это заставляло здешнее крестьянство искать более сносных условий, уходя на восток подалее от этого фольварочного ада.

В результате все эти обстоятельства: уничтожение границы между Галицией и остальной Украиной, развитие помещичьего хозяйства, прикрепление крестьян в Западной Украине, отбирание у крестьян земель и обложение их непомерной барщиной – гонят огромную колонизационную волну из Западной Украины, а также из северо-западного, гуще заселенного Полесья в восточно-украинские просторы, еще недавно (в переписях 1552 года) рисовавшиеся полной пустыней с разбросанными среди нее немногими замками. В последней четверти XVI и затем в первой половине XVII в. вид ее совершенно изменяется: основываются города на недавних татарских дорогах, широко разбрасываются села среди недавних козацких уходов, появляются шляхетские замки и замочки, контингенты помещичьих служащих и дворни. Польское право и польские порядки надвигаются туда, где еще недавно паслись только дикие кони и шумел степной ковыль.

Казачество после лубенского погрома

Хотя Жолкевскому не удалось окончательно истребить козаков, как он замыслил, однако лубенский погром все-таки придавил козачество. Оно было согнано с «волости»; заставами был прегражден ввоз припасов на Запорожье и сеймовым законом отменены были все права козацкого войска и его организация. А хуже всего было, что среди самого козачества под влиянием этого гнетущего упадка начинается опасное раздвоение, внутренняя борьба: более смелая и решительная часть козачества начинает борьбу с более умеренными, примирительно настроенными элементами, стремившимися задобрить правительство и восстановить прежние отношения. Это было продолжение предыдущего разлада между запорожцами и наливайковцами, но теперь оно выливалось в более резкие формы, чем раньше, так что доходило до кровавых битв между обеими партиями, и одна против другой искала помощи у самого польского правительства, прося, чтобы это последнее от себя назначило им старшего. Поляки радовались этому раздору: пусть друг друга погрызут – покорнее будут. Но смута недолго продолжалась. Славный гетман Самойло Кишка объединил козачество, рядом походов в 1599 году – на море и на Молдавию – он поднял дух козацкого войска, а затем наступили события, принудившие само правительство обратиться к козакам и просить у них помощи.

Перед тем козацкие гетманы, правившие войском после лубенского погрома – Василевич, Нечковский, Байбуза, старались расположить правительство к козакам разведочной службой – добывая вести о татарах; Польша ни с кем не воевала и в козачьей помощи не нуждалась. Но весной 1600 года господарь Валахии Михаил напал на польского вассала, господаря молдавского Могилу, желая отнять у него Молдавию. Польское правительство вступилось за Могилу и призвало на помощь козаков. Самойло Кишка, которого народная память знает только как героя козачьего бунта на турецкой каторге и освобождения козаков-невольников из турецкого плена, заслуживает гораздо большей памяти как искусный политик, сумевший оценить значение момента и использовать его для того, чтобы вернуть козачеству отобранное у него после лубенского погрома. Когда польский гетман Замойский послал козакам приглашение к походу в Молдавию, Кишка не обратил внимания на этот призыв; подождал, пока попросил их сам король, после того как осудил их на полное уничтожение и объявил изменниками. Король вынужден был теперь самолично обратиться к этим изменникам. Кишка ответил, что рад служить, однако в поход не спешил. В польских кругах началась ажитация; искали, кого бы послать к козакам, как бы склонить их к походу. В конце концов Кишка дал знать королю, что козаки в поход пойдут только под условием, что с них будет снято осуждение, наложенное на них без вины, возвращены давние права и вольности, и на будущее время чтобы козачество будет обеспечено от всяких притеснений со стороны старост и других чиновников. Однако козаки, заявлял он, пойдут в поход, не ожидая исполнения этих пожеланий, так как полагаются на короля, что он их желания исполнит. И действительно они пошли в поход. Война была непродолжительная; но не успела она окончиться, как началась новая, гораздо более тяжелая – со шведами в Ливонии. Снова польское правительство вынуждено было просить козаков, чтобы они не уклонялись и от этой новой войны. Кишка снова повторил козацкие требования, и сейм на этот раз пошел им навстречу, издав закон, которым отменялось прежнее уничтожение козачества, снималось с него осуждение и, хотя с разными оговорками и ограничениями, возвращались старые права.

Это было очень ценное начало, и Кишка употребил все свое влияние и значение у козаков, чтобы склонить их к этой далекой и неприятной кампании и удержать до конца на театре войны. Действительно, козакам в этой далекой и опустошенной стране приходилось тяжело. Они потеряли много людей, лошадей, всякие припасы (местному населению также приходилось от них достаточно солоно). Сам Кишка погиб, убитый при осаде Фелина. Несколько раз потом переменялись гетманы, будучи не в силах

облегчить положение козацкого войска в этих тяжелых условиях войны, но все-таки козаки выдержали до конца, чтобы не уйти «со службы королевской» и не утратить своих прав на разные льготы и свободы на Украине, которых они домогались за цену своей службы. И действительно, вернувшись затем на Украину с этой войны (1603), козацкое войско потребовало, чтобы с ним считались наравне с польским войском и не вводили на Украину польских войск; далее, за свою службу козачество требует полной свободы и прав, подобных тем, какими пользуется шляхта. Оно снова становится господином положения на Поднепровье, как перед лубенским погромом. В современной переписке на каждом шагу встречаемся с жалобами шляхты, что козачество «берет верх», своевольничает и нет для него никакой удержки и обуздания.

Шляхта призывала правительство, чтобы оно усмирило козаков, но обстоятельства не давали для этого возможности. В это время группа магнатов Украины и Польши занялась царевичем Дмитрием, объявившимся на Украине: они рассчитывали извлечь разные выгоды из московской смуты, и сам король разделял эти планы, но, не желая на первых порах мешать в это предприятие Польшу, ставил дело так, что Дмитрия поддерживают эти магнаты частным образом, а военной силою, главным образом, должны были послужить козаки. Начиная с 1604 года разные агенты с молчаливого разрешения правительства собирали козаков в поход на Московию, увлекая их перспективами московской добычи. Козаки не оставались глухи на эти приглашения. Многотысячные отряды их шли в московские земли и, действительно, возвращались на Украину с богатой добычей, а на их место шли все новые и новые партии. Московская смута, продолжавшаяся с 1604 года почти десять лет, сделала Московское государство добычею разных авантюристов. Один за другим появлялись различные самозванцы, называвшие себя московскими царевичами или царями, и с отрядами польской и литовской шляхты, донских и украинских козаков разоряли московские земли и собирали добычу. Горели московские города; кровавыми следами покрывались московские снега, а на Украину, на Литву и Польшу бочками отвозились московские деньги, возами— дорогие одежды, парчовые кафтаны, собольи шубы.

В конце концов, видя окончательный разгром Москвы, король решил сам идти в поход на Москву в надежде завладеть Московским государством, но польский сейм не захотел ассигновать ему кредитов на это предприятие, и снова, уже от самого короля, разные агенты его отправились созывать козаков в поход на Москву (1609). Охотники находились не сотнями и тысячами, а десятками тысяч. Но чего это стоило! Мы уже знаем, что люди, пристававшие к козакам, считали, что раз они служат королевскую

службу, то они уже люди свободные, никому не подчиненные – ни они, ни их семьи, ни хозяйства не знают ни пана, ни какого-либо начальства, кроме козачьей старшины. С каждым новым призывом на королевскую службу нарастали новые массы этого свободного, окозаченного люда.

Не ограничиваясь московскими походами, козаки в это время предпринимают походы на земли татарские, турецкие и молдавские, отправляются в морские экспедиции. Известий о них имеем мало, и лишь случайно слышим, например, о большом походе 1606 года, когда козаки взяли десять турецких галер со всеми припасами, напали с моря на Варну, завоевали город и забрали добычи более чем на 180 тысяч червонцев...

Затем осенью 1608 года козаки взяли с помощью какой-то хитрости Перекоп, разрушили и сожгли. На следующий год они на 16 чайках отправились на устье Дуная, сожгли и разграбили тамошние города: Измаил, Килию, затем Белгород, но не успели забрать с собой добычу, так как на них в это время напали турки.

Нас интересуют эти упоминания, так как они с своей стороны свидетельствуют о военной энергии козачества, дававшего себя чувствовать соседям и одновременно распространявшего свободные формы общественных отношений на Украине, разбивая устои крепостничества и шляхетского режима.

В это именно время, когда само польское правительство старалось извлечь из украинского населения возможно больше козацкой силы, нарастает та огромная масса «непослушных» мещан и крестьян, с которой нас знакомили переписи второго и третьего десятилетий XVII в., и Восточная Украина, поднепровская и заднепровская, козачится чуть ли не поголовно, выходя из повиновения помещикам и королевским старостам, а силы козачества растут непомерно.

Козацкий строй

Козацкий строй в это время уже достаточно выработался и определился. Он, впрочем, и не отличался большой сложностью, но при своей простоте и свободном характере обладал большой силой и могущественно господствовал над душой и телом козачьего братства. В этом проявились удивительные задатки украинского населения к организации – способность простыми средствами, с первобытным, необработанным материалом достигать таких выдающихся результатов.

Главный центр козачьей организации все еще лежит на днепровском Низу, вне пределов досягаемости польской шляхты, властей и войск, и здесь на свободе развивается козацкое устройство. Центром его является Запорожская Сечь (Сич, Сича), переносимая то на тот, то на другой из мелких днепровских островов. Она распоряжается козачьими силами,

разбросанными на Запорожье и расселенными на волости. О крепостях или постоянных укреплениях не встречаем известий, упоминаются только валы и засеки. В укромных местах припрятывались пушки и разные военные принадлежности. Козацкая артиллерия была невелика, но отличалась большой исправностью. Упоминается войсковая музыка – войсковые трубачи, сурмачи и довбыши, бившие в котлы и барабаны. Были военные знамена, бережно сохранявшиеся. Была войсковая казна, войсковые конские табуны, войсковые лодки и разные суда, захваченные у турок. Вся численность козацкого войска исчислялась в 1590-х годах в 20 тысяч. Погром 1596 года уменьшил его численность, но с первым десятилетием XVII в. она снова возвращается к прежнему и продолжает затем возрастать. Но большинство козаков проживало и хозяйничало «на волости»; на Низу весной и летом находилось по несколько тысяч козаков, готовясь к походам или занимаясь различными промыслами: рыболовством, охотой, соляным промыслом; вели также торговлю с татарами и турками в определенных пограничных городах. На зиму расходились по разным местам «волости» и мало кто оставался на зимовниках. Несколько сот козаков оставалось на Сечи для охраны артиллерии и военных припасов. Зимовать было нелегко — приходилось жить в куренях, кое-как устроенных из лозы или дерева, и прозимовавшие здесь несколько зим считались особенно испытанными и опытными товарищами.

...Войско делилось на полки. Официально считалось в начале XVII в. четыре полка и в каждом по 500 душ – столько считалось козаков на службе польского правительства. В действительности и полков этих было больше, и Козаков в них бывало неодинаковое число – иногда по несколько тысяч (например, в Хотинской войне козацье войско имело 11 полков, и в некоторых полках число доходило до 4 тысяч козаков). Полком правил полковник. Каждый полк имеет свое знамя, своего трубача и довбыша. Он делится на сотни, сотни на десятки или иначе курени. Куренями правят атаманы, сотнями сотники. Разные поручения гетмана исполняют эсаулы. Артиллерию заведует обозный, ее местопребыванием считается город Терехтемиров со своим старым монастырем, пожалованным козакам Баторием для приюта увечных и для военных надобностей; но так как он был слишком удален от Запорожья и слишком доступен для польских властей, то обыкновенно артиллерия стояла поближе к Низу, а не в этой официальной козацкой столице. Войсковой канцелярией заведовал писарь. Бумаги от имени войска скреплялись войсковой печатью. В своих письмах войско обычно называет себя «войском Запорож-

ским», но часто употребляет также такие обозначения, как «рыцарство Запорожское», или «рыцарство войска Запорожского»; в полномочии, данном козацким послам для переговоров с императором, войско называет себя «вольным войском Запорожским». Сами себя козаки называли «товарищами», а все войско «товариществом». С польской стороны Козаков называли вежливо «молойцами» (молодцами), «панами молодцами».

Во главе козацкого войска стоит выборный старшина, которого обыкновенно называют гетманом, – часто и сами они именуют себя так в письмах, не только в адресованных к своим, но и к самому правительству, и даже к королю. Правительство же обычно называет их «старшими»: «старший войска Запорожского» – таково, собственно, официальное название козацкого вождя. Хмельницкий первый получил официальный титул гетмана, и до него этот титул официально принадлежал лишь главнокомандующим польскими и литовскими войсками...

Козаки очень дорожили правом избирать себе старшего: это была основа козацкого самоуправления. Правда, начиная с первой реформы 1570 года, правительство назначало от себя разных начальников над козацким войском, но войско смотрело на них как на комиссаров, назначенных правительством для сношения с козаками, и к управлению войсковыми своими делами их никогда не допускало. Исключительным случаем была просьба козаков во время усобицы после лубенского погрома, чтобы правительство само назначило им старшего. Когда позже (в 1617 – 1619 годах) правительство хотело действительно от себя назначить козацкого старшего, козаки воспротивились этому решительно и упорно, и допустили только утверждение правительством старшего, избранного козацким войском; однако считали выбор своего гетмана действительным независимо от того, утвердило ли правительство этот выбор или нет, и избирали и свергали своих гетманов, не справляясь с желаниями и видами правительства, как хотело того последнее.

Все важнейшие вопросы обсуждаются всей старшиной или «радой» всего войска. Это соправительство гетмана, старшины и войсковой рады подчеркивается в принятых формулах войсковых атак, где выступает не один гетман, а старшина и войско. Пример такой пространной формулы дает, например, письмо гетмана Кишки к королю в 1600 году, где он в конце подписывается так: «Самийло Кишка гетман, полковники, сотники и все рыцарство вашей королевской милости войска Запорожского».

...В действительности роли гетмана и рады и их отношения, конечно, были неодинаковы, зависели от обстоятельств, а главное, от личных ка-

честв гетмана, его таланта и влияния. Чем способнее был гетман, тем меньше значения имеет рада; когда войско начинало на всяком шагу совещаться, особенно где-нибудь в походе – то это значило, что войско не питает доверия к своему вождю, что последний не имеет достаточного влияния, не умеет себя поставить надлежащим образом. Гетман, чувствующий свою силу и уверенный в себе, предоставляет на обсуждение войсковой рады только то, что сам хочет. Вне рады он правит абсолютно и самовластно, имеет право над жизнью и смертью каждого, и войско вполне и безгранично повинуетя ему. Это соединение самого широкого козацкого самовластия с таким необыкновенным подчинением и дисциплиной чрезвычайно удивляло посторонних. С одной стороны – грозный гетман, ведущий одним словом войско, по своему усмотрению посылающий людей на смерть и одним движением могущий предать смертной казни каждого, с другой стороны – рада, обращающаяся чрезвычайно бесцеремонно со своей старшиной и с самим гетманом, покорно унижающимся перед ней; притом совещания рады проходят беспорядочно, с криком, шумом, без каких-либо определенных форм обсуждения и голосования: присутствующие кричат, ссорятся, бросают шапки, под влиянием первого впечатления устраниают гетмана, а гетман кланяется и унижается перед толпой.

...Но это переживание прошлого; организация отвердевает и крепнет по мере того, как увеличивается и разрастается. Власть гетмана растет и окружается внешними формами уважения. Факты устранения гетмана на раде встречаются все реже, и над внешними формами крайней простоты, дававшей верховному своему вождю в знак власти не драгоценную булаву, а простую «камышину», – создается тот высокий дух рыцарского самоотречения, так поражавший и очаровывавший посторонних. «В них нет ничего простого, кроме одежды», – замечает француз Боплан, служивший у польского гетмана Конецпольского, непримиримого врага козаков. «Они остроумны и проницательны, предприимчивы и великодушны, не жадны к богатству, но чрезвычайно ценят свою свободу; сильные телом, они легко переносят жар и холод, голод и жажду. На войне выносливы, отважны, храбры и даже легкомысленны – так как не ценят своей жизни. Рослые, проворные, сильные, они обладают хорошим здоровьем и даже мало подвержены болезням; очень редко умирают от болезней, разве только в глубокой старости; большей частью оканчивают жизнь свою на ложе славы – на войне».

Цит. по кн.: Грушевский, М.С. Иллюстрированная история Украины / М.С. Грушевский. – Донецк, 200. – С. 198 – 204; 248 – 256.

Яворницкий Д.И.

Условия, предъявленные казаками польско-литовскому правительству в 1625 году

...Вместо благодарности, которую козаки по справедливости заслужили за поход под Хотин, на Хотинском мире Польша обязалась воспретить козакам выход в Черное море, за что султан обещал не пускать своих татар в польские украинны.

Но козаки, как и прежде, мало обращали внимание на это запрещение.

Одновременно с действиями Сагайдачного под Хотином действовали на море 10000 человек отважных запорожцев под предводительством молодого Богдана Зиновия Хмельницкого. Спустившись Днепром на своих «моноксилах» в открытое море, в августе месяце 1621 года запорожцы разбили 12 турецких галер, а остальную турецкую флотилию преследовали до самого Константинополя, после чего, захватив добычу и пленников, вернулись назад.

В том же 1621 году козаки снова выплыли на лиман и в Черное море. Но этот поход был самый несчастный для козаков: на Днепре, в числе восемнадцати чаек, они изловлены были наместником Очакова, Хусайном, а на Черном море, в числе 200 человек, и у города Кафы, в числе 300 человек, взяты были капитан-пашой Халилем. В это время турецкий султан Осман II стоял у Исакчи, на Дунае, ввиду похода на Русь. Он приказал 200 пойманных козаков отдать солдатам на смерть, и несчастные были преданы лютой смерти: одни раздавлены ногами слонов, другие повешены на крюки, а третьи посажены на кол. Сам султан смотрел на эти казни и иногда принимал в них даже активное участие: разъезжая на коне возле истязуемых козаков, он стрелял в них из лука, не делая почти никакого промаха, потому что был искусным стрелком своего времени, а головы убитых козаков приказывал солить и отправлять в Константинополь.

Несмотря на это, низовые козаки в 1622 году снова вышли на своих «моноксилах» в Черное море, захватили там несколько турецких кораблей, каторг и людей и благополучно ушли назад.

В этом же году, в конце июля месяца, по известию московских послов Кондырева и Бормосова, ехавших через земли донского войска в Константинополь, запорожские козаки, вместе с донскими, в числе 700 человек на 25 стругах под начальством запорожского атамана Шиля, ходили в открытое море и, не дошед до самого Царьграда на расстоянии полутора дня, повоевали в царьградском вилаэте несколько сел и деревень, а также посекали несколько людей, но против них вышли из Царьграда турки на каторгах и побили у козаков около 400 человек. Вероятно, этот поход козаков понимает и историк турецкой империи Гаммер, который говорит об

особенно радостной встрече турецким султаном Редшеб-паши, захватившего на море 18 чаек и 500 человек козаков, грабивших в течение 10 лет турецкие берега.

Оставив Дон, московские послы отправились в Константинополь. В Константинополе султан Мустафа объявил послам о перемирии своем с поляками на тех условиях, что они будут удерживать козаков от походов на море, в противном случае, если хотя один струг козацкий покажется в море, то султан начнет с королем войну и даст о том известие в Москву. На обратном пути послы были задержаны под черкасским городом Темрюком запорожцами, потребовавшими с них 2000 золотых за погром донскими козаками близ Темрюка комягов и за пленение сына воеводы таманского. Едва откупившись от запорожцев подарками, послы ушли потом из Темрюка в Азов.

В 1622 – 1623 году несколько тысяч человек козаков вторглись в Молдаво-Валахию и подвергли ее разорению, чем вызвали месть со стороны мурзы Кентемира, опустошившего несколько польских селений и взявшего с собой множество пленников. В том же году, в июне месяце, козаки на ста чайках с пятьюдесятью воинами и двадцатью гребцами в каждой выбрались из Запорожья и пустились в Черное море. В то время в крымском городе Кафе стоял турецкий флот с Капудан-пашой во главе, высланный туда для усмирения поднятого ханом Мухаммад-Гераем восстания в Крыму против турецкого управления. Капудан-паша хотел посадить на крымский престол вместо Мухаммад-Герая Джанибек-Герая; но этому воспротивились Мухаммад-Герай и брат его Шагин-Герай. Последним оказали помощь запорожские козаки; они осадили в Кафе турок и принудили их войти в мирную сделку с Мухаммад-Гераем. Сделав свое дело в Кафе, козаки двинулись дальше по морю и скоро добрались до окрестностей самого Константинополя. Весь день июля 21 числа они простояли в виду столицы султана, наводя страх на жителей ее, и повернули назад с тем, однако, чтобы через несколько дней снова явиться к стенам столицы падишаха. На этот раз они сожгли босфорский маяк, разорили несколько прибрежных селений и снова отошли в открытое море. Спустя два месяца после этого, октября 7 дня козаки опять явились в виду Константинополя; они ворвались в самый Босфор, разгромили на берегу его селение Еникой и после этого благополучно возвратились домой.

В 1624 году июня 21 дня низовые козаки снова очутились на Черном море. Они выплыли на 150 длинных, быстро несущихся на парусах и на веслах чайках, с десятью веслами на каждом боку, по два гребца на весло и, кроме того, с 50 хорошо вооруженных саблями и ружьями воинов; чайки эти имели одинаково устроенные корму и нос и переносные кормила и от-

того могли, не поворачиваясь, плыть вперед и назад. Сидя на этих чайках, козаки опустошили европейский берег Турции, сожгли Буюк-дере, Зенике и Сдегну. Навстречу и для удержания козаков от дальнейших движений выскочило из гавани Константинополя до 500 больших и малых судов. Для защиты столицы от страшных хищников велено было отправить к слесарям Босфора большую железную цепь, некогда запиравшую Босфор и сохранявшуюся еще со времени взятия у греков Константинополя, и ею запереть пролив от одного берега к другому. Козаки спокойно простояли весь день посреди канала, а с заходом солнца, одобычившись богатой добычей, ушли в открытое море. Через несколько времени они снова и в гораздо большем числе показались у начала Босфора, сожгли морской маяк и после того с большей добычей и славой возвратились к своим берегам.

В 1625 году запорожские козаки в союзе с донскими снова повторили свой поход. Собравшись в числе 15 000 человек, они сели на 300 чаек, вооружили каждую чайку тремя или четырьмя фальконетами и пустились в море, по направлению к городам Синопу и Трапезонту. Против козаков вышел на 43 судах турецкий адмирал Редшид-паша и схватился с ними на западном берегу Черного моря, при Карагмане. Сражение было упорное и чрезвычайно кровопролитное; сперва брали верх козаки над турками; они с особенным ожесточением действовали возле адмиральской галеры, называемой баштардой; им помогали гребцы-невольники тем, что, бросив весла, перестали управлять галерами. Но победа все-таки осталась на стороне турок, благодаря противному ветру, под конец подувшему в глаза козакам: 270 чаек козацких было разбито, 780 человек козаков попались в плен, были скованы железными кандалами и посажены на турецкие галеры в качестве вечных весельщиков.

Нужно думать, что именно к этому походу запорожских и донских козаков к Синопу и Трапезонту относится показание запорожского полковника Алексея Шафрана. Алексей Шафран был семь лет в турецкой неволе и служил у кафинского воеводы на каторге (галере); потом, вместе с некоторыми товарищами, освободился из неволи и ушел на Дон. На Дону он прожил 18 лет с другими товарищами, запорожскими козаками, прожившими там по 5 и по 6 лет; всех запорожцев, по словам Шафрана, на Дону около 1 000 человек, но зато и донцев немало в Запорогах; козаки постоянно переходят друг к другу: запорожские на Дон, донские на Запорожье и живут друг у друга столько, сколько кому пожелается; у запорожцев и донских козаков издавна повелось так, что и те и другие сходились вместе и жили в общих куренях. В нынешнем лете (1625) ходили они, запорожские черкасы и донские козаки вместе заодно, на море; старшиной у них был он, Алексей Шафран; вышли же они из Дона на море и взяли в

турской земле город Трапезонт. После похода Алексей Шафран вернулся снова на Дон и потом впоследствии отправился с Дона в Киев, но сбился с пути и попал в город Валуйки, а из Валуек отослан был в Москву. В Москве Алексея Шафрана заподозрили в тайных намерениях и указали на то, что город Валуйки вовсе не был по дороге ему: «с Дона на Запорожье и из Запорожья на Дон ходят степью, избегая Донца, на Кармию (Калмиус) и на Мох». Но случившиеся на ту пору в Москве донцы подтвердили, что действительно между запорожскими и донскими козаками бывают постоянные сообщения и ездят с Дона на Запорожье через Миус да на Мох.

Так или иначе, но о действиях козаков на Черном море донесено было турецкому султану в Константинополь и султан немедленно отправил в Краков посла с требованием обязательно укротить козаков, в противном случае грозил войной Польше. Дело касалось, разумеется, одинаково как запорожских, так и украинских козаков.

Но козаки мало обращали внимания и на самую Польшу. В 1625 году они отправили от себя к польскому правительству депутатов, через которых, от лица всего козацкого сословия, предъявили ему такие требования:

1. свободу православной церкви и православного духовенства и уничтожение унии;
2. спокойное проживание козацкого сословия в коронных и дедичных имениях Киевского воеводства;
3. козацкий самосуд и право передачи собственных имуществ по завещанию;
4. свободное хождение на рыбные и звериные промыслы;
5. право вступления в службу иностранных государей;
6. прибавку войскового жалованья;
7. исключение Киевского воеводства от постоя жолнеров;
8. выдачу привилегии на киевское братство и юношеские школы;
9. праве, в случае каких-либо преступлений, не раздавать имуществом лицам не козацкого сословия.

Из всех девяти пунктов козаки особенно настаивали на первом, т.е. на свободе православия и уничтожении унии. Как твердо они стояли на этом, видно из того, что когда козаки узнали о действиях киевского войта, Федора Ходыки, запечатавшего в это время несколько православных церквей в Киеве, то поспешно явились в город, убили пана Ходыку, церкви распечатали, а в Москву отправили посольство с просьбой о принятии козаков под покровительство царского величества...

Поход Конецпольского против козаков и действия против поляков гетмана Жмайла. – Куруковское дело в 1625 году. – Выход запо-

рожцев в 1629 году к Константинополю. – Пребывание гетмана Тараса Трясила в Запорожье – Сражение Конецпольского с Трясилой под Переяславом. – Поход запорожцев под начальством Сулимы на Черное море. – Мир Польши с Турцией в 1634 году и средства для удержания козаков от набегов на мусульман. – Построение крепости Кодака и разрушение ее Сулимой. – Поход запорожцев под Азов. – Действия Павлюка, Гуни и запорожцев против поляков. Печальное дело козаков с поляками у устья Старицы в 1638 году. – Неудачный поход запорожцев к устью Кубани. – Прекращение известий о козацких походах

... Вместо удовлетворения на все девять пунктов, предъявленных козаками польскому правительству, на них послан был с 30000 войском коронный гетман Станислав Конецпольский с приказанием смирить «бунтовщиков» оружием. Очевидно, теперь поляки уже не нуждались в козаках ни для похода в Россию и Ливонию, ни для войны Польши с турками и татарами, а потому в отношении «бунтовщиков» можно было взять уже другой тон и призвать их «к порядку». На ту пору у козаков гетманом был какой-то Жмайло. Конецпольский вышел в поход 5 июля 1625 года и, переправившись через Буг, прошел на Паволоч и речку Ростовицу, где с ним соединился подкоморий каменецкий Потоцкий; от Роставицы гетман взял направление через речку Каменицу и мимо Белой Церкви и остановился в одной миле от Канева. В это время к коронному гетману явились три посла от каневских козаков, извещая, что «гетман» их Жмайло находится на Запорожье и просит, чтобы поляки не делали на козаков нападения в городе и дали бы им безопасно собрать у себя раду. Конецпольский исполнил просьбу козаков, но когда открылась рада и поднят был вопрос о том, как принять коронного гетмана, т.е. идти ли к нему с повинной или же оставаться на месте, то после совета отделилось 3000 человек козаков, которые ушли вон из города. Коронный гетман, узнав об этом, послал за ними погоню 10 хоругвей с паном Одрживольским во главе. Одрживольский догнал козаков над речкой Мошной и сделал на них нападение, во время которого козаки поймали сына князя Четвертинского и держали его потом в течение всего похода. В помощь Одрживольскому гетман отправил Юдыцкого, Коссаковского и Белецкого, но козаки, получив в это время подкрепление, отступили к Черкассам. Тогда к Черкассам двинулся и сам Конецпольский. Тут октября 17 дня навстречу коронному гетману выехал козацкий посол с известием о своем гетмане Жмайле, который уже выбрался с артиллерией из Запорожья и спешил к козакам. Октября 19 и 23 дня к коронному гетману явились новые послы от козаков с просьбой, чтобы он не наступал на них до тех пор, пока не придет из Запорожья гетман Жмайло. Коронный гетман, не слушая козацких послов, снялся с места,

прошел Крылов и, вышедши из него, стал в миле за городом над речкой Цыбульником, в расстоянии одной мили от козацкого табора, откуда можно было хорошо видеть и весь обоз, и всю стражу козацкую. Октября 27 дня козаки известили Конецпольского о прибытии из Запорожья с артиллерией своего гетмана Жмайла, и тогда коронный гетман предложил козакам условия, которые они должны выполнить на будущее время, если хотя́т заслужить милость и прощение короля. Условия эти, изложенные по пунктам, переданы были козакам, через польских комиссаров. Козаки собрали по этому поводу раду и на раде нашли условия слишком тяжелыми для себя и потому отправили 13 человек депутатов к коронному гетману с объявлением, что ни одного из пунктов они исполнить не могут. Тогда коронный гетман задержал у себя козацких послов на всю ночь, а на утро, возвращая их в козацкий табор, сказал: «Так как вы покорностию, как верные подданные, не хотите заслужить милосердия и благосклонности его королевского величества, то мы надеемся на Бога, что за непослушание и своеволие вы скоро испробуете наших сабель на своих шеях, а кровопролитие, которое произойдет, падет на ваши души». Вслед за этим Конецпольский отдал приказание своим войскам сняться с места и идти на козаков. Решительная битва между поляками и козаками произошла октября 31 дня у старого городища над Куруковым озером или Медвежьими лозами. Козаки были разбиты и просили пощады у коронного гетмана. Ноября 3 дня между поляками и украинскими козаками открылись переговоры, во время которых поляки выставили против Козаков шесть обвинительных пунктов, из коих первые три касались одинаково как украинских, так и запорожских козаков. Эти обвинения состояли в следующем:

1. козаков упрекали в самовольных выходах на Черное море;
2. в сношениях с московским царем и крымским ханом, с которыми они заключили союз и помогали людьми;
3. в принятии у себя разных цариков, называвшихся то московскими, то волошскими господарниками, а также других подозрительных и вредных для польской республики лиц.

На эти три обвинительных пункта козаки отвечали так: в море они ходили потому, что нуждались в деньгах, которых им не платило правительство, хотя и давало обещание в том; за тем же козаки посылали и в Москву, чтобы получить от царя казны; с крымским ханом завязались у них сношения случайно: козаки были прибиты волной к берегам Крыма, и хан принял их к себе на службу, а потом отправил их в качестве посланцев на Украину и через них просил не делать нападений на Крым, на чем и заключил условие с козаками; что касается разных цариков и других лиц, приходивших и проходящих на Запорожье и выход из него всегда и всем

был и будет волен. Желая обессилить козаков на будущее время, гетман Конецпольский потребовал, чтобы они подписали условие на законное существование всего лишь 6000 человек козаков, внесенных в реестр, и выдавали бы государственным властям преступников. Козаки долго оспаривали эти главные требования и успели только в последнем: коронный гетман согласился оставить за козаками право карать преступников через собственных старшин. Ноября 6 дня козаки выбрали гетманом Михаила Дорошенка, деда впоследствии известного гетмана Петра Дорошенка, а на следующий день ноября 6 числа 1625 года подписали договор на урочище Медвежьих Лозах при Куруковом озере, и в лице своего гетмана Михаила Дорошенка присягнули на верность польской короне. Но этот договор, в целом его виде, не касался запорожцев, в нем для низовых или запорожских козаков важна была лишь одна статья. По Куруковскому договору постановлено было попрежнему оставить в реестре только 6000 человек козаков, остальных велено было вынести за реестр и лишить всех козацкого звания; такие люди были названы выписчиками и составили огромное большинство против реестровых. Из шести тысяч реестровых одна тысяча козаков должна была по очереди находится за порогами Днепра и не допускать неприятеля к переправам через Днепр и вторжением его в королевские земли. Всем козакам безусловно запрещалось делать выходы в море, производить сухопутные набеги на земли мусульман и приказывалось сжечь морские лодки в присутствии польских комиссаров.

Но само собою разумеется, что подобные постановления вели только к нарушениям их, а для запорожцев к увеличению численности всего войска их, так как большинство украинских козаков, выписчиков, хлынуло из Украины на Сичь и наполнило собой ряды низовых козаков. Вслед за этим, уже тотчас после Куруковского договора 70 запорожских чаек снова явились на Черном море, но, к несчастью запорожцев, выход этот был одним из самых неудачных: запорожцы были наполовину изловлены турецкими галерами и вместе с козаками доставлены в Константинополь. В отместку за новый поход козаков несколько десятков тысяч татар бросились в глубину Украины, но под Белою Церквой были разбиты и полегли на месте. По одним указаниям, татары были здесь одни, без хана; по другим, вместе с татарами был и сам хан, и когда, по требованию польского правительства, против него вышел гетман Михаил Дорошенко, то хан через своего посланца напомнил гетману о заключенном между татарами и козаками мире, и Дорошенко повернул назад, а бывшие при нем запорожцы с атаманом Олифером передались на сторону хана и совместно с ним ходили войной на Польшу. После этого сам Дорошенко, по просьбе изгнанного из Крыма Мухаммад-Герая, ходил с козаками в Крым против соперника Мухаммадо-

ва, Джанибек-Герая, но в этой битве потерял свою голову, которая воткнута была на стенах Кафы. Были ли в этом походе собственно запорожские или низовые козаки, неизвестно, хотя по общим соображениям трудно допустить отсутствие их в таком важном и заманчивом для них деле, как поход во внутрь самого Крыма.

Зато участие запорожцев в походе 1629 года на Константинополь не подлежит сомнению. Выплыв в это время на 300 лодках в море, под предводительством Богдана Хмельницкого, будущего гетмана, они добрались до окрестностей Царьграда, мужественно коснулись самых стен константинопольских, зажгли несколько окрестных с Константинополем селений и, окутивши их мушкетным дымом, задали султану и всем обывателям столицы «превеликий страх и смятение», а потом от турецкой столицы ударились на запад, взяли и разорили гавани в Килии, Измаиле, Бальчике, Варне и Сизеболи. Против козаков вышел на 40 галерах Кеенан-паша и открыл их близ какого-то острова Монастыря, где козаки стояли со своими чайками и с добычей; но из всех трехсот чаек только восемь вступили в битву с турками и все, кроме одной, были взяты пашой и отправлены в столицу, зато все остальные избежали опасности и благополучно вернулись в Сичь.

В 1630 году, весной, запорожцы вновь выплыли на море; на этот раз против них вышел главный начальник турецкого флота, Капудан-паша; он настиг козаков под турецким городом Очаковым и разбил их на голову; трофеем его победы были 55 запорожских чаек и 800 человек козаков, отправленных победителем в Константинополь.

После смерти Михаила Дорошенка на Украине оказалось два гетмана – Григорий Чорный и Тарас Трясило, из коих первый был сторонником поляков, а второй – сторонником русских. Избранный гетманом еще в Крыму, Тарас Трясило после катастрофы, случившейся с Дорошенком, вернулся в Запорожье и оттуда стал рассылать свои универсалы к украинским козакам, призывая их к себе и внушая им неповиновение Григорию Чорному. Григорий Чорный, в свою очередь, писал универсалы, в которых внушал неповиновение Тарасу Трясилу. Просидев в Запорожье около полугода, Тарас Трясило вышел оттуда с козаками на Украину. Бывшие при нем запорожцы распустили молву, будто они идут к Чорному с покорностью. Чорный поверил пущенной ими молве, но был схвачен, доставлен к Тарасу и изрублен по частям. После этого Тарас Трясило объявил себя гетманом Украины и предъявил требования полякам – вывести из Украины жолнеров, уничтожить Куруковскую комиссию, ограничившую численность козацкого сословия, и выдать приверженцев Чорного.

Против Тараса выступил коронный гетман Конецпольский, выславший впереди себя отряд под начальством коронного стражника, человека-

зверя и страшного развратника Самуила Лаща, ни Бога не боявшегося, ни людей не стыдившегося, позорившего жен, бесчестившего девиц, немилосердно избивавшего мужчин. Само собой разумеется, что от такого предводителя народ бежал в ужасе и искал себе защиты у гетмана Тараса Трясила. С Тарасом Трясилой было несколько запорожцев, реестровых козачков и простых людей, в общем до 700 человек; вся надежда Трясила была на запорожцев и реестровых. Противники сошлись под городом Переяславом, где произошла загадочная по своим последствиям битва между козаками и поляками, одинаково для той и другой стороны тяжелая: Конецпольский потерял здесь множество своих воинов, Тарас Трясило потерял много козачков и сам попался в плен полякам и был казнен ими в городе Варшаве. По словам путивльца Григория Гладкого, переяславское дело произошло так: «Гетман Конецпольский осадил козачков в Переяславе; у польских людей с черкасами в три недели бои были многие, и на тех боях черкасы поляков побивали, а на последнем бою черкасы у гетмана в обозе наряд взяли, многих поляков в обозе побили, перевозки по Днепру отняли и паромы по перевозам пожгли. После этого боя гетман Конецпольский с черкасами помирился, а приходил он на черкас за их непослушание, что они самовольством ходят под турецкие города и всем войском убили Гришку Чорного, которого он прежде дал им в гетманы. Помирясь с черкасами, Конецпольский выбрал им из них же другого гетмана, каневца Тимоху Арандаренка».

Назначенный козакам гетман Арандаренко пришелся им не по нраву, и в 1631 году они выбрали на его место Ивана Петрижицкого-Кулагу и, не обращая внимания на стеснения со стороны правительства Речи Посполитой, по-прежнему громили турецкие берега Черного моря.

В 1632 году в Польше умер король Сигизмунд III и собравшийся по этому поводу сейм приступил к избранию нового короля. В это время на вальный сейм явились депутаты и от козачков. Ссылаясь на то, что козаки составляют часть польского государства, депутаты потребовали от имени войска обеспечения православной веры и права голоса на выбор короля. На это требование сенат Речи Посполитой дал такой ответ козакам, что хотя они действительно составляют часть польского государства, но такую, как волосы или ногти в теле человека: когда волосы или ногти слишком вырастут, то их стригут. Так поступают и с козаками; когда их немного, то они могут служить защитой Речи Посполитой, а когда они размножатся, делаются вредными для Польши... Относительно обеспечения православной веры козацким депутатам сказали, что этот вопрос рассмотрит будущий король Польши; а относительно участия в избрании короля козакам отвечали, что на избрание короля имеет право сенат и земское собрание.

Таким образом, козаки возвратились на Украину и на Запорожье ни с чем, и без их участия выбран был в короли сын Сигизмунда Владислав IV. По восшествии своем на престол Владислав IV открыл войну с Россией, и тогда для этой войны ему понадобились козаки, одинаково как украинские, так и низовые запорожские. Запорожскими козаками в это время предводительствовал некто Арлам, называемый у историков кошевым атаманом. Запорожцы, несмотря на нанесенную им недавно обиду от поляков на сейме, вышли в помощь королю под начальством атамана Гири Каневца, но в 1633 году июня 17 дня Каневец был убит в Новгородском уезде ратными государевыми людьми, предводимыми Наумом Пушкиным.

Зато оставшиеся в Сичи запорожские козаки вознаградили себя тем, что, собравшись в числе нескольких сот человек под предводительством Сулимы, вышли в Черное море, из Черного проникли в Азовское, а потом снова вернулись в Черное, произвели погром турецких городов по берегам морей, потом дошли до устьев Днестра и Дуная и тут разорили Аккерман, Килию, Измаил и несколько сел и деревень.

Так рассказывает об этом малороссийский летописец Ригельман. Кошевой Иван Сирко в своем письме 1675 года к крымскому хану и сказатель Стефан Лукомский передают об этом походе следующее. В 1633 году гетман войска низового запорожского Сулима, севши на несколько монокилов, вышел из Сичи по Днепру в Черное море, из Черного через Кимерийский Босфор проник в Меотическое озеро или Азовское море и взял там крепкий город Азик или Азов. Нужно думать, что летописцы разумеют здесь взятие козаками лишь одного предместья города, но не самой крепости.

Пользуясь постоянными набегами козаков на турецкие владения и желая подать помощь России, искавшей союза с Турцией против Польши, турецкий султан двинул в Польшу войско под начальством Абас-паши. Однако войну эту султан скоро окончил и окончил, главным образом, по вине России. Россия, испытав неудачу в борьбе с поляками под Смоленском, поспешила заключить с Речью Посполитой мир, подписанный в местечке Поляновке в 1634 году. При заключении этого мира поляки, между прочими статьями, предъявленными России, потребовали от московского царя ежегодного жалованья запорожским козакам «как им на то грамота дана и да самом деле в прошлых годах бывало». На это требование московские послы отвечали так: «Козакам запорожским какое жалованье и за какую службу давалось и какая у них грамота есть, – того не упомним; думаем, однако, что то могло быть, когда запорожские козаки великим государям служили и теперь, если начнут служить, то им государево жалованье по службе будет». Но разумелись ли здесь в собственном смысле запорож-

ские козаки, или же под «запорожскими» понимались вообще украинские или городовые, определить нельзя.

Вслед за русским царем поспешил заключить мир с Польшей и турецкий султан. По этому миру турецкий султан дал обещание удерживать татар от набегов на Украину, а польский король обязался изгнать всех козаков с днепровских островов, чтобы тем преградить им путь из Днепра в Черное море. Но в это же время ноября 2 дня турецкий визирь доносил, что днепровские козаки, в союзе с донскими, приступали к Азову, громили его из пушек, во многих местах испортили и едва не овладели городом.

После заключения мира с турками, польское правительство стало изыскивать меры к тому, чтобы так или иначе парализовать действия козаков против турок и тем обезопасить свои границы от набегов мусульман. Оно начало прежде всего с того, что решило разобщить Запорожье с населением Украины. Объявляя на собранном сейме о состоявшемся перемирии Речи Посполитой с Турцией, вельможные паны говорили, что, желая, чтобы свет знал, как поляки держат верность в отношении своих врагов, они принялись за искоренение козацкого своеволия и для этого твердо решили сделать следующее: воспретить козакам нарушать мир как на воде, так и на суше, под страхом лишения их всех вольностей и привилегий, данных им правительством Речи Посполитой; не позволять им брать ни лесных материалов, ни провизий, ни пороху, ни пуль, ничего другого, необходимого для военных экскурсий, вменить в обязанность отцам не пускать своих сыновей («молодежь городов наших») в войско запорожское, а также подвергать наказаниям всех людей шляхетского сословия, которые будут принимать, как раньше то было, участие в морских походах запорожцев или просто помогать им и делиться с ними добычей; кроме того, для действительного прекращения морских экскурсий козацких во владения царя турецкого и для соблюдения только что заключенного мира приказать инженерам осмотреть места у берега Днепра и, где покажется удобным для коронного и польного гетманов, построить замок, снабдить его, как пешим, так и конным гарнизоном и военной аммуницией, для чего немедленно ассигновать 100000 польских злотых.

Для возведения крепости выбрано было место на правом берегу Днепра против устья речки Самары, острова Князева и первого порога Кодацкого; от порога крепость названа была Кодаком. Сооружение крепости поручено было французскому инженеру Бонлану, вызванному в качестве строителя различных крепостей в Польшу. Крепость заложена была в присутствии гетмана Конецпольского и представляла собой вид редута бастионного укрепления, мерой кругом 900 сажен, с высокими, более 10 сажен высоты, валами и глубокими «обрезными, набитыми чесноком», рвами. Командиром гарнизона в построенной крепости поставлен был француз-

ский полковник Морион. Морион оказался таким строгим начальником, что не только не пускал козаков на войну, а даже воспрещал им выплывать в реку для ловли рыбы: он держал в крепости до 20 человек козаков, казавшихся ему подозрительными, и вовсе лишил их свободы. Однако строгость эта ни к чему не повела: в августе месяце 1635 года возвращался из морского похода названный выше Сулима с козаками и, увидя выросшую крепость, немало дивился тому, а потом внезапно бросился на нее, польский гарнизон истребил, полковника Мормона зарезал, а крепость раскопал. Поднявшись от Кодака выше и дойдя до городов Сулима стал скликать к себе всех недовольных польским правительством и готовиться вместе с ними на борьбу с поляками, но скоро был схвачен обманном образом и отправлен в Варшаву. В Варшаве в это время находились турецкий и татарский послы, которые заявили, что в текущем 1635 году козаки уже пять раз ходили на море, а потому требовали немедленной казни над Сулимой и его четырьмя сподвижниками. И Сулима был казнен по одному указанию, посредством отсечения головы, по другому – посредством рассечения на четыре части, выставленные на четырех концах города.

После казни Сулимы гетманом украинских козаков оказался Василий Томиленко; при нем волнения между украинскими козаками усилились. Волнения эти шли, главным образом, от реестровых козаков, не получавших жалованья от польского правительства, настойчиво добивавшихся получить его и потом несколько раз порывавшихся уйти на Запорожье с целью предпринять поход на Черное море. Однако эти намерения не могли состояться до тех пор, пока не открылась война у крымского хана с буджацкими татарами и пока во главе козаков не стал некто Карпо Павлюк, или Павлюга, иначе Баюн, Полурус и Гудзан, по происхождению турок. Возле Павлюка собрались выписчики и запорожцы, с которыми он и отправился (в начале 1637 года) в помощь крымскому хану Батыр-Герая против буджаков. Исход войны был не в пользу хана, благодаря мужеству Павлюка и запорожцев, которые «в малом числе победили и в прах обратили многочисленного неприятеля».

В то время, когда одна часть запорожцев действовала вместе с Павлюком в Крыму, другая часть числом до 4000 человек под начальством Михаила Татаринова, не вынесши польских притеснений, решила искать счастья в чужих странах, идти к персам и помогать им в войне против турок. Двинувшись через крымские и ногайские степи по направлению к Дону, часто сражаясь на пути с татарами, запорожцы неожиданно встретились с партией донских козаков в 3000 человек. Донцы, осведомившись, куда и зачем шли запорожские козаки, предложили им свою дружбу и запасы и объявили, что всего лучше запорожцам и донцам пойти к турецкому городу

Азову и овладеть этим ключем к Меотическому и Черному морям; после того можно будет взять такую добычу, какой у персиян никогда не найти. Запорожцы согласились и решили вместе с донскими козаками идти под турецкий город Азов; апреля 21 дня 1637 года в среду на другой день после Светлого Воскресенья запорожцы и донцы, в числе 4400 человек, выступили в поход, намереваясь жить в Азове, если только московский царь позволит приходить в Азов всяким людям, охочим, вольным, и даст возможность привозить козакам всякие запасы. В Азове в то время было от 3000 до 4000 турецких янычар, которые смеялись над предприятием козаков. Но козаки, подойдя к Азову, тотчас врылись в землю и, работая над этим день и ночь, несмотря на постоянную стрельбу со стороны янычар, вошли в город и принудили янычар отступить в замок. Испытывая большой страх, янычары скоро сдали козакам и замок, несмотря на то, что козаки имели при себе всего лишь 4 фальконета, которыми не могли причинить серьезного повреждения замку. Взяв крепость, козаки пограбили город и после этого донцы остались в Азове, а запорожцы с добычей возвратились в Сичь.

Между тем, в отсутствие Павлюка на Украине снова началось смятение, поднятое козаками по поводу неуплаты им польским правительством жалованья, а также вследствие отказа в просьбе пользоваться из казенных заводов запасами артиллерии. Сам гетман козацкий Томиленко был на стороне польского короля и приковал к пушке какого-то козака Грибовского, всех больше восстававшего против распоряжений польского правительства. Но Грибовский успел отковать от пушки и бежать на Запорожье. На Запорожье в это время прибыл из похода на Крым Павлюк. Узнав о происшедшем на Украине, он бросился с козаками из Сичи на Черкассы, захватил там орудия и привез их в Сичь на Микитин Рог, говоря, что им подобает быть в Сичи, а не в Черкассах. Козацкий гетман Томиленко немедленно донес об этом поступке Павлюка коронному гетману Потоцкому и вместе с тем послал козака к Павлюку с требованием возвратить взятые им орудия и покориться королю. На это требование Павлюк отвечал полным отказом. Июня 16 дня Павлюк написал письмо Томиленку и в этом письме объявил, что, как мертвого из гроба не возвращают, так и он не возвратит взятых им орудий в Черкассах. Напротив того, он считает бесчестьем держать козацкую армию в другом месте, кроме Запорожья, где предки козаков прославились своими подвигами, и потому пригласил всех реестровых забрать орудия и, покинув города, идти на Запорожье. Тогда к Павлюку повалили на Сичь все недовольные порядками польского правительства, а приверженцы польской стороны, реестровые козаки, упрекая своего гетмана Василия Томиленка в послаблении своеволию черни, низложили его с гетманства и вместо него выбрали гетманом Савву Кононовича, родом великоросса.

Новый гетман начал действовать в духе польского правительства и стал уговаривать восставших прекратить волнение. Узнав об этом перевороте, Павлюк немедленно вышел из Сичи и, остановившись кошем у Крылова, отправил от себя отряд козаков в Переяслав, где находился Савва Кононович. Савва Кононович был внезапно схвачен, привезен в Крылов и тут вместе с несколькими старшинами расстрелян, а вместо него гетманом был объявлен Карпо Павлюк.

Выбранный в гетманы украинских козаков Павлюк октября 11 дня 1637 года написал универсал всему украинскому козачеству, мещанству и посполству, призывая всех против «неприятелей народа русского христианского и древней греческой веры», а сам, оставив вместо себя на Украине Карпа Скидана, ушел в Сичь, где оставался до тех пор, пока не возбудил неудовольствия со стороны украинцев. Находясь в Сичи, Павлюк завел сношение с крымским ханом, у которого просил помощи против поляков. Но хан не только не дал помощи Павлюку, а даже известил о затеянном им деле польского короля. Тогда Павлюку ничего не оставалось делать, как выйти из Запорожья на Украину. И он вышел; при нем были и запорожские козаки. Но сколько их было и кто именно из запорожцев пошел с Павлюком, – источники не говорят. Нужно думать, что запорожцы вместе с Павлюком были и под Кумейками (декабря 6 дня), и под Боровицей (декабря 20 дня), хотя и на этот счет точных указаний не имеется. Под Боровицей Павлюк выдан был козаками полякам и в феврале месяце следующего 1638 года казнен в Варшаве посредством отсечения головы, а вместо него козацким гетманом объявлен был Ильяш Караимович. Сторонники казненного, Скидан и Чечуга, успели спастись бегством в Запорожье. Украинские козаки, вынужденные подписать под Боровицей условия, продиктованные им поляками, между прочим, обязались, по первому требованию гетманов коронных и комиссаров, идти походом на Низ, сжечь там все челны и вывести оттуда всю лишнюю чернь, назначенную в виде стражи для охраны польских пределов против татар. Это обещание принято было поляками с особенной охотой, и когда потом в феврале месяце собрался сейм в Варшаве, то на нем относительно Запорожья постановлены были, кроме того, следующие меры:

1. Правительство Речи Посполитой, в виду предупреждения морских походов со стороны запорожцев и постоянного ими возмущении украинского населения должно завладеть всем Запорожьем и поставить там постоянную сторожу.

2. Реестровые козаки в числе двух полков должны стоять на Запорожье и оберегать Низ от чужих и своих, т.е. татарам не позволять переправляться через Днепр и вторгаться, во владение Речи Посполитой, своеволь-

ным людям запрещать спускаться из городов на Низ, составлять на Низу ополчение и возвращаться для бунтов на Украину: «Назначенные полки с полковником своим должны ходить на Запорожье попеременно, для оберегания тех мест и для запрещения татарам переходить через Днепр, а также для предостережения, чтобы своеволие не укрывалось на островах и реках (Низа) и не предпринимало оттуда никаких экскурсий на море, исключая тех козаков, которые будут в полках, ни один козак (городовой) без паспорта комиссара не должен ходить на Запорожье, и если бы такой был пойман казацким губернатором, то он должен быть казнен смертью».

Эти постановления подписаны были королем Владиславом IV, тем самым который, очутившись в безвыходном положении в московском государстве, взывал о помощи к козакам и был ими спасен, а потом вторично выручен был из беды гетманом Сагайдачным под турецкой крепостью Хотин. Впрочем, к решительным мерам против козаков побуждали польского короля как турецкий султан, так и крымский хан. Султан требовал непременно свести козаков с днепровских островов, в противном случае грозил в прах обратить провинции и волости Речи Посполитой. Крымский хан, извещая короля о том, что козаки вновь собираются на днепровских островах с целью нападения на татар, советовал ему, для полного согласия и дружбы с татарами, истребить всех своевольников и для этого предлагал королю даже собственное войско. Но как ни были возмущены поляки своеволием козаков, все же не могли решиться на крайние меры против них, понимая, что с уничтожением козаков Польша будет открыта для нападений со стороны мусульман, поляки хотели, только прибрать к рукам Запорожье и владеть им по-собственному усмотрению.

После окончания сейма отправлены были в Запорожье два украинских полка, Чигиринский и Белоцерковский, с полковником Мелецким, которому приказано было сперва выгнать оттуда всех украинских беглецов, а потом расположиться до новой смены в козацких вольностях в качестве сторожевых полков. Мелецкий прибыл в Запорожье в половине месяца марта 1638 года и, остановившись на границе козацких вольностей, послал к запорожцам своих козаков объявить им известие о королевской милости и требование сейма о выдаче Скидана и Чечуги. Но запорожцы на требование польского полковника отвечали тем, что заковали присланных к ним посланцев и оставили на берегу Днепра какое-то «очень неутешительного содержания письмо». Мелецкий хотел было действовать против запорожцев оружием, но, увидя, что это опасно для его жизни вследствие побега реестровых козаков в Сичь, решил покинуть Запорожье и поскорее вернуться в польские владения Украины.

Тогда в Запорожье объявились два сотрудника казненного Павлюка, Дмитро Томашевич Гуня и Острянин или, по козацкому произношению, Остряныця, родом полтавец. Первый принял на себя звание казацкого гетмана в апреле 1638 года и, пылая мстью за замученного поляками отца, выступил ярим врагом Речи Посполитой. Второй, проявивший свое мужество и распорядительность еще под Кумейками, выходя вместе с Гуней против поляков, решил сперва заручиться союзом с крымскими татарами и донскими козаками, для чего и отправил к ним посланцев из Запорожья. Не дождавшись ответа, Остряныця оставил Запорожье и поднялся с войском, частью севшим в лодки, частью двинувшимся сухопутьем вдоль Днепра на Украину. С ним был и Карпо Скидан, находившийся все время после боровицкой битвы в Запорожье. Были ли в этом войске и запорожцы, и если были, то сколько именно и под чьим начальством они шли, неизвестно. Во всяком случае, Остряныця от Сичи поднялся к Кременчугу и мая 5 дня был у города Голтвы, где нанес большое поражение полякам и принудил их отступить от Голтвы с большими потерями, в чем сознается и польский хронист того времени Симон Окольский. В это время Остряныця получил известие, что к нему подходит несколько полков донских козаков. Побившись с поляками под Лубнами, Остряныця взял путь на Лохвицу и Миргород, откуда вернулся к Лукомлю, на 25 верст ниже Дубен, а потом, покинув Лукомль, стал на речке Слепороде между Яблоновым и Лубнами. Простояв без всякого действия несколько времени на Слепороде, Остряныця мая 27 дня опять ушел к Лукомлю, где пробыл до 14 июня. Тут он узнал о прибытии к гетману Потоцкому князя Иеремии Вишневецкого и потому от Лукомля направился к Жовнину. После отступления от Лубен Остряныци к этому городу прибыл передовой отряд донских Козаков в 500 человек под начальством козака Путивльца и его сподручников Мурки и Репки; на этот отряд донцов напали поляки и истребили его, несмотря на добровольную сдачу донцов с условием дарования им жизни. Под Жовнином Остряныця весь день бился с поляками, но потом, стесненный ими, оставил козацкий лагерь и тайно бежал в московские земли. Тогда козацким гетманом объявлен был Дмитро Томашевич Гуня.

Гуня стоял под Жовнином с 15 по 20 июня и выдержал здесь упорный штурм от Вишневецкого, но под конец оставил Жовнин и спустился к устью речки Старицы, впадающей в Днепр. У устья старицы Гуня просидел до 5 августа, то сражаясь с поляками, то вступая с ними в мирные переговоры; августа 5 дня, приняв в свой обоз полковника Фидоненка с подкреплением и продовольствием, а вместе с этим выдержав жестокий штурм от поляков, Гуня внезапно исчез из козацкого лагеря и потом очутился в московской земле.

Принимали ли участие во всех этих походах Гуни запорожские козаки, документально неизвестно, хотя трудно допустить, чтобы низовые рыцари оставались равнодушными зрителями там, где дело касалось православной веры и козацких вольностей.

Результатом всех походов Острияницы и Гуни было лишение украинских козаков прежних прав, какими они пользовались до этого времени, в особенности права выбора собственных старшин, и распоряжение о назначении новых старшин шляхетского происхождения. Повеление об этом объявлено было декабря 4 дня 1638 года в урочище Масловом Броде и повело за собой ряд бедствий для всей Украины.

Для запорожцев походы Гуни и Острияницы имели те последствия, что поляки вновь решили разобщить их с украинцами посредством сооружения крепости Кодака на прежнем его месте, против Кодацкого порога и устья реки Самары. Крепость по-прежнему возводилась инженером Бопланом, но на этот раз под непосредственным надзором коронного гетмана Конецпольского. Конецпольский отправился на место крепости с 4000 солдат и оставался там в течении целого месяца 1638 года до окончания работ. Когда крепость была окончена, то гетман, осматривая ее, лукаво спросил у бывшего при нем чигиринского сотника: «Каков вам кажется Кодак?» – «*Manu facta manu distruo*» – т.е. «что руками создается, то руками и разрушается» – ответил гетману не менее лукаво чигиринский сотник Богдан Хмельницкий, и слова его не прошли, как увидим ниже, даром.

Построение крепости Кодака не удержало запорожских козаков от привычных походов в турецко-татарские земли. На этот раз запорожцы вышли в море в качестве союзников донских козаков; донские же козаки вызваны были к походу по грамоте царя Михаила Федоровича. Апреля 22 дня 1638 года царь Михаил Федорович извещал донцов, что крымцы под начальством царевича Сафат-Герая, мстя Москве за Азовское взятие, приходили на московское государство, ко многим городам приступали, много сел и деревень пожгли, много людей побили и в полон побрали. Возвратись же назад из набега, крымцы вновь собрались в какой-то поход, держа это в большой тайне. Обеспокоенный этим, московский царь наказал донцам всеми мерами наблюдать за действиями татар, войти в сношение с запорожскими козаками и пригласить их стать заодно с донцами против крымских и ногайских воинских людей, чтобы в московские украины их не пропустить и тем помочь московскому государству чинить.

Нужно думать, что вследствие этой грамоты и состоялся поход донских и запорожских козаков в 1638 году. Они собрались в числе 1700 человек и, сев на 153 чайки, выплыли в Черное море. Но этот поход окончился полной неудачей для козаков: турецкий султан Мурад IV послал против

них пашу Капудан-Раджаба, который нанес им решительное поражение. Несмотря на это, оправившись от поражения, козаки занялись осадой Багдада, но тут снова потерпели поражение. Против них вышел сам кийайя, т. е. начальник арсенала Пиале-ага с наместником или беглер-беком («князь князей») города Кафы, и захватил некоторую часть их флота, вместе с атаманом, в свои руки. Другая часть козацкой флотилии спаслась в дельту реки Кубани, но тут у мыса Чука была окружена морскими и сухопутными силами татар и турок, пришедшими из Керчи, Очакова и Крыма, и потеряла 500 человек товарищей и 5 чаек, после чего поднялась еще выше по речке Кубани, спасаясь от мусульман. Но мусульмане, сев на отнятые у козаков лодки, снова бросились вслед за ними и сцепились в самой реке при Адахуне, большую часть из них убили, 250 человек и 30 чаек с собой взяли и в Царьград отправили. Мусульмане боролись с козаками в течение семи дней и под конец успели прогнать их от города Азова, куда они вместе с донцами и простирали свои взоры.

Не довольствуясь таким успехом, султан Мурад IV отправил из Константинополя Пиале-агу в устье днепровского лимана, к острову Тендре, где стояли 10 козацких чаек с турецкой добычей и пленными женщинами и детьми. Пиале внезапно напал на козацкие чайки, захватил их в свои руки и отправил в столицу, а женщин и детей выпустил на свободу.

Разгромив запорожцев на море, турки стали претендовать и на обладание всеми вольностями их в самом Запорожье. Так, в 1640 году февраля 15-го дня наместник киевского митрополита Петра Могилы старец Игнатий, при расспросе в польском приказе в Москве показал, что в этом году крымские и ногайские татары вместе с черкесскими людьми, приходили, в числе 70000 человек, на литовскую землю и взяли в плен 200000 всякого звания христиан, кроме побитых людей до смерти, старых, неспособных к работам людей. «А зачалась та татарская война въ Литовской землѣ за то, что гетманъ Конецпольскій поставилъ надъ Днѣпромъ на первомъ порогѣ его городокъ Кодакъ и о томъ турскій салтанъ присылалъ выговаривать Конецпольскому, чтобъ онъ того городка не ставилъ, потому что-де та земля его, турецкая, а не литовская; и гетманъ-де ему въ томъ отказалъ съ безчестиемъ; и турецкому-де салтану то стало досадно, что его гетманъ обезчестилъ и городокъ поставилъ на границъ, и за то наслалъ на Литовскую землю татаръ войною тайнымъ обычаемъ».

В 1641 году запорожские козаки, как можно догадываться на основании указания Эвлия-эфенди и постоянной связи Запорожья с Доном ходили на помощь донцам к городу Азову против татар и турок, действовавших под начальством Дели-Хусайна паша. Те и другие казаки показали здесь чудеса храбрости и несмотря на огромные полчища своих противников (от

100000 до 240000) и на превосходство их положения, заставили отступить их от Азова.

Впрочем, видимо, запорожцы после страшного разгрома их на Черном море и на речке Кубани на время прекратили свои выходы в Черное море. По крайней мере, о последующих предприятиях их против турок известий никаких не имеется. Зато с этого времени следы их действий обнаруживаются в другом месте. Так, в 1643 году запорожские черкасы напали на речке Торе на турецких посланников, шедших из Москвы в Крым и разгромили их; пойманный при этом один из низовых козаков свернул вину на какого-то старца Святогорского монастыря, который, будто бы, подвел к тому запорожских черкас, но московские послы, бывшие в это время в Константинополе отрицали это: «Говорил он (козак) про Святогорского старца, избывая смерти, покрывая свое воровство и желая поссорить великих государей».

Пассивную роль играли запорожские козаки и в 1644 году во время похода коронного гетмана Станислава Конецпольского против татар. Этот поход предпринят был поляками в отомщение за набег татар в Заднепровье, сделанный ими в 1643 году. Собрав большое войско, Конецпольский отправил вперед себя воеводу Станислава Любомирского к местечку Ставищам для наблюдения за татарами. В свою очередь Любомирский, прибыв в Ставища, отправил от себя часть войска под начальством князя Иеремии Вишневецкого к Днепру, в местечко Мошны и приказал ему строго следить за движениями неприятелей на обоих берегах реки. Татары шли под начальством Тугай-бея, Муртазы-аги и Умар-ати, пользовавшихся репутацией в Крыму самых храбрых и дельных воинов; последний, кроме того, известен был как лучший калауз, т.е. проводник войска, отлично знавший географическое расположение польско-украинских областей. Января 3 дня татары заняли переправу через Днепр у Тавани, объявив, что они идут не с тем, чтобы воевать против Польши, а с тем, чтобы вернуть свои стада, угнанные козаками. Гетман, узнавал о всех движениях татар от беглых запорожских пленников, а также от чигиринского полковника, находившегося с полком в Запорожье, и от пана Забужского, отправленного туда же для разведок. Они сообщили гетману, что татары, не могши переправиться через Днепр у Тавани, вследствие обмерзлых берегов реки, безуспешно пытались сделать это у Каирской и Носоковской переправ, а потом поднялись вверх до Кичкаса. Тогда Вишневецкий передвинулся в Корсунь, а гетман из Бара спустился к Ставищам. Здесь получено было известие, что орда, выждав два дни у Кичкаса, пока не окреп лед, переправилась с левого берега Днепра на правый и двинулась к Желтым Водам, от Желтых Вод пошла через верховье речки Саксагани, через речки Ингулец, Ингул и Высь. Тогда все польское войско сошлось у Ахматова на речке Тикыче и здесь 30 января 1644 года произош-

ла битва между поляками и татарами. Битва окончилась для татар весьма печально: они были сломлены и бежали к Синим Водам, а оттуда частью к Днепру, частью к Очакову, а частью в буджацкие степи. Между поляками во время этой битвы находились и козаки, но их было всего лишь 400 человек и они поставлены были сзади всего войска.

Оставив свои набеги на Черное море, запорожские козаки принуждены были прекратить и свои сношения с Украиной: на юге их зорко стерегли турки, а на севере за ними бдительно следили поляки, засевшие в крепости Кодаке, а также и в самой Сичи, куда посылалась особая залога, т.е. гарнизон, частью из реестровых козаков, а частью и из поляков, находившихся под начальством особых офицеров. Сдавленные с обеих сторон, запорожцы не теряли, однако, надежды на то, чтобы вновь выскочить в широкое море и в угнетаемую панством и унией Украину. Такой случай представился им в 1647 году, когда, на историческую сцену Украины выступил знаменитый гетман Зинавий Богдан Хмельницкий.

Цит. по кн.: Яворницкий, Д.И. История запорожских казаков /Д.И. Яворницкий. – Т. 2. – Киев, 1990. – Режим доступа: // <http://www.tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/JA/JavornitskijDI/izk2/>

Тема 17
ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА УКРАИНСКОГО НАРОДА
ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ БОГДНА ХМЕЛЬНИЦКОГО.
ВКЛЮЧЕНИЕ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ
В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ

1653 г. октября 1. –

Решение Земского собора о воссоединении Украины с Россией

В прошлом во 7161-м году мая 25 по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси и самодержца говорено на соборех о литовском и о черкасском делех. А в нынешнем во 7162-м году октября в 1 день великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси самодержец указал о том же литовском и о черкасском делех учинити собор, а на соборе быти великому государю святейшему Никону, патриарху московскому и всеа Руси, и митрополитом, и архиепискупом, и епископу, и черным властей, и бояром, и окольниким, и думным людем, и стольником, и стряпчим, и дворяноммосковским, и дьяком, и дворяном, и детем боярским из городов, и гостем, и торговым и всяких чинов людем.

И указал государь им объявити литовского короля и панов рад прежние и нынешние неправды, что с их стороны делаютца к нарушенью вечного докончанья, а от короля и от панов рад поправленья в том не бывало. И чтоб те их неправды ево государевым Московского государства всяких чинов людем были ведомы. Также и запорожского гетмана Богдана Хмельницкого присылки объявити, что они бьют челом под государеву высокую руку в подданство. И что ныне король и паны рада при государевых великих послех по договору исправленья не учинили и отпустили их без дела.

И государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси самодержец, пришед от праздника от покрова пресвятыя богородицы за кресты и быв в соборной церкви, для собору был в Грановитой полате. А на соборе были: великий государь святейший Никон, патриарх московский и всеа Руси, митрополит крутицкой Селивестр, митрополит сербской Михайло, архимариты и игумны со всем освященным собором, бояре, окольные, думные люди, стольники и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и дворяне з городов, и дети боярские, гости и гостиные и сукон-

ные сотни и черных сотен, и дворцовых слобод, торговые и иных всяких чинов люди и стрельцы. И по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу о неправдах Яна Казимера короля польского и панов рад и о челобитье государю в подданство Богдана Хмельницкого и всего Войска Запорожского чтено всем вслух.

В докончальных грамотах блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца и Владислава короля польского и великого князя литовского написано: быти им обоим, великим государем, меж себя и их государским детем и наследником в братцкой дружбе, и в любви, и в соединении. А великого государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца и его государевых детей и наследников Владиславу королю, и вперед будучим королем польским и великим князем литовским, и паном раде, и всей Речи Посполитой во всяких письмах описывать и имяновать по его государскому достоинству и по вечному докончанью великим государем царем и великим князем всеа Руси самодержцем, с полными его государскими титулы, по его государскому достоинству. И как он, великий государь, сам себя описует по докончальной грамоте отныне и до века и вперед неподвижно безо всякого премененья. А Владиславу королю польскому и великому князю литовскому и вперед будучим королем польским и великим князем литовским писатися по прежним обычаем с полными ж их титулы по докончальной грамоте. А к Московскому государству Владиславу королю польскому и великому князю литовскому, и его братье, и детем, и внучатом причитанья ни в чем не иметь и царем, и великим князем всеа Руси, и титулами Московского государства не писатися и не имяноватись. И то вечное докончанье с обе стороны сперва великие послы, а после того и сами обои великие государи своими государскими душами, крестным целованьем, закрепили и грамотами и печатями утвердили, что меж ими, обоими великими государи, тому вечному утверженью быти навеки непременну. И с стороны Владислава короля польского и великого князя литовского при нем, Владиславе короле, вечное докончанье нарушено: блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца и сына его государева, великого государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси самодержца, в королевских во многих грамотах и порубежных городов воевод, и каштелянов, и старост, и капитанов, и державцов в государевы порубежные города к воеводам в листех их имянованья и титулы писаны не по вечному докончанью, со многим премененьем. А иные злодеи во многих листех писали с великим безчестьем и с укоризною, а королевское имянованье писали царским имянованьем и многих государств государем и обладаате-

лем. И о тех королевских многих неправдах посылаемы от них, государей, в Польшу и в Литву ко Владиславу королю польскому и великому князю литовскому их государевы великие послы и посланники. А велено им, будучи у короля на посольстве и с паны рады в ответех, о государеве чести говорить, и подлинныя прописные листы казати, и списки с них дати, и на тех людей казни и наказанья просити.

И во 7148-м году писал ко государю Владислав король в грамотах своих: которые люди, за его королевским заказом, учнут государево имянованье и титуло писать не по их государскому утверженью, и те будут казнены, а которые писали неостерегательно, и тех с сойму однолично велит казнить, а вперед того отнюдь не будет. А в ответном письме панов рад, каково дали во 7153-м году государевым великим послом боярину князю Алексею Михайловичю Львову с товарищи, написано, что королю, покаместа право не ставало, потаместа каранья чинить было не мочно. А нынеча те проступки, после права постановленного, король на сойм позвати велел, и казнь по проступке их против права их подлинно учинена будет. И по тем королевским грамотам, и по ответным письмам, и по договорам панов рад при Владиславе короле исправленья никакова не бывало. А при нынешнем Яне Казимире короле польском учало быть и пуще прежняго: блаженные памяти про великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца и про деда его государева, блаженные памяти про великого государя святейшаго патриарха Филарета Никитича московского и всеа Русии, также и про великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии самодержца в книгах их напечатаны злые безчестья, и укоризны, и хулы. Чего не токмо великим государем христианским, помазанником божиим, и простому человеку слышати, и терпети невозможно, и помыслити страшно. Также и Московского государства про бояр и про всяких чинов людей напечатаны в тех книгах многия бесчестья и злые укоризны, чего ни в которых государствах не токмо за вечным докончаньем, и в развратье того не бывает. А Владислав король написан обранным великим князем московским мимо вечного докончанья.

И в прошлом во 7158-м году по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу посылаемы в Польшу и в Литву к Яну Казимеру королю его государевы великие и полномочные послы — боярин и оружейничей и наместник Нижнего Новагорода Григорей Гаврилович Пушкин с товарищи. А велено им о тех королевских и панов рад многих неправдах говорить накрепко и за государскую честь по посольским договором на виноватых просити казни смертныя

И по королевскому указу паны рада тем государевым великим послом дали договор за руками своими и за печатями, что тех всех про госу-

дарево имянованье и титла обвиненных людей, которые в росписи от них, великих послов, им, паном раде, написаны в Варшаве на сойме, по правом корунным и литовским и против сеймового уложения констытуцции 1637 году судити. И по проступке их судя, и смертью, хто будет достоен, казнити при государевых послех или при посланниках. А в констытуцции 1637-го году написано: а на таковых, которые б дерзали писать, или титлы умаляти, или отменять, пенам пердуэллионис закладаем, а по-руски то слово – смертная неотпушательная казнь и отлучение имения.

И по государеву указу, а по королевской присылке, посыланы х королю на сойм с прописными листами посланники Офонасей Прончищев да дьяк Алмаз Иванов. И будучи они у короля и у панов рад, в ответ его государеве чести говорили, и на виноватых по договору и по констытуццие казни просили, и стояли о том крепко. И король и паны рада на том сойме при государевых посланниках не токмо что по договору исправленья не учинили, и многих винных людей к суду не поставили и правды ни в чом не показали.

И после того присылал ко государю Ян Казимер король посланников своих – Альбрехта Пецлавского да Хриштопа Униховского, а с ними присылал с сойму на тех подданных своих, за государеву честь обвиненных, людей з декретом. И в том декрете к прямому поправленью ничего не написано. И многие винные люди от вин своих учинены свободными не по делу, а на которых обычных немногих людей и вина положена, и про тех в том же декрете написано: где они, живы ли или померли, про то им и самим не ведомо. И по государеву указу тот декрет у них, посланников, за такими явными неправдами не принят. А сказано им и в ответном письме написано, что для совершенья тех дел пошлет государь к Яну Казимеру королю своих государевых великих послов.

И в прошлом во 7161-м году посыланы к нему, Яну Казимеру королю, государевы великие и полномочные послы, боярин и наместник великопермской князь Борис Александрович Репнин-Оболенской с товарищи, чтоб Ян Казимер король, памятуя вечное dokonчанье, и посольские договоры, и сеймовые свои уложения, констытуццию, велел в тех вышеимянованных делех исправленья учинить пристойное. И те государевы великие послы, будучи в ответе, о государеве чести о исправленья на обвиненных людей по договору паном раде говорили и стояли о том всякими мерами. И Ян Казимер король в том деле никакова исправленья не учинил. А паны рада в ответех то дело, что они, великие послы, говорили о чести блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца и сына его государева, великого государя царя и

великого князя Алексея Михайловича всеа Русии самодержца, называли малым делом.

И те государевы великие послы им, паном раде, о том выговаривали, что они, паны рада, то начальное и главное дело, государскую честь, ставят ни во что и называют малым делом, не бояся бога и не памятуя вечного dokonчанья. И тем великих государей наших, блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца и сына его, великого государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии самодержца, обесчестили.

И паны рада говорили и указывали на прежней свой неправедной суд и декрет, что они о том деле, о их государской чести, мимо прежнего суда и декрету инако судити и переделывать не будут. И отказали в том впрямь. А которые листы писаны после того их суда и декрету, и про те листы паны рада сказали, что они тех людей, от кого те листы писаны, судити учнут так же, как и за прежние прописки. И к тем словам смеялись, а справедливости в том деле никакие не учинили и поставили такое великое дело ни во что.

Да он же, Ян Казимер король, забыв вечное dokonчанье, умышляя над Московским государством злые неприятельские замыслы, ссылался с общим христианским неприятелем с крымским ханом почасту и всякими вымыслы умышлял, чтоб сопча Московское государство воевать и разорить. Да он же, Ян Казимер король, через свои государства пропустил к свейской королеве Христине общего христианского неприятеля крымского хана посла для ссоры и войны. А преж сего того, чтоб крымским послом через Польшу и Литву в Свею ходить, николи не бывало.

Да с его же королевские стороны учали быть в порубежных местех задоры большие: приходя в государеву сторону, их польские и литовские люди государевых порубежных городов дворян и детей боярских поместья и вотчины разоряют, и людей их и крестьян грабят и мучат розными муками, и за рубеж вывозят сильно, и всякия злости им чинят. А урядники их по письму государевых порубежных воевод росправы в том не чинят. И по тем по всем мерам многие неправды учинились к нарушенью вечного dokonчанья с королевские стороны.

А з государевы стороны вечное dokonчанье во всяких мерах и по ся места здержано крепко и нерушимо.

Да в прошлых годех присылал ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии запорожской гетман Богдан Хмельнитцкой и все Войско Запорожское посланников своих многижда, что паны рада и вся Речь Посполитая на православную христианскую веру гре-

ческаго закона и на святые божий восточные церкви востали и гонение учинили большое. И их, запорожских черкас, от истинной православной христианской веры, в которой они издавна живут, учали отлучать и неволить к своей римской вере. И церкви божий запечатали, а в ыных учинили унею, и всякие над ними гонения, и поругания, и злости нехристианские чинили, чего они и над еретиками и над жидами не чинят. И они, черкасы, не хотя благочестивые христианские веры отбыти и святых божиих церквей в разорении видети и видя себя в таком злом гоненье, поневоле, призвав к себе в помочь крымского хана с ордою, учали за православную христианскую веру и за святые божий церкви против их стояти. А у царского величества милости просят, чтоб он, великий христианский государь, жалея благочестивые православные христианские веры и святых божиих церквей и их, православных христиан, невинные крови пролития, умилосердился над ними, велел их принять под свою царского величества высокую руку. И учинил им на гонителей христианские веры и святых божиих церквей, на поляков, помочь, и послал войска свои. А в прошлом во 7161-м году присылал ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси запорожской гетман Богдан Хмельнитцкой посланников своих двожды, что с королевские стороны по договором, на чом с ними, запорожскими черкасы, мирились, не исполнено, и церкви божий, которые в договоре написаны были отдать из унеи, не отдали, а которые немногие и отданы были, и те оборочены опять под унею. И хотя православную христианскую веру искоренить и святые божий церкви до конца разорить, войска на них корунные и литовские собрали, и многие города, и места, и в тех городех и местех святые божий церкви осквернили, и обругали, и разорили. И православных христиан духовного и мирского чину многих невинно замучили злыми различными муками, и всякое злое поругание чинили, о чем и слышати жалостно.

И они у царского величества запорожские черкасы милости просят со многим слезным челобитьем, чтоб он, великий государь, православные христианские веры искоренить и святых божиих церквей разорить гонителем их и клятвопреступником не дал и над ними умилосердился, велел гетмана Богдана Хмельнитцкого и все Войско Запорожское принять под свою государеву высокую руку. А будет государь их не пожалует, под свою государеву высокую руку принять не изволит, и великий бы государь его царское величество для православные христианские веры и святых божиих церквей в них вступился, велел их помирити через своих государевых великих послов, чтоб им тот мир был надежен. А собою они с поляки миритца отнюдь не хотят, потому что поляки в правде своей не стоят.

И по государеву указу, а по челобитью гетмана Богдана Хмельницкого и всего Войска Запорожского его государевым великим послом, боярину и наместнику великопермскому князю Борису Александровичю Репнину-Оболенскому с товарищи, о том миру и о посредстве королю и паном раде говорити велено. И по государеву . указу его государевы великие послы, боярин князь Борис Александрович с товарищи, в ответех паном раде говорили, чтоб король и паны рада то междуусобье успокоили и с черкасы помирились. И православную христианскую веру греческого закону не гонили, и церквей божиих не отнимали, и неволи им ни в чем не чинили, а учинили б мир по Зборовскому договору, и которые церкви оборочены под унею, и те б церкви отдали им назад. И будет король и паны рада то учинят, что з запорожскими черкасы помирятца, и в вере им вперед неволи чинить не учнут, и церкви божий отдадут им попрежнему, и великий государь его царское величество для православные христианские веры и святых божиих церквей брату своему королевскому величеству такую поступку учинит: тем людем, которые в его государском имянованье в прописке объявились, те их вины велит им отдать.

И Ян Казимер король и паны рада и то дело поставили ни во что ж, и в миру с черкасы отказали, и, хотя православную христианскую веру искоренити и церкви божий розорити, пошли на них войною при них же, великих послех.

Да как у короля и у панов рад в прошлом во 7161-м году сойм был в Бресте Литовском, и у них на сойме приговорено впрямь, что их православных христиан греческого закону, которые живут в Коруне Польской и в Великом княжестве Литовском, побить и церкви божий розорить, чтоб вера греческаго закона искоренилась.

И государевы великие послы, видя их многое упорство, говорили им з большим вычетом в полате и х коретам идучи во все люди вслух, что великий государь его царское величество для православные христианские веры и святых божиих церквей, хотя их междуусобье успокоить, тем людем, которые за их государскую честь достойны были смерти, вины их хотел им отдать. И коли он, Ян Казимер король, и они, паны рада, то поставили ни во что и ни в чем исправленья не учинили, и великий государь его царское величество такова их злого безчестья и многово по вечному dokonчанью не исправленья больши того терпети им не будет. И послов своих и посланников о том к ним вперед посылать не учнет, а велит о тех их неправдах и о нарушенье вечного dokonчанья писать во все окрестные государства к великим государем христианским и бусурманским. А за православную христианскую веру, и за святые божий церкви, и за свою государскую достойную честь стояти будет, сколько милосердый бог помочи подаст.

И паны рада на на какую меру не сошли ж, и сходства не показали, и исправленья ни в чем не учинили, и во всем отказали, и тех государевых великих послов отпустили без дела. А как Ян Казимер король обран на королевство и на коронованье присягал, и в присяге ево написано меж иных дел, что ему меж разнствующими в вере христианской остерегати, и защищати, и никакими мерами для веры самому не теснити, и никою на то не попускати. А будет он тою своей присяги не здержит, и он подданных своих от всякия верности и послушания чинит свободными и разрешения о той клятве своей ни у ково просити не будет и не примет.

А ныне писал ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси запорожской гетман Богдан Хмельницкой и все Войско Запорожское с посланцом своим с Лаврином Капустою, что король с войсками своими на Украину идет. И они, не хотя монастырей и церковей божиих и христиан в мучительство выдать, бьют челом, чтоб государь его пожаловал, войска свои вскоре послать к ним велел. А будет он, великий государь, и ныне над ними, православными христианы, не зжалится, как они у него, государя, с плачем милости просят, а иноверцы те их нечто разоряют и под себя подобьют, то они волю их чинити по нужде будут. А запорожской посланец Лаврин Капуста говорил: приказывал де с ним гетман Богдан Хмельницкой, а велел государю бити челом, чтоб государь велел прислать в Киев и в ыные города своих государевых воевод, а с ними ратных людей, хотя с 3000 человек, и то для тех же государевых воевод, а у гетмана де людей много. Да к нему ж де хотел быть крымской хан с ордою, а иные татаровя уж и пришли и стоят под Белою Церковью. Да к гетману ж де присылал турецкой салтан в обоз в Борки посланца своего, зовучи ево к себе в подданство. И гетман де ему в том отказал, а надеетца на государеву милость. А будет государь его и не пожалует, принять не велит, и он в том учнет свидетельствоватца богом, что он о том у него, государя, милости просил много, а он, государь, его не пожаловал, а с королем де у них миру отнюдь не будет, а учнут против его стоять. Да в вестях объявилось, что люди их черкаские с польскими людьми в подъездах двожды сходились и бились, и им де посчастлилось и много языков поляков поймали. А литовской де гетман Радивил говорил: будет они с Войском Запорожским ничего не учинят, и они тотчас с ними помирятца и пойдут на государеву землю войною.

И выслушав, бояре приговорили: за честь блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси и за честь сына его государева, великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси, стояти и против польского короля война

весть. А терпети больше того нельзя, потому что многие годы в королевских грамотах и в порубежных листех писали их государские имянованья и титулы мимо вечного докончанья и посольского договору, со мною пропискою.

А по посольским договором, и по ответным письмам, и по своей соймовой констытуции во многие годы исправленья не учинили. И видя королевские подданные такое неисправленье и злым людем за вины их неумство от того не престали, и с порубежных городов капитаны их и наместники в государевы порубежные города к воеводам во всех годех государеву имянованье и титуло писали с пропискою. И при государевых послех, при боярине князь Борисе Александровиче Репнине с товарищи, исправленья не учинили и называли то дело – государскую честь – малым делом, и смеяся и поставили ни во что, и отпустили государевых послов без дела, и тем оне вечное докончанье нарушили.

А о гетмане о Богдане Хмельницком и о всем Войске Запорожском бояре и думные люди приговорили, чтоб великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси изволил того гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское з городами их и з землями принять под свою государскую высокую руку для православные христианские веры и святых божиих церквей, потому что паны рада и вся Речь Посполитая на православную христианскую веру и на святые божий церкви востали и хотят их искоренить, и для того, что они, гетман Богдан Хмельницкой и все Войско Запорожское, присылали к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси бити челом многижда, чтоб он, великий государь, православные христианские веры искоренить и святых божиих церквей разорить гонителем их и клятвoprеступником не дал и над ними умилосердился, велел их принять под свою государскую высокую руку. А будет государь их не пожалует, под свою государскую высокую руку принять не изволит, и великий бы государь для православные христианские веры и святых божиих церквей в них вступился, велел их помирить через своих великих послов, чтоб им тот мир был надежен.

И по государеву указу, а по их челобитью государевы великие послы в ответех паном раде говорили, чтоб король и паны рада междуусобье успокоили, и с черкасы помирились, и православную христианскую веру не гонили, и церквей божиих не отнимали, и неволи им ни в чем не чинили, а учили б мир по Зборовскому договору.

А великий государь его царское величество для православные христианские веры Яну Казимеру королю такую поступку учинит: тем люцем, которые в его государском имянованье в прописках объявились, те их ви-

ны велит им отдать. И Ян Казимер король и паны рада и то дело поставили ни во что и в миру с черкасы отказали. Да и потому доведетца их принять: в присяге Яна Казимера короля написано, что ему в вере христианской остерегати и защищати, и никакими мерами для веры самому не теснити, и никого на то не попушати. А будет он тое своей присяги не здержит, и он подданных своих от всякий верности и послушанья чинит свободными.

И он, Ян Казимер, тое своей присяги не здержал, и на православную христианскую веру греческаго закона востал, и церкви божий многие разорил, а в ыных унею учинил. И чтоб их не отпустить в подданство турецкому салтану или крымскому хану, потому что они стали ныне присягою королевскою вольные люди.

И по тому по всему приговорили: гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское з городами и з землями принять.

А стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяки, и жильцы, и дворяне ж и дети боярские из городов, и головы стрелецкие, и гости, и гостиные и суконные сотни, и черных сотен и дворцовых слобод тяглые люди, и стрельцы о государской чести и о приеме гетмана Богдана Хмельницкого и всего Войска Запорожского допрашиваны ж по чином, порознь.

И они говорили то ж, что за честь блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси и за честь сына его государева, великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси, стояти и против литовского короля война весть. А они, служилые люди, за их государскую честь учнут с литовским королем битися, не щадя голов своих, и ради помереть за их государскую честь. А торговые всяких чинов люди вспоможеньем и за их государскую честь головами ж своими ради помереть.

А гетмана Богдана Хмельницкого для православные христианские веры и святых божиих церквей пожаловал бы великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси по их челобитью, велел их принять под свою государскую высокую руку.

Цит по кн.: Воссоединение Украины с Россией: док. и материалы: в 3 т. – Т. 3. – М., 1953. – С. 406 – 414.

1654 г. марта 21. –

«Статьи Богдана Хмельницкого», утвержденные царем и Боярской думой, определявшие положение Украины в составе Русского государства

...1. Чтоб в городех урядники были из их людей обираны к тому достойные, которые должны будут подданными царского величества урезать и доходы всякие вправду в казну царского величества отдавати, для того что царского б величества воевода, приехав, учал права их ломать и уставы какие чинить, и то б им было в великую досаду. А как тутошние их люди где будут старшие, то они против прав своих учнут исправлятца. И сей статье царское величество пожаловал велел быть по их челобитью. А быти б урядником в городех войтам, бурмистром, райцам, лавником, и доходы всякие денежные и хлебные збирать на царское величество и отдавать в его государеву казну тем людем, которых царское величество пришлет. Да тем же присланным людем, кого для тое зборные казны царское величество пришлет, и над теми зборщиками смотреть, чтоб делали правду.

2. Писарю войсковому, чтоб по милости царского величества 1000 золотых польских для подписков давать, а на судей войсковых по 300 золотых польских, а на писаря судейского по 100 золотых польских, на писаря да на хоружего полкового по 50 золотых, на хоружего сотнитцкого 30 золотых, на бунчужного гетманского 50 золотых. Царское величество пожаловал велел быть по их челобитью, а давать те деньги ис тамошних доходов.

3. На писаря, и на судей войсковых на 2 человека, и на всякого полковника, и на ясаулов войсковых и полковых чтоб по мельнице было для прокормленья, что расход имеют великой. Царское величество пожаловал велел быть по их челобитью.

4. На поделку наряду войскового, и на пушкарей, и на всех работных людей, которые у наряду бывають, чтоб царское величество пожаловал изволил учинить свое царское милостивое призренье, как в зиму, так и о стагах, також де на обозного арматного 400 золотых, а на хоружего арматного 50 золотых. Царское величество пожаловал велел давать ис тамошних доходов.

5. Послы, которые издавна к Войску Запорожскому приходят из чюжих краев, чтоб гетману и Войску Запорожскому, которые к добру были, вольно принять, а только чтоб имело быть противно царского величества, то должны они царскому величеству извещати.

По сей статье царское величество указал: послов о добрых делех принимать и отпускать. А о каких делех приходили и с чем отпущены будут, о том писать к царскому величеству подлинно и вскоре. А которые послы присланы от кого будут царскому величеству с противным делом, и тех послов и посланников задерживать в Войске и писать об них о указе к царскому величеству вскоре ж, а без указу царского величества назад их не

отпускать. А с турским салтаном и с польским королем без указа царского величества не ссылатца.

6. О митрополите киевском посланником изустной наказ дан. А в речах посланники били челом, чтоб царское величество пожаловал велел дать на его маестности свою государскую жаловальную грамоту. Царское величество пожаловал: митрополиту и всем духовного чину людем на маестности их, которыми они ныне владеют, свою государскую жаловальную грамоту дать велел.

7. Чтоб царское величество изволил рать свою вскоре прямо к Смоленску послать, не отсрочивая ничего, чтоб неприятель не мог исправитца и с ыными совокупитися, для того что войска ныне принужены, чтоб никакой их лести не верили, естли б они имели в чем делать. Царское величество изволил на неприятеля своего, на польского короля, итти сам, и бояр, и воевод послать со многими ратьми по просухе, как конские кормы учнут быть.

8. Чтобы наемного люду zde по рубежу от ляхов для всякого безстрашия с 3000 или, как воля царского величества будет, хотя и больши.

Царского величества ратные люди всегда на рубеже для Украины обереганья ест и вперед стоять учнут.

9. Обычай тот бывал, что всегда Войску Запорожскому платили. Бьют челом и ныне царскому величеству, чтоб на полковника по 100 ефимков, на ясаулов полковых по 200 золотых, на ясаулов войсковых по 400 золотых, на сотников по 100 золотых, на казаков по 30 золотых польских давать.

И в прошлых годех присылал к царскому величеству гетман Богдан Хмельницкий и все Войско Запорожское и били челом многижды, чтоб его царское величество их пожаловал, для православные христианские веры и святых божиих церквей за них вступился, и принял их под свою государеву высокую руку, и на неприятелей их учинил им помочь. И великому государю нашему его царскому величеству в то время под свою государеву высокую руку принять была вас не мочно, потому что у его царского величества с короли польскими и великими князи литовскими было вечное докончанье. А что с их королевские стороны; царского величества отцу, блаженные памяти великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии самодержцу и многих государств государю и обладателю, и деду его государеву, блаженные памяти великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю московскому и всеа Русии, и великому государю нашему царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии самодержцу его царскому величеству учинились многие

безчестья и укоризны. И о том по королевским грамотам, и по соймовому уложению, и по констытуции, и по посольским договорам царское величество ожидал исправленья. А гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское хотел с королем польским помирить через своих государевых великих послов тем способом: буде Ян Казимер король учинит с ними мир по Зборовскому договору, и на православную христианскую веру гонения чинить не учнет, и униятов всех выведет, и царское величество винным людем, которые за его государскую честь довелись смертные казни, вины их хотел отдать. И о том посылал к Яну Казимеру королю своих государевых великих и полномочных послов, боярина и наместника великопермского князя Бориса Александровича Репнина-Оболенского с товарищи. И те царского величества великие и полномочные послы о том миру и о поступках королю и паном раде говорили всякими мерами. И Ян Казимер король и паны рада ни на которую меру не сошли, и то великое дело поставили ни во что, и тех царского величества великих и полномочных послов отпустили без дела. И великий государь наш его царское величество, видя такие с королевские стороны многие неисправленья, и грубости, и неправды и хотя православную христианскую веру и всех православных христиан от гонителей и хотящих церкви божия разорити и веру христианскую искоренити от латын оборонити, под свою государеву высокую руку вас принял. А для вашей обороны собрал русские, и немецкие, и татарские рати многие. Идет сам великий государь наш его царское величество на неприятелей христианских и бояр своих, и воевод шлет со многими ратьми. И на тот ратной строй по его государеву указу роздана его государева казна многая. И ныне им, посланником, о жалованье на Войско Запорожское говорить, видя такую царского величества милость и к ним оборону, не довелось. А как был у гетмана у Богдана Хмельницкого государев ближней боярин и наместник тверской Василей Васильевич Бутурлин с товарищи, и гетман говорил с ними в розговорах о числе Войска Запорожского, чтоб учинить 60 000. А хотя б де того числа было и больши, и государю де в том убытка не будет, потому что они жалованья у государя просить не учнут. Да и им, Самойлу и Павлу, и иным людем, которые в то время при гетмане были, про то ведомо ж. А что в Малой Росии в городех и местех каких доходов, и про то царскому величеству не ведомо, и великий государь наш его царское величество посылает доходы описать дворян. А как те царского величества дворяня доходы всякие опишут и сметят, и в то время о жалованье на Войско Запорожское по розсмотренью царского величества и указ будет. А ныне царское величество, жалуя гетмана и все Войско Запорожское, хочет послать своего государева жалова-

нья по давным обычаям предков своих, великих государей царей и великих князей российских, гетману и всему Войску Запорожскому золотыми.

10. Крымская орда если бы имела вкинуться, тогда от Астарахани и от Казани надобно на них наступити. Тако ж де и донским казаком готовым быть, а ныне ещо в братстве дать сроку и их не задирать.

Царского величества указ и повеленье на Дон к козаком послано: буде крымские люди задору никакова не учинят, и на них ходить и задору чинить не велено. А будет крымцы задор учинят, и в то время царское величество укажет над ними промысл чинить.

11. Кодак город на рубеже от Крыму, в котором гетман всегда по 400 человек держит и кормы всякие им дает, чтоб и ныне царское величество пожаловал кормами и порохом, к наряду изволил постройте. Также и на тех, которые за порогами коша берегут, чтоб царское величество милость свою изволил показать: понеже нельзя его самого без людей оставлять.

О той статье царского величества милостивой указ будет вперед, как про то ведомо будет, по скольку каких запасов в те места посылывано и сколько будет доходов в зборе на царское величество

А что в письме ж в вашем написано: как великий государь наш его царское величество гетмана Богдана Хмельнитцкого и все Войско Запорожское пожалует свои государские грамоты на вольности ваши дать велит, тогда вы смотр меж собою учините, хто будет казак или мужик, а чтоб число Войска Запорожского было 60 000. И великий государь наш его царское величество на то изволил им, числу списковым казаком быть велел. И как вы, посланники, будете у гетмана у Богдана Хмельнитцкого, и вы б ему сказали, чтоб он велел казаков разобрать вскоре и список им учинил. Да тот список за своею рукою прислал к царскому величеству вскоре.

Цит по кн.: Воссоединение Украины с Россией: док. и материалы: в 3 т. – Т. 3. – М., 1953. – С. 560 – 565.

1654 г. марта 27. –

Жалованная грамота царя Алексея Михайловича гетману Богдану Хмельницкому и всему Войску Запорожскому о сохранении их прав и вольностей

Божию милостию мы, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великий и Малый Росии самодержец (п. т.), пожало-

вали есмя наших царского величества подданных Богдана Хмельницкого, гетмана Войска Запорожского, и писаря Ивана Выговского, и судей войсковых, и полковников, и ясаулов, и сотников, и все Войско Запорожское, что в нынешнем ... году как по милости божий учинились под нашею государскою высокою рукою он, гетман Богдан Хмельницкой, и все Войско Запорожское и веру нам, великому государю, и нашим государским детем, и наследником на вечное подданство учинили. И в марте месяце присылали к нам, великому государю к нашему царскому величеству, он, гетман Богдан Хмельницкой, и все Войско Запорожское посланников своих Самойла Богданова, судью войскового, да Павла Тетерю, полковника переяславского. А в листу своем к нам, великому государю к нашему царскому величеству, гетман писал, и посланники ево били челом, чтоб нам, великому государю, его, гетмана Богдана Хмельницкого, и все Войско Запорожское пожаловати велети прежние их права и вольности войсковые, как издавна бывали при великих князьях русских и при королях польских, что суживались и вольности свои имели в добрах и в судах, и чтоб в те их войсковые суды никто не вступался, но от своих бы старших судились, цодтвердити. И прежних бы их прав, каковы даны духовного и мирского чину людем от великих князей русских и от королей польских, не нарушить, и на те б их права дати нашу государскую жаловальную грамоту, за нашею государскою печатью. И чтоб число Войска Запорожского списковое учинить 60 000, а было б то число всегда полно. А будет судом божиим смерть случитца гетману, и нам бы, великому государю, поволить Войску Запорожскому по прежнему обычаю самим меж себя гетмана обирати. А кого оберут, и про то нам, великому государю, объявляти. {А что на булаву гетманскую дано староство Чигиринское со всеми приналежностями, тому б и ныне мы, великий государь, пожаловали велели при булаве быть}. Именей казацких и земель, которые имеют для пожитку, чтоб у них отнимать не велеть. Так же бы и вдов после казаков остальных дети повольности имели, как деды и отцы их. {Послы, которые издавна приходят к Войску Запорожскому из чюжих земель, чтоб гетману и Войску Запорожскому, которые будут з добрым делом, тех бы принимати поволить. А только б что имело быть противно нашему царскому величеству, о том бы извещал нам, великому государю. }

И мы, великий государь наше царское величество, подданного нашего Богдана Хмельницкого, гетмана Войска Запорожского, и все наше царского величества Войско Запорожское пожаловали велели им быти под нашею царского величества высокою рукою по прежним их правам и привилиям, каковы им даны от королей польских и великих князей литовских, и тех их

прав и вольностей нарушивати ничем не велели, и судитись им велели от своих старших по своим прежним правам, {а наши царского величества бояря и воеводы в те их войсковые суды вступатись не будут}. А число Войска Запорожского указали есмь, по их же челобитью, учинить спискового 60 000, всегда полное. А буде судом Божиим смерть случитца гетману, и мы, великий государь, поволели Войску Запорожскому обирати гетмана по прежним их обычаем самим меж себя. А кого гетмана оберут, и о том писати к нам, великому государю, да тому ж новообранному гетману на подданство и на верность и веру нам, великому государю, учинити, при ком мы, великий государь, укажем, {а при булаве гетманской староству Чигиринскому со всеми его приналежностями, которые преж сего при нем были, указали есмь быти попрежнему}. Также и именей казатцких и земель, которые они имеют для пожитку, отнимати у них и вдов после казаков остальных у детей не велели, а быти им за ними попрежнему. {А буде ис которых пограничных государств учнут приходит в Войско Запорожское к гетману к Богдану Хмельницкому послы о добрых делех, и мы, великий государь, тех послов гетману принимать и отпускать поволели. А ис которых государств, и о каких делех те послы присланы, и с чем отпущены будут, и гетману о том о всем писати к нам, великому государю, вскоре. А буде которые послы от кого присланы будут с каким противным к нам, великому государю, делом, и тех послов в Войске задерживать и писать об них к нам, великому государю, вскоре ж, а без нашего царского величества указу назад их не отпускать. А с турским салтаном и с польским королем без нашего царского величества указу ссылки не держать}. И по нашему царского величества жалованью нашим царского величества подданным Богдану Хмельницкому, гетману Войска Запорожского, и всему нашему царского величества Войску Запорожскому быти под нашею царского величества высокою рукою по своим прежним правам и привилиям и по всем статьям, которые писаны выше сего. И нам, великому государю, и сыну нашему, государю царевичю князю Алексею Алексеевичю, и наследником нашим служить, и прямити, и всякого добра хотети, и на наших государских неприятелей, где наше государское повеленье будет, ходити, и с ними битись, и во всем быти в нашей государской воле и послушанье навеки.

А о которых о иных статьях нам, великому государю нашему царскому величеству, те вышеимянованные посланники, Самойло и Павел, именем Богдана Хмельницкого, гетмана Войска Запорожского, и всего нашего царского величества Войска Запорожского били челом и подали нашим царского величества ближним бояром, боярину и наместнику казанскому князю Алексею Никитичю Трубетцкому, боярину и наместнику

тверскому Василью Васильевичю Бутурлину, окольникему и наместнику коширскому Петру Петровичю Головину, думному диаку Алмазу Иванову, статьи, и мы, великий государь, тех статей выслушали милостиво. И что на которую статью наше царского величества изволение, и то велели подписать под теми ж статьями. Да те статьи с нашим царского величества указом велели дать тем же посланником, Самойлу и Павлу. И хотим его, гетмана Богдана Хмельницкого, и все Войско Запорожское II держать в нашем царского величества милостивом жалованье и в призренье, и им бы на нашу государскую милость быть надежным.

Дана ся наша царского величества жаловальная грамота за нашею государственною печатью в нашем царствующем граде Москве лета от создания миру 7162-го месяца марта 27-го дня.

Цит по кн.: Воссоединение Украины с Россией: док. и материалы: в 3 т. – Т. 3. – М., 1953. – С. 567 – 570.

Учебное издание

ИСТОРИЯ РОССИИ И УКРАИНЫ

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
для студентов специальностей
1-21 03 01 «История»,
1-02 01 02-04 «История. Английский язык»

В двух частях

Часть 1

С древнейших времен до конца XVII века

В двух книгах

Книга вторая

2-е издание

Редактор Т.А. Дарьянова

Дизайн обложки И.С. Васильевой

Подписано в печать 07.09.09. Формат 60x84 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 16,94. Уч.-изд. л. 16,89. Тираж 85. Заказ № 1449.

Издатель и полиграфическое исполнение –
учреждение образования «Полоцкий государственный университет»

ЛИ № 02330/0548568 от 26. 06. 09

ЛП № 02330/0494256 от 27.05.09

211440, г. Новополоцк, ул. Блохина, 29